

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ**

А Л Ь М А Н А Х И

**издательства
„ШИПОВНИКЪ“**

Книга 16.

**С.-НЕТЕРБУРГЪ
1911.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Андерсона и Г. Пойцянского, Вознесенській пр., 53.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Содер жаніе.

- Л. Н. АНДРЕЕВЪ. Сашка Жегулевъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ.
А. М. РЕМИЗОВЪ. Пѣтушокъ. Рассказъ.
Ю. ЖУЛАВСКІЙ. Конецъ Мессіи. Единственный разрѣшенный
авторомъ переводъ Ал. Вознесенского.

Леонидъ Андреевъ.

Сашка Жегуловъ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Л. А н д�еевъ—Сашка Жегулевъ. Право собственности виѣ в Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, *Deutsches Verlagshaus Bong et C-о, по слѣдующему адресу:*
Berlin, Potsdamerstr. 88.

ЧАСТЬ I.

САША ПОГОДИНЪ.

1. Золотая чаша.

Жаждеть любовь утоленія, ищутъ слезы отвѣтныхъ слезъ. И когда тоскуетъ душа великаго народа,—мятется тогда вся жизнь, трепещетъ всякой духъ живой, и чистые сердцемъ идутъ на закланіе.

Такъ было и съ Сашею Погодинымъ, юношою красивымъ и чистымъ: избрала его жизнь на утоленіе страстей и мукъ своихъ, открыла ему сердце для вѣщихъ золовъ, которыхъ не слышать другіе, и жертвенной кровью его до краевъ наполнила золотую чашу. Печальный и нѣжный, любимый всѣми за красоту лица и строгость помысловъ, былъ испить онъ до дна души своей устами жаждущими и умеръ рано, одинокой и страшной смертью умеръ онъ. И былъ онъ похороненъ вмѣстѣ съ злодѣями и убийцами, участъ которыхъ добровольно раздѣлилъ; и нѣть ему имени доброго, и нѣть креста на его безвѣтной могилѣ.

Кто закроетъ глаза убийцѣ? До послѣдняго суда остаются открыты они и смотрѣть въ темноту покорно. Кто осмѣлитъся закрыть глаза Сашкѣ Жегулову?

Но мать жива, и мать зоветъ его:

— Мой нѣжный Саша.

2. Дѣтство Саши.

Того, что называютъ яснымъ дѣтствомъ, кажется, совсѣмъ не было у Саши Погодина. Хотя былъ онъ ребенкомъ, какъ и всѣ, но того особаго чувства покоя, безгрѣшности и веселой бодрости, которое связано съ началомъ жизни, не хранила его память. Казалось, не родился онъ, какъ другіе, а проснулся: заснуль старымъ, грѣшнымъ, утомленнымъ, а проснулся ребенкомъ; и все позабылъ онъ, что было раньше, но чувство тяжелой усталости и невѣдомыхъ тревогъ лежало бременемъ уже на первыхъ отроческихъ дняхъ его. Давно, еще въ Петербургѣ, когда былъ живъ отецъ, подошелъ Саша къ матери и странно серьезнымъ голосомъ пожаловался:

— Ахъ, мамочка, какъ я усталъ, если бы ты знала.

— Набѣгался, вотъ и усталъ,—сказала мать: она видѣла, какъ Саша съ другими дѣтьми только что носился дико по большому казенному двору и визжалъ отъ восторга,—поменьше шалить надо, тогда и не будешь уставать. Смотри, какъ измазался!

— П'ять, я не отъ этого.

— А отчего же?—вотъ смѣшной!

— Такъ. Я такъ усталъ! Какъ же ты не понимаешь: просто такъ.

Тутъ Елена Петровна первый разъ въ жизни, какъ ей показалось, взглянула сыну въ глаза и испугалась: „умреть онъ отъ скарлатины!“—подумала она, такъ какъ въ эту пору особенно боялась для дѣтей скарлатины. Но эпидемія прошла мимо, и вообще Саша былъ совершенно здоровъ, росъ крѣпко и хорошо, какъ и его младшая сестренка, нѣжный и крѣпкій цвѣточекъ на гибкомъ стебелькѣ,—а то темное въ глазахъ, что такъ ее испугало, осталось навсегда и не уходило. Какъ и сестренка, Саша былъ отчаянно и неудержимо смѣшилъ, и отецъ его, генералъ, иногда нарочно пользовался слабостью: вдругъ за чаемъ, когда у Саши полонъ ротъ, скажетъ что-нибудь смѣшное: Саша крѣпится, надуешь щеки, но не хватаетъ силъ—брьзнетъ чаемъ на скатерть и бѣжитъ отсмѣшиваться въ сосѣднюю комнату. Генералъ хохочетъ и дразнитъ, а Елена Петровна всматривается въ глаза вернувшагося Саши и думаетъ: „ну, конечно, онъ будетъ убить на войнѣ“—въ это время Сашу какъ разъ отдали по желанію отца въ кадетскій корпусъ.

И вѣроятно отъ этого вѣчнаго страха, который угнеталъ ее, она не оставила Сашу въ корпусѣ, когда генералъ умеръ отъ паралича сердца, немедленно взяла его; подумавъ же недолго, распродала часть имущества и мебели и уѣхала на жительство въ свой тихій губернскій городъ Н., дорогой ей по воспоминаніямъ: первые три года замужества она провела здѣсь, въ мѣстѣ тогдашняго служенія Погодина. Женщина она была твердая, умная, и ей казалось, что въ мирной и наивной провинціи она вѣрнѣе сохранить сына, нежели въ большомъ, торопливомъ и развращенномъ городѣ.

Пріятный, нисколько не измѣнившійся Н. не обманулъ надеждъ и съ готовностью покрылъ ихъ своей ненарушимой тишиной. Пересталъ быть страшнымъ и Саша: въ своей мирной гимназической одеждѣ, безъ этихъ ужасныхъ погоновъ, онъ сталъ самымъ обыкновеннымъ мальчуганомъ; и отъ души было пріятно смотрѣть на его большой пузатый ранецъ и длинное до пятокъ ватное пальто. Какъ это ни странно, но, кажется, ни одна гадалка, ни одинъ прорицатель не могли бы такъ успокоить Елену Петровну, какъ это длинное не просту, ватное, точно накрахмаленное пальто; взглянуть изъ окна, какъ плетется Саша по немощеной улицѣ, еле двигаетъ глубокими галошами, подгибая ватные твердые фалды, и улыбнется:

— А я-то боялась... Какіе же могутъ быть ужасы? Вотъ бы посмогрѣть генералъ!

Теперь ей казалось, будто и генералъ—какъ она и послѣ смерти называла мужа—раздѣлялъ ея страхи, хотя въ дѣйствительности онъ не дослушалъ ни одной ея фразы, которая начиналась словами: я боюсь, генералъ...

— А ты не бойся! — говорилъ онъ строго и отбивалъ охоту къ тѣмъ смутнымъ, женскимъ изліяніямъ, въ которыхъ страхъ и есть главное очарованіе и радость.

Были и еще минуты радостнаго покоя, тихой увѣренности, что жизнь пройдетъ хорошо, и никакіе ужасы не коснутся любимаго сердца: это когда Саша и сестренка Линичка ссорились изъ-за переводныхъ картинокъ или вопроса, большой дождь былъ или маленький, и бываютъ ли дожди больше этого. Слыша за перегородкой ихъ взволнованные голоса, мать тихо улыбалась и молилась какъ будто не вполнѣ въ соотвѣтствіи съ моментомъ: Господи, сдѣлай, чтобы всегда было такъ!

Но ссорились дѣти очень рѣдко, были нѣжно влюблены другъ въ друга, цѣлые дни проводили въ тихой влюбленности. Когдато сильная любовь отца и матери вторично переживала себя въ нихъ—но уже лишенная материальности, ставшая лишь отзвукомъ отдаленнымъ, прекраснымъ и чистымъ. И такъ странно перемѣшались черты: Линичка всѣмъ виѣшнимъ обликомъ своимъ и характеромъ повторяла отца-генерала; крѣпкая, толстенькая, съ румянымъ, круглымъ, веселю-возбужденнымъ лицомъ и сильнымъ, командирскимъ голосомъ—была она вспыльчива, добра, въ страстяхъ своихъ неудержима, въ любви требовательна и ясна. Если она плакала, то это не были тихія слезы въ уголкѣ, а громкій на весь домъ, побѣдоносный ревъ; и умолкала сразу и сразу же переходила въ тихую, но неудержимо страстную лирику или въ отчаянно веселый смѣхъ. Была ли она радостна, гнѣвна или печальна—объ этомъ знали всѣ. Но у генерала, на котораго она такъ походила, при всѣхъ его достоинствахъ, не было никакихъ талантовъ—Линичка же вся была прожжена, какъ огнемъ, яркой и смѣлой талантливостью. Возьметъ въ толстенькие, короткіе пальчики карандашъ—бумага оживаетъ и смѣется; положить тѣ же коротенькие пальчики на клавиши: старый рояль съ пожелтѣвшими зубами вдругъ помолодѣлъ, поетъ, весело завирается; а то сама выдумаетъ страшную сказку, сочинить веселый анекдотъ.

Рядомъ съ нею молчаливый Саша казался непримѣтнымъ и даже блѣднымъ. Лицомъ своимъ онъ и дѣйствительно былъ блѣденъ и смуглъ, этимъ, какъ и всѣмъ остальнымъ, походя на Елену Петровну: по матери своей Елена Петровна была гречанкой, лицо имѣла смуглое и тонкое, глаза большіе, темные, иконописные—точно обведен-

ные перегорѣвшимъ, но еще горячимъ, коричнево-чернымъ тепломъ. Такіе же глаза были и у Саша, а смуглостью своею онъ удивлялъ даже и мать: лицо еще терпимо, а начнетъ мѣнять рубашку — смотрѣть смѣшно и странно, точно и не сынъ, а совсѣмъ чужой и далекій человѣкъ. Удивляло это; а что еще удивляло и даже до глубины души огорчало Елену Петровну — это полное, казалось, отсутствіе талантливости, прискорбное сходство съ генераломъ. Первое время ихней жизни въ Н., когда Елена Петровна всѣми силами стремилась установить въ своей жизни культуру красоты, эта Сашина бездарность казалась ей ужаснымъ горемъ, даже оскорбляла ее, точно ее самое лишили талантовъ или сказали, что она въ своей талантливости ошибается и нѣтъ ея совсѣмъ.

— Ахъ, Саша, хоть бы у тебя слухъ былъ, а то и слуха нѣть! — несправедливо упрекала она сына и, чувствуя несправедливость, еще увеличивала ее: смотри, какъ играетъ Линичка.

А Линичка всплескивала руками и въ бурномъ отчаяніи стонала:

— Да и не говори же, родная моя мамочка! — у него слуху какъ у этой тумбы, нѣть на копѣйку. Учу я его, учу, а онъ даже собачьяго вальса не знаетъ!

— Собачій вальсъ я знаю, — серьезно говорилъ Саша, не поднимая темныхъ, жутко обведенныхъ глазъ.

— Сашка! — не зли меня, пожалуйста; подь твой вальсъ ни одна собака танцевать не станетъ! — волновалась Линичка и вдругъ все свое негодованіе и страсть переносила на мать: только ты напрасно, мама, ругаешь Сашеньку, это ужасно — онъ любить музыку, онъ только самъ не можетъ, а когда ты играешь эту твою тренди-брэнди, онъ тебя слушаетъ такъ, какъ будто ты ангельскій хоръ! Мнѣ даже смѣшно, а онъ слушаетъ. Ты еще такого слушателя поищи! За такого слушателя ты Бога благодарить должна!

— Ну, понесла! — радовалась упрекамъ Елена Петровна, чуть-чуть краснѣя отъ удовольствія. При всѣхъ своихъ талантахъ она сама была въ музыкѣ горестно бездарна, и за всю свою жизнъ только и научилась играть, что „тренди-брэнди“ — случайный, переиначенный отрывокъ изъ невѣдомой пьесы, коротенькую вещицу, наивную и трогательную, какъ дѣтскій первый сонъ. И то, что этотъ странный Саша такъ любить эту вещицу, постоянно требуетъ ее, льстило ей, а въ непріятательности звуковъ заставляло угадывать какой-то новый смыслъ, непонятную значительность. А для обреченнаго Саша, когда вступилъ онъ въ чреду страшныхъ событій и позналъ ужасъ одиночества, эта пьеска стала какъ бы молитвой, источникомъ чистой печали, тихой скорби о навѣки утраченномъ.

Но какъ видить глазъ сперва то, что на солнцѣ, а потомъ съ изумлениемъ и радостью обрѣтаетъ въ тѣни сокровище и кладъ,—такъ и Линочкина яркая талантливость только при первомъ знакомствѣ и на первые часы дѣлала Сашу непримѣтнымъ. И мѣнялось все съ той именно минуты, какъ увидеть человѣкъ Сашинъ глаза—тогда вдругъ и голосъ его услышитъ, а то и голоса не слыхалъ, и почувствуетъ особую значительность самыхъ простыхъ словъ его, и вдругъ неожиданно заключить: а что такое талантъ?—да и нуженъ ли талантъ? Но неохотно открывалъ Саша свой взглядъ, какъ будто зналъ важность и святость хранящейся въ немъ тайны, обычно смотрѣлъ внизъ, на столъ или на руки. Эту его особенность хорошо знала Елена Петровна и въ материнской гордости, чтобы не дать гостю несправедливо подумать о Сашѣ, заставляла его взглянуть широко и прямо.

Вдругъ неожиданно спрашивала:

— Голова не болить у тебя, Сашенька?

Знала, что послѣ этого неожиданнаго и нелѣпаго-таки вопроса Саша непремѣнно взглянетъ широко открытыми глазами, нѣсколько секундъ будетъ смотрѣть удивленно, а потомъ открыто и ясно улыбнется:

— Отчего же ей болѣть?—нѣть, не болить.

И знала, что послѣ этого взгляда и улыбки гость обязательно подумаетъ: „какой у нея хороший сынъ!“, а вскорѣ, уйдя изъ-подъ Линочкиныхъ чаръ, подсядеть къ Сашѣ и начнетъ его допытывать, и не допытаетъ ничего, и за это еще больше полюбить Сашу, и, уходя, уже въ прихожей, непремѣнно скажетъ Еленѣ Петровнѣ:

— Какія у васъ хорошия дѣти, Елена Петровна!

— Да, славные ребятки!—спокойно отвѣтить она и нарочно запустить сухую, но ласковую руку въ Линочкины русыя кудряшки, прижметъ къ себѣ ея горячую, красную щеку; и этимъ мнимымъ не-пониманіемъ окончательно добьетъ провинившагося и жалкаго гостя. Но Линочка и сама раздѣляетъ чувство матери и, ласкаясь, смотрѣть на глупаго гостя съ явной насмѣшкой и страстно думаетъ: „вотъ дуракъ!“ А потомъ, прощаясь съ братомъ на ночь, шепчеть ему громкимъ на весь домъ шепотомъ:

— Она тобою гордится!—и еще громче:—я тоже!

„Она“ между дѣтьми называлась мать, а покойный и наполовину забытый отецъ назывался, по примѣру матери, „генераломъ“.

3. Наставникъ мудрый.

Взаимной влюблённости дѣтей, какъ и проявленію въ нихъ всего добра, очень помогала та жизнь, которую съ первыхъ же дней пребыванія въ Н. устроила Елена Петровна. Труднѣе всего вначалѣ было найти въ городѣ хорошую квартиру, и цѣлый годъ были неудачи, пока черезъ знакомыхъ не попалось сокровище: особнячекъ въ пять комнатъ въ огромномъ многодесятиншомъ саду, чуть ли не паркѣ: липы въ петербургскомъ Лѣтнемъ саду вспоминались съ ироніей, когда надъ самой головой раскидывались мощные шатры такой зеленой глубины и непроницаемости, что невольно вспоминалась только что выученная исторія о патріархѣ Авраамѣ: какъ встрѣчаетъ подъ дубомъ Господа.

А въ осенія, темныя ночи ихъ ровный гулъ наполняль всю землю и давалъ чувство такой шири, словно стѣнъ не было совсѣмъ и отъ самой постели, въ темнотѣ, начиналась огромная Россія. Даже Линичка въ такія ночи не сразу засыпала и, громко жалуясь на безсонницу, вздыхала, а Саша, приходилось, слушать до тѣхъ поръ, пока вмѣсто сна не являлось къ нему другое, чудеснѣйшее: будто его тѣло совсѣмъ исчезло, растаяло, а душа растетъ вмѣстѣ съ гуломъ, ширится, плыветь надъ темными вершинами и покрываетъ всю землю, и эта земля есть Россія. И приходило тогда чувство такого великаго покоя и необъятнаго счастья и неизъяснимой печали, что обычный сонъ съ его нелѣпыми грезами, досаднымъ повтореніемъ крохотнаго дня, казался утомленіемъ и скучой.

Первое время петербургскія дѣти боялись сада, не рѣшались заходить въ глубину; и особенно пугала ихъ нѣкая недоконченная постройка въ саду, кирпичный оставъ, пустоглазый покойникъ, который не то еще не жилъ совсѣмъ, не то давно умеръ, но не уходитъ. Весь онъ проросъ бурьяномъ, крапивой и красными цвѣтами, а въ одной изъ беззащитныхъ комнатъ, гдѣ должны были жить люди, спокойно зеленѣла березка — хоронила кого-то. Но прошло время, и къ саду привыкли, полюбили его крѣпко, узнали каждый уголъ, глухую заросль, таинственную тѣнь; но удивительно! — отъ того, что узнавали, не терялась таинственность и страхъ не проходилъ, только вмѣсто боли стала радостью: страшно—значить хорошо. И у каждого изъ дѣтей уже появилось свое любимое тихое мѣстечко, недоступное и защищенное, какъ крѣпость; только у дѣвочки Линички ея крѣпости шли по низамъ, подъ кустами, а у мальчика Саши по деревьямъ, за высотѣ, въ уютныхъ извиахъ толстыхъ вѣтвей. Ходили другъ къ другу въ гости, и Линичка ужасалась.

По чёмъ бы ни задумывались дѣти, какими бы волненіями ни волновались, — начала всѣхъ мыслей и всѣхъ волненій брались въ саду, и тамъ же терялись концы: точно наставникъ мудрый, источающій знаніе глубокими морщинами и многодумнымъ взоромъ, училъ онъ дѣтей молчаніемъ и строгостью вида. Безъ него, пожалуй, не узналъ бы Саша такъ хорошо, ни что такое Россія, ни что такое дорога съ ея чудеснымъ очарованіемъ и маящей далъю. И если Россію онъ почувствовалъ въ ночномъ гулѣ мощныхъ деревъ, то и къ откровенію дороги привелъ все тотъ же садъ, привелъ неумысленно, играя, какъ дѣлаютъ мудрые: просто взлѣзъ однажды Саша на заборъ въ дальнемъ углу, куда никогда еще не ходилъ, и вдругъ увидѣлъ — дорогу. Двѣ стѣны ветхаго забора и свѣсившихся деревъ, а посерединѣ двѣ теплыя, пыльныя, пробитыя въ ползучей травѣ колеи идутъ далеко, зовутъ съ собою. И никого живого — типина въ глухой уличкѣ: то ли уже проѣхалъ, то ли еще проѣдетъ. И какъ Саша ни старался, такъ и не удалось ему поймать невѣдомаго, который проѣзжаетъ, оставляя двѣ теплыя колеи; когда ни взлѣзаетъ на заборъ, — на уличкѣ пусто, типина, а колеи горятъ: то ли уже проѣхалъ, то ли еще проѣдетъ. Такъ и не увидалъ невѣдомаго и оттого свято повѣрилъ въ дорогу, душою принялъ ея пѣмой призывъ и впослѣдствіи, когда развернулись передъ Сашей всѣ тихіе проселки, неторопливые большаки и стремительныя шоссе, сверкающія бѣлизною, то уже знала душа ихъ печальную сладость и радовалась какъ бы возвращенному.

Радовалась саду и Елена Петровна, но не умѣла по возрасту оцѣнить его тайную силу и думала главнымъ образомъ о пользѣ для здоровья дѣтей; для души же ихней своими руками захотѣла создать красоту, которой такъ болѣно не хватало въ прежней жизни съ генераломъ. Начала съ утвержденія, что красота есть чистота — и что же она дѣлала для чистоты! Знала она, что всѣ дѣти любятъ грязь и прямо, какъ умная, съ грѣшной страстью не боролась, но мыла дѣтей немилосердно, шлифовала ихъ, какъ алмазы и таки пріучила: самостоятельно два раза утромъ и вечеромъ вытиратъся холодной водой, — уже они и сами не могли безъ этого обходиться. И, не любя животныхъ, кошку даже съ котятами терпѣла только за то, что она всегда чиста и умывается. Говорила:

— Смотри Линочки! — съ Линочкой ей было много труда, — смотри: и гдѣ только сегодня она не была, сейчасъ послѣ дождя бѣжала по двору, а какая чистая! Оттого, что умывается.

А кошка съ темными прошлымъ мерцала загадочно желтыми

глазами, жила еще въ прошломъ; по вдругъ опомнилась и начала свой длительный и приятный обрядъ.

И всю квартиру свою Елена Петровна привела къ той же стро-жайшой чистотѣ, сдѣлала ее первымъ закономъ новой жизни; и все радовалась, что нѣть денщиковъ, съ которыми никакая чистота невозможна. Потомъ занялась красотою вещей. Со вкусомъ, составлявшимъ неразрѣшимую загадку для захолустнаго Н., вдругъ измѣнила обычный обликъ всѣхъ предметовъ, словно надышала въ нихъ кра-сотою; нарушила древнія соотношенія, и тамъ, гдѣ человѣкъ наслѣд-ственно привыкъ натыкаться на стулъ, оставила радостную пустоту. Сама расшила занавѣсы на окнахъ и дверяхъ, подобрала у оконъ цвѣты, протянула по стѣнамъ крашеную холстину—что-то зажелтѣло, какъ солнечный лучъ, а тамъ ушло въ мягкую синеву, прорвалось краснымъ и радостно ослѣпило. Наружу зима, а въ комнатахъ весна и осень, цвѣты цвѣтутъ, и на блестящемъ полу, золотыхъ пятнахъ солнечныхъ, хочется играть, какъ котенку.

И всѣмъ, кто видѣлъ, нравилось жилище Погодиныхъ; для дѣ-тей же оно было родное, и оттого еще красивѣе, еще дороже. И если старый садъ училъ ихъ Божьей мудрости, то въ красотѣ окружаю-щаго прозрѣвали они, начинающіе жить, великую разгадку человѣ-ческой трудной жизни, далекую цѣль мучительныхъ скитаній по пу-сынѣ. Такъ по-своему боролась съ Богомъ Елена Петровна. Но одного все же не предусмотрѣла умная Елена Петровна: что наступить зага-доочный день, и равнодушно отвернутся отъ красоты загадочная дѣти, про克лянутъ чистоту и благополучіе, и нѣжное, чистое тѣло свое отда-дуть всечеловѣческой грязи, страданію и смерти.

Было одно неудобство, немного портившее квартиру: ея отда-ленность отъ центра и то, что въ гимназію дѣтямъ путь лежалъ черезъ грязную площадь, на которой по средамъ и пятницамъ раскидывался базарь, набѣжали мужики съ сѣномъ и лыками, пьянствовали по трактирамъ и безобразничали. Трактирами же была усажена площадь, какъ частоколомъ, а по серединѣ гнила мутная сажалка, по которой испоконъ вѣку плавали запуганные утка и селезень съ обгрызаннымъ хвостомъ: и если развѣненное сѣно и соломинки и давали видъ нѣко-торой домовитости, то отъ конской мочи и всякихъ нечистотъ щипало глаза въ безвѣтренный день. Линочка, въ первый разъ пройдя по площади, сразу возненавидѣла мужиковъ, Саша же отнесся съ край-нимъ любопытствомъ, хотя и испугался немногого и задышалъ чаще. Но скоро привыкъ и что-то даже понравилось: запахъ ли дегтя или даже конской мочи, окладистыя ли бороды, полуушубки, пьяная пѣсни—онъ и самъ не зналъ. Одно онъ видѣлъ: они были совсѣмъ другіе,

чъмъ всѣ, какъ будто изъ другого царства, и это и есть ихъ главный и огромный интересъ. Очень возможно, что тутъ была обычна романтика ребенка, много читавшаго о путешествияхъ; но возможно и другое, болѣе похожее на страннаго Сашу: тотъ старый и утомленный, который заснулъ крѣпко и безпамятно, чтобы проснуться ребенкомъ Сашей, увидѣлъ свое и родное въ загадочныхъ мужикахъ и возвысилъ свой темный, глухой и грозный голосъ. Его и услышалъ Саша.

По воскресеньямъ Елена Петровна ходила съ дѣтьми въ ближайшую кладбищенскую церковь Ивана Крестителя. И Линочка бывала въ бѣленъкомъ платьѣ, очень хорошенъкая, а Саша въ гимназическомъ—черный, тоненький, воспитанный; торжествомъ было для матери провести по народу такихъ дѣтишекъ. И особенно блестѣла у Саши мѣдная бляха пояса: по утрамъ передъ церковью самъ чистилъ толченымъ углемъ и зубнымъ порошкомъ.

Нищенки-старухи у кладбищенскихъ бѣлыхъ воротъ относились къ Еленѣ Петровнѣ враждебно и звали ее между собой: „генеральшато!“. Но когда показывалась она съ дѣтьми, то высыпали ей на встрѣчу и пѣли лъстивыми голосами:

— Матушка! Дѣточки-то! И дастъ же Господь! Матушка!..

Отъ знакомствъ Елена Петровна уклонялась: отъ своего круга отошла съ умысломъ, а съ обывателями дружить не имѣла охоты, боялась пустяковъ и сплетенъ; да и горда была. Но тѣ немногіе, кто бывалъ у нея и видѣлъ, съ какимъ упорствомъ строить она краси- вую и чистую жизнь для своихъ дѣтей, удивлялись ея характеру и молодой страстности, что вносить она въ уже отходящіе дни; смутно догадывались, что въ прошломъ не была она счастлива и свободна въ желаніяхъ.

Но даже и дѣти не знали, что задолго до ихъ рожденія, въ первую пору своего замужества, она пережила тяжелую, страшную и не совсѣмъ обычную драму, и что сынъ Саша не есть ея первый и старшій сынъ, какимъ себя считалъ. И ужъ никакъ не предполагали они, что городъ Н. дорогъ матери не по радостнымъ воспоминаніямъ, а по той печали и страданію, что испытала она въ безнадежности тогдашняго своего положенія.

Это было за семь лѣтъ до Саши, и генералъ тогда сильно и безобразно пилъ — даже до безпамятства и жестокихъ, совершенно безсмысленныхъ поступковъ, не разъ приводившихъ его на край уголовщины; и случилось такъ, что пьяный онъ толкнулъ въ животъ Елену Петровну, бывшую тогда на седьмомъ мѣсяцѣ беременности, и она скинула мертваго ребенка, первенца, для котораго уже и имя

мысленно имѣла: Алексѣй. И хотя Погодинъ и увѣрялъ, что уда-
рилъ нечаянно—и, кажется, это была правда—оскорбленая женщина
рѣшительно отказалась отъ дѣтей и всякой близости съ мужемъ, пока
онъ совсѣмъ и навсегда не бросить пить. Цѣлый годъ генералъ вы-
держивалъ пытку и жилъ съ женой въ одномъ домѣ, но какъ посто-
ронній; потомъ на три года разъѣхался съ Еленой Петровной и всѣ
три года отчаянно пилъ и путался съ женщинами. И снова поселился
съ женой, пробуя обмануть ее, и снова разъѣхался—пока, наконецъ,
поблѣднѣвшій отъ злобы и неутолимой любви, не расплакался у ея
ногъ и не далъ страшной клятвы, обѣта трезвости.

И вторично стала женой его Елена Петровна, и родила ему Сашу,
а черезъ полтора года и Линьку; и даже не знали дѣти, что отецъ
ихъ пилъ когда-нибудь. Твердо держалъ свою клятву генералъ, но
уже незадолго до смерти, послѣ одного изъ страшныхъ своихъ сер-
дечныхъ припадковъ, вдругъ прохрипѣлъ женѣ:

— Ты думаешь, я для тебя не пью? Ну такъ знай же, что я
тебя ненавижу и проклинаю... извергъ! Убить тебя мало за то, что
ты мнѣ сдѣлала.

Но тутъ поняла и она, что нѣтъ и у нея прощенія и не будетъ
никогда — и сама смерть не покроетъ оскорбленія, нанесеннаго ея
чистому, материнскому лону. И только Саша, мальчикъ ея, въ одну
эту минуту жестокаго сознанія возросъ до степени высочайшей,
стать сокровищемъ воистину неоцѣненнымъ и въ мірѣ единствен-
нымъ. „Въ немъ прощу я отца“, — подумала она, но мужу ничего не
сказала.

Съ тѣмъ и умеръ генералъ. И ничего не знали дѣти.

4. Дѣти растутъ.

Года три жила Елена Петровна спокойно и радостно и уже не
престала находить въ Сашѣ то особенное и страшное; и когда первую
въ чредѣ великихъ событій, потрясшихъ Россію, вспыхнула Япон-
ская война, то не поняла предвѣстія и только подумала: „вотъ и хо-
рошо, что я взяла Сашу изъ корпуса“. И многія матери въ ту минуту
подумали не больше этого, а то и меньше.

Но уже близилось страшное для матерей. Когда появились пер-
вые подробныя извѣстія о гибели „Варяга“, прочла и Елена Петровна
и заплакала: нельзя было читать безъ слезъ, какъ возвыщенно и
красиво умирали люди и какъ сторонніе зрители, французы, рукоп-
лескали имъ и русскимъ гимномъ провожали ихъ на смерть; и эти

герои были наши, русские. „Прочту Сапгъ, пусть и онъ узнаетъ“ — подумала мать наставительно и спрятала листокъ. Но Саша и самъ прочелъ.

— Отчего ты такой блѣдный, Сашенька? Усталъ въ гимназіи?

— Усталъ.

— Тебѣ не хочется говорить? А я думала прочесть тебѣ про „Варяга“.

— Мы уже читали.

Она не разслышала слова „мы“ и видѣла только хмурую блѣдность, вдругъ замѣтила, что обводъ глазъ сталъ словно чернѣе и сами глаза глубже. И не успѣла еще осмыслить замѣченаго, какъ поднялъ Саша эти самые свои пугающіе глаза и строго сказалъ:

— Ты не имѣла права. Зачѣмъ ты взяла меня изъ корпуса? Ты не имѣла права. Отецъ не позволилъ бы братъ, если бы не умеръ.

Она чуть не закричала, но сдержалась и сухо, избѣгая взгляда, сказала:

— Тебѣ четырнадцать лѣтъ! Этого слишкомъ еще мало, чтобы судить о поступкахъ матери. И ты самъ никогда не хотѣлъ военной службы.

— Ты не имѣла права. Люди тамъ умираютъ, а ты меня бережешь. Ты не имѣешь права меня беречь.

— Саша!

Но онъ не сталъ говорить и ушелъ въ садъ, на узенькую дорожку въ снѣгу, которую прочистилъ самъ; и ходилъ до самыхъ синихъ сумерекъ ранняго зимняго заката. Если бы онъ заплакалъ, знала бы, какъ поступить, чтобы утишить дѣтское горе, но страданіе молчаливое и сдержанное дѣлало ее безсильною и пугало: слишкомъ много чувствовалось въ немъ непонятной мужской силы. „Говорить такое, а самъ и не волнуется какъ будто“ — подумала Елена Петровна про Сашинь жуткие глаза. Но когда подоша къ зеркалу, чтобы оправиться, какъ по женской своей привычкѣ дѣлала послѣ каждого сильнаго волненія, то увидѣла, что и она по внѣшности совсѣмъ спокойна и даже незачѣмъ оправляться. Долго смотрѣла Елена Петровна на свое отраженіе и многое успѣла передумать: о мужѣ, котораго она до сихъ поръ не простила, о вѣчномъ страхѣ за Сашу и о томъ, что будетъ завтра; но о чемъ бы ни думала она и какъ бы ни колотилось сердце, строгое лицо оставалось спокойнымъ, какъ глубокая вода въ предвечерній сумракъ. Отходя, она провела рукой по гладкимъ волосамъ и рѣшила: это у насъ характеръ такой... что-жъ, я очень рада.

Тяжелый и опасный разговоръ не возобновлялся по тайному со-

глашенію матери и сына, а вскорѣ Елена Петровна и совсѣмъ поза была о холодной и странной вспышкѣ. Къ тому времени съ Дальнего Востока потянуло первымъ холодомъ настоящихъ пораженій, и стало непріятно думать о войнѣ, въ которой нѣть ни яснаго смысла, ни радости побѣдь, и съ легкостью безсознательнаго предательства городокъ вернулся къ прежнему миру и сладкой тишинѣ. Успокоились и городскія дѣти и, хотя по-прежнему играли въ войну, но охотнѣе именовали себя японцами; но увлекались японцами и взрослые, ставили въ примѣръ ихъ отношеніе къ смерти и даже маленькой ростъ.

Какъ-то вечеромъ, уже въ первыхъ числахъ марта, разразилась послѣдняя свирѣпая метель, и голый садъ загудѣлъ напряженно и страстно; казалось, будто весь онъ поднялся на воздухъ и летить стремительно, звеня крылами и тяжело вздыхая обнаженной грудью. Мамы не было дома, она ушла еще послѣ обѣда куда-то въ гости, и Линичка рисовала, когда въ тихую комнатку ея тихо вошелъ Саша и сѣлъ у стола, въ зеленой тѣнни абажура. Та же зеленая тѣнь крыла и Линичкино лицо, дѣлая его худѣе и воздушнѣй; а короткіе пальчики, ярко освѣщенныя и одни кѣль будто живые, проворно и ловко работали карандашемъ и резиной. На Сашу она не взглянула, такъ какъ привыкла къ такимъ посѣщеніямъ, и только черезъ минуту сказала, не поднимая глазъ отъ рисунка:

— Теперь въ лѣсу волки.

— Что-то не хочется читать,—сказалъ Саша.—У тебя въ комнатѣ теплѣе, а у меня снѣгъ бьетъ прямо въ окна.

— Ну и сиди, грѣйся.

Замолчали. Саша слушалъ, какъ въ звонѣ и гулѣ улетаетъ садъ; и странно было, что сквозь его мощный ревъ пробивается тихое уютное поскрипываніе карандаша по бумагѣ—странны и пріятно.

— Лина!

— Ну?

— Ты любишь называть меня греченочкомъ. Пожалуйста, не называй меня такъ, я не хочу быть похожимъ на грека.

— Да родной же мой Сашечка...

Крѣпко потерла резинкой и продолжала:

— Да родной же мой Сашечка! — отчего не называть? Греки бываютъ разные. Ты думаешь только такие, которые небритые и съ кораллами... а Мильтиадъ, напримѣръ? Это очень хорошо, я сама хотѣла бы быть похожей на Мильтиада.

— Нѣть, я не хочу. Я хочу быть похожимъ на русскаго.

— Ну какъ хочешь! Русскій, такъ русскій.

Снова помолчали. Саша сказалъ:

— Байронъ былъ великий поэтъ. Онъ умеръ, сражаясь за свободу грековъ.

— Я знаю,—отвѣтила Линичка, хотя въ первый разъ услыхала, что Байронъ умеръ за свободу. — Не мѣшай, Сашечка, а то навру.

— А она похожа на гречанку.

— Мама?

Вопросъ былъ новъ и интересенъ, и Линичка положила карандашъ. Оба нахмурившись смотрѣли другъ на друга, вспоминая, что видѣли греческаго, но только и могли вспомнить, что гимназическую гипсовую Минерву съ крутымъ подбородкомъ и толстыми губами.

— Нѣтъ, не похожа! — рѣшила Линичка, вздыхая отъ натуги.

Саша улыбнулся въ своей зеленой тѣни:

— А я знаю, на кого она похожа. Сказать? Она похожа на одну бабу съ базара, которая продаетъ селедки, такая закутанная въ платокъ.

— Ну вотъ глупости, напель съ кѣмъ сравнить! Мама такая...— Линичка искала слова, но не нашла: такая... барыня.

— Нѣтъ, правда. Я не могу тебѣ объяснить, по она ужасно, ужасно похожа! Особенно, когда никто не покупаетъ и она сидитъ такъ, сложивъ руки, и совсѣмъ не шевелится, а изъ-подъ платка такие ужасно огромные глаза. Ты не думай, я ее уважаю.

— Погоди, не мѣшай, я припоминаю.

Линичка совсѣмъ спрятала глаза въ брови и полураскрыла ротъ; и вдругъ задохнулась и зловѣщимъ шепотомъ сказала:

— Сашенька! Я нашла!

И все болѣе таинственнымъ шепотомъ, округливъ глаза, шептала:

— Въ нашей церкви... знаешь? — есть на лѣвой сторонѣ картина... знаешь? — и тамъ нарисована одна святая, и ну вотъ! Она похожа на икону!

— Правда? — повѣрилъ Саша.

— Нѣтъ, ты подумай, какъ это страшно: на икону!

Оба испугались. Мама, обыкновенная мама, такой живой человѣкъ, котораго только сейчасъ нѣтъ дома, но вотъ-вотъ онъ придетъ — и вдругъ похожа па икону! Что же это значитъ? И вдругъ она совсѣмъ и не придетъ: заблудится ночью, потеряетъ домъ, пропадетъ въ этомъ ужасномъ спѣгу и будетъ одна звать: — Саша! Линичка! дѣти!...

..... — Куда ты, Саша?

— Встрѣчать маму.

— Иди, иди! Какой вѣтеръ.

— Она сказала, что зайдетъ къ Добровымъ.

— А калоши?

— Я безъ калошъ.

Въ прихожей не было огня, и въ окно смотрѣла вѣчно чуждая людямъ, вѣчно страшная ночь.

— Гдѣ моя фуражка?

— Вотъ. Я держу. Иди, иди!

Послѣ этого страшного вечера, закончившагося однако совсѣмъ благополучно: Елена Петровна уже подъѣзжала къ дому на извозчикѣ и встрѣтила Сашу у самой калитки—связь между дѣтьми и матерью какъ будто еще окрѣпла, а въ обращеніи Сали появилась особая мягкость, сдержанная нѣжность и какое-то своеобразное джентльменство. Словно въ этотъ именно вечеръ сознавъ себя взрослымъ, Саша по-мужски уslуживалъ матери, провожалъ ее по вечерамъ и уже пробовалъ, насилия свой ростъ, вести ее подъ руку. Но дѣлалъ онъ это съ такимъ достоинствомъ, что не пришло въ голову улыбнуться ни Линичкѣ, ничего неестественного не замѣтившѣй, ни самой Еленѣ Петровнѣ. Ходилъ Саша тайно отъ Линички и въ церковь, гдѣ была картина, и напечѣлъ, что сестра права: какое-то сходство существовало; но онъ не долго думалъ надъ этимъ, порѣшивъ съ прямолинейностью чистаго ребенка: „всѣ матери святыя“. Но то, что всегда зпала мать: боязнь утраты — почувствовалъ и Саша, узналъ муку любви, томительность безысходнаго ожиданія, всю крѣпость кровныхъ узъ... Ибо суждено ему было тѣми, кто жилъ до него, поднять на свои молодыя плечи все человѣческое, глубиною страданія освѣтить жестокую тьму. Только тѣ жертвы принимаетъ жизнь, что идутъ отъ сердца чистаго и печальнаго, плодоносно взрыхленаго тяжелымъ плугомъ страданія.

Такъ жили они, троє, по виду спокойно и радостно, и сами вѣрили въ свою радость; къ дѣтямъ ходило много молодого народа, и всѣ любили квартиру съ ея красотою. Нѣкоторые, кажется, только потому и ходили, что очень красиво—какие-то скучные, угреватые подростки, весь вечеръ молча сидѣвшіе въ углу. За это надѣя ними подсмѣвался и Саша, хотя въ разговорѣ съ матерью увѣрялъ, что это очень умные и въ своемъ мѣстѣ даже разговорчивые ребята.

— Чего же они тогда молчатъ? — негодовала Елена Петровна, имѣвшая, какъ и Линичка, среди гимназистовъ своихъ враговъ и друзей.

— Не знаю, боятся, что ли! Ты не сердись на нихъ, мама. Они говорятъ, что только у насъ и видѣть настоящую жизнь.

— Врутъ!—опредѣляла Линичка.—Тимохинъ даже танцевать не

умѣеть, я ему предложила, а онъ смотрить на меня, какъ быкъ сърогами.

— Тимохинъ одинъ у насъ во всемъ классѣ самъ учитсяанглійскому языку, почти уже выучился,—сказалъ Саша.

— Какой англичанинъ!

Но Елена Петровна уже примиряла:

— Конечно, это хорошо, но только какъ же опъ съ произношениемъ?.. И совсѣмъ не надо всѣмъ танцевать, а вѣдь можно же спорить, какъ другіе... Впрочемъ, не знаю, ты ихъ лучше знаешь, Сашенька!

И въ слѣдующій разъ усиленно любезничала съ нелюбимцами, а тѣ отъ этого еще крѣпче замолкали, и она снова негодовала и жаловалась. Но это были пустяки, а въ общемъ всѣ дѣти были такъ хороши, что хотѣлось только глядѣть на нихъ изъ уголка и радоваться. И тѣмъ особенно были они хороши, что не было ни одного лучше Саши: пусть и поютъ и поражаютъ остроуміемъ, а Саша молчитъ; а какъ только заспорятъ, сейчасъ же каждый тянетъ Сашу на свою сторону: ты согласенъ со мною, Погодинъ? И съ кѣмъ Погодинъ согласился, тотъ считаетъ споръ оконченнымъ и только фыркаетъ—точно за Сашинъ тихимъ голосомъ звучать еще тысячи незримыхъ голосовъ и утверждаютъ истину.

Но этому свойству Сашинаго голоса удивлялась и не одна Елена Петровна; и только самъ онъ, кажется, ничего не подозрѣвалъ.

5. С ны.

...Но откуда эта тайная тоска, когда все такъ хорошо и жизнь прекрасна! Не радуется ли утро дню и день вечеру? — и не всегда ли плавутъ облака, и не всегда ли свѣтить солнце и пlesкаться вода? Вдругъ среди веселой игры, безпричиннаго смѣха, живого движенія свѣтлыхъ мыслей — тяжелый вздохъ, смертельная усталость души. Тѣло молодо и юношески крѣпко, а душа скорбитъ, душа устала, душа молитъ объ отдыхѣ, еще не отвѣдавъ работы. Чьимъ же трудомъ она потрудилась?—чьею усталостью она утомилась? Томительные зовы, нѣжные призывы звучатъ непрестанно; зоветъ глубина и ширь, открыла вѣщіе глаза свои пустыня и молитъ: Саша! Ливочка—дѣти! Или спитъ Саша крѣпко, и это ночной гулъ мощныхъ деревъ навѣваетъ ему сны о вѣчной усталости, о вѣчной жизни и безпредѣльной широтѣ?

Открываетъ глаза и видить въ свѣтлѣюще окно: машутъ вѣтви,

и это онъ гонялъ въ комнату тьму, и отъ самой постели тьма и отъ самой постели Россія.

Но зачѣмъ такъ ярки сны? Видитъ Елена Петровна, будто ночью забеспокоилась она о Сашѣ, и въ темнотѣ, босая, пошла къ нему въ комнату и увидѣла, что смятая постель пуста и уже охолодала. Подогнулись ноги, сѣла на постель и тихо позвала:

— Саша!

И откуда-то издалека Саша отвѣтилъ:

— Мама!

Позвала еще:

— Иди сюда, ко мнѣ... Саша!

Но уже не было отвѣта на этотъ зовъ.

Проснулась Елена Петровна и видѣть, что это былъ сонъ и что она у себя на постели, а въ свѣтлѣюще окно машутъ вѣтви, на-гоняютъ тьму. Въ безпокойствѣ однако поднялась и дѣйствительно пошла къ Сашѣ, но отъ двери еще услыхала его тихое дыханіе и вернулась. А во всѣ окна, мимо которыхъ она проходила, босая, машутъ вѣтви и словно нагоняютъ тьму: „нѣть, въ городѣ лучше“— подумала про свой домъ Елена Петровна.

6. Трудное время.

Но уже наступило страшное для матерей, пришло незамѣтно, встало тихо, оперлось крѣпко о землю своими чугунными ногами. Кто думаетъ, отрывая ежедневно листки календаря, что время идетъ? Красная кровь уже хлынула съ Востока на Россію, вернулась къ роднымъ мѣстамъ, малыми потоками разлилась по полямъ и городамъ, оросила родную землю для жатвы грядущаго. Было спокойно, и вдругъ стало беспокойно; и кто изъ живущихъ могъ бы назвать тотъ день, тотъ часъ, ту минуту, когда кончилось одно и наступило другое? Когда пришла кровь? Что было раньше, а что было позже? И было ли?

Когда это было, что Саша вернулся домой въ четыре часа ночи и перепугалъ Елену Петровну своимъ видомъ—до убийства ministra или послѣ? И въ этотъ ли именно разъ напугалъ ее своимъ видомъ, или въ другой похожий, или совсѣмъ непохожий? Нѣть, въ этотъ. Нѣть, въ другой. Это было уже тогда, когда начались казни... а когда начались казни? До именинъ Липочки, когда пили почему-то шампанское, и Елена Петровна пила, и всѣ пѣли и было такъ весело, что и вспомнить трудно—или послѣ? Нѣть, конечно,

раньше, тогда, когда къ нимъ еще все ходили, и дѣти по вечерамъ бывали дома и Саша вслухъ читалъ „Видѣніе Валтассара“:

...Падутъ твердыни Вавилона,

Неотразимъ судьбы ударъ...

Но дома ли читалъ Саша Байроновскіе стихи, или же на вечеринкѣ? Да, кажется на какой-то вечеринкѣ или вообще въ гостяхъ; и ему еще много аплодировали.

А когда къ нимъ перестали ходить—когда былъ этотъ ужасный вечеръ, эта несчастная суббота, въ которую никто не явился? Выскочившій изъ связи временъ—какъ ярко помнится этотъ вечеръ со всѣми его маленькими подробностями, вплоть до лампы, которая чуть-чуть не начала коптить.

Уже пробило девять, а никто не являлся, хотя обычно гимназисты собирались къ восьми, а то и раньше, и Саша сидѣлъ въ своей комнатѣ, и Линочка... гдѣ была Линочка?—да, гдѣ-то, тутъ же. Уже и самоваръ подали во второй разъ, и все за тѣмъ же пустымъ столомъ кипѣлъ онъ, когда Елена Петровна пошла въ комнату къ сыну и удивленно спросила:

— Что же это значитъ, Саша?—никого еще пѣть.

Саша положилъ брошюру—да, это была брошюра въ красной обложкѣ!—и какъ будто совсѣмъ равнодушно отвѣтилъ:

— Они, вѣроятно, и не придутъ.

— Вѣроятно?

— Нѣть, навѣрное. Сегодня собраніе у Тимохина.

— А почему же не у насъ? Я ничего не понимаю... и ты меня даже не предупредилъ!

И вдругъ у нея мелькнула тяжелая и обидная догадка, и сухо она спросила:

— Можетъ быть, впрочемъ, я вамъ мѣшала? Тогда мнѣ все понятно. Но почему же ты не идешь къ Тимохину? иди, еще не поздно.

— Не огорчайся, мама. И не то чтобы ты такъ уже мѣшала, это пустяки, но они говорятъ, что у насъ слишкомъ ужъ красиво.

— Нельзя окурки на полъ бросать?

И Саша строго—да, именно строго,— отвѣтилъ:

— Да. Нельзя окурки на полъ бросать.

— Тимохинъ же все равно бросаетъ на полъ!

Саша непріятно улыбнулся и, ничего не отвѣтивъ, заложилъ руки въ карманы и сталъ ходить по комнатѣ, то пропадая въ тѣни, то весь выходя на свѣтъ; и сѣрая куртка была у него наверху разстегнута, открывая кусочекъ бѣлой рубашки—вольность, которой раньше онъ не позволялъ себѣ даже одинъ. Елена Петровна и

сама понимала, что говорить глупости, но ужъ очень ей обидно было за второй самоваръ; подобралась и, проведя рукой по гладкимъ волосамъ, спокойно сѣла на Сашинъ стулъ.

— Я говорю глупости,—сказала она и даже улыбнулась.— Въ чмъ же дѣло?—объясни мнѣ, Саша!

— Ты знаешь, я не умѣю говорить, но приблизительно такъ они, т. е. я думаю. Эта твоя красота,—онъ повель плечомъ въ сторону тѣхъ комнатъ,—она очень хороша, и я очень уважаю въ тебѣ эти стремленія; да мнѣ и самому прежде нравилось, но она хороша только пока, до настоящаго дѣла, до настоящей жизни... Понимаешь? Теперь же она непрѣятна и даже мѣшаетъ. Мнѣ, конечно, ничего, я привыкъ, а имъ трудно.

— Красота никогда не можетъ помѣшать.

— Да, можетъ быть, какая-нибудь другая красота и не помѣшаетъ, но эта... Я не хочу тебя обидѣть, мамочка, но мнѣ все это кажется лишнимъ—ну вотъ зачѣмъ у меня на столѣ вотъ этотъ ножъ съ необыкновенной ручкой, когда можно разрѣзать самыи простыи ножемъ. И даже удобнѣе: этотъ цѣпляется. Или эта твоя чистота—я ужъ давно хотѣлъ поговорить съ тобою, это что-то ужасное, сколько она беретъ времени! Ты подумай...

Но Елена Петровна даже ужъ и не удивилась, когда въ *свой* очередь попала и чистота; только смотрѣла, какъ краснѣеть у Саши лицо и некстати подумала: „а начинаютъ - таки виться волосы, я всегда ждала этого“.

— Нѣть, ты только подумай! Проснувшись, я прежде всего чищу зубы, уже привыкъ, не могу безъ этого...

— Зато у тебя прекрасные зубы и нѣть ни одного порченаго!

— Когда-нибудь все равно вывалится! Считай: три, а то и пять минутъ.

— Да зачѣмъ тебѣ такъ нужно время?

— Нѣть, погоди! Потомъ я занимаюсь гимнастикой—какъ же, привыкъ!—вотъ тебѣ еще 15—20 минутъ. Потомъ я обмываюсь холдной водой и до - красна—непремѣнно до - красна!—растираю свое благородное тѣло. Потомъ...

И выходило такъ по его словамъ, что весь день онъ только и дѣлаетъ, что чистить себя. Но тутъ пришла Линичка, и разговоръ пошелъ уже втроемъ, и Линичка тоже на что-то жаловалась, кажется на свои таланты, которые отнимаются у нея много времени.

— Да на что вамъ время?—все изумлялась Елена Петровна, а тѣ двои говорили свое, а потомъ пошли вмѣстѣ пить чай, и былъ очень веселый вечеръ втроемъ, такъ какъ Елена Петровна неожи-

данно для себя уступила красоту, а тѣ ей немнога пожертвовали чистотой. И то, что она такъ легко разсталась съ красотой, о которой мечтала, которой служила, которую считала первымъ закономъ жизни, было, пожалуй, самое удивительное во весь этотъ веселый вечеръ. И въ этотъ же вечеръ, а можетъ быть и въ другой такой же веселый и легко-разрушительный вечеръ, она позволила Линочекъ бросить зачѣмъ-то уроки рисованія, не то музыки... когда была брошена музыка?

Когда перестали дѣти ходить въ церковь?

Когда было раньше, а когда было позже? Выскакиваютъ дни безъ связи, а порядокъ утерянъ—точно разсыпалъ кто-то интересную книгу по листамъ и страничкамъ, и то съ конца читаешь, то съ середины. Когда это было, что они съ Сашей смотрѣли, какъ по базару гонять бородатыхъ запасныхъ, и ревутъ бабы съ дѣтьми, и Елена Петровна плакала и куда-то рвалась, а Саша дергалъ ее за руку и говорилъ плачущимъ голосомъ: мамочка, не надо! Что не надо? Конечно, это было еще до манифеста, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно рядомъ съ этимъ днемъ, какъ продолженіе его, выскакиваетъ вечеръ у того самаго угреватаго Тимохина, англичанина, жаркая комнатка, окурки на полу и подоконникахъ, и сама она не то въ качествѣ почетной гостьи, не то татарина. Но одно несомнѣнно, что времени между этими двумя случаями не меныше двухъ, или даже трехъ лѣтъ, а вспоминается и чувствуется рядомъ.

Вообще, когда она стала ходить, какъ дѣвочка, по митингамъ и собраніямъ, и ее любезно проводили въ первые ряды?—даже въ газету разъ попала, и репортеръ придавалъ ея появленію на митингѣ очень большое значеніе, одобрялъ ее и называлъ „генеральша Н.“. Тогда же по поводу замѣтки очень смѣялись надъ нею дѣти.

Однажды звалъ къ себѣ директоръ гимназіи и заявилъ, что Саша исключенъ за какіе то безпорядки, а потомъ оказалось, что Саша не исключенъ и оставался въ гимназіи до самаго добровольнаго ухода—когда это было? Или это не директоръ звалъ, а начальница женской гимназіи и рѣчь шла о Линочекъ—во всякомъ случаѣ и къ начальницѣ онаѣ здѣла объясняться, это она помнить навѣрное.

И когда въ ихнемъ городѣ появились на улицахъ казаки? И когда произошелъ первый террористический актъ: былъ убитъ жандармскій ротмистръ? Нѣтъ, еще раньше былъ убитъ городовой, а еще, кажется, раньше околоточный надзиратель, и на торжественныхъ похоронахъ его черная сотня избила на полусмерть двухъ гимназистовъ, и Елена Петровна думала, что одинъ изъ изувѣченныхъ—

Саша. И когда она начала бояться этой черной сотни—до ужаса, до неистовыхъ ночныхъ кошмаровъ?

Когда придѣлалъ желѣзный засовъ къ двери?

7. О т е цъ.

Но вотъ это, къ сожалѣнію, Елена Петровна помнить ясно, знаетъ даже день: четвертое декабря, за шесть мѣсяцевъ до ухода Саши.

Утромъ за чаемъ—они еще пили чай!—Саша прочелъ въ газетѣ фамилію новаго губернатора, который только недавно къ нимъ былъ назначенъ и уже повѣсили трехъ человѣкъ, и Еленѣ Петровнѣ вдругъ что-то вспомнилось:

— Телепневъ... Телепневъ... Постой, Саша, я что-то припоминаю. Ну-ка, а какъ инициалы? П. С.? Ну да: Петръ Семеновичъ, папинъ товарищъ! Ты подумай, Сашенька, этотъ Телепневъ, нашъ губернаторъ, былъ лучшій папинъ товарищъ, вмѣстѣ учились...

— Да?

— Да как же! А я и забыла—старѣется твоя мать, Саша. Какъ же это я забыла: вѣдь друзья были!

Задумчиво, съ тѣмъ выраженіемъ, которое бываетъ у припоминающихъ далекое, она смотритъ на Сашу, но Саша молчать и читаетъ газету. Обѣ руки его на газетѣ, и въ одной рукѣ папироса, которую онъ медленными и рѣдкими движеніями подносить ко рту, какъ настоящій взрослый человѣкъ, который куритъ. Но плохо еще умѣеть онъ курить: пепла не стряхиваетъ, и газету и скатерть около руки засыпалъ... или задумался и не замѣчаетъ?

Осторожнымъ движеніемъ, чтобы не помѣшать, Елена Петровна пододвигаетъ пепельницу и, забывъ о Телепневѣ, вдругъ поражается тѣмъ, что Саша задумался, какъ поражается всѣмъ, что свидѣтельствуетъ обѣ его особой отъ пея, самостоятельной, человѣческой, взрослой жизни. Иногда это смыщить ее самое: вдругъ поразится, что Саша читаетъ, или что онъ, какъ мужчина, поднялъ одной рукой тяжелое кресло и переставилъ, или, что онъ подойдетъ къ плевальницѣ въ углу и плюнетъ; или что къ нему обращаются съ отчествомъ: Александръ Николаевичъ, и онъ отвѣчаетъ, нисколько не удивляясь, потому что и самъ считаетъ себя Александромъ Николаевичемъ.

Александръ Николаевичъ!..

Но теперь къ обычному удивленію матери, не могущей при-

выкнуть къ отдаленію и самостоятельности ея плода, примѣщается нѣчто новое, очень интересное и важное: какъ будто до сихъ поръ она рассматривала его по частямъ, а теперь увидѣла сразу всего: Боже ты мой, да онъ ли это—гдѣ же прежній Саша?

Этому скоро исполнится девятнадцать лѣтъ, онъ высокъ—это видно, даже когда онъ сидитъ—правда, немножко худъ и юношески узковата грудь, но смуглое лицо крѣпко и свѣжо; и въ четко и красиво изогнутыхъ губахъ, твердомъ подбородкѣ чувствуется сила и даже властность: эка, даже властность! Все такъ же жутко обведены глаза и даже на газету опущенные смотрять строго, но какъ это не похоже на прежнюю усталость взгляда, гдѣ-то въ себѣ самомъ черпавшаго вѣчную тревогу! Какъ будто давно не видала Саша: припоминаетъ Елена Петровна его теперешній взглядъ—да, этотъ смотрѣтъ смѣло и красиво, и развѣ только чуть-чуть тяжело, когда надолго остановится, забудеть перевести глаза.

И какъ пріятно, что нѣтъ усовъ и не скоро будуть: такъ противны мальчишки съ усами, вродѣ того гимназиста, кажется Кузьмичева, Сашинаго товарища, который ростомъ всего въ аршинъ, а усы какъ у французскаго капрала! Пусть бы и всегда не было усовъ, а только эта жаркая смуглota надъ губами, чуть-чуть погуще, чѣмъ на остальномъ лицѣ.

„Не надо говорить ему, что онъ красивъ“,—думаетъ Елена Петровна и поспѣшно опускаетъ глаза. Недолгое молчаніе—и точно силою заставляетъ ихъ вновь подняться холодный и хмурый вопросъ:

— А онъ у насъ и въ домѣ бывалъ?

Елена Петровна уже догадывается о значеніи вопроса, и сердце у нея падаетъ; но оттого, что сердцепало, строгое лицо становится еще строже и спокойнѣе и въ темныхъ, почти безъ блеска, обведенныхъ, византійскихъ глазахъ появляется выраженіе гордости. Она спокойно проводить рукой по гладкимъ волосамъ и говорить коротко, безъ той бабьей, чистосердечной болтливости, съ которой только что разговаривала.

— Да, бывалъ. Онъ часто бывалъ у папы.

— И вы были ему рады?

— Генераль любилъ его. Хочешь еще чаю?

— Спасибо,—говорить Саша и еще разъ повторяетъ:—спасибо! Ну, а скажи, какъ ты думаешь, ты хорошо знала генерала...

Губы Саши кривятся въ веселую, не къ случаю, улыбку:

— Вѣдь нашъ генераль-то былъ бы теперь, пожалуй, губернаторомъ, и тоже бы вѣшалъ... Какъ ты думаешь, мама?

Прошелъ длинный, мучительный день, а ночью Елена Петровна пришла въ кофточкѣ къ Сашѣ, разбудила его и рассказала все о своей жизни съ генераломъ—о первомъ материнствѣ своемъ, о горькой обидѣ, о слезахъ своихъ и мукѣ женского безсильного и гордаго одиночества, доселѣ никѣмъ еще не раздѣленаго. При первыхъ же ея серьезныхъ словахъ Саша быстро сѣлъ на постели, послушалъ еще минуту и рѣшительно и ласково сказалъ:

— Выйди, мамочка, на минуту, я сейчасъ одѣнусь.

И помнить же она эти нѣсколько минутъ! За дверью, въ щель которой вдругъ пробилась острыя полоска свѣта,—скрипѣла постель, стукнула уроненная ботинка, звякала чашка умывальника: видно было, что Саша торопливо и быстро одѣвается; а она, готовясь и ожидая, тихо скользила по темной комнатѣ и беззвучно шептала, заламывая руки: пойми меня, Саша! пойми меня, Саша! И все ходила и сама не слышала себя, сѣрая въ темнотѣ, безшумная, плѣненная,—какъ на смерть испуганная ночная птица.

— Нѣть, нѣть! Бога ради потуши свѣчку, — взмолилась она, тихо позванная Сашей; и вначалѣ все путала, плакала, пила воду, расплескивая ее въ темнотѣ, а когда Саша опять зажегъ-таки свѣчу, Елена Петровна подобралась, пригладила волосы и совсѣмъ хорошо, твердо, ничего не пропуская, по порядку рассказала сыну все то, чего онъ до сихъ поръ не зналъ. И когда Саша, слушавшій очень внимательно, подошелъ къ ней въ серединѣ рассказа и горячей рукой нѣсколько разъ быстро и рѣшительно провелъ по гладкимъ, еще чернымъ волосамъ, она сдѣлала видъ, что не понимаетъ этой ласки, для которой еще не наступило время, отстригла руку и, улыбнувшись, спросила:

— Что, растрепалась?

И сдѣлала видъ, будто сама поправляетъ непуждающіеся въ этомъ волосы. Но кончивъ разсказъ, передъ страшнымъ выводомъ изъ него: что до сихъ поръ она не простила мужа и не можетъ простить,—запнулась, глотнула воздухъ и выжидательно, въ страхѣ, замолчала.

Молчалъ и Саша, обдумывая. Шоразилъ его разсказъ матери; и то что мать, всегда такъ строго и даже чопорно одѣтая, была теперь въ бѣлѣлькой, скромной, ночной кофточкѣ, придавало разсказу особый смыслъ и значительность—о самой настоящей жизни шло дѣло. Провелъ рукой по волосамъ,правляя мысли, и сказалъ:

— Ну что-жъ, мамочка: такъ, дакъ такъ! И не скажу даже, чтобы все это очень меня удивило, что-то такое я чувствовалъ уже давно. Да, генераль... Линѣ, пожалуй, пока не говори, потомъ какъ-нибудь расскажешь.

- Хорошо. Саша, Сашенька... Ну, а какъ же отецъ?
- Генераль? Генералъ умеръ.
- Не называй его такъ.
- Это правда. Отецъ? Отецъ, да... Ты боишься сказать, что не простила его, не можешь простить?

Елена Петровна утвердительно кивнула головой; и въ вискахъ стукнули набѣгающія слезы.

— Я люблю его.

— А простить—нѣтъ?

Елена Петровна мотнула головой: нѣтъ! Набѣгали горячія слезы, и она не мигала, не мѣшала глазамъ наливаться, пока не наполнились они; и уже перелилось, потекло по щекѣ, защекотало—и точно просвѣтлѣла комната, одѣлась искристымъ туманомъ и трогательно за-колыхалась. Саша что-то говорилъ, мелькалъ въ туманѣ.

Плохо доходили до сознанія слова, да и не нужны они были: другого искало измученное сердце—того, что въ голосѣ, а не въ сло-вахъ, въ поцѣлуѣ, а не въ рѣшеніяхъ и выводахъ. И, придавая слову „поцѣлуй“ огромное во всю жизнь значеніе, смыслъ и страш-ный и искупительный, она спросила твердымъ, какъ ей казалось, голосомъ, такимъ, какъ нужно:

— Можно поцѣловать тебя, Сашенька?

И въ ожиданіи, полномъ страха, закрыла мокрые отъ слезъ глаза. Что было потому?

То, о чемъ надо всегда плакать, вспоминая. Царь, награждающій царствами и думающій, что онъ только улыбнулся; блаженное суще-ство, свѣтлѣйшій властелинъ, думающій, что онъ только поцѣловалъ, а вмѣсто того дающій безсмертную радость—о глупый Саша! Каждый день готова я терпѣть муки рожденія, чтобы только видѣть, какъ ты вотъ ходишь и говоришь что-то невыносимо серьезное, а я не слу-шаю! не слушаю!

— Говори, говори, Сашечка!

— Да ты не слушаешь, мама? Я тебя спрашиваю, а ты...

— Говори, говори, Сашечка!

Ну и пусть довель до комнаты, какъ пьяную: да и пьяна же я материнской радостью мою!

Вотъ еще чего не знала о той ночи Елена Петровна.

Когда мать уснула, Саша вернулся въ комнату и раздѣлся, чтобы спать, но не могъ забыться даже на минуту и все курилъ и думалъ. Ему казалось, что онъ теперь разгадалъ что-то въ своей

судьбъ, но онъ никакъ не могъ точно и ясно опредѣлить угаданное и только твердилъ: „ну, конечно, ну, конечно, такъ! Теперь все ясно“. И образъ покойнаго отца, точно съ умысломъ во всей неприкосно-венности сбереженный памятью до этого дня, впервые предсталъ его сознанію и поразилъ его своею какъ бы чуждостью, а вмѣстѣ чѣмъ-то и своимъ. Увидѣлъ ясно въ каждомъ волоскѣ его четыреугольную широкую бороду и плѣшину среди русыхъ и мягкихъ волосъ, кру-тыя, туго обтянутыя плечи; почувствовалъ жесткое прикосновеніе по-гона, не то ласковое, не то угрожающее—и вдругъ только теперь осозналъ ту тяжесть, что, начинаясь отъ дѣтства, всю жизнь давила его мысли.

Да, это онъ, отецъ — этотъ важный, порою ласковый, порою хо-лодно угрюмый, мрачно свирѣпый человѣкъ, занимающій такъ много мѣста на землѣ, называемый „генералъ Погодинъ“ и имѣющій высокую грудь всю въ орденахъ. И такія же высокія въ орденахъ груди у его друзей или подчиненныхъ: кланяются, звякая шпорами, блестяще зо-лотомъ шитья, точно поднимаютъ потолки въ комнатахъ и раздви-гаютъ стѣны—въ мрачномъ великолѣпіи и важности застыла хо-лодная пустота. Гулки, какъ во снѣ, шаги отца: за много комнатъ слышно, какъ онъ идетъ, приближается, грузно давить скользкій, сухо поскрипывающій паркетъ; далеко слышенъ и голось его — громкій безъ натуги, сипловатый отъ водки, бухающій басъ: будто не слова, а кирпичи роняеть на землю.

Это отецъ, да.

А у денщика Тимошки рожа испитая и часто въ синякахъ; и такія же рожи у другихъ, постоянно мѣняющихся денниковъ—по-чemu рожи, а не лица? Нѣть, это нельзя назвать лицомъ, и это не слезы—то, что съ любовью и страннымъ удовольствіемъ размазываетъ Тимошка по скуластымъ щекамъ своимъ. И память ли обманываетъ, или такъ это и было: однажды самъ Саша своимъ тогдашимъ ма-ленькимъ кулакомъ ударила Тимошку по лицу, и что-то страшно любопытное, теперь забытое, было въ этомъ ударѣ и ожиданіи: что будетъ потомъ? А старый облѣзлый котъ, повѣшиенный денщиками за сараемъ? А лошадь, которая боится отца, и косить на него глазомъ, и широко разставляетъ ноги, какъ раздавленная, когда отецъ, пошат-нувъ ее, становится въ стремя, а потомъ грузно опускается въ сѣдло? Сильна мать, что такъ долго боролась съ отцомъ и побѣдила его, но почему же и она и дѣти замолкаютъ, когда издалека послышатся гул-кіе приближающіеся шаги и вдругъ, точно отъ предчувствія идущей тяжести, тихонько скрипнетъ паркетъ въ этой комнатѣ? И этотъ жестъ Елены Петровны: торопливое и ненужное приглаживание волосъ, на-

чался какъ разъ оттуда, отъ этихъ минутъ ожиданія, когда уже заранѣе поскрипывалъ паркетъ.

И она сказала, что любить его—не прощаетъ и любить. И это возможно? И какъ, какими словами назвать то чувство къ отцу, которое сейчасъ испытываетъ сынъ его Саша Погодинъ: любовь?—ненависть и гнѣвъ?—запоздалая жажда мести и возстанія и кроваваго бунта? Ахъ еслибы теперь встрѣтиться съ нимъ... не можетъ ли Телепневъ замѣнить его, вѣдь они друзьями были!

Однажды на смотрѣ, на какомъ-то маленькомъ, не особенно, важномъ смотрѣ былъ и Саша съ матерью, и генералъ, бывшій на лошади, посадилъ Сашу къ себѣ. И когда оторвался онъ отъ земли чими-то руками, а потомъ увидѣлъ передъ самыми глазами толстую вздрагивающую подвижную шею лошади, а позади себя почувствовалъ знакомую тяжесть, услыхалъ хриплое дыханіе, поскрипываніе ремней и твердаго сукна—ему стало такъ страшно обоихъ, и отца и лошади, что онъ закричалъ и забился. И чѣмъ крѣпче сжимала его рука, отъ невидимаго человѣка, тѣмъ сильнѣе онъ былся, и кто-то снялъ его. На землѣ онъ сразу пересталъ плакать и увидѣлъ выпуклые, сѣрые, орлиные, теперь яростные глаза отца, который, низко свѣсившись съ лошади, кричалъ на него:

— Трусь-мальчишка! Дрянь! Стыдно! Трусь-мальчишка!

А тяжелая, какъ отецъ, страшная лошадь топталаась обросшими волосатыми ногами, косила глазомъ и тоже фыркала: трусь мальчишка, трусь!

„Это ему было стыдно за меня передъ солдатами!“—думалъ Саша, стискивая зубы: нѣть, ваше превосходительство, я не трусь, я нѣчто другое, ваше превосходительство, и вы это узнаете! Ваша кровь въ моихъ жилахъ, и рука моя, пожалуй, не менѣе тяжела, чѣмъ ваша, и вы узнаете... Впрочемъ, спокойной ночи, ваше превосходительство!

Потомъ Саша думалъ, уже засыпая:

— Можно отречься отъ отца? Глупо: кто же я тогда буду, если отрекусь!—вѣдь я же русскій. А въ гимназію-то я не пошелъ, хоть и русскій. Вообще русскимъ свойственно... что свойственно русскимъ? Ахъ, Боже мой—да что же русскимъ свойственно? Встаньте, Погодинъ!

И уже совсѣмъ засыпая, Саша увидѣлъ призрачно и смутно: какъ онъ, Саша, отрекается отъ отца. Много народа въ церкви, нарочно собралися, и священникъ въ черныхъ великопостныхъ одеждахъ, и Саша стоитъ на колѣняхъ и говоритъ: не лобзанія Ти дамъ, яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдую Тя... Хоръ запѣлъ:

— Аминь!

И такъ страшень былъ его ревъ, что Саша очнулся, и увидѣлъ, что за окнами уже свѣтло, а во рту у него потухшая папироса. Вынулъ папиросу и крѣпко, безъ сновидѣній, уснулъ.

8. Б е з т а л а н н ы е.

Это было въ марта, въ воскресенье.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, когда нѣкто Колесниковъ подходилъ къ дому, гдѣ жили Погодины. „Ну и улица!“—думалъ онъ, прыгая изъ одного сухого протоптаннаго гнѣзда въ другое и подолгу отыскивая камни, брошенныя добрыми людьми для перехода и неуловимо темнѣвшіе среди нестерпимаго блеска воды, жилкой грязи и островковъ искристаго снѣга. Шель онъ противъ солнца и каждая лужица, каждая налитая колея горѣла, какъ окаянная. „Ну и домъ!“—подумалъ онъ огорченно, когда въ отворенную калитку вмѣсто двора увидѣлъ цѣлое озеро веселнѣй воды; и въ этомъ озерѣ, какъ въ настоящемъ, отражались деревья, бѣлый визенькій домикъ и крыльцо. На крыльцѣ стояла барышня, глядѣла на Колесникова и тоже отражалась въ водѣ: „вотъ и барышня стоитъ и смотритъ—какъ неловко! А Погодина-то можетъ быть и дома нѣть, ну да ужъ все равно пропадать“.

— Что жъ вы стоите?—крикнула барышня.—Вы къ Сашѣ? Идите нальво около забора, тамъ дорожка. Да лѣвѣ же, еще, да еще же!

Покорно забирая влѣво, Колесниковъ увидѣлъ, что на крыльцѣ вышла худая, красивая, немолодая барыня и тоже смотрить на него, и такъ было неловко, отъ одной барышни, а тутъ еще и эта. Но все-таки дошелъ и даже поклонился, а то все боялся, что забудетъ.

— Погодинъ, гимназистъ, здѣсь живеть?

— Здѣсь, я его мать. Вы къ Сашѣ по дѣлу? Онъ сейчасъ только всталъ, пить чай.

— Нѣть, почему же по дѣлу? Я его знакомый, Колесниковъ.

— Знакомый? Очень рада. Пожалуйте!

Слова были любезныя, а въ голосѣ открыто звучало недовѣріе: тревога и глаза слишкомъ разглядывали. „Ну что-жъ я подѣлаю—покорно думалъ Колесниковъ, уже привыкшій слышать эту тревогу въ голосѣ всѣхъ матерей—я ничего подѣлать не могу: тревожишься, ну и тревожься“. А Елена Петровна разсматривала его и думала: „вотъ и еще знакомый!—развѣ такие знакомые бываютъ. И калоши текутъ и борода, какъ у разбойника, только дѣтей пугать; а если его обрить, то, пожалуй, и добрякъ—только онъ самъ никогда объ этомъ

не догадается. Охъ, Господи, всѣ они добряки, а мнѣ отъ этого не легче!"

— Мама! — сказала Линочка, зная мысли матери и не одобрявшая ихъ: надо же показать, куда идти. Сюда идите... Саша, къ тебѣ знакомый.

Но и Саша какъ будто удивился при видѣ черной бороды, желтыхъ скуль и шершавой вихрастой головы, и даже слегка нахмурился: замѣтно было, что видеть онъ Колесникова чуть ли не въ первый разъ. Однако, было въ круглыхъ, черныхъ, также какъ будто удивленныхъ глазахъ посѣтителя что-то примиряющее съ нимъ, давно и хорошо знакомое: только взглянулъ, а словно всю жизнь свою рассказалъ и ждеть вѣчной дружбы.

— У васъ тутъ, того-этого, совсѣмъ Венеція — сказаль Колесниковъ глухимъ басомъ и, поискавъ лица, съ улыбкой остановилъ круглые глаза на Линочкѣ: — только гондолы-то у меня текутъ, вонъ какъ, того-этого, наслѣдилъ!

Линочка съ упрекомъ взглянула на мать: видишь, какой онъ! — и отвѣтила:

— Мы съ Сашей, когда были маленькие, каждую весну плавали по двору на плотахъ.

— Пойдемте ко мнѣ, — сказаль Саша, вставая.

Елена Петровна съ жалостью къ Сашѣ взглянула на недоѣденный хлѣбъ и сурово промолвила:

— Ты лучше, Саша, чай бы допилъ. Я и гостю налью.

— Нѣть, не хочу. Или дай къ намъ въ комнату два стакана.

Послѣ столовой въ комнатѣ у Саши можно было ослѣпнуть отъ солнца. На столѣ прозрачно свѣтлѣла хрустальная чернильница и бросала на стѣну два радужныхъ зайчика; и удивительно было, что свѣтъ такъ силенъ, а въ комнатѣ тихо, и за окномъ тихо, и голая вѣтви висятъ неподвижно. Колесниковъ заморгалъ и сказалъ съ какой-то особой, ему понятной значительностью:

— Весна!

Саша спокойно молчалъ; и молча передвинулъ въ тѣнь чернильницу, и зайчики погасли.

— Ваша мама меня боится, а сестра нѣть, — сказаль Колесниковъ и снова, со вздохомъ повторилъ: весна!

— Мы съ вами гдѣ-нибудь встрѣчались? Я что-то плохо помню.

— Какъ же, разокъ встрѣтились. Только, тамъ того-этого, были другіе незнакомые вамъ люди, и вы меня не запрѣмѣтили. А я запрѣмѣтилъ хорошо. Жалко вотъ, что мамаша ваша меня боится, да чего-жъ подѣлаешь! Теперь не такое время, чтобы разбирать.

Саша слегка покраснѣлъ:

— Гдѣ же это было? Я не помню.

— Тамъ! — отвѣтилъ Колесниковъ, придвигая стаканъ чаю.— Вы, того-этого, предложили убить нашего Телепнева, а наши-то взяли и отказались. Я тогда же изъ комитета и вышелъ, ну вѣсъ, говорю, къ черту, дураки! Какже такъ не разобрать, какой человѣкъ можетъ, говорю, а какой не можетъ? Только они это вѣрили, они просто струсили.

Лицо Саши потемнѣло:

— Мнѣ непріятно обѣ этомъ вспоминать. Но я очень радъ, что вы ко мнѣ привѣли, теперь я вѣсъ помню. Пейте, пожалуйста, чай.

— Меня зовутъ Василій Васильевичъ,—сказалъ Колесниковъ,—я ужъ два раза, если вамъ интересно, изъ ссылки бѣгалъ. Только вотъ бѣда, того-этого, не ораторъ я и талантовъ у меня нѣть никакихъ.

— У меня тоже нѣть талантовъ,—сказалъ Саша и впервые съ улыбкой поднялъ на Колесникова свои жуткіе, но теперь улыбающіеся глаза. И какъ съ первого раза знакомился своими глазами Колесниковъ, такъ своими съ первого раза и навсегда убѣждалъ Погодинъ; — такъ и теперь сразу и навсегда убѣдилъ онъ только что пришедшаго въ чемъ-то радостномъ и необыкновенно важномъ. Задергавъ на стулѣ, Колесниковъ въ широкой улыбкѣ открылъ черные, но крѣпкіе зубы и пробасилъ:

— Вотъ удивили вы меня! А чьи-жъ это картинки на стѣнѣ?— неужто вѣши.

— Нѣть, сестры.

— Сестры? Молодецъ сестра!

Но сразу же нахмурился и съ искреннимъ огорченіемъ произнесъ:

— Экое горе, того-этого, какіе мы съ вами безталанніе! Только вы, я думаю, ошибаетесь, нельзя этого допустить, чтобы у вѣсъ не было таланта. Можетъ не обнаружился еще?—это часто бываетъ съ молодыми людьми. Таланты-то вѣдь бываютъ разные, того-этого, не только что карандашникъ или перомъ водить.

— Никакого. Я и говорить не умѣю.

— Вотъ удивляете вы меня! Но погодите, еще откроется! Да, того-этого, еще откроется!

Колесниковъ вдругъ заволновался и заходилъ по комнатѣ; и такъ какъ ноги у него были длинныя, а комнатка маленькая, то могъ онъ дѣлать всего четыре шага. Но это не смущало его, видимо привыкъ человѣкъ вертѣться въ маленькомъ помѣщеніи.

— Боже ты мой! — гудѣлъ онъ взволнованно и мрачно, пода-

вляя Сашу и несуразной фигурой своей, истово шагающей на четырехъ шагахъ и выражениемъ какого-то доподлинного давнишняго горя:—Боже ты мой, да какъ же могу я этому повѣрить! Что не рисуетъ, да языкомъ не треплетъ, такъ у него и талантовъ нѣть. Того-этого,—вздоръ, милостивый государь, преподлѣтійшій вздоръ! Талантъ у него въ каждой чертѣ выраженъ, даже смотрѣть больно, а онъ: нѣть, это сестра! Нѣть мамаша! Ну и мамаша, ну и сестра, ну и вздоръ, преподлѣтійшій вздоръ!

Сашъ уже тяжело становилось, когда Колесниковъ внезапно стихъ, сдѣлалъ еще два оборота по комнатѣ и сѣлъ, сказавъ совершенно спокойно:

— Чай-то ужъ остылъ. И ни разу это у меня не бывало, чтобы я попалъ на настоящій чай: то горячъ, а то ужъ и остылъ.

— Давайте стаканъ, я принесу горячаго.

— Чего тамъ, и этотъ хорошъ, это я такъ къ слову. Вотъ что, товарищъ, денекъ-то сегодня славный!— пойдемте за кирпичные сараи пострѣлять изъ браунинга. Я и браунингъ принесъ.

— У меня свой есть,—сказалъ Саша и вынуль изъ стола никкелированный, чистенький, уже заряженный револьверъ. У Колесникова браунингъ оказался черный, и оба долго и съ интересомъ разглядывали оружіе и Колесниковъ вздохнуль.

— Да!—сказалъ онъ со вздохомъ:—времена крутыя. У меня знакомая одна была, хорошо изъ браунинга стрѣляла, да не въ проѣй пошло. Лучше-бѣ никогда и въ руки не брала.

— Повѣшена?

— Нѣть, такъ. Зарубили. Ну, того-этого, идемъ, Погодинъ. Вы небойсь по голосу думаете, что я пѣть умѣю?—и пѣть я не умѣю, хотя въ молодости дуракъ одинъ меня училъ, думалъ, дуракъ, что сокровище открыть! Въ хорѣ-то, пожалуй, подтягивать могу, да въ хорѣ и лягушка поеть.

Овраги и овражки были полны водою, и до кирпичныхъ сараевъ едва добрались; и особенно трудно было Колесникову: онъ раза два терялъ галоши, промочилъ ноги, и его сѣрые не новые брюки до са-мыхъ колѣнъ темнѣли отъ воды и грязи.

— Славные у васъ сапоги!—сказалъ онъ Сашъ и самъ себя спросилъ: отчего я и себѣ, того-этого, такихъ не куплю? Не знаю.

Просторомъ и тишиной встрѣтило ихъ поле; весеннимъ тепломъ дымилась голубая даль, воздушно млѣли въ млечной синевѣ далекіе лѣса. Въ безвѣтріи начавшійся, крѣпко стоялъ погожій день, обѣщая ясный вечеръ и звѣздную, съ морозцемъ, ночь. Было такъ празднично все, что и стрѣльба изъ револьверовъ казалась праздничной, веселой

забавой, невиннымъ удовольствiемъ. Для цѣли Саша выломалъ въ гнилой крышѣ заброшенного сарая неширокую, уже высохшую доску и нальпилъ кусочекъ бѣлой бумаги; и сперва стрѣляли на двадцать пять шаговъ. Изъ трехъ пуль Колесниковъ всадилъ двѣ, одну возлѣ самой бумажки, и былъ очень доволенъ.

— Не всякий можетъ,—сказалъ онъ внушиительно; и, разставивъ длинныя ноги и раскрывъ отъ удовольствiя ротъ, критически уставился на Сашу. И съ легкимъ опасенiемъ замѣтилъ, что тотъ не-много поблѣднѣлъ и какъ-то медленно переложилъ револьверъ изъ лѣвой руки въ правую: точно липъ къ рукѣ холодный и тяжелый, сверкнувшiй подъ солнцемъ браунингъ: „волнуется юноша—думаетъ, что въ Телепнева стрѣляетъ. Но руку держитъ хорошо“.

Однако, всѣ три пули всадилъ поблѣдѣвшiй Саша, и двѣ изъ нихъ въ самый центръ. Колесниковъ загудѣлъ отъ удовольствiя, а онъ, все еще блѣдный, но, видимо, чрезвычайно довольный, переложилъ липнувшiй револьверъ въ лѣвую руку и сказалъ:

— Да, я хорошо стрѣляю. Попробуйте на сорокъ шаговъ?

— Попробуйте вы. Я, того-этого, и патроновъ тратить не хочу.

Все же, когда цѣль перенесли, сдѣлалъ одинъ выстrelъ и промазалъ, а Саша и въ этотъ разъ попалъ—двѣ пули, одна возлѣ другой.

— И это не талантъ?—воодушевился Колесниковъ,—подите вы, Погодинъ, къ черту! Да съ этимъ талантомъ, того-этого, цѣлый романъ написать можно.

— А они вотъ отказались,—сухо промолвилъ Саша, намекая на комитетъ.—Посидимъ, Василій Васильевичъ, здѣсь очень хорошо!

Выбрали сухое мѣстечко, желтую прошлогоднюю траву, разослали пальто и сѣли; и долго сидѣли молча, парясь на солнцѣ, лаская глазами тихую даль, слушая звонъ невидимыхъ ручьевъ. Саша курилъ.

— Ручьи текутъ, а мнѣ, того-этого, кажется, будто это слезы народныя,—сказалъ Колесниковъ наставительно и вздохнулъ.

И Сашѣ, ждавшему отвѣта относительно Телепнева, не понравились и наставительность эта, и напыщенность фразы, и самый вздохъ. Молчалъ и, уже скучая, ждалъ, что скажетъ дальше. Вдругъ Колесниковъ засмѣялся:

— Смотрю на васъ, Александръ Николаевичъ, и все удивляюсь, какой вы, того-этого, корректный! Не знай я васъ такъ хорошо, такъ хоть домой иди ей-Богу!

— А откуда-жъ вы меня такъ хорошо знаете?

— Не зналъ бы, такъ и не пришелъ бы,—уже серьезно сказалъ

Колесниковъ.—Но вотъ что вы мнѣ скажите: почему вы избрали Телепнева?—не такая ужъ онъ птица, чтобы изъ-за него вѣшаться. Такъ и у насъ говорили... въ вѣсъ-то они не очень ужъ сомнѣвались.

Саша вдругъ смущился.

— Телепнева? — нерѣшительно переспросилъ онъ.—Я думаю основанія ясны. Впрочемъ... у меня были и свои соображенія. Да, свои соображенія, личныя...

И уже забывъ о Колесниковѣ, онъ сразу всей мыслью отдался тому странному, тяжелому и, казалось, совсѣмъ ненужному, что давило его послѣдніе мѣсяцы: размышенію объ отцѣ-генералѣ. Тогда, послѣ разговора съ матерью, онъ порѣшилъ, что именно теперь, узнавъ все, онъ по-настоящему похоронилъ отца; и такъ оно и было въ первые дни. Но прошло еще время и вдругъ оказалось, что уже давно и крѣпко и до нестерпимости властно его душою владѣетъ покойный отецъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче; и то, что казалось смертью, явилось душѣ и памяти, какъ чудесное воскресеніе, начало новой таинственной жизни. Все забытое—вспомнилось; все разбросанное по закоулкамъ памяти, разсѣянное въ годахъ — собралось въ единый образъ, подавляющій громадностью и важностью своею. И теперь, въ смутномъ сквозь грязу видѣніи обнаженного поля, въ волнистости озаренныхъ холмовъ, вблизи такихъ простыхъ и ясныхъ, а дальше къ горизонту смыкавшихся въ вѣчную неразгаданность дали, въ млечной синевѣ поджидающаго лѣса—ему почудились знакомыя теперь и властныя черты. И какъ было все это время: острая, какъ искъ, ненависть столкнулась съ чѣмъ-то невыносимо похожимъ на любовь, вспыхнула свѣтъ сокровеннѣйшаго пониманія, загорѣлись и побѣжали вдаль кроваво-праздничные огни. Вдругъ, не поднимая глазъ, Саша спросилъ Колесникова:

— Вы русскій?

Колесниковъ, разглядывавшій Сашу съ такимъ вниманіемъ, что оно было бы оскорбительно, замѣчай его Саша, не сразу отвѣтилъ:

— Русскій. Не въ этомъ важность, того-этого.

— У меня мать гречанка.

— Что-жъ!—и это хорошо.

— Почему хорошо?

— Хорошая кровь. Кровь, того-этого, многихъ мучениковъ.

Саша ласково взглянула въ его черные глаза и подумалъ: „вотъ же чудакъ, при такомъ лицѣ носить велосипедную фуражку. Но милый“. Вслухъ же сказалъ:

— Байронъ умеръ за свободу грековъ.

— Ну и вздоръ! Кто, того-этого, нуждается въ свободѣ, тому не

зачѣмъ ходить въ чужія края. И гдѣ это, скажите, такъ много своей свободы, что ужъ больше не надо? И вообще, того-этого, мнѣ совсѣмъ не нравится, что вы сказали про Телепнева, про какія-то личныя ваши соображенія. Личныя!—преподъѣпній вздоръ.

Колесниковъ взволнованно заходилъ и хотя мѣста было много, по-прежнему кружился на своихъ четырехъ шагахъ; и при каждомъ шагѣ громко, видимо раздражая его, хлюпали галоши.

— Вотъ я, видите?—гудѣлъ онъ въ высотѣ, какъ телеграфный столбъ.—Весь тутъ. Никто меня, того-этого, не обидѣлъ, и жены моей не обидѣлъ—нѣть же у меня жены! и невѣсты не обидѣлъ, и нѣть у меня ничего личнаго. У меня на руки, вотъ на этой, того-этого, кровь есть, такъ могъ бы я ее пролить, имѣй я личное? Вздоръ! Отъ одной совѣсти сдохъ бы, того-этого, отъ однихъ угрозеній.

Быстро подопѣль къ Сашѣ и, наклонившись, съ высоты, сердито замахалъ на него пальцемъ:

— Эй, юноша, того-этого, не баламуть! Разъ имѣешь личное, то живи по закону, а недоволенъ, такъ жди новаго! Убійство, скажу тебѣ по опыту, дѣло страшное, и только тотъ имѣеть на него право, у кого нѣть личнаго. Только тотъ, того-этого, и выдержать его можетъ. Ежели ты не чистъ, какъ агнецъ, такъ отступись, юноша! По человѣчеству, того-этого, прошу!

Уже изступленное что-то загоралось въ его остановившихся глазахъ; и вдругъ Колесниковъ закричалъ полнымъ голосомъ, какъ въ бреду:

— Хочешь на колѣни стану? Хочешь, мальчишка, на колѣни стану? Отступись!

— Нѣть! — сказалъ Саша, быстро вставая и рукой отстранивъ Колесникова, блѣдный и строгій.—Вы напрасно кричите, вы меня не поняли. У меня не было и нѣть личнаго, ничего. Слышите вы, ничего!

Колесниковъ угрюмо извинился:

— Извините, Погодинъ. Такія времена, что, того и гляди, въ сумнѣшней домѣ попадешь, того-этого.

Но уже черезъ десять минутъ, когда они возвращались домой, Колесниковъ весело шутилъ по поводу своихъ гондолъ; и слово за словомъ среди шутокъ и скачковъ черезъ лужи, рассказалъ свою мытарственную жизнь въ ея „паспортной части“, какъ опѣ выражался. По образованію ветеринаръ, былъ онъ и статистикомъ, служилъ на желѣзной дорогѣ, полгода редактировалъ какой-то журнальчикъ, за который издавалъ и до сихъ поръ сидѣть въ тюрьмѣ. И теперь онъ служить въ мѣстномъ желѣзодорожномъ управлѣніи.

— А кто былъ вашъ отецъ?—спросилъ Саша.

— Отецъ-то? Вопросъ не легкій. Родъ нашъ, Колесниковыхъ, знаменитый и древній, по одной дорогѣ съ Рюрикомъ идетъ, и въ гербѣ у насъ колесо и лапоть, того-этого. Но по историческому недоразумѣнію дѣдушка съ бабушкой наши были крѣпостными, а отецъ въ городѣ лавку и трактиръ открылъ, блескъ рода, того-этого, возстановляетъ. И гербъ у насъ теперь такой: на зеленомъ билліардномъ полѣ наклоненная бутылка съ девизомъ: „Свиданіе друзей“...

— Онь живъ?

— Опасаюсь. И ежели не сдохъ, такъ въ союзѣ предсѣдателемъ, человѣкъ онъ честолюбивый и глубокомысленный. Онь меня, того-этого, потому и въ ветеринары отдалъ, что скота всегда лучше чувствовалъ, нежели человѣка. Ну и братья у меня—тоже, того-этого, сволочь удивительная!

— Зачѣмъ вы такъ говорите!—поежился Саша.

— А что?—густо? Изъ пѣсни, того-этого, слова не выкинешь. Да они-жъ меня давно и похоронили: по нѣкоему приговору, къ счастью для моей шеи не совершившемуся, меня давно ужъ повѣсили,—добродушно заключилъ Колесниковъ.

Сбивалъ онъ Сашу своими переходами отъ волненія къ покою, отъ грубости, даже какъ будто цинизма, къ мягкому добродушію, чуть ли не ребячей наивности; и что рѣдко бывало съ внимательнымъ Сашей—не могъ онъ твердо опредѣлить свое отношеніе къ новому знакомцу: то чуть ли не противенъ, а то нравится, вызываетъ въ сердцѣ что-то теплое, пожалуй немного грустное, напоминаетъ кого-то миаго. Трогало и то, что послѣ своей странной, почти болѣзненной вспышки, Колесниковъ смирился и не только какъ равный съ равнымъ говорилъ съ Сашей, хотя па цѣлыхъ двадцать лѣтъ былъ старше, но даже какъ будто преклонялся, каждое слово слушалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ и чуть ли не съ почтительностью.

Проводилъ онъ Сашу до самаго дома и уже у калитки — точно пменно у порога дома, когда люди разстаются и уходятъ къ своимъ мыслямъ, и нужно было бросить этотъ мостики — посмотрѣлъ Сашѣ въ глаза и спросилъ:

— Газету читали?

— Нѣтъ, не успѣлъ.

— Шестнадцать повѣшено. Ну до свиданья, Погодинъ. А стрѣляете-то вы чудесно, мнѣ отъ вашаге таланта, того-этого, даже жутко стало; не наслѣдственное это у васъ?

Саша опять было нахмурился, но увидѣлъ открытые наивные глаза, съ любопытствомъ глядѣвшіе на него, и засмѣялся:

— Нѣтъ, не думаю. Я мало что унаслѣдовалъ отъ отца. Впрочемъ... я его не помню, онъ умеръ восемь лѣтъ назадъ. Прощайте.

Такъ состоялось ихъ знакомство. И глядя вслѣдъ удалявшемуся Колесникову, менѣе всего думалъ и ожидалъ Саша, что вотъ этотъ чужой человѣкъ, озабоченно попрыгивающій черезъ лужи, вытѣснить изъ его жизни и сестру и мать и самого его поставить на грань нечеловѣческаго ужаса. И глядя на тихое весенное небо, голубѣвшее въ лужахъ и стеклахъ домовъ, менѣе всего думалъ онъ о судьбѣ, приходившей къ нему и о томъ, что будущей весны ему ужъ не видать.

9. Весна.

Во весь этотъ день Саша былъ чрезвычайно веселъ; послѣ обѣда взялъ газету, уже прочитанную домашними, но взглянулъ на заголовки, поймалъ глазами слово „шестнадцать“... и отложилъ въ сторону: не надо почему-то читать, не слѣдуетъ. А вечеромъ, когда высыпали звѣзды и зазвенѣлъ подъ ногами ледокъ, взялъ Линочку подъ руку и пошелъ на Банную гору, откуда днемъ открывался широкий видъ на разлившуюся рѣку. И дорогой ломалъ такого дурака, что Линочка хотела, какъ отъ щекотки: представляялъ, какъ ходить разбитый паралическій генералъ, дѣлалъ видъ, что Линочка барышня, любящая танцы, а онъ ея безумный поклонникъ, прижималъ руки къ сердцу и говорилъ высокопарныя глупости. Братъ и сестра, они невинно и смѣшно играли въ любовь, не подозрѣвая въ себѣ актеровъ, которые шутя готовятся къ завтрашнему трагическому спектаклю, не зная, сколько правды въ ихъ веселой игрѣ.

Совсѣмъ развеселился Саша: изображая крайности безумнаго, не помнящаго себя влюбленнаго, онъ раскачивалъ ее по всей панели, и уже раза два на нихъ оглянулись прохожіе, не то съ улыбкой, не то сердито; и Линочка захлебывалась безсильнымъ смѣхомъ:

— Да родной же мой Сашечка. Ой, не могу!.. ой, колики!

— А-а-а, толстая!—рычалъ онъ отъ звѣрской любви:—полюбишь ты меня, или нѣтъ? Сознавайся, пресловутая!

— Сашка, оставь... ой, упаду!

И кончилось тѣмъ, что столкнулъ ее въ незамерзшую лужу, и Линочка промочила правую ногу и минуты на двѣ серьезно разсердилаась. Но тотчасъ же и отошла, вскинула глаза къ звѣздамъ и сказала:

— Держи меня крѣпче, Саша: я такъ буду идти.

Казалось, что блѣдныя звѣзды плывутъ ей навстрѣчу и воздухъ, которымъ она дышетъ глубоко, идетъ къ ней изъ тѣхъ синихъ прозрачно - тающихъ глубинъ, гдѣ безконечность переходитъ въ сияющей празднике безсмертія; и уже начинала кружиться голова. Линочка опустила голову, скользнувъ глазами по желтому уличному фонарю, ласково покосилась на Сашу и со вздохомъ промолвила:

— Ахъ, Сашечка, еслибы ты всегда былъ такой!

— А что? Ухаживателей не хватаетъ?

Линочка кротко отвѣтила:

— Ты говоришь глупости. Про тебя вчера Женя Эгмонтъ опять спрашивала:

Саша въ темнотѣ покраснѣлъ и сердито сказалъ:

— Я уже просилъ тебя про Эгмонтъ мнѣ не передавать.

— Я знаю. Я и говорю: если бы ты всегда былъ такой, какъ сегодня. Тебѣ скоро будетъ девятнадцать лѣтъ, Сашенька.

— Это мамины слова?

— А если и мамины? — упрямо сказала сестра. — Мама знаетъ, что говорить.

— Ну и я знаю! Вотъ что, Лина: бросимъ-ка это, я не хочу сегодня ссориться.

Какъ-то такъ случилось, что за послѣднее время они нѣсколько разъ серьезно поссорились, и каждый разъ настоящая причина оставалась неизвѣстна, хотя начинался разговоръ съ Сашинаго характера: съ упрековъ, что въ чёмъ-то онъ измѣнился, сталъ не такой, какъ прежде. А онъ ясно сознавалъ, что перемѣна не въ немъ, а именно въ Линочкѣ, которую потянуло въ сторону отъ прежняго пути. Какие-то разговоры о пустякахъ; съ мѣсяца назадъ Линочка вдругъ яростно схватилась за рисование, которое давно бросила, и все жаловалась, даже плакала, что отвыкшая рука не слушается ея. И не съ одной Линочкой онъ началъ ссориться: то же было и въ гимназіи и такъ же неясна оставалась настоящая причина — по виду все было, какъ и прежде, а уже вѣяло чѣмъ-то раздражающимъ и въ разговорахъ незамѣтно воцарялся пустякъ. Еще только вчера, въ субботу, Громанъ рассказалъ на перемѣнѣ скверный анекдотъ и все смѣялись; правда, что потомъ Громана жестоко изругали и онъ, жидкій нѣмецъ, чуть ли не въ слезахъ далъ клятву, что пошлостей разсказывать не будетъ, но фактъ остался: въ первую минуту смѣялись. „Разорвусь, а аттестатъ получу! — подумалъ Саша, вдругъ снова очаровываясь ночью и весной“: „тамъ въ университетѣ будетъ по-другому“.

На Банной горѣ, какъ и днемъ, толпился праздничный народъ, хотя въ темнотѣ только и видно было, что спокойные огоньки на про-

тивоположной слободской сторонѣ; внизу, подъ горой, горѣли фонари и уже растапливалась на понедѣльникъ бanya: то ли паръ, то ли бѣлый дымъ свѣтился надъ фонарями и пропадалъ въ темнотѣ. Въ толѣ заволновались: пробѣжалъ первый въ году маленькой, неизвѣстно чей катеръ, показалъ красный огонь, потомъ зеленый и безшумно скатился въ темень рѣки — маленькой, неизвѣстно чей, такой бодрый и веселый въ своемъ безцѣльномъ ночныхъ скитаніи. На горкѣ закричали:

— Пароходъ! пароходъ!

По женскому смѣху и бубнящему голосу Тимохина разыскали свою компанію, гимназистовъ и гимназистокъ, засѣдавшихъ на скамейкѣ и на нерилахъ, за которыми темнѣль крутой обрывъ и точно падали въ рѣку голыя еще деревья. — Свалившись, Тимохинъ, слѣзы! — уговаривалъ кто-то, а Тимохинъ, видимо хмѣльной, самостоятельно бубнилъ:

— Оставь! Я братъ, въ равновѣсіи собаку съѣлъ. Хочешь, по гипотенузѣ пройду?

Вотъ и это: сталъ запивать честный, молчаливый, когда-то застѣничный, угреватый Тимохинъ, пріобрѣлъ развязность и склонность къ шутовству: надъ нимъ смѣются, а онъ доволенъ и усиленно выставляется. „Эхъ, напрасно я сюда пошелъ!“ — подумалъ Саша и снова покраснѣлъ: ему многозначительно жала руку молчаливая, сдержанная, тревожная въ своемъ молчаніи и красотѣ Женя Эгмонтъ.

Къ гимназисткамъ, подругамъ Линочки и ко всемъ женщинамъ Саша относился съ невыносимой почтительностью, замораживавшей самыхъ смѣыхъ и болтливыхъ: языкъ не поворачивался, когда онъ низко кланялся или торжественно предлагалъ руку и смотрѣлъ такъ, будто сейчасъ она начнетъ служить обѣдню или заговорить стихами; и хотя почти каждый вечеръ онъ провожалъ домой то одну, то другую, но такъ и не нашелъ до сихъ поръ, о чемъ можно съ ними говорить такъ, чтобы не оскорбить, какъ-нибудь не нарушить неловкимъ словомъ того чудеснаго, зачарованнаго сна, въ которомъ живутъ онъ. Такъ, бывало, и молчатъ всю дорогу и торжественно шалятъ; и развѣ только почтительно предупредятъ:

— Осторожнѣе, пожалуйста: здѣсь выворочены камни!

Мученіемъ была эта дорога; и особенно трудно доставалась Женя Эгмонтъ, задумчивая Женя Эгмонтъ, прекрасная Женя Эгмонтъ, стройная и пѣвучая, какъ нильская тростинка. Послѣ первого же раза, когда они промолчали всю дорогу, Саша рѣшительно сказалъ сестрѣ:

— Если хочешь, чтобы я ее провожалъ, ходи вмѣстѣ съ нами. Линочка попытила, но согласилась на условіе, и такъ втроемъ

они и ходили: Линочка болтала, а тѣ двое торжественно шествовали подъ руку и молчали, какъ убитые; а что Женя Эгмонтъ временами какъ будто прижимала руку, то это могло и казаться — такъ легко было прикосновеніе твердой и теплой сквозь кофточку руки. Но каждый разъ сердце у Саша выпадало изъ груди и ноги совсѣмъ переставали чувствовать мостовую: попадись на дорогѣ камень, Саша упалъ бы. И въ жуткомъ чувствѣ забвенія онъ плылъ по воздуху, по воздуху же неся твердую и теплую сквозь кофточку руку.

Поздоровавшись, Женя Эгмонтъ спросила:

— Сейчасъ прошелъ пароходикъ. Вы видѣли?

— Да, видѣлъ — отвѣтилъ Саша и вдругъ поднялся на воздухъ.

Робко вскинулъ онъ свои жуткіе глаза обреченного, и навстрѣчу ему изъ-подъ полей шляпы робко метнулось что-то черное, свѣтлое, родное, необыкновенное, прекрасное — глаза, должно быть? И уже сквозь эти необыкновенные глаза увидѣлъ онъ весеннюю ночь — и поразился до тихой молитвы въ сердцѣ ея чудесной красотою. Но подошелъ пьяный Тимохинъ и отвѣль его въ сторону.

— На два слова, Саша. Саша, товарищъ! — не осуждай меня за пьянство. Они не понимаютъ, а ты все можешь понять и простить. Саша!

Отвѣль еще на два шага и таинственно забурчалъ, дыша водкой въ самое лицо:

— Слушай! — всѣ силы революціи разбиты. Это я только тебѣ по секрету: всѣ силы революціи разбиты.

— Брось пить, противно.

— Саша! — ты чистый, ты этого не поймешь. Читалъ сегодня газету? — ну то-то, тсс! Молчи! Ты вѣришь Добровольскому, я знаю — не вѣрь, Саша. Клянусь! Всѣ они подлецы, я ихъ тонко постигъ и взвѣсилъ. Послушай меня, Саша, товарищъ: иди въ монастырь, какъ Офелия, а я знаю свою дорогу.

Надо было тутъ же уйти, но Саша остался; и нарочно сѣлъ такъ, чтобы не могла подойти Женя Эгмонтъ. Слушалъ въ пол-слуха разговоръ, раза три уловилъ слово „порнографія“, звучавшее еще молодо и свѣжо. Остановилъ вниманіе громкій голосъ Добровольскаго:

— Нѣтъ, вы скажите, почему у русской революціи только и есть похоронный маршъ? Поэты у насть столько, что не перевѣшать, и все первоклассные, а ни одна скотина не догадалась сочинить свою Русскую марсельезу! Почему мы должны довольствоваться объѣдками со стола Европы, или тянуть свою безграмотную панихиду.

Изъ темноты предостерегающе пробубнилъ Тимохинъ:

— Саша! — Слышишь? Еще сапогъ не износила, въ которыхъ шла за гробомъ мужа вся въ слезахъ, какъ Ніобея...

— Башмаковъ, Тимоша, а не сапогъ.

— Самъ ты Тимоша, сапогъ!

— Ну-ка, Тимоша: быть или не быть!

— Слышишь, Саша?

Но смѣхъ смолкъ. Отъ рѣки потянуло холодомъ и нѣсколько минутъ всѣ сидѣли молча. На вѣтвѣздѣ около бань, кто-то невидимый тушилъ фонари, изъ трехъ оставляя горѣть одинъ; зачернѣли провалы. Женскій голосъ спросилъ:

— Читали газеты?

— Да. Шестнадцать.

Послѣ короткаго молчанія кто-то сказалъ молодымъ басомъ, какъ бы заканчивая цѣль размышеній:

— Да, ребята, придется намъ сѣсть за учебу!

Нѣкоторые засмѣялись, Тимохинъ снова трагически пробубнилъ: „слышишь, Саша?“ и кто-то назвалъ его за это Кассандрай и начался какои-то споръ — но Саша уже быстро шелъ по обеялюдѣвшей горкѣ, накидывая шагъ, словно за нимъ гнались, и съ каждой минутой одиночества чувствуя себя все лучше. И опять что-то чудесное по-мерещилось въ весенней ночи и глаза потянуло къ звѣздамъ, какъ давеча у Линочки, но вспомнился Колесниковъ, и радость тихо погасла, а шаги стали медленнѣе и тяжелѣе. „Надо будетъ о немъ разузнать“, подумалъ Саша и прибавилъ: „нѣть, ни ему и никому другому въ мірѣ про Женю Эгмонтъ я не разскажу“.

Елена Петровна удивилась, что Саша вернулся одинъ, и ея иконописные глаза вѣчной матери съ тревогой устремились на сына:

— А Лина? — ужъ не поссорились ли вы опять?

— Да нѣть, мама, — улыбнулся Саша и нѣжно поцѣловалъ еще черную голову матери. — Ее проводять, не беспокойся. Почему ты не допускаешь, что мнѣ захотѣлось побыть съ тобой вдвоемъ? — вѣдь мы же влюбленные!

Темное лицо Елены Петровны освѣтилось:

— Правда?

— Правда. Дай чаю, мамочка.

Уже отъ порога она, обернувшись, спросила:

— Этотъ, ну Колесниковъ — ничего плохого не сказалъ тебѣ?

— Только хорошее. Онъ чудакъ.

Линочка долго не возвращалась и послѣ чая Саша попросилъ матеръ сыграть ему „тренди-бренди“. Краснѣя и все чему-то не вѣря, она сѣла за рояль и сперва стѣснялась, что у нея тугіе и непослуш-

ные пальцы, но уже вскорѣ, къ своему удивленію, вся цѣликомъ отдалась наивной трогательности звуковъ. Нѣтъ имени у того чувства, съ какимъ поетъ мать колыбельную пѣсню—легче ея молитву передать словами; сквозь самое сердце протянулись струны, и звучать оно, какъ драгоценнѣйшій инструментъ, благословляетъ крѣпко, цѣлуетъ нѣжно. Разъ черезъ плечо бросила взглядъ на Сашу и увидѣла: сидѣть, опустивъ голову на ладони рукъ, и слушаетъ и думаетъ—родной сынъ Сапа.

Когда, прощаясь, Саша поднялъ на мать глаза и спросилъ:

— Мама! неужели у тебя нѣтъ ни одного портрета отца: Подумай: я ни разу не видалъ его.

Елена Петровна молча посмотрѣла на него. Молча попла къ себѣ въ комнату,—и молча подала большой фотографической портретъ: туго и нѣмо, какъ изваянныи, смотрѣлъ съ карточки человѣкъ, называемый „Генералъ Погодинъ“ и отецъ. Какъ утюгомъ, загладилъ ретушеръ морщины на лицѣ, и оттого на плоскости еще вылуклѣе и тупѣе казались властные глаза; а на квадратной груди, обрѣзанной погонами, рядами лежали ордена.

10. Колесниковъ.

На другой день Саша навелъ справки о Колесниковѣ, и вотъ что узналъ онъ: Колесниковъ дѣйствительно былъ членомъ комитета и боевой организаціи, по съ мѣсяцѣ назадъ вышелъ изъ партіи по какимъ то очень неяснымъ причинамъ, до сихъ поръ не разъясненнымъ. Одни говорили, что виноватъ Колесниковъ, уже давно начавшій склоняться къ большимъ крайностямъ, и партія сама предложила ему выйти; другіе обвиняли партію въ бездѣятельности и дрязгахъ, о Колесниковѣ же говорили, какъ о человѣкѣ огромной энергіи, имѣющемъ боевое прошлое и дѣйствительно приговоренномъ къ смертной казни за убийство Н—скаго губернатора: Колесникову удалось бѣжать изъ самаго зданія суда, и въ свое время это отчаянно смѣлое бѣгство вызвало разговоры по всей Россіи. Рассказывали также, что Колесниковъ участникъ того знаменитаго случая, когда трое революціонеровъ почти десять часовъ отстрѣливались отъ полиціи и войскъ, окружившихъ домъ, и кончили тѣмъ, что всѣ трое бѣжали изъ подожженаго дома.

„Ну и фигура!—думалъ очень довольный Сапа, вспоминая длинныя ноги, велосипедную шапочку и круглые наивные глаза новаго знакомаго: я вѣдь предположилъ, что онъ не изъ важныхъ, а онъ

воть какой!“ Въ одномъ, наиболѣе освѣдомленномъ мѣстѣ, къ Колесникову отнеслись рѣзко отрицательно, даже съ явной враждебностью и упомянули о какомъ-то чрезвычайно широкомъ, но безумномъ и даже нелѣпомъ планѣ, который онъ предложилъ комитету; въ чёмъ, однако, заключался планъ, говорившій не зналъ, а можетъ быть и не хотѣлъ говорить. О томъ же планѣ и такъ же смутно, недоумѣвая, рассказалъ Сашѣ присяжный повѣренный Ш., самъ не принадлежавшій ни къ какой партии, но бывшій въ дружбѣ и постоянныхъ сношеніяхъ чуть ли не со всей подпольной Россіей.

— Не знаю, не знаю, Господь съ нимъ!—торопливо говорилъ Ш. и пальцами, которые у него постоянно дрожали, какъ у сильно пьющаго или вконецъ измотаннаго человѣка, расправлялъ какія-то бумажки на столѣ: — Вѣроятно, что-нибудь этакое кошмарное, въ духѣ, такъ сказать, времени. Но и то надо сказать, что Василій Васильевичъ послѣднее время въ состояніи... прямо — таки отчаянномъ. Наши комитетчики...

Ш. улыбнулся и, скрывая улыбку, потеръ дрожащими пальцами свой длинный, утинообразный носъ.

— Наши боевики... люди мѣстные, мирные и, такъ сказать, уже отдали дань. Вы слыхали, Александръ Николаевичъ, что на-дняхъ изъ комитета вышли еще двое?

— Я мало освѣдомленъ,—сказалъ Саша и покраснѣлъ.

— Да, да, ну конечно! Да это и не важно, этого уже давно слѣдовало ожидать. А скажите, Александръ Николаевичъ, зачѣмъ собственно...

Но въ эту минуту въ прихожей раздался звонокъ, и уже пожилой, плѣнивый, наполовину сѣдой адвокатъ вздрогнулъ такъ сильно, что Сашѣ стало и жалко его и неловко. И хотя былъ пріемный часъ и по голосу прислуги слышно было, что это пришелъ клиентъ, Ш. на ципочкахъ подкрался къ двери и долго прислушивался; потому, неискусно притворяясь, что ему понадобилась книга,остоять у книжнаго богатаго шкафа и медленно вернулся на свое мѣсто. И пальцы у него дрожали сильнѣе.

— Ужасныя времена!—сказалъ онъ, точно оправдываясь передъ юношой.—Да, такъ что я хотѣлъ васъ спросить? Кажется...

— О Колесниковѣ—зачѣмъ мнѣ понадобились справки—предупредилъ Саша, съ тоскою глядя на дрожащіе, блѣдныя пальцы съ синеватыми шлифованными ногтями.—Меня просто заинтересовалъ этотъ человѣкъ.

— Да, да, ну конечно, онъ человѣкъ интересный. Я собственно и не желаю вмѣшиваться...—онъ виновато опустилъ глаза и вдругъ

рѣшительно сказалъ:—я хочу только предупредить васъ, Александръ Николаевичъ, что во имя, такъ сказать, дружбы съ Еленой Петровной и всей вашей милой семьей—будьте съ нимъ осторожны! Онъ человѣкъ безусловно честный, но... увлекающійся.

И уже у двери, провожая Сашу, онъ сказалъ:

— Странное явленіе: я уже два мѣсяца не имѣю извѣстій отъ моего Франца. Положимъ и вся ваша братія, студенты — вѣдь вы почти уже студенты!—неохотно пишутъ родителямъ, по сегодня вдругъ получаю обратно денежный переводъ. Придется, пожалуй, самому отвезти, а? — онъ неестественно засмѣялся и закашлялся. И откашлявшись, съ хрипотою въ голосѣ уже серьезно прошепталъ:

— Да: всѣ силы революціи разбиты.

Нѣсколько дней Саша напрасно поджидалъ Колесникова—самъ идти не хотѣлъ, хотя узналъ и адресъ—и уже рѣшилъ, что встрѣча и разговоръ ихъ были чистою случайностью, когда на пятый день, вечеромъ, показалась велосипедная шапочка. Выяснилось, что отъ промоченныхъ ногъ Колесниковъ простудился и два дня совсѣмъ не выходилъ изъ дома. Къ огорченію Сапи, ни о своемъ загадочномъ планѣ и ни о чѣмъ важномъ и интимномъ Колесниковъ говорить не сталъ, а вѣль себя, какъ самый обыкновенный знакомый: разспрашивалъ Погодина о гимназіи и подшучивалъ надъ гимназистами, которые недавно сѣли въ лужу съ неудавшейся забастовкой. Подъ конецъ, даже заскучалъ и откровенно зѣвнуль. „Успокою маму!“—подумалъ Саша и предложилъ ему пойти пить чай въ столовую. Колесниковъ оживился.

— Съ удовольствіемъ, того-этого. Я и самъ хотѣлъ попроситься, да знаю, какъ у васъ въ семье строго насчетъ знакомствъ. Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ!

„И откуда онъ все знаетъ?“—нахмурился Саша и съ нѣкоторой тревогой повелъ гостя въ столовую. Но съ первыхъ же словъ, съ неловкаго, но почтительного поклона и вопроса о здоровыи Елены Петровны повелъ себя такъ просто и даже душевно, какъ будто вѣкъ былъ знакомъ и былъ лучшимъ другомъ семьи. Страннымъ было то любопытство, съ которымъ онъ оглядывалъ квартиру: не только въ гостиной изучилъ каждую картинку, а для нѣкоторыхъ лазилъ даже на стулъ, но попросилъ показать всѣ комнаты, забрель въ кухню и заглянулъ въ комнату прислуги. Впрочемъ, и всѣ, первый разъ бывавшіе у Погодиныхъ, также любопытствовали; и было не-пріятно только то, что свой инспекторскій осмотръ Колесниковъ могъ заключить какой-нибудь нетактичной фразой и даже упрекомъ—бывало и это въ послѣдніе года. И у всѣхъ отлегло отъ

сердца, когда, верпувшись въ столовую и берясь за охолодавшій чай, Колесниковъ рѣшительно и твердо заявилъ:

— Хорошо, того-этого, чудесно! Молодецъ вы, Елена Петровна. А это что? — шкафъ! То-то въ вашей комнатѣ и книгъ мало, а онъ здѣсь. Ну-ка, ну-ка! Помогите, того-этого.

И со свѣткой полѣзъ смотрѣть книги, а Елена Петровна и Линичка переглянулись съ улыбкой.

— Такъ, такъ! — гудѣлъ онъ, — всегда надо знать, что люди читаютъ. Здорово, того-этого. Ого! — а вы и по-французски читаете?

— Читаю, — отвѣтилъ Саша.

— Вотъ что значитъ, хорошее-то воспитаніе! Искренне завидую. А я пробовалъ въ тюрьмѣ учить итальянскій...

— Почему итальянскій? — улыбнулась Елена Петровна.

— Не знаю, того-этого, посовѣтовали, да все равно не выучилъ. Пока учу, ничего, какъ будто идеть, а начну думать, такъ батюшки мои: русскія-то слова всѣ итальянскія и вышибли. Искалъ я кромѣ того, какъ по-итальянски „того-этого“ да такъ и не нашелъ, а безъ „того-этого“ какой же, того-этого, разговоръ?

Всѣ засмѣялись, а Саша смотрѣлъ на мать, на ея темные, безъ блеска, теперь повеселѣвшіе глаза и думалъ: „а если бы ты знала про эпскаго губернатора, смѣялась бы ты?“

И то понравилось, что за ужиномъ Колесниковъ плотно покушалъ: Елена Петровна боялась людей, которые мало ъдятъ; и то было пріятно, что онъ обратилъ вниманіе па Линочкины таланты и послѣ ужина попросилъ ее поиграть на рояль.

— Ну, а меня извините, — сказалъ Саша, — я пойду позаймусь.

— А какже музыка, того-этого?

— Я ее не слышу. Говорилъ же я вамъ, Василій Васильевичъ, что у меня нѣтъ талантовъ.

Елена Петровна недовольно замѣтила:

— Зачѣмъ такъ говорить, Саша? — я не люблю, когда ты даешь о себѣ невѣрное представлѣніе.

И музыку Колесниковъ слушалъ внимательно, хотя въ его вниманіи было больше почтительности, чѣмъ настоящаго восторга; а потомъ подсѣлъ къ Еленѣ Петровнѣ и завелъ съ нею продолжительный разговоръ о Сашѣ. Уже и Линичка, зѣвая, ушла къ себѣ; а изъ полутемной гостиной все несся гудящій басъ Колесникова и тихій повѣствующій голосъ матери.

— Да, трудно съ дѣтьми, — скромничала Елена Петровна, а глаза у нея свѣтились и въ красной тѣни шелковаго абажура лицо казалось молодымъ и прекраснымъ.

— Хорошій мальчикъ! — убѣжденно гудѣлъ Колесниковъ. — Главное, того-этого, чистый.

— Да ужъ такой чистый!—вздохнула Елена Петровна.—Ахъ, если бы вы знали, Василій Васильевичъ..

И замолчала, задумавшись о мужѣ. Колесниковъ быстро, искоса взглянулъ на нее, но сейчасъ же сдѣлалъ равнодушное лицо и даже засвисталъ потихоньку. Слышино было, какъ въ своей комнатѣ ходить Саша. Еще разъ искоса Колесниковъ взглянулъ на задумавшуюся мать и почувствовалъ, что думы ея надолго, и внимательно началъ оглядывать незнакомую квартиру. И взгляни на него въ эту минуту Елена Петровна, она поразилась и, пожалуй, испугалась бы того вида оцѣнщика, съ какимъ гость какъ бы вторыми гвоздями прибивалъ къ стѣнѣ своимъ взглядомъ каждую картинку, каждую, расшитую ея руками, портьеру. „А папашинаго портрета яѣть“,— подумалъ Колесниковъ и улыбнулся въ бороду. Вдругъ Елена Петровна, продолжая что-то свое, спросила:

— Вы видѣли его глаза?

Колесниковъ нѣсколько замялся.

— Хорошіе глаза, того-этого.

— Нѣть,—а выраженіе?.. Ну да что, Василій Васильевичъ: видно, вамъ никогда не приходилось разговаривать съ матерью, а то знали бы, что мать не переслушаешь. Ого, уже часъ, а Сашенька еще не спитъ. Учится,—улыбнулась она:—какъ онъ ни скрытничаетъ, а знаю я, до чего ему хочется въ университетѣ!

И съ этого вечера, о которомъ впослѣдствіи безъ ужаса не могла вспомнить Елена Петровна, началось нѣчто страшное: Колесниковъ сталъ чуть ли не ежедневнымъ гостемъ, приходилъ и днемъ, въ праздники, сидѣлъ и цѣлые вечера, и по тому, какъ мало придавалъ онъ значенія отсутствію Саши казалось, что и ходить онъ совсѣмъ не для него. Первое время Елена Петровна была очень довольна, но уже скоро стала задумываться и тревожиться; и тревожило ее все то же ненасытимое любопытство, съ какимъ Колесниковъ продолжалъ присматриваться къ вещамъ и людямъ. „И чего онъ высматриваетъ?—и чего онъ ищетъ?“—волновалась Елена Петровна и однажды пожаловалась даже Линочкѣ.

— Ахъ, да мало ли кто къ намъ ходить, мамочка. Ты только вспомни, сколько у насъ опять народу бываетъ.

— Народу бываетъ много! Но только почему все разспрашивается о Сашѣ, а приходить тогда, когда Сашеньки и дома нѣть. Мнѣ это не нравится.

— Очень просто: потому что Саша самый интересный человѣкъ. Вотъ и Женя Эгмонтъ...

— Бѣдная Женя!

— Бѣдная Женя.

Обѣ онѣ улыбнулись, и въ улыбкѣ сестры было столько же гордости, какъ и въ улыбкѣ матери. Бѣдная Женя Эгмонтъ! Но хоть и засмѣялась Линочка, а сама почувствовала беспокойство, и такъ же съ тревогой начала приглядываться къ Колесникову,—но сколько ни глядѣла, ничего понять не могла. И временами успокаивалась, а минутами въ прозрѣніи сердца ощущала столь сильную тревогу, что къ горлу поднимался крикъ—то ли о немедленномъ отвѣтѣ, то ли о немедленной помощи. А Елена Петровна со стыдомъ и раскаяніемъ думала о своемъ грѣхѣ: этому незнакомому и въ концѣ концовъ подозрительному человѣку, Колесникову она разсказала о томъ, чего не знала и родная дочь—о своей жизни съ генераломъ.

Смущало и то, что Колесниковъ, человѣкъ, видимо, съ большимъ революціоннымъ прошлымъ, не только не любилъ говорить о революціи, но явно избѣгалъ всячаго о ней напоминанія. Въ то же время, по случайно оброненнымъ словамъ, замѣтно было, что Колесниковъ не только дѣятель, но и историкъ всѣхъ революціонныхъ движений—кажется, не было самаго ничтожнаго факта, самаго мѣньшаго имени, которые не были бы доподлинно, чутъ ли не изъ первыхъ рукъ ему известны. И разъ только Колесниковъ всѣхъ поразилъ.

Саша былъ дома, и всѣ сидѣли въ столовой, когда зашла рѣчь о какомъ-то провокаторѣ, только что объявленномъ газетами. Елена Петровна кончала брезгливую фразу, когда Колесниковъ вдругъ вскочилъ и завертѣлся на четырехъ шагахъ.

— Какъ это можно? Какъ это можно?—неистово загудѣлъ онъ, какъ придорожный въ полѣ столбъ, на который съ размаху налетѣлъ бурный вѣтеръ.—Боже ты мой, какое, того-этого, наказаніе, глазамъ вѣдь смотрѣть стыдно. Какое наказаніе! А оттого, что народъ забыли, руки не чисты, что все бабники, того-этого, сластены, приходы дѣлять! А что такое революція? Кровь же народная, за нее отвѣтъ надо дать—да какой же ты отвѣтъ дашь, если ты не чистъ? Какой же въ тебѣ, того-этого, смысль! Жизнью жертвуюешь, да? А жандармъ не жертвуетъ?—а сыщикъ не жертвуетъ?—а любой дуракъ на автомобилѣ не жертвуетъ?

Саша хмуро смотрѣлъ внизъ и вздрогнулъ, когда голосъ загудѣлъ прямо надъ его головою.

— Нѣть, ты будь чистъ, какъ агнецъ! Какъ стеклышко, чтобы насквозь, того-этого, свѣтилось! Не на гульбище идешь, а на жертву,

на подвигъ, того-этого, мученическій, и долженъ же ты каждому открыто. безъ стыда, взглянуть въ глаза!

Саша поднялъ глаза; и твердо приняли эти жуткіе, обведенныі самой смертью глаза суровый и жестокій взглядъ круглыхъ, почти безумно горящихъ глазъ Колесникова. И уже говоря прямо въ чистую глубину юношескаго взора, забывъ о поблѣднѣвшей Еленѣ Петровнѣ, онъ изступленно продолжалъ:

— Дай мнѣ чистаго человѣка, и я съ нимъ на разбой пойду...

— Охъ Господи!—даже вскрикнула Елена Петровна и замахала руками:—молчите вы—молчите!

— Да, на разбой, и самый разбой, того-этого, его чистотой освящу. Извѣ кабака церковь сдѣлаю, вотъ какъ, того-этого! А съ пьянымъ попомъ и церковь кабакъ!

— Да замолчите же вы!—задохнулась Елена Петровна:—поймите, поймите же вы, сумасшедшій же вы человѣкъ, что и дѣла, дѣла должны быть чисты!

Стихій Колесниковъ угрюмо покосился на нее своимъ лошадинымъ глазомъ и проворчалъ:

— Дѣла? А дѣла, того-этого, кто же дѣлаетъ? Люди же. Вздоръ! Ну да ладно, увлекся, я человѣкъ увлекающійся, того-этого. Только вы меня извините, Елена Петровна, а мое мнѣніе такое, что только на чистой крови выростаютъ цвѣты... будь бы я поэтъ, стихи бы на эту тему написалъ. Да что стихи! Вотъ вы засмѣяетесь, а я вамъ подъ видомъ шутки такія слова скажу: если террористъ не повѣшенъ, такъ онъ, того-этого, только половину дѣла совершилъ, да и то худшую. Убить-то и дуракъ можетъ, да и вообще дураку убивать споручнѣе. Вѣрно, Александръ Николаевичъ?

Но тутъ удивилъ всѣхъ Саша. Вдругъ громко разсмѣялся и, подойдя къ Колесникову, положилъ какъ будто перѣшительнымъ движениемъ руку на его плечо. И ласково глядя въ суровые, еще не потухшіе глаза, такъ же нерѣшительно сказалъ:

— Василій Васильевичъ!..

— Ну?

Глаза свѣтились все ласковѣе и насыщеннѣе, и что-то потертъяное, одинокое, давно ждущее ласки испуганно метнулось въ отвѣтномъ взорѣ Колесникова.

— Василій Васильевичъ! А чай-то вашъ опять остылъ!

Елена Петровна укоризненно качнула головой, не зная, какъ принять Сашину выходку; Колесниковъ же съ обиженнымъ, какъ ей показалось, видомъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Ну ладно: остылъ, такъ и пить, того-этого, не стоитъ. Прощайте, пойду въ свою одиночку.

И вдругъ, чего не бывало никогда, неловко поцѣловалъ руку у Елены Петровны; и пока она также неловко искала губами его лобъ среди колючихъ шершавыхъ волосъ, тихо буркнуль:

— За сына!

И что ей еще показалось: будто черные, круглые, еще недавно такие свирѣпые глаза были влажны отъ слезы. „А я въ Сашенькъ усумнилась,—подумала она благодарно,—нѣть, никогда мнѣ, глупой, его не оцѣнить“.

— Я васъ провожу, Василій Васильевичъ!—предложилъ Саша.— Вы ничего не имѣете противъ?

— Пожалуйста. Буду радъ.

Въ передней Елена Петровна хотѣла спросить сына, когда онъ вернется, но не рѣшилась и вмѣсто того заботливо сказала:

— А ты въ весеннемъ пальто, Саша. Не было бы холодно.

— Ночь теплая. Одну минутку, Василій Васильевичъ, папиросы забылъ.

Уже одѣвшійся Колесниковъ стоялъ бокомъ къ выходной двери и, опустивъ голову, молча ждалъ. Что-то спросила Елена Петровна, но онъ не отвѣтилъ, не слыхалъ, должно быть: и такъ же молча, не оборачиваясь, вышелъ, какъ только показался Саша.

Все это было беспокойно, и до часу Елена Петровна не ложилась, поджидала сына; потомъ долго молилась передъ иконой Божьей Матери Утоли Моя Печали и хотѣла уснуть, но не могла: вспоминался разговоръ и съ каждою минутою пугалъ все больше. „Говорить, что теплая ночь, а какъ деревья шумятъ. Не могу я привыкнуть къ ихнему шуму и все кажется: идетъ что-то страшное. Это тогда меня черная сотня напугала. Какое время, Богонарица, какое время! И какъ это можно, чтобы сынъ Саша одинъ бродилъ гдѣ-то въ темнотѣ, одинъ въ темнотѣ—а деревья шумятъ“...

Уже сквозь тяжелую дрему услыхала Сашинь шаги и черезъ дверь окликнула.

— Ты не спиши мама?

— Пріоткрой дверь. Нѣть, не сплю. Ты у него былъ?

— Нѣть. Мы ходили по улицѣ.

— Ты не озябъ? Молоко въ столовой.

— Спасибо, я знаю. За рѣкой, на той сторонѣ, огромное зарево, какая-то деревня, не то усадьба горитъ.

— Какая?

— Не знаю. Огромный пожаръ. Ты что говоришь?..

- Я сказала: Господи! Ну иди, я буду слатъ...
- Не слышу.
- Какъ деревья шумятъ! деревья шумятъ. Спокойной ночи.

11. Ночами.

...Когда Саша предложилъ себя для совершения террористического акта надъ губернаторомъ, онъ и самъ какъ-то не вѣрилъ въ возможность убийства и отказъ комитета принялъ, какъ нѣчто заранѣе известное, такое, чего и слѣдовало ожидать. И только на другой день, проснувшись и вспомнивъ о вчерашнемъ отказѣ, онъ понялъ значеніе того, что хотѣлъ сдѣлать, и почувствовалъ ужасъ передъ самимъ собою. И особенно испугала его та легкость, почти безуміе, съ какимъ пришелъ онъ къ рѣшенію совершить убийство, полное отсутствія сомнѣній и колебаній.

Когда онъ рѣшилъ убить Телепнева? Да въ ту же, кажется, ночь, когда мать плакала въ его комнатѣ и рассказывала о генералѣ—чуть ли не въ ту же самую минуту, какъ услыхалъ слово: „отецъ“... И, рѣшивъ, уже не думать о рѣшенніомъ, а только искалъ пути; и дѣйствовалъ такъ настойчиво, осторожно и умно, что добрался-таки до комитета—и только воля другихъ, чужихъ, почти незнакомыхъ людей отклонила его отъ убийства и смерти: спасти Саша не думалъ и даже не хотѣлъ. И странно было то и особенно страшно, какъ во снѣ: каждый день, видя мать, поцѣловавшись съ нею передъ тѣмъ, какъ идти въ комитетъ, онъ нисколько не думалъ о ней, упускаль ее изъ виду просто, естественно и страшно.

. Потрясеніе было такъ сильно, что на вѣсколько дней Саша захоралъ, а поднявшись, рѣшилъ во что бы то ни стало добыть аттестатъ: казалось, что всѣ запутанные узлы, противорѣчія и неясности долженъ разрѣшить университетъ. И дѣйствительно, сѣль заниматься, и съ необыкновеннымъ чувствомъ удовольствія зажегъ въ тогъ вечеръ лампу; но какъ только раскрылъ онъ книгу и прочелъ первую строчку—ощутилъ чувство столь горькой утраты, что захотѣлось плакать: словно съ отказомъ отъ убийства и смерти онъ терялъ мечту о неизѣянномъ счасти. Словно именно въ эти дни безумія и почти сна, странно спокойные, бодрые, полные живой энергіи, онъ и былъ тѣмъ, какимъ рожденъ быть; а теперь, съ этой лампой и книгой, стала чужимъ, ненужнымъ, какъ-то печально неинтереснымъ: безталаннымъ Сашей... Въ характерѣ его было не отказываться отъ разъ принятаго рѣшенія, пока не станетъ невозможнно; и онъ упорно рабо-

таль, но все безрадостнѣе и фальшивѣе становился безпѣльный, пе-
нужный трудъ. Вдругъ стало стыдно читать газеты, въ которыхъ
говорилось о казняхъ, разстрѣлахъ и изъ каждой строки глядѣла
безумно-печальными глазами окровавленная, дымящаяся, горящая
истерзанная Россія. Дня по три и по четыре не развертывалъ онъ
газеты,—но тѣ, кто прочитывалъ ее отъ строки до строки, не были
мрачнѣе и сердцемъ освѣдомленнѣе, нежели несчастный юноша, въ
крови своей чуявший созвучья проливаемой крови.

И стало такъ: по утрамъ проснувшись, Саша радостно думалъ
объ упиверситетѣ; ночью, засыпая—уже всѣмъ сердцемъ не вѣрилъ
въ него и стыдился утренней радости и мучительно доискивался
разгадки: что такое его отецъ-генералъ? что такое онъ самъ, чув-
ствующій въ себѣ отца то какъ злѣйшаго врага, то любимаго, какъ
только можетъ быть любимъ отецъ, источникъ жизни и сердечнаго
познанія? Что такое Россія?

Но все меныше спалъ Саша, охваченный острымъ непроходящимъ
волненіемъ, отъ котораго начиналось сердцебиеніе, какъ при болѣзни,
и желтая тошнота, какъ тревога предчувствія, дѣлала грудь мучительно
и страшно пустою; и уже случалось, что по цѣлымъ почамъ Саша
лежалъ въ безсонницѣ и, какъ въ дѣствѣ, слушалъ немолчный гулъ
деревъ. Давно уже смолкъ этотъ могучій, ровный, вѣцій гулъ, раз-
мѣненный на понятную человѣческую рѣчь, и съ удивленіемъ, по-
корностию и страхомъ слушалъ Саша забытый голосъ, звавшій его
въ темную глубину невѣдомыхъ, но когда-то испытанныхъ сновъ.
Гасли четкія мысли, такія твердныя и общія въ своей словесной скор-
лупѣ; теряли форму образы, умирало одно сознаніе, чтобы дать
место другому. Обнаженный, какъ подъ ножомъ хирурга, лежалъ
Саша навзничъ и въ темнотѣ всѣмъ легкимъ тѣломъ своимъ пилъ
сладостную боль, томительные зовы, нѣжные призывы. Зоветъ глубина
и ширь; открыла вѣщіе глаза пустыня и зоветъ материнскимъ, жут-
кимъ голосомъ: Саша! сынь!

Осторожно, чтобы не разбудить кого-то, Саша раздергиваетъ на
груди ночную сорочку, все шире обнажаетъ молоденкую, худую, еще
неокрѣпшую грудь и подставляетъ ее подъ выстрѣлы ружей. Мол-
чить и ждеть. И плачетъ такъ тихо, что не услыхала бы и мать, ска-
зала бы, улыбаясь, что спить тихо сынъ ея Саша. Однажды въ такую
ночь, Саша безшумно спустился съ кровати, сталъ на колѣни и долго
молился, обративъ лицо свое въ темнотѣ къ изголовью постели, гдѣ
привѣщенъ былъ матерью маленькой образокъ Божьей Матери Уто-
ли Моя Печали. Уже нѣсколько лѣтъ не молился Саша, но по вернувшейся
привычкѣ крестился, стараясь захватывать плечи: звалъ Бога

ла помошь и предавалъ Ему жизль свою и духъ. На утро Сашъ стало неловко, и больше онъ не молился; но радостную и свѣтлую память объ этой ночной молитвѣ онъ донесъ до самой своей ранней могилы.

Въ это сумеречное время, короткое по днямъ, но такое долгое по чувству, Саша пережилъ нѣсколько почти счастливыхъ мгновеній: это когда онъ пожертвовалъ своей любовью къ Женѣ Эгмонтъ. „Будеть такая пошлость, если я ее полюблю“ — подумалъ онъ совсѣмъ неподходящими словами, а по острой боли сердца понялъ, что отдаетъ драгоцѣнное и тѣмъ искупаетъ какую-то, все еще неясную вину. И эту острую боль, такую немудрую и солнечно-простую, онъ съ радостью нѣсколько дней носилъ въ груди, пока ночью не придушила ее грубая и тяжелая мысль: а кому дѣло до того, что какой-то Саша Погодинъ отказывается любить какую-то Евгению Эгмонтъ? „Какъ купецъ, который накралъ, а потомъ жертвуетъ гравенникъ“, — подумалъ Саша опять-таки неподходящими словами, чувствуя, какъ снова охватываетъ душная ночная хмара.

И только одно спасло его въ эти дни отъ самоубійства: та желтая тошнота, тревога предчувствія, знакъ идущаго, вѣрная подруга незавершенной жизни, при появлѣніи которой не вѣрилось ни въ университетъ, ни въ свое лицо, ни въ свои слова. Нужно только подождать, еще немного подождать: слишкомъ грозенъ былъ зовъ взволнованной земли, чтобы остаться ему гласомъ воющаго въ пустынѣ.

Тутъ и пришелъ Колесниковъ...

12. Дальнѣйшее обѣ отцѣ.

Послѣ ночной прогулки Елена Петровна съ тревогой смотрѣла на Сашу и поджидала Колесникова: но Колесниковъ три дня не приходилъ, а Саша весь три дня сидѣлъ дома и былъ очень нѣженъ — все, что и требовалось для короткаго спокойствія. Явился Колесниковъ въ субботу, когда у Погодиныхъ собрались гимназисты и гимназистки, среди нихъ и Женя Эгмонтъ. Бродили по подсохшему саду, когда среди голыхъ кустовъ показалась велосипедная шапочка и черная борода неизрѣятнаго гостя и загудѣлъ издалека его глухой, словно изъ-подъ земли, ворчашій басъ; и самъ Саша съ видимой холдностью пожалъ ему руку.

— Чудесный закатъ! — сказалъ Колесниковъ, спокойно усаживаясь на скамейкѣ какъ разъ по серединѣ между Линой и Женей Эгмонтъ:

— Къ моему лицу идетъ, того-этого, какъ нельзя лучше.

Небо между голыми сучьями было золотисто-желтое и скорѣй походило на осенне; и хотя всѣ лица, обращенные къ закату, отсвѣчивали теплымъ золотомъ и были красивы какой-то новой красотой—улыбающееся лицо Колесникова рѣзко выдѣлялось неожиданной прозрачностью и какъ бы внутреннимъ свѣтомъ. Черная борода лежала какъ приклеенная, и даже несчастная велосипедная шапочка не такъ смущала глазъ: и на нее пала крупица красоты отъ небесныхъ огней.

— Да вы въ зеркало смотритесь! — крикнула Линочка, которой въ эту минуту очень понравился Колесниковъ.

— Смотрюсь, того-этого. Лицо—зеркало души.

— Глаза, а не лицо,—поправила гимназистка, и начался пустой, легкій и веселый разговоръ, въ которомъ Колесниковъ оказался не послѣднимъ. Онъ беззаботно шутилъ, звалъ всѣхъ лѣтомъ по грибы, и только знаяшій его Саша замѣтилъ два-три долгихъ взгляда, искоса брошенныхъ на Женю Эгмонтъ. „Если бы я зналъ, о чемъ съ ней говорить, я бы къ ней подошелъ: пусть онъ не думаетъ глупости“, — сердито, почти гнѣвно подумалъ Саша и отправился въ домъ, куда уже звали пить чай. И еще разъ взглянулъ на желтое небо, горѣвшее между неподвижными теперь и молчаливыми деревьями, и, подумавъ про садъ, улыбнулся тихо: „да, для васъ онъ молчитъ“!

Всѣдѣ за нимъ и всѣ тронулись къ дому, къ его привѣтно засвѣтившимся окнамъ, когда Колесниковъ остановилъ Лину:

— На два слова, дорогая. Что это за барышня, что сидѣла рядомъ со мною? Очень красивая, того-этого, дѣвица.

— Еще бы некрасивая!—сказала Линочка съ гордостью.—Ея фамилія Эгмонтъ.

— Такъ, такъ, Эгмонтъ! Изъ какихъ же она?

— Отецъ ея директоръ банка. Да неужто же вы не знаете: Эгмонтъ? Ихъ весь городъ знаетъ.

— Какъ же, какъ же, теперь и я знаю. Строгая, того-этого, семья, въ каретѣ напу грязь мѣсить. Какъ-же это они ее къ вамъ пускаютъ?

Линочка вспыхиваетъ:

— Ну и глупости! Это вы забываете, что папа былъ генераломъ, а они прекрасно помнятъ. Все-таки ваша правда: препротивные они люди.

— И часто она у васъ бываетъ?

„Чего онъ выспрашиваетъ?“—подумала Линочка, и ее снова охватила та мучительная тревога за Сашу, отъ которой хотѣлось кричать. Покраснѣвъ, она отбросила ногой темпѣвшій на дорожкѣ прошлогод-

пій листокъ, хотѣла промолчать, но не выдержала и взглянула прямо въ глаза Колесникову:

— Вы, Василій Васильевичъ, должно быть ужасно злой человѣкъ! Ужасно!

Широкія плечи Колесникова съежились, какъ отъ неожиданнаго удара, въ глазахъ его, устремленныхъ на Линочку, снова метнулось что-то потерянное, одинокое, давно и напрасно ждущее ласки. И уже начала раскаиваться Линочка, когда Колесниковъ грузно поднялся и сказалъ тихо и печально:

— Что-жъ, того-этого, можетъ быть вы и правы. Только если это злость, то...

Онъ махнулъ рукой, не окончивъ фразы, и пошелъ къ дому; и широкая спина его гнулась, какъ у тяжко больного или побитаго. Въ столовой, однако, подъ свѣтомъ лампы, онъ оправился и сталъ спокоенъ и ровенъ, какъ всегда, но уже больше не шутилъ и явно избѣгалъ смотрѣть на Женю Эгмонтъ. Когда же всѣ разошлись, по-просился въ комнату къ Сашѣ: „Ахъ, если бы я смѣла подслушивать!“—мелькнуло въ головѣ у Елены Петровны.

— Мнѣ не нравится, Василій Васильевичъ, началъ Саша прямо:— что вы шутите и вообще притворяетесь такимъ простакомъ. Этимъ вы вводите въ заблужденіе всѣхъ... всѣхъ нашихъ. И значеніе вашихъ взглядовъ я понимаю: тоже не хорошо!

Колесниковъ уныло подумалъ: „Боже ты мой! то сестра, а то ётотъ: вотъ она, чистота!“—и покорно отвѣтилъ:

— Что-жъ, того-этого, и это правда! Только я полагаю, Александръ Николаевичъ, что не гоже петлю рапыше времени накидывать, успѣютъ, того-этого, ваши-то намучиться. Что же касается моихъ поглядокъ, то я же вамъ откровенно объяснилъ причину: вѣдь я васъ сватать пришелъ и нужно же мнѣ было повидать женихову, того-этого, родину.

Саша не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ у стола въ своей любимой позѣ: ногу положивъ на ногу и опустивъ глаза на кончики сложенныхъ на колѣньяхъ пальцевъ, и красивое лицо его было спокойно, холодно и непроницаемо. Можно было сколько угодно смотрѣть на это холодное лицо,—и ни одна черта не дрогнетъ, не выразить того волненія, которое вызываетъ человѣческій пристальный взглядъ. „Такъ онъ и смерть встрѣтить“,—почувствовалъ Колесниковъ и на одно мгновеніе въ нерѣшимости остановился. Потерь подъ бородою горло и словно ётотъ жестъ, облегчавшій дыханіе, успокоилъ его и обычную твердость придалъ слегка размякшій чертамъ. И холодно началъ:

— Да, того-этого, родня... Вотъ и еще хотѣлъ я васъ спросить,

да случая не представлялось. Скажите, Александръ Николаевичъ, какъ собственно звали вашего отца?—Николай?..

— Николай Евгеньевичъ.

— Энъ Е значить? Да, того-этого, такъ и тотъ офицеръ названъ: Н. Е. Погодинъ. Это я въ одной старой газеткѣ прочелъ про нѣкій печальный случай: офицеръ Н. Е. Погодинъ зарубилъ шашкой какого-то студента. Лѣтъ двадцать назадъ, того-этого, давно ужъ!

— Какъ это произошло?

— А такъ произошло, что стоять этотъ офицеръ въ охранѣ—особы, того-этого, проѣзжали — ну и, конечно, толпа, и студентикъ этотъ выразился довольно непочтительно, а онъ его шашкой. На смерть, однако.

— Офицеръ былъ пьянъ?

— Нѣтъ, того-этого, не сказано. А студентикъ-то дѣйствительно былъ выпивши, трезвый-то кто-жъ на охрану полѣзть. А можетъ и дуракъ былъ, а его за пьяного приняли, не знаю, того-этого. Всико бываетъ.

— Вы навѣрно помните его фамилію?

— Помню. Фамилія очень простая: Стекловъ. Судя по вопросамъ вашимъ, не видно, чтобы вы этотъ случай помнили или знали... можетъ быть, того-этого, тутъ просто совпаденіе? Всяко, говорю, бываетъ.

Саша взглянулъ на Колесникова и отвѣтилъ со спокойной разсудительностью:

— Не думаю, чтобы совпаденіе. Да отчего же такому случаю и не быть? Офицера судили?

— Нѣтъ.

— Да и не все ли равно, отецъ это или кто-нибудь другой? Не вамъ, Василій Васильевичъ, удивляться такимъ случаямъ... да и не мпѣ, пожалуй, хоть я на двадцать лѣтъ васъ моложе. Вы что-то еще хотѣли мнѣ разсказать?

Уже обманутъ былъ Колесниковъ спокойствіемъ голоса и холодомъ словъ и что-то воистину злобное уже шевельнулось въ его душѣ, какъ вдругъ замѣтилъ, что Саша медленно потираетъ рукой свою тонкую юношескую шею — тѣмъ самымъ жестомъ освобождаются отъ петли, какимъ онъ самъ педавно. И потухло злобное, и что-то очень похожее на любовь смутило жестокое сердце, одичавшее въ одиночествѣ, омертвѣвшее въ боли собственныхъ ранъ: „Бѣдный ты мой мальчикъ, да за что же такое наказаніе! Боже ты мой, Боже ты мой!“. Опустилъ голову, чтобы не видѣть руки, медленно потирающей юношескую тонкую шею; и услышалъ, какъ

въ гостиной подъ неувѣренными пальцами тихо запѣль рояль: что-то нѣжное, лепечущее, наивное и трогательное, какъ первый дѣтскій сонъ. Издалека донесся стукъ посуды: должно быть въ кухнѣ перемывали на ночь, послѣ гостей, тарелки—шла въ домъ своя жизнь.

Саша пріоткрылъ дверь и громко сказалъ:

— Не надо, мамочка. Потомъ!

Музыка смолкла.

— Саша, пойди сюда на минутку.

Извинился и вышелъ. Надъ постелью, крытой бѣлымъ тканевымъ одѣяломъ, поблескиваль маленький золоченый образокъ, былъ привязанъ къ желѣзному пруту—сразу и не замѣтишь. Въ порядкѣ лежали на столѣ книги въ переплетахъ и тетради; на толстой, по видимому, давнишней, оправленной въ дерево резинѣ было вырѣзано ножичкомъ: Александръ Погодинъ, уч... дальше состругано. Такъ хорошо изучилъ домъ Колесниковъ, а теперь казалось, что въ первый разъ попалъ.

— Такъ вотъ, Василій Васильевичъ,—сказалъ Саша, входя и закрывая дверь,—я хотѣль васъ попросить продолжить напѣтъ разговоръ, что тогда на горѣ. Горѣла-то дѣйствительно усадьба, вы знаете?

Колесниковъ поднялся и коротко простился съ Сашей:

— Прощайте.

— Куда же вы? Вы хотѣли поговорить.

— А теперь, того-этого, домой захотѣль.

Саша вспомнилъ его „домъ“—заходилъ разъ: комнатку отъ сапожника, грязную, тухлую, воняющую кожей, заваленную газетами и старымъ заношеннымъ платьемъ, пузырекъ съ засохшими чернилами, комки весенней грязи на полу... Помолчали.

„Солгать бы ему, что фамилію офицера перепуталъ?—да нѣтъ, не стоитъ: отъ судьбы все равно не уйдешь“.

„Пойти проводить его?—вѣдь все равно не усну. Да нѣтъ, пускай: отъ судьбы не уйдешь. Но какая страшная будетъ ночь!“

— Прощайте.

— Прощайте.

13. Н е л ь з я ж д а т ь.

На южной недѣлѣ, въ воскресенье, въ апрѣльской погожій и теплый, совсѣмъ лѣтній день, Колесниковъ и Саша, захвативъ ъды, съ утра ушли за городъ и возвращались только поздней ночью.

Уже стемнѣло, и шоссе, по которому они быстро шагали, едва

свѣтилось. Справа оть дороги земля пропадала въ неподвижной, теплой мглѣ, и нельзя было увидѣть, что тамъ: лѣсъ или поле; и только по душному, открытому, ночному запаху вспаханной земли, да по особенной бархатной чернотѣ чувствовалось поле. Но еще чернѣе, до слѣпоты, была лѣвая сторона, надъ которой зеленѣлъ западъ; и горизонтъ былъ такъ близокъ, что, казалось, изъ самой линии его выростаютъ телеграфные столбы. Разогрѣвшійся оть быстрой ходьбы Саша разстегнулъ куртку и сорочку и голой грудью ловилъ нѣжную и мягкую свѣжестъ чудесной почи, и ему чудилось, будто свершается одинъ изъ далекихъ, забытыхъ, прекрасныхъ сновъ—такъ властны были грезы и очарованіе невидимыхъ полей. А главное, почему было такъ хорошо, и ночь, даже не чувствуемая спящими людьми, была единственной и во всемъ мірѣ, во всѣ года его прекраснѣйшей—это главное было въ Сашиной душѣ: исчезъ холодный стыдъ безталанности и безцѣльного житія и закрыла свой беззубый зѣвъ пустота—Саша уже цѣлыхъ двадцать четыре часа былъ тѣмъ, какимъ онъ рожденъ быть. Легко идется по землѣ, когда скоро умрешь за нее.

— Да, родной мой!..—мягко пѣвучимъ голосомъ говорилъ Колесниковъ и только теперь, слушая его, можно было попять того дурака, который когда-то училъ его пѣнію:—да, родной мой, очень виноватъ я передъ вами. Хоть и повѣрилъ сразу, съ первого же вашего взгляда, а все, думаю, надо, того-этого, провѣрить. Много и жестоко меня били и нѣтъ у меня настоящаго довѣрія къ людямъ—две ноги ясно вижу, а дальше, того-этого, начинаются сомнѣнія. Можеть и сейчасъ—что вы думаете!—сомнѣвался бы да гадаль на гуцѣ, не увидѣть я тогда при заревѣ ваши глаза. Хотите узнать человѣка? Соорудите, того-этого, пожарчикъ и посмотрите, какъ отразится огонь въ его глазу.

— Обо мнѣ не стонть. Говорите лучше о дѣлѣ.

— Да какже не стоить? Вы же и есть самое главное. Дѣло—вздоръ. Вы же, того-этого, и есть дѣло. Вѣдь если изъ бель-этажа посмотрѣть, то что я вамъ предлагаю? Иди въ лѣсъ, стать, того-этого, разбойникомъ, убивать, жечь, грабить—оть такой избави Богъ программы за версту сумасшедшими домомъ несеть, ежели не хуже. А развѣ я сумасшедший или подлецъ?

Нѣкоторое время шли молча. Заговорилъ Саша:

— Моя жизнь, Василій Васильевичъ, никогда не была особенно веселой. Конечно, главная причина моя безталанность, безъ таланта очень трудно быть веселымъ, но есть и другое что-то, пожалуй, по-важнѣе. И вы подумайте, Василій Васильевичъ, этого важнаго я какъ

разъ и не помню! Какъ странно: самаго главнаго, безъ чего и жизнь не понятна, и вдругъ не помнить! Это все равно, что потерять ключь отъ своего дома. А знаю, что было оно, что это не сонъ мнѣ представился; нѣтъ, скорѣе вродѣ того, какъ крикнуть или выстрѣлить надъ соннымъ человѣкомъ: онъ и выстрѣла не слыхалъ, а проснулся весь въ страхѣ или въ слезахъ. Впрочемъ... я совсѣмъ не умѣю говорить.

— Говорите, того-этого.

— Можетъ быть, это произошло тогда, когда я былъ совсѣмъ еще ребенкомъ? И правда, когда я подумаю такъ, то начинаетъ что-то припоминаться, но такъ смутно, отдаленно, неясно, точно за тысячу лѣтъ — такъ смутно! И насколько я знаю по словамъ... другихъ людей, въ дѣтствѣ вокругъ меня было темпо и печально. Отецъ мой, Василій Васильевичъ, былъ очень тяжелый и даже страшный человѣкъ.

— Жестокій?

— Да, и жестокій. Но главное, тупой и ужасно тяжелый, и его ни въ чёмъ нельзя было убѣдить, и что бы онъ ни дѣлалъ, всегда отъ этого страдали другие. И еслиъ хоть когда-нибудь раскаивался, а то нѣтъ! — или другихъ обвинялъ, или судьбу, а про себя всегда писалъ, что онъ неудачникъ. Я читалъ его письма къ матери... давнишнія письма, еще до моего рожденія.

Опять нѣкоторое время молча шагали въ темнотѣ.

— Когда я такъ шагаю,—вдругъ громко и густо загудѣлъ Колесниковъ,—я ясно чувствую, что я мужикъ и что отецъ мой мужикъ. А когда бываю въ комнатѣ или, того-этого, ѿду на пролеткѣ, то боюсь на смѣшокъ и все думаю о двери: какъ бы не забыть, того-этого, гдѣ дверь. А когда падаю или локтемъ ударюсь, то непремѣннѣйше обругаюсь по-материну, хотя ругательство ненавижу. Уронилъ я разъ Милля, толстенная, того-этого, книжища, и тоже обругался; и такъ, того-этого, стыдно стало: цивилизованный, думаю, англичанинъ, а я его такими словами!

Колесниковъ засмѣялся и продолжалъ:

— А разъ въ оперь заснулъ, ей-Богу, правда! Длинная была какая-то, какъ порослячья, того-этого, кишкa. А разъ на выставку меня повели, такъ я три дня какъ очумѣлый деспотъ ходилъ: гляжу на небо да все думаю—какъ бы такъ его перекрасить, того-этого, не нравится оно мнѣ въ такомъ видѣ, того-этого!

Колесниковъ остановился и неистово захототалъ—точно телѣга по шоссе загрохотала. Засмѣялся, глядя на него, и Саша. Внезапно Колесниковъ стихъ и совершенно спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Идемъ! Зря я васъ своими анекдотами перебилъ. Говорите, того-этого. Ночь-то какая чудесная!

— Я про отца.

— Про отца, такъ про отца. Я васъ. Саша, безъ отчества буду звать.

— Завтра я, пожалуй, раскаюсь въ томъ, что говорилъ сегодня, но... иногда усташь молчать и сдерживаться. И ночь, правда, такая чудесная, да и весь день, и вообще я очень радъ, что мы не въ городѣ. Прибавимъ ходу?

— Прибавимъ.

— Что я люблю и уважаю мать, какъ ни одного въ мірѣ человѣка, это понятно...

— Понятно. Слушай, Саша... погоди, идемъ тише!—я тоже, братъ, никогда этого не повторю. Она меня боится и, того-этого, не любить, а я... ее...

Въ голосѣ Колесникова что-то ухнуло — точно съ большой высоты оборвался камень и покатился, прыгая по склону. Замолчалъ. Саша старался шагать осторожно и неслышно, чтобы не мѣшать; и когда смотрѣлъ на свои двигающіяся ноги, ему казалось, что онъ коротки и обрѣзаны по щиколотку: вѣялась въ сапоги придорожная известковая пыль и дѣлала невидимыми.

— Нѣть, того-этого, точка! — не могу сказать. Только вотъ что, Саша: когда буду я умирать, нѣть, того-этого, когда уже умру, наклонись ты къ моему уху и скажи... Нѣть, не могу. Точка.

— Я...

— Молчи! — говорю. Молчи.

Снова молча шагали. Казалось, ужъ не можетъ быть темнѣе, а погасъ зеленый западъ — и тьма такъ сгустилась, словно сейчасъ только пришла. И легче шагалось: видимо, шли подъ уклономъ. Повѣяло сыростью:

— Но вотъ что мнѣ удивительно, — заговорилъ Саша, — я люблю и отца. И смѣшно сказать, за что! Вспомню, что онъ любилъ щи — ихъ у насъ теперь не дѣлаютъ — и вдругъ полюблю и щи и отца, смѣшно! И мнѣ непріятно, что мама... ъсть баклажаны...

— Вздоръ! Нашелъ, чѣмъ упрекнуть, того-этого! Свинство!

— Конечно, вздоръ! — не стоитъ говорить. Или вотъ борода его, тоже нравится. Борода у него была совсѣмъ мужицкая, четырехугольная, окладистая, русая и почему-то помню, какъ онъ ее расчесывалъ; и когда вспомню эту бороду, то ужъ не могу ненавидѣть его такъ, какъ хотѣлъ бы. Смѣшно!

Оба шли и мечтательно смотрѣли передъ собою; круто подни-

малось шоссе и въ темнотѣ чудилось, будто оно отвѣсно, какъ стѣна.

— Борода, конечно. У моего батьки борода тоже вродѣ дремучаго лѣса, а подлецъ онъ, того-этого, преестественный. Вздоръ! Мистика!

— Нѣть, не мистика!—уже серьезно и даже строго сказалъ Саша, и почувствовалъ въ темнотѣ Колесниковъ его нахмутившееся, вдругъ похолодѣвшее лицо.—Если это мистика, то какъ же объяснить, что въ дѣствѣ я былъ жестокъ? Этому трудно повѣрить, и этого не знаетъ никто, даже мама, даже Лина, но я былъ жестокъ даже до звѣрства. Прятался, но не отъ стыда, а чтобы не помѣшиали и еще потому, что съ глазу на глазъ было пріятнѣе, и ужъ никто не отниметъ: онъ да я!

— Кто онъ?

— Кто-нибудь, мало ли на свѣтѣ живого! Хотите, расскажу вамъ про кота? Быть у насъ котъ—это еще при жизни отца въ Петербургѣ—и такой несчастный котъ: старый, облѣзлый, его даже котята не уважали и когда играли, то били его по мордѣ. Несчастный котъ! И всего несчастнѣе былъ онъ черезъ меня: мучилъ я его ежедневно, систематически, не давая отдыху ни на минуту—хожу бывало и все его ищу. На людяхъ дѣлаю видъ, что даже не замѣчаю, а какъ одни, или во дворѣ за сараемъ поймаю—былъ такой глухой уголь и онъ, дуракъ, ходилъ туда спасаться—такъ или камнемъ его, или прижму полѣномъ и начну волоски выдергивать. И вы подумайте, до чего дошелъ его страхъ: даже кричать пересталъ, точно не изъ живого, а изъ мѣха дергаю! И вотъ разъ вечеромъ вошелъ я въ кухню, а тамъ никого, и сидитъ на полу котъ, опустилъ облѣзлую морду, дремлетъ, должно быть, въ теплѣ. Увидѣлъ онъ меня—а я нарочно медленно подхожу и такъ улыбаюсь, руки разставилъ—и такъ испугался, что впалъ въ столбнякъ: сидѣть и смотрѣть, и ни съ мѣста. И вдругъ пришла мнѣ безсовѣстная мысль: а что если я его приласкаю?—что съ нимъ будетъ? И вмѣсто того, чтобы ударить, или щипать, сѣлъ на корточки, поглаживаю по головѣ и за ухомъ и самымъ сладкимъ голосомъ: котенъка, котикъ, миленький, красавецъ! — словъ-то онъ и не понимаетъ.

Саша замолчалъ, и губы его въ темнотѣ передернуло улыбкой.

— Ну?—что же котъ?

— Котъ? А котъ сразу повѣрилъ... и раскисъ. Замурлыкаль какъ котенокъ, тычется головой, кружится, какъ пьяный, вотъ-вотъ заплачетъ или скажетъ что-нибудь. И съ того вечера стала я для него единственной любовью, откровеніемъ, радостью, Богомъ, что ли, ужъ не знаю, какъ это на ихнемъ языкахъ: ходить за мною по пя-

тамъ, лѣзеть на колѣна, его ужъ другіе быть, а онъ лѣзеть какъ сльпой; а то ночью заберется на постель и такъ развязно, къ самому лицу—даже неловко ему сказать, что онъ облѣзлый и что даже кухарка имъ гнушается!

— Больше его вы ужъ не били?
— Развѣ можно при такомъ довѣріи?
— Ну что же котъ: надохъ, того-этого?

— Отецъ докончилъ: велѣлъ повѣсить за старость. И по правдѣ, я даже не особенно огорчился: положеніе для кота становилось невыносимымъ: онъ уже не только меня, а и себя мучилъ своею безсловесностью; и только оставалось ему, что превратиться въ человѣка. Но только съ тѣхъ поръ пересталъ я мучить.

— То-то! Понялъ?
— Понялъ. Но вѣдь былъ же я жестокъ?—откуда это?

Саша мрачно задумался, и ужъ не такъ тепла казалась ночь, и потяжелѣла дорога, и земля словно отталкивала—недостоинъ, не люблю, чужой ты мнѣ! И не чувствовалъ Саша, что Колесниковъ улыбается несвойственной ему улыбкой: мягко, добродушно, по-стариковски.

— Вотъ такъ котъ, того-этого! Профессоръ, а не котъ.
Но Саша какъ будто не слыхалъ и тихо промолвилъ:

— Кто я? Правда, мнѣ девятнадцать лѣтъ, и у насъ было воспитаніе такое, и я... до сихъ поръ не знаю женщинъ, но развѣ это что-нибудь значить? Иногда я себя чувствую мальчикомъ, а то вдругъ такъ старъ, словно мнѣ сто лѣтъ и у меня не черные глаза, а сѣрые. Усталость какая-то... Откуда усталость, когда я еще не работалъ?

Уже серьезно и даже торжественно Колесниковъ сказалъ:

— Народъ, Саша, работалъ. Его трудомъ ты и утомился.
— А тоска, Василій?

— Его тоскою тоскуешь, мальчикъ! Я уже не говорю про теперешнее, ему еще будетъ судъ!—а сколько позади-то печали, да слезъ, да муки, того-этого, мученической. Тоска, говоришь? Да увидѣ я въ Россіи воистину веселаго человѣка, я ему въ морду, того-этого, харкну. Ну и нечего харкать: нѣть въ Россіи веселаго человѣка, не родился еще, время не довлѣть веселью.

— Ахъ, Василій, Василій, самъ ты хороший человѣкъ...
— Какъ же: и умница и красавецъ!
— Молчи! Ты ошибаешься во мнѣ: не чистъ я, какъ тебѣ нужно. Ничего я не сдѣлалъ, правда, а чувствую иногда такъ,

будто волочится за мною грѣхъ, хватаетъ за ноги, присасывается къ сердцу! Ничего еще не сдѣлалъ, а совѣсть мучаетъ.

— И грѣхъ не твой, того-этого. И грѣхъ позади.

— А если грѣхъ позади, то какъ же я могу быть чистъ! И не можетъ, Василій, родиться теперь на землѣ такой человѣкъ, который былъ бы чистъ. Не можетъ!

— Вздоръ! Ты чистъ. Не даромъ же я тебя какъ ягненочка, того-этого, среди цѣлаго стада выбралъ. Нѣтъ на тебѣ ни пятнышка. И что иконка у тебя надъ кроватью—молчи!—и это хорошо. Самъ не вѣрю, а чтобъ ты вѣрилъ, хочу. А что грѣхъ на тебѣ отцовъ, такъ искупи! Искупи, Саша!

Они уже давно остановились и стояли посередь дороги, но не замѣчали этого. Иаступленно кричалъ Колесниковъ:

— Искупи, Саша!

Онъ широкимъ взмахомъ обвелъ рукою тьму:

— Смотри, вотъ твоя земля, плачетъ она въ темнотѣ. Брось гордыхъ, смирись, какъ я смирился, Саша, ея герькимъ хлѣбомъ покормись, ея грѣхомъ согрѣши, ея слезами, того-этого, омойся! Что умъ! Съ умомъ надо ждать, да разсчитывать, да выгадывать, а развѣ мы можемъ ждать? Заставь меня ждать, такъ я завтра же, того-этого, сбѣшусь и на людей кидаться начну. Въ палачи пойду!

— Нелья ждать!—также крикнулъ Саша, и не замѣтилъ, что ояъ кричитъ.

— Ни минуты, ни секундочки! Пусть они умные да талантливые дѣлаютъ по-своему, а мы безталанные двинемъ по низу, того-этого! Я мужикъ, а ты мальчишка, ну и ладно, ну и пойдемъ по-мужичьему, да по-ребячьему! Мать ты моя, земля ты моя родная, страдалица моя вѣковѣчная—земно кланяюсь тебѣ, подлецъ, сынъ твой—подлецъ!

И онъ дѣйствительно сталъ на колѣни и съ силою потянуль за собою Сашу, крича, какъ въ бреду:

— Сашка, на колѣни!—Сашка, не гнушаися пылью. Смирись, Сашка—а то убью!

Но и сила же была у мальчика: оттолкнувъ Колесникова, онъ повелительно и страшно крикнулъ:

— Встань!

— Гнушаешься, генеральскій сынъ?

— Гнушаюсь. Встань!

— Смотри, убью!

Скорѣй почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ Саша, что Колесниковъ поймѣтъ въ карманъ за револьверомъ. Зловѣще молчала неподвижная тьма—точно ждала огня и выстрѣла; и призраки страха безшумно

рѣяли падь темными полями. „Первый не буду стрѣлять“, — подумалъ Саша, вынувъ браунингъ и неслышно спуская предохранитель. Но пропали минута и другая, а выстрѣла не слѣдовало, и все такъ же въ колѣняхъ стоялъ Колесниковъ. „Да что съ нимъ?“ Но вдругъ поднялся Колесниковъ и, колыхнувъ воздухъ около Сапи, быстро и молча двинулся впередъ по шоссе. Давъ пройти ему шаговъ десять, двинулся и Саша; и такъ съ версту молча шли они, и передъ юношой, все на одномъ и томъ же разстояніи, смутно колыхалась высокая молчаливая фигура. Уже засвѣтилось небо надъ далью шоссе — приближался городъ, когда Колесниковъ остановился, поджидая товарища; и сказалъ совершенно спокойно:

— Извини меня, Саша, я и впрямь, того-этого, начинаю на людей кидаться. Находитъ на меня, что ли... Ты не обидѣлся, парень?

— Нѣтъ, — сдержанно отвѣтилъ Саша: — на крикъ и даже на плохія слова я обидѣться не могу. Только замѣть, пожалуйста, Василий, что и самъ я... съ прахомъ мѣшаться никогда не буду, да и другимъ не позволю.

— Какъ ты повернулся, того-этого; съ прахомъ! — невесело улыбнулся Колесниковъ и, вздохнувъ, добавилъ: — но ты правъ. Теперь понимаешь, Саша, почему я не могъ стать въ первую голову, а двигаю тебя?

— Понимаю, пожалуй.

— Звѣрь я, Саша. Пока съ людьми, такъ, того-этого, соблюдаю манеры, а попаду въ лѣсъ, ну и ассимилируюсь, вернусь въ перво-бытное состояніе. На меня и темнота дѣйствуетъ, того-этого, очень подозрительно. Да какъ же и не дѣйствовать? У насъ только въ городахъ по ночамъ огонь, а по всей Россіи темнота, либо спать люди, либо если ужъ выходятъ, то не за добромъ. Когда будетъ моя воля, всѣ деревни, того-этого, велю освѣтить электричествомъ!

Онъ засмѣялся, но невесело.

— Ты мнѣ про кота рассказалъ, а хочешь я тебѣ про пѣкоего медвѣдя разскажу? Добродѣтельный былъ медвѣдь, знать всѣ штуки и подъ конецъ, того-этого, проникся альтруизмомъ до высокой степени. Ну и случилось, что на вожака въ лѣсу волки напали, и ужъ совсѣмъ было загрызли, да медвѣдь какъ двинетъ, того-этого! всю стаю распзырялъ. Распзырялъ и давай вожаку по своей привычкѣ раны зализывать — все отъ добродѣтели, не иначе какъ-нибудь. Лизнулъ разъ — что за чертъ, того-этого, сладко! Онъ другой, да третій, да до самаго станового хребта и долизалъ! Сѣялъ, того-этого.

Рассказывалъ Колесниковъ весело и даже какъ будто со смѣшкомъ, но видно было, что отвѣта ждеть безпокойно и возвлажаетъ

на него какія-то свои надежды. И облегченпо вздохнулъ, когда Саша промолвилъ съ строгимъ упрекомъ:

— Зачѣмъ ты черпнішь себя, Василій? Эта сказка совсѣмъ къ тебѣ не идетъ. И вообще ты напрасно весь день сегодня бросалъ слово „разбойникъ“: мы не въ разбойники идемъ. У разбойника личное, а гдѣ оно у тебя? Что тебѣ нужно: богатство?—слава?—вино и любовь?

Колесниковъ засмѣялся такъ, будто сама душа его смѣялась, и долго не могъ успокониться.

— Ну и сказалъ, того-этого! Вино, карты и любовь—хо-хо-хо!

Но Саша былъ серъезенъ и даже не улыбнулся на его неистовую веселость.

— Это вовсе не такъ смѣшно, Василій. И не зпай я, что ты безкорыстнѣйшій въ мірѣ человѣкъ и честнѣйшій и самый нѣжны...

Колесниковъ, вытиравшій рукою глаза—должно быть отъ смѣха слезились они—коротко оборвалъ:

— Буде! Ходу!

Минутъ пять шли молча.

— Вотъ еще, Василій, чтобы не было недоразумѣній: мой отецъ... все-таки онъ былъ человѣкъ честный. По-своему конечно, но очень честный, это я навѣрно знаю.

— Вѣрю. А я, Саша, себѣ все-таки такие же сапоги куплю, какъ у тебя: въ калошахъ по болотамъ не напрыгнешься. Можно бы, конечно, подешевле, ну да ужъ кутну напослѣдокъ, того-этого!

— Сегодня у насъ воскресенье? Ну такъ деньги я добуду не позже, какъ къ четвергу. Эта тысяча положена отцомъ въ банкъ до моего совершеннолѣтія и я могу ей распоряжаться, но только трудно будетъ съ векселемъ; надо узнатъ, какъ это дѣлается. Ты знаешь?

— Нѣтъ.

— Все равно, деньги эти мѣрѣ ужъ не понадобятся, такъ что можно дать большіе проценты...

Было ли это юношеское, мало сознательное отношеніе къ смерти, или то стойкое мужество, которое такъ отличило Сашу въ его послѣдніе дни, но о смерти и говорилъ онъ и думалъ спокойно, какъ о необходимой составной части дѣла. Но такъ же, впрочемъ, относился къ смерти и Колесниковъ.

— Дѣло только за маузерами, — сказалъ онъ. — Карты и всѣ, того-этого, свѣдѣнія у меня есть. Да, Саша, а отъ винныхъ-то лавокъ намъ придется отказаться: трудно будетъ народъ, того-этого, оторвать отъ пойла; а ежели жечь, деревню спалишь.

— Жалко! А когда ты меня съ Андреемъ Ивановичемъ сведешь?

— Съ матросикомъ-то? Ужъ и не знаю, Саша. Берегу я его, какъ кладъ, того-этого, драгоценнѣйшій, на улицу не выпускаю. Вотъ, Саша, чистота! Пожалуй, и тебѣ не уступить. Я бѣ и тебя тревожить не сталъ, однимъ бы матросикомъ обошелся, да повелѣвать онъ, того-этого, не умѣеть. О проклятое рабье племя—даже и гуть безъ генеральскаго сына не обойдешься!—не сердись, Саша, за горькія слова.

Саша, краснѣя, согласился:

— Что-жъ, это отчасти правда.

— Проклятое племя! Ну долго ли мой отецъ былъ крѣпостнымъ, а я всю жизнь, того-этого, послушаніемъ страдаю. Ты вонъ давеча на меня крикнулъ, а я сейчасъ же за револьверомъ—отъ послушанія, того-этого, оттого, что иначе возразить не умѣю, отъ стыда! Эхъ, Саша, много еще ты молиться долженъ, пока свой грѣхъ замолишь.

Молчали; и уже чувствовали, какъ вѣмѣютъ ноги отъ дальняго пути. Справа отъ шоссе то ли сгустилась, то ли посѣрѣла тьма, обрисовавъ кучу домишекъ; и въ одномъ окнѣ блестѣлъ яркій и острый, какъ гвоздь, огонь—одинъ на всю необъятную темноту ночи. Колесниковъ остановился и схватилъ Сашу за руку:

— Смотри, Саша! Ну не сразу ли видно, что рабій огонь. Воззрился въ темноту, а самъ, того-этого, дрожитъ и мѣгаетъ какъ подлецъ. Нѣть, будь ему пусто, пойду напугаю его. Много, думаешь, ему нужно?—попрошу воды, а онъ ужъ и готовъ...

Но Саша, смѣясь, удержалъ его. Начинала томить усталость. Сѣли на краю канавки, лицомъ къ далекому огоньку, уже расплывшемуся въ желтизну окна; Саша закурилъ.

— Послѣдняя,—сказалъ онъ про папиросу:—всю дорогу берегъ.

Остальной путь шли молча: устала душа отъ пережитаго и хотѣлось думать въ одиночку. Только уже у шлагбаума Колесниковъ поставилъ точку надъ своими размышеніями и грустно сказалъ:

— Да, того-этого, никакой дуракъ въ трубѣ углемъ не пишетъ, а мѣломъ. Такъ-то, Саша, мѣль ты мой бѣлѣйшій.

— Завтра придешь?

— Нѣть. Больше къ вамъ я не приду.

Онъ сказалъ „къ вамъ“, а не къ тебѣ, и Саша понялъ это и одобрилъ. И вдругъ, при мысли о матери, которой онъ съ утра не видалъ, и которая ждѣтъ его, сердце его сжалось невыносимой, почти физической болью: даже захватило дыханье. И на мгновеніе все это показалось страшнымъ сномъ: и ночь, и Колесниковъ, и тѣ чувства, что только что до краевъ наполняли его и теперь взметнулись

дико, какъ стая потревоженного воронья. И особенно похоже было на сонъ полосатое бревно шлагбаума, скучо озаренное притущеннымъ фонаремъ: что-то невыносимо ужасное, говорящее о смерти, о холода, о беспощадности судьбы заключали въ себѣ смутныя полосы черной и бѣлой краски. Но это было только мгновеніе.

И по улицѣ шли молча, торопясь дойти до перекрестка, гдѣ развѣтвлялись пути. Звякнула за угломъ, въ переулкѣ подкова и вынырнули возль фонаря два стражника на тяжелыхъ, лѣнивыхъ лошадяхъ. Хотѣли повернуть направо, но, увидѣвъ на пустынной улицѣ двухъ прохожихъ, повернули молча въ ихъ сторону. Колесниковъ замѣялся:

— Вотъ вздумаютъ они насъ, того-этого, обыскать, тутъ нашему громкому дѣлу и конецъ. Смотри, какъ цѣлятся.

Но должно быть этотъ смѣхъ успокоилъ стражниковъ; все же одинъ, подавъ коня къ тротуару, наклонился и заглянулъ въ лица, увидѣть блестящія пуговицы Сашинаго гимназическаго пальто, и либо спросонокъ, либо по незнакомству съ мундирами, принялъ его за офицера: выпрямился и крикнулъ сипловатымъ басомъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе!

Саша коротко и сухо бросилъ:

— Здорово!

14. Господа гимназисты.

Дома Сашу встрѣтило нѣчто неожиданное: со двора онъ поразился тѣмъ, что окна въ столовой, несмотря на позднюю ночь, ярко освѣщены, и уже съ предчувствіемъ чего-то недоброго ускорилъ шагъ. А на порогѣ съ нимъ почти столкнулась, видимо поджидавшая его, Линичка и торопливо сказала:

— Сашечка, родной мой, не волнуйся, случилось несчастье.

— Мама?...

— Ну что ты! — да нѣтъ же. Тимохинъ. Сегодня утромъ, т. е., должно быть, ночью, повѣсился Тимохинъ. Иди скорѣе, у насъ Добропольской, Штембергъ и другіе, ждутъ тебя.

И вдругъ охватила его шею руками, спряталась ему на грудь и заплакала: разрѣшалось отчаянными слезами какое-то волненіе, болѣе глубокое, чѣмъ могла вызвать смерть мало знакомаго Тимохина.

— Да родной же мой Сашечка!.. — всхлипывала она и судорожно цѣлялась за шею и за руки, точно боялась, что онъ снова уйдетъ: — Мы такъ ждали тебя, отчего ты не приходилъ! Родной мой Сашечка...

— Ну что ты, Лина! — спокойно сказала подошедшая Елена Петровна и начала отцѣплять отъ Сашиныхъ пуговицъ запутавшіеся въ нихъ русые волоски. — Успокойся, дѣвочка. Тамъ тебя ждутъ, Саша, иди.

И вдругъ—и Саша даже не зналъ до сихъ поръ, что это можетъ быть у людей! — Елена Петровна раза три громко и четко ляскнула зубами. „Какъ собака, которая ловитъ блохъ“,—дико подумать Саша, холодъя отъ страха и чувствуя, какъ на губахъ его выдавливается такая же дикая, ни съ чѣмъ несообразная улыбка.

Тяжелая была ночь! До утра блѣдные гимназисты сидѣли у Погодиныхъ и растерянно, новыми глазами, точно со страхомъ разсматривали другъ друга, и два раза пили чай; а утромъ, вмѣстѣ съ Погодиными отправились въ богоугодное заведеніе, куда отвезенъ былъ Тимохинъ, на первую панихиду.

Вздутое лицо покойника было закрыто кисеей, и только желѣзныи дѣвъ руки, уже заботливо сложенные кѣмъ-то наподобіе крестнаго знаменія—мать и отецъ Тимохина жили въ уѣздѣ, и родныхъ въ городѣ у него не было. Отъ усталости и безсонной ночи у Саши кружилась голова, и минутами все заплывало туманомъ, но мысли и чувства были ярки до болѣзnenности.

Передъ глазами двигалась черная съ серебромъ, треугольная спина священника, и было почему-то пріятно, что она такая необыкновенная, и на мгновеніе открывался ясный смыслъ въ томъ, что всегда было непонятно: въ синихъ полоскахъ ладана, въ странности одежды, даже въ томъ, что какой-то совсѣмъ незначительный человѣкъ съ козлиной рѣденькой бородкой тычетъ по рукамъ гимназистовъ кучкой пылающія свѣчи и шепчетъ: „раздавайте!“, а самъ, все такъ же на ходу, увѣренно и громко отвѣчаетъ священнику:

— Господу помолимся! Господу помолимся.

Саша думаетъ, покорно принимая свѣчу: „Только сейчасъ онъ сидѣлъ дома и пилъ чай съ женой, и борода у него козлиная, а теперь онъ необыкновенный, имѣть власть и знаніе, и это понимаетъ священникъ и ждетъ отвѣта—какая это правда!“

И все правда, и все дѣлается именно такъ, какъ нужно. Открыто окно въ маленькой заведенской садикъ, гдѣ гуляютъ больные, и пахнуть изъ окна тополемъ и распускающейся березкой—такъ и нужно, чтобы было открыто и чтобы пахло. И чтобы весна была, апрѣль, тоже нужно. Увидѣлъ въ синемъ дыму лицо молящейся матери и сперва удивился: „какъ она сюда попала?“,—забылъ, что всю дорогу ипелъ съ нею рядомъ, но сейчасъ же понялъ, что и это нужно; долго разсматривалъ ея строгое, какъ бы углубленное лицо и также одобрилъ:

„хорошая мама: скоро она такъ же Судеть молиться надо мною!“ Потомъ все такъ же покорно Саша перевелъ глаза па то, что всего болѣе занимало его и все болѣе открывало тайнъ: на двѣ желтыя мертвыя, кѣмъ-то заботливо сложенные руки. И увѣренно подумалъ, что и онъ такъ же будетъ лежать и такъ же будутъ сложены руки, и отъ тихой жалости къ себѣ защищали въ носу слезы: такъ нужно.

Что-то сдвинулось въ мозгу: на нѣсколько минут словно затмилось сознаніе, и это уже не Тимохинъ лежить и не надъ нимъ служить, а лежить онъ, Саша, и эти руки его; такъ очевидно и такъ страшно было замѣщеніе одного другимъ, что Саша запшевелилъ пальцами и подумалъ, холодъя: „скорѣе, скорѣе надо убѣдиться, что это мои руки и шевелятся“. И такъ же внезапно успокоился и задумался о Тимохинѣ и въ одно мгновеніе, необыкновенно быстрыми мыслями понялъ всю его жизнь.

Какое-то волненіе пробѣжало среди молящихся; послышался сдержанній шепотъ:

— Сумасшедшій! Прогоните сумасшедшаго!

Какъ и всѣ, кто еще не видѣлъ, Саша быстро повернулся къ раскрытыму окну и вдрогнулъ: повисли руками на подоконникѣ, въ часовенку заглядывалъ одинъ изъ гулявшихъ въ садикѣ сумасшедшихъ, стриженый, темный безъ шапки,—темная и жуткая голова. Онъ торопливо улыбался, стараясь поскорѣе выразить какое-то свое отношеніе, а глаза съ сверкающимъ блѣкомъ бѣгали по лицамъ и горѣли ненасытимъ отчаяннѣмъ любопытствомъ. Часто крестясь, поспѣшно прошелъ Добровольскій и черезъ минуту голова скрылась, а черезъ нѣсколько минутъ кончилась и панихида.

Но нерѣшительно медлилъ священникъ, то ли собираясь разоблачаться, то ли сдѣлать что другое; повидимому, ему хотѣлось сказать гимназистамъ слово, но не зналъ, насколько это будетълично. Наконецъ, обернулся и все такъ же нерѣшительно обвелъ присутствующихъ старческими, заплаканными, очень простыми, добрыми стариковскими глазами. Саша, привыкшій видѣть только своего гимназического о. Алексея и какъ-то забывшій о существованіи другихъ священниковъ, удивился, что это не о. Алексеѣ и съ дружелюбнымъ недоумѣніемъ разглядывалъ незнакомое, растроганное, блѣдное стариковской блѣдностью лицо и красная отъ слезъ вѣки. И вдругъ смутился, почувствовавъ въ глазахъ старика не только страдаліе, но и робость, даже испугъ. Были смущены и другіе.

„Да скоро ли онъ?“—думалъ Погодинъ, мучаясь. Слегка разставивъ ноги въ мягкихъ, безъ каблуковъ, сапогахъ—точно не смѣть стать спокойнѣе и тверже,—священникъ нерѣшительно касался рукою

наперстного креста; вдругъ заморгалъ часто выцвѣтшими глазами и сказалъ добрымъ, дрожащимъ отъ доброты и желанія убѣдить голосомъ:

— Господа гимназисты! Какъ же это можно? А какъ же родители-то ваши, господа гимназисты! Какъ же это такъ, да развѣ это можно? Ахъ, господа гимназисты, господа гимназисты!

Онъ еще что-то хотѣлъ прибавить, но не нашелъ слова, которое можно было бы добавить къ тому огромному, что сказалъ, и только довѣрчиво и ласково улыбнулся. Нѣкоторые также улыбнулись ему въ отвѣтъ; и, выходя, ласково кланялись ему, вдругъ сдѣлавъ изъ поклона пріятное для всѣхъ и обязательное правило. И онъ кланялся каждому въ отдѣльности, и каждого провожалъ добрыми, внимательными, заплаканными глазами; и стоялъ все въ той же нерѣшительной позѣ и рукою часто касался неперстнаго креста.

А черезъ нѣсколько минутъ уже шли по садику, пугливо стояньясь гуляющихъ сумасшедшихъ, и Тимохинъ съ своимъ вздутымъ лицомъ и желтыми руками остался одинъ. Дорогой Штембергъ сердито говорилъ Сашѣ:

— Этотъ Добровольскій! Отдалъ его записку въ младшіе классы, чтобы списывали. Онъ могъ самъ сдѣлать копію и вообще не имѣть на это права, такъ какъ записка принадлежитъ всему нашему классу. И что тамъ списывать—такъ можно запомнить, если не дуракъ. Такое свинство!

Саша вспомнилъ эту коротенькую предсмертную записку: „Бороться противъ зла нѣть силъ, а подлецомъ жить не хочу. Прощайте, милорды, приходите на панихиду“. Было что-то тимохинское, слегка шутовское въ этой ненужной добавкѣ: „приходите на панихиду“, и нужно было вспомнить кисею, желтые, мертвые руки, заплаканного священника, чтобы поверить въ ужасъ проишшедшаго и снова понять.

Домой пошелъ только Штембергъ, а остальные отправились на обычное мѣсто, на Банную гору, и долго сидѣли тамъ, утомленные безсонной почью, зѣвающіе, съ сѣрыми, внезапно похудѣвшими лицами. Черный бусирный пароходикъ волокъ пустую, высоко поднявшуюся надъ водой баржу и, казалось, никогда не дойти ему до заворота: какъ ни взглянешь, а онъ все на мѣстѣ.

— Славный попъ!— сказалъ кто-то изъ гимназистовъ и тихо улыбнулся.

Ему не отвѣтили, но та же тихая и ласковая улыбка пробѣжала и по всѣмъ молодымъ, утомленнымъ лицамъ.

15. На распутьи.

Къ четвергу Саша дѣйствительно досталъ деньги: пятьсотъ рублей за тысячу, а на воскресенье ночью былъ назначенъ уходъ — приходился день на второе мая.

— А не лучше днемъ уйти? — усумнился Колесниковъ. — Ночью, того-этого, еще хватятся.

— Нѣтъ. Если я уйду днемъ, мать узнать ночью... пусть лучше утромъ узнаетъ, тогда народъ. Я въ окно уйду, никто не услышитъ.

— Сестрѣ письмо оставилъ.

Саша промолчалъ и съ неудовольствиемъ подумалъ: „какой нетактичный, не понимаетъ, что обѣ этомъ не надо говорить и что я самъ все знаю“. Вообще въ эти послѣдніе дни, проведенные дома, онъ былъ крайне холоденъ съ Колесниковымъ и ни разу прямо не взглянулъ на него, какъ-то слишкомъ даже гордо обособился въ своемъ горѣ и думахъ. И Колесниковъ, не находившій себѣ мѣста отъ бурнаго волненія и безысходныхъ мыслей обѣ Еленѣ Петровнѣ, уже со злой поглядывалъ на его спокойно-замкнутое лицо и бѣлые, спокойно положенные на колѣни руки: „какой же ты, братецъ, гордый, не даромъ генеральскій сынокъ!“ Но прямо высказаться не смѣлъ и даже, наоборотъ, относился съ особой предупредительностью и, чувствуя ее, еще больше возмущался Сашей и собой.

Что-то путаное появилось въ его мысляхъ, поступкахъ и даже желаніяхъ, и насколько тверды были послѣдніе Сапинны шаги, настолько у него все колебалось и прыгало лихорадочно. То безъ толку хототалъ и сыпалъ „того-этого“, то мрачно супился и свирѣпо косилъ своимъ круглымъ, лопадинымъ глазомъ; по нѣскольку разъ въ день посыпалъ Сашѣ записки и вызывалъ его за какимъ-нибудь вздорнымъ дѣломъ, и уже не только Еленѣ Петровнѣ, а и прислугѣ становились подозрительны его посланцы — оборванные городскіе мальчишки, вороватые и юркіе, какъ мышата. Разъ, блаженно улыбаясь, пошелъ къ Сашѣ въ новыхъ сапогахъ, чтобы показаться, но на полдорогъ плюнуль и повернуль назадъ: „еще подумаетъ, обрадовался деньгамъ — о чтобъ чертъ всѣхъ васъ побралъ!“ Пересталъ спать по ночамъ. А когда пробовалъ задуматься о дальнѣйшемъ или твердо установить смыслъ ухода, то оказывалось, что всѣ прежнія мысли забыты, остались какіе-то кончики, обглоданные селедочные хвостики; и начиналась такая дикая неразбериха, что хоть въ сумѣ шедшій домъ. Службу бросилъ и, рискуя подвести глубоко запрятаннаго Андрея Ивановича, матросика, почти каждый день шатался къ нему.

— Безпоконть меня Погодинъ,—говорилъ онъ солидно:—не знаю какъ и быть, того-этого.

— Что, боится?

— Ну вотъ, боится!—конечно, нѣтъ. Не нашего онъ поля ягода, того-этого, вотъ что.

Андрей Ивановичъ молчалъ и ждалъ. Былъ онъ средняго роста, крѣпкій человѣкъ, одѣтый въ хорошую пиджачную пару, до чрезвычайности по виду спокойный и сдержанній. И молодое лицо его съ черными усиками—подбородокъ онъ бриль—было спокойное, и красивые глаза смотрѣли спокойно, почти не мигая, и походка у него была легкая, какая-то незамѣтная: точно и не идетъ, а всѣхъ обгоняетъ: и только всмотрѣвшись пристально, можно было оцѣнить точность, силу, быстроту и своеобразную ритмичность всѣхъ его плавныхъ движений, на видъ спокойныхъ и чуть ли не лѣнивыхъ. И стоялъ онъ такъ легко, будто не касался земли.

— Совсѣмъ вы интеллигентъ, Андрей Ивановичъ! — мрачно сказалъ Колесниковъ, съ ненавистью оглядывая чистенькую, почти какъ у Сапи, въ порядкѣ содержимую комнату.

Андрей Ивановичъ улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ. И ждалъ болѣе яснаго. На рваныхъ, подмоченныхъ обояхъ стѣны висѣла чистенькая балалайка съ раскрашенной декой: наляпалъ художникъ, свой братъ матрость, зеленѣющіхъ листьевъ, посадилъ голубя или какую-то другую птицу и завершилъ плоской, точно раздавленной розой; —покосился Колесниковъ и спросилъ:

— Неужто и эту возьмете?

— Возьму-съ.

— Оставьте, Андрей Иванычъ.

— Почему же, Василій Васильевичъ? Нронесь, можно выразиться, сквозь огонь и мѣдныя трубы, а теперь чего же оставлять! Она же и не обидна,—спокойно отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Ну такъ сыграйте, того-этого.

— Что прикажете?

Колесниковъ разсердился:

— Прикажете, того-этого, прикажете! И отчего у васъ, Андрей Ивановичъ, своихъ желаній нѣтъ, а все прикажете? Надоже и достоинство имѣть.

— Я достоинство имѣю и желанія у меня есть, Василій Васильевичъ.

— Вотъ вы молчите всегда, тоже, того-этого, не хорошо. Человѣкъ, который себя уважаетъ, любить обмѣниваться мыслями, а не молчать.

Андрей Иванович улыбнулся:

— Кому мои мысли интересны, тот и безъ словъ ихъ знаетъ. Что же прикажете сыграть, Василій Васильевичъ?

Но Колесниковъ уже не хотѣлъ музыки: мутилась душа и страшно было, что расплачется—отъ любви, отъ остро болючей жалости къ Сапгѣ, къ матросику съ его балалайкой, ко всѣмъ живущимъ. Прощался и уходилъ—смутный, тревожный, мучительно ищущій путей, какъ сама народная совѣсть, страшная въ вѣковѣчномъ плѣну своемъ.

16. Душа моя мрачна.

Темнѣлъ впереди назначенный для ухода день и, выростая, приближался съ такой быстротой, словно оба шли другъ къ другу: и человѣкъ и время — рѣшалась задача о пущенныхъ навстрѣчу поѣздахъ. Минутами Сашѣ казалось, что не успѣть надѣть фуражки—такъ бѣжитъ время; и тѣ же минуты тянулись безконечно, растягиваясь страданіями и жуткимъ беспокойствомъ за Елену Петровну.

И одной изъ самыхъ мучительныхъ мыслей была та: какъ держать себя съ матерью въ послѣдніе дни. Чаще уходить изъ дома, чтобы привыкла къ отсутствію?—да развѣ она привыкнетъ! Быть холоднѣе и суще, чтобы не такъ жалѣла, когда уйдетъ?—да развѣ она повѣрить! А если и повѣрить, то зачѣмъ же эта ненужная, оскорбительная боль, рожденная недовѣріемъ и къ любви и къ силѣ: въ ней есть неуваженіе и обида. А если быть такимъ, какъ хочется, и все сердце открыть для любви и нѣжности сыновней—то какъ же она будетъ потомъ, когда онъ уйдетъ навсегда? Мать, мать!—одна ты и здѣсь можешь научить меня, когда о твоей душѣ состязаются жизнь и смерть. Мать, мать! — на крови твоего сына созидаются храмъ будущаго—раскрой же мнѣ сердце твоей чудесной властью и благослови на смерть. Мать, мать!

И отвѣтила мать: ты же радовалъ меня, сынъ?—порадуй и теперь. А когда пойдешь на муку, пойду и я съ тобою; и не смѣешь ты крупинки горя отнять отъ меня—въ ней твое прощеніе, въ ней жизнь твоя и моя. Развѣ ты не знаешь: кого любить мать, того любить и Богъ! Радуй же, пока не настала мука.

Такъ и было. Послѣдніе дни Сапа провелъ такъ:

Въ четвергъ только на часъ уходилъ къ Колесникову и передавалъ ему деньги. Остальное время былъ дома возлѣ матери; вечеромъ въ сумерки съ ней и Линой ходилъ гулять за городъ. Ночью

просматривалъ и жегъ письма; хотѣлъ сжечь свой ребяческій старый дневникъ, но подумалъ и оставилъ матери. Собиралъ вещи, выбралъ одну книгу для чтенія; сомнѣвался относительно образка, но порѣшилъ захватить съ собою—для матери.

Въ пятницу съ утра былъ возлѣ матери. Странно было то, что Елена Петровна, словно безумная или околдованная, ничего не подозрѣвала и радовалась любви сына съ такой полнотой и безмятежностью, какъ будто и всю жизнь онъ ни на шагъ не отходилъ отъ нея. И даже то бросавшееся въ глаза явленіе, что Линичка сидѣть въ своей комнатѣ и готовится къ экзамену, а Саша ничего не дѣлаетъ, не остановило ея вниманія. Ужъ даже и Линичка начала что-то подозрѣвать и раза два ловила Сашу съ тревожнымъ вопросомъ:

— Да когда же ты сядешь готовиться, Саша?—въ понедѣльникъ у тебя экзаменъ.

— Отстань. Въ понедѣльчикъ русскій языкъ.

— Ой, смотри, Сашка! Ой, провалишься въ тартарары!

Такъ было до вечера. Вечеромъ Линичка ушла къ Женѣ Эгмонтъ вмѣстѣ заниматься, а Саша читалъ матери любимаго обоими Байрона; и было уже не менѣе десяти часовъ, когда Сашѣ прислуга подала записку отъ Колесникова: „Выйди сейчасъ же, очень важно“.

— Опять мальчишка принесъ, — сказала горничная.—Просить отвѣтъ.

— Передайте, что сейчасъ.

Елена Петровна вдругъ поблѣдѣла и встала:

— Кто это?—Колесниковъ?

Саша утвердительно кивнулъ головой.

— Почему онъ не идетъ сюда? Почему онъ плѣтъ какія-то записочки?—Саша! Ты идешь къ нему?

— На часъ. Онъ какой-то странный эти дни,—хмуро отвѣтилъ Саша.

— Скажи прямо: за нимъ слѣдятъ?

Саша кивнулъ головой и сказалъ:

— Я приду черезъ часъ. Не закрывай книгу, мамочка. И не бойся: я вернусь... черезъ часъ.

Даже въ темнотѣ видно было, какъ взволнованъ Колесниковъ—весь, всѣмъ своимъ большимъ тѣломъ. Дышалъ онъ хрипло и съ жадностью схватилъ Сашину руку. Бормоталъ неразборчиво:

— Я радъ. Погоди, сейчасъ сейчасъ все скажу. Пойдемъ.

Поль-переулка молча тащилъ его—и, вдругъ остановившись, положилъ обѣ руки на Сашины плечи и съ силою, очевидно, не сознавая, что дѣлаетъ, началъ трясти его:

— Саша! Останься. Я тебѣ говорю. Все вздоръ! Ничего нѣть. Я обманула тебя. Саша! Меня слѣдуетъ убить. У-у-у, собака!

Саша освободилъ плечи—руки Колесникова отвалились съ странною легкостью—и рѣшительно сказалъ:

— Говори толкомъ. У тебя бредъ!

Отъ Сашиной строгости онъ точно совсѣмъ размякъ. Вдругъ скрипнула звуками, всхлипнула и припалъ къ юношѣ, бормоча:

— Саша, это во снѣ пришло. Всѣ мы спимъ, Саша. Боже ты мой, какое наказаніе. Сашечка, ты мнѣ... какъ сынъ.

Онъ снова всхлипнула:

— У меня никого нѣть. Проснись, Саша! Проснись!

— Тише!—ты съ ума сошелъ. Идемъ. Ну, ну, шагай...

— Саша...

— Шагай, тебѣ говорю!

Оба быстро зашагали, и съ каждымъ шагомъ Колесниковъ видимо успокаивался. Саша съ ненавистью взглянула на его сгорбившуюся, сутулую фигуру и сухо началъ отчитывать:

— Вы, Василій Васильевичъ...—поправился и продолжалъ:—ты, Василій, очевидно, не совсѣмъ ясно отдаешь себѣ отчетъ въ происходящемъ. Въ воскресенье, какъ сказано, я ухожу. Слышишь?

„Не любить“,—покорно подумалъ Колесниковъ и сгорбился еще больше.

— Ты, очевидно, думаешь, что я иду потому, что ты меня позвалъ. Такъ знай, что съ тобой я бы не пошелъ и зовешь меня не ты—у тебя и голоса такого нѣть,—а... народъ или ты это забылъ? И если это сонъ, какъ ты говоришь, то не ты его навѣялъ, а... народъ. Я не буду становиться на колѣни, какъ ты...

Голосъ юноши звучалъ сухо и даже злобно:

... — Но я отдамъ ему все, что пмѣю: чистоту. Съ гордостью скажу тебѣ, Василій, что я чистъ — тогда я вздоръ говорилъ о какомъ-то грѣхѣ. Если и есть грѣхъ, то не мой, и съ тѣмъ иду, чтобы его сложить. Что будетъ, я не зпаю. Но я люблю тѣхъ, къ кому иду, и вѣрю... въ правду. И если даже только то удастся мнѣ сдѣлать, чтобы честно умереть, то и тогда я буду счастливъ. Не можетъ быть, чтобы бесплодно осталась моя крестная смерть! Не можетъ быть, клянусь тебѣ Василій, всей правдой, какая есть на землѣ. Ахъ, Василій. Василій!..

Исчезли въ голосѣ сухость и злость; мягко, почти молитвенно звучали слова:

— Только сейчасъ, сю минуту, я смотрѣлъ на чистое лицо моей матери, и совѣсть моя была спокойна. А кто съ чистою совѣстью

смотреть въ лицо матери, тотъ не можетъ совершить грѣха, хотя бы не только всѣ люди, Василій, а—самъ Богъ осудилъ его!

Долго шли молча. Колесниковъ сказалъ:

— Значить, въ воскресенье, того-этого.

— Да, какъ сказано.

Внезапно Колесниковъ разсмѣялся, правда, надгреснутымъ смѣхомъ, но весело и добродушно: даже дѣтское что-то откликнулось въ ночномъ неурочномъ смѣхѣ:

— Что ты?—какой ты... несуразный человѣкъ, Василій.

— А можетъ и я, того-этого, за тобой пройду? Бочкомъ, того-этого? А?

— Куда?

— Да въ правду? Ну ладно, не гнѣвайся... генераль. То подумай, что я сегодня, чего доброго, спать буду. Ужъ мой сапожникъ безпокоится началь: ужъ вы, Василій Васильевичъ, не лунатикъ ли, того-этого? Ну и дуракъ, говорю: какой же лунатикъ безъ луны—солнцевикъ я, братъ, солнцевикъ, это похуже. Прощай, Саша, до воскресенья не услышишь.

Уже одинъ Саша вернулся домой, Колесниковъ и провожать не пошелъ. Да Саша и радъ былъ, что остался одинъ—пріятно шлось по темнымъ, тихимъ улицамъ, гдѣ знакомъ былъ каждый заборъ и во мракѣ угадывались неровности и особенности пути. Отъ нависшихъ надъ тротуаромъ, облестѣвшихъ деревъ пшелъ запахъ, такой ясный, многозначительный, зовущій, какъ будто онъ и есть весенняя жизнь; нѣмой и неподвижный, онъ владѣлъ городомъ, полемъ, всею ширью и далью земли и всему давалъ свое новое весеннее имя. „Опоздаю на полчаса, надо же одуматься“,—рѣшилъ Саша, сворачивая въ глухой переулокъ, въ которомъ сама темнота и глуши казались запахомъ и весною.

Но не по совѣсти рѣшилъ Саша: не думать ему хотѣлось, а въ одиночествѣ и тьмѣ отдаваться душой тому тайному, о чмъ дома и стѣны могутъ догадаться. Эта потребность уйти изъ дома и блуждать по улицамъ являлась всякий разъ, какъ сестра уходила къ Женѣ Эгмонтъ—и такъ радостно и безпокойно и волнующе чувствовалось отсутствіе сестры, словно въ ея лицѣ самъ Саша таинственно соприкасался съ любовью своею. И какъ поздно Линочкини возвращалась, Саша не ложился спать и ждалъ ее; а услышать звопокъ—непремѣнно выглянетъ на минутку, но не спросить о Женѣ Эгмонтъ, а сдѣлаетъ такой хмурый и непривѣтливый видъ, что у сестры пропадетъ всякое желаніе говорить—и уйдетъ въ свою комнату, радостный и гордкій, богатый и нищій.

И теперь, кружась по уличкамъ, Саша страннымъ образомъ думалъ не о той, которою дышала ночь и весна, а о сестрѣ: представляя, какъ сестра сидить тамъ, догадывался о ея словахъ, обращенныхъ къ той, переживать ея взглядъ, обращенный на ту, видѣть ихъ руки на одной тетради; и мгновеніями съ волнующей остротой, задерживая дыханіе, чувствовалъ всю ту непостижимую близость незамѣтныхъ, дѣловыхъ, рабочихъ прикосновеній, которыхъ не замѣчали и не цѣнили и не понимали обѣ дѣвушки. И если бы не человѣкъ, а Богъ, которому нельзѧ солгать, спросилъ юношу, о чёмъ онъ думаетъ, онъ чистосердечно и увѣренно отвѣтилъ бы: думаю о Липочкиѣ—она очень милая и я ее люблю—и о Колесниковѣ: онъ очень тяжелый и я его не люблю. Ибо какъ черная мозаика въ бѣлый мраморъ, такъ и во всѣ думы и чувства Саши вѣдалось воспоминаніе о разговорѣ и связанные съ нимъ образы; и какъ не зналъ Саша, кому принадлежать его мысли, такъ не понималъ и того, что именно черный Колесниковъ принесъ ему въ этотъ разъ спокойствіе и своей тревогой погасилъ его тревогу. Что-то очень важное, все объясняющее, сказано, и не только сказано, а и рѣшено, и не только рѣшено, а и сдѣлано—одно это твердо зналъ и чувствовалъ успокоившійся юноша.

Мать даже не упрекнула за опозданіе—а опоздалъ онъ на цѣлый часъ; и опять было хорошо, и опять читали, и яркія страницы книги слѣпили глаза послѣ темноты, а буквы казались необыкновенно черны, четки и красивы.

...Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая.

Пускай персты твои, промчавшия по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ—
Онъ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—
Онъ растаютъ и прольются...

— Какъ ты хорошо читаешь, Сашенька! Если ты не усталъ...

— Нѣть, мамочка, не усталъ.

— Прочти мнѣ „У водъ вавилонскихъ“. Когда я слышу эту пѣснь, мнѣ кажется, Сашенька, что всѣ мы бѣдные евреи, томимые печалью... Ты безъ книги?

— Я знаю такъ.

Саша читаетъ, закрывъ глаза, и гудятъ, какъ струны пѣвучія, строфы:

...Повѣсили арфы свои мы на ивы,
Свободное намъ завѣщааль пѣснопѣнѣ
Солимъ, какъ его совершилось паденье;
Такъ пусть же тѣ арфы висять молчаливы:
Во вѣкъ не сольете со звуками ихъ,
Гонители наши, вы пѣсенъ своихъ!...

Около часу пришла Линочка; и хотя сразу съ ужасомъ заговорила о трудностяхъ экзамена, но пахло отъ нея весною и въ глазахъ ея была Женя Эгмонтъ, глядѣла оттуда на Сашу. „И зачѣмъ она притворяется и ни слова не говорить о Эгмонтъ!—меня бережетъ?“—хмурился Саша, хотя Линочка и не думала притворяться и совершенно забыла и о самой Женѣ и о той чудесной близости, которая только что соединяла ихъ. Впрочемъ, вспомнила:

— А меня Женя провожала, до самой калитки довела. Велѣла тебѣ, мамочка, ландышами отдать, а я и забыла. Сейчасъ отколю.

„Такъ вотъ гдѣ она сейчасъ была!“—колыхнулся Саша.

— Съ кѣмъ же она пошла? — равнодушно спросила Елена Петровна, равнодушно нюхая ландыши.

— Насъ ея братъ провожалъ, двоюродный, изъ Петербурга, онъ у нихъ гостить, гвардеецъ, съ усами. Да родная моя мамочка! — онъ прямо въ ужасѣ: какъ вы здѣсь живете? Но до того вѣжливъ, что мнѣ, ей-Богу, за нашу улицу стыдно стало—хоть бы разъединенный поганый фонаришко поставили!

Прощаясь и цѣлуя Сашу, Линочка сонно шепнула что-то, и показалось ему, что это о Женѣ Эгмонтъ. Сурово и переспросилъ:

— Что ты тамъ шепчешь?

— Типе, Сашка! Я говорю, какая наша мама красавица! Такая молодая, и глаза у нея... ахъ, да родной же мой Сашечка, посмотри самъ глазками, я спать хочу. У-ухъ, глазынъки мои... геометрические.

Несмотря на вѣжливаго гвардейца, эту ночь Саша спалъ спокойно и крѣпко.

Въ субботу утромъ, подъ весеннимъ и радостнымъ дождемъ ходилъ въ аптекарскій магазинъ Малчевскаго — купить іодоформу, бинтовъ и другихъ перевязочныхъ средствъ: зналъ Саша, что Колесниковъ обѣ этомъ не позаботится. Вечеромъ гимназисты назначили маевку, но Саша отъ участія отказался подъ тѣмъ предлогомъ—для матери — что не хочетъ видѣть пьяныхъ. Но такъ какъ послѣ дождя погода стала еще лучше, вдвоемъ съ Еленой Петровной гулялъ по

берегу рѣки до самой ночной черноты; и опять ни о чём не догадывалась и ничего не подозревала мать. Линочка была у Жени Эгмонтъ и по-вчерашнему вернулась около часу, но не смеялась, а была разсѣяна, задумчива, какъ будто чёмъ-то разстроена. Вздыхала.

— Ты вѣришь въ предчувствія, мама?—спросила, наконецъ, Линочка, закинувъ голову и вздыхая.

— Да что съ тобою, Линочка?—какія еще предчувствія? Ну конечно, навѣрно о Тимохинѣ опять говорили; этотъ несчастный Тимохинъ скоро всѣхъ васъ съ ума сведетъ. Говорили?

— Говорили. Но какая глупая Женя Эгмонтъ, я никогда отъ нея этого не ожидала! Впрочемъ, мы обѣ съ ней плакали.

— Еще о чёмъ?

— Ахъ, мама: разъ плакали, значитъ нужно.

Закинула голову вверхъ и, не мигая, смотрѣла на свѣтлый кругъ отъ лампы; и влажно блестѣли глаза. Елена Петровна знала, что теперь отъ нея ничего не добьешся, и коротко сказала:

— Иди-ка ты спать лучше.

— Пусть Саша меня проводить.

Мать улыбнулась:

— Проводи ее, Сашенька.

Все такъ же не глядя Линочка подставила матери щеку и устало поплыла къ двери, поддерживаемая улыбающимся Сашей; но только что закрылась дверь—схватила Сашу за руку и гнѣвно запептала:

— Сашка! Если ты... если ты, Сашка, то ты будешь такой!.. Вотъ письмо, да бери же!

— Какое письмо?

— Отъ Жени.

— Это еще зачѣмъ?

— Если ты не возьмешь, Сашка, то клянусь Божьей Матерью... Ты такой дуракъ, Саша, что мнѣ даже стыдно, что ты мой братъ. Ахъ, родной мой Сашечка, если бы ты тоже могъ поклясться...

— Давай письмо.

— И отвѣтъ?—скорѣе, а то мама.

— И отвѣтъ. Завтра вечеромъ.

Линочка быстро и крѣпко поцѣловала брата и поплыла, какъ актриса, по коридорчику.

Въ эту первомайскую ночь Саша не ложился до разсвѣта. Польночи, послѣдней, которую онъ проводилъ дома, онъ рѣшалъ: вскрыть ему письмо или нѣтъ — и не вскрылъ; польночи онъ писалъ безконечный отвѣтъ на письмо, котораго не прочелъ, и кончилъ за-

писочкой въ два слова: „Не нужно. А. П.“. И такъ и не замѣтилъ этой ночи, послѣдней въ этой жизни, не простился съ нею, не обласкалъ глазами, не оплакалъ — вся она пропала въ біеніи переполненнаго сердца, взрывахъ ненужныхъ словъ, разрывавшихъ голову, въ чуждой этому дому любви къ чуждому и далекому человѣку. И о матери ни разу не подумалъ, а что-то собирался думать о ней — измѣнилъ матери Саша; о Линочкѣ не подумалъ, и не далъ ни любви, ни вниманія своей чистой постели, знаяшей очертали еще дѣтскаго его, тепленькаго тѣла — для любви къ чужой дѣвушкѣ измѣнилъ и дому и сестрѣ. Только ужасной мечтѣ своей не измѣнилъ Саша. Хоть бы на краешекъ, на одну линію поднялась завѣса будущаго — и въ изумлѣніи, подобномъ окаменѣнію страха, увидѣлъ бы юноша обрѣченный, что смерть не есть еще самое страшное изъ всего страшнаго, пріуготованнаго человѣку.

Но не поднялась завѣса, и во вѣки темныхъ стояло будущее, таинственно зачинаясь отъ послѣдняго сказаннаго слова.

Въ воскресенье...

А въ воскресенье просыпало слѣдующее. Шелъ уже третій часъ ночи; накрапывалъ дождь. Въ глухомъ малозажемъ переулкѣ съ двумя колеями вмѣсто дороги стояла запряженная телѣга и двое ожидали Сашу: одинъ, Колесниковъ, беспокойно топтался около забора, другой, еле видимый въ темнотѣ, сидѣлъ согнувшись на облучкѣ и, казалось, дремалъ. Но вдругъ также забеспокоился и пѣвучимъ, молодымъ душевнымъ теноркомъ спросилъ:

- Да то ли мѣсто, Василь, Василичъ? — не прогадать бы.
- Да то самое, Петруша. Молчи, того-этого.
- Можно.
- Что можно?
- Помолчать можно. А вы бы часы поглядѣли, Василь Василичъ.
- Глядѣлъ ужъ. Сиди!

Мѣсто дѣйствительно было то самое, что условлено: та часть низенькаго, свѣтившагося щелями забора, откуда въ давнія времена Саша смотрѣлъ на дорогу и ловилъ невѣдомаго, который проѣзжаетъ. Уже серьезно забеспокоился Колесниковъ, когда зашуршало за оградой и, царапнувъ сапогами мокрыя доски, на верхушку взвалился Саша.

- Держи! — шепнулъ онъ сдавленно, протягивая маленькой чено-данчикъ и нащупывая въ темнотѣ поднятые руки Колесникова.
- Заждались! — сказалъ Колесниковъ, принимая.

Саша не отвѣтилъ и легко спрыгнулъ, слегка задѣвъ его плечомъ.

— Здравствуй, Саша.

— Здравствуй. А это кто?—Андрей Иванычъ?

Какъ можно!—Андрея Иваныча я вчера отправилъ. Это Петруша. Петруша, это ты?

Петруша засмѣялся:

— Я!

— Все готово?

Когда разсѣлись на телѣгѣ, Саша, касавшійся плеча Петруши, но все не могшій его разсмотретьъ, сказалъ:

— Ну, здравствуйте, Петруша.

Колесниковъ поправилъ:

— Не говори ему вы, онъ не любить. Петруша! Вотъ тебѣ и атаманъ, того-этого. Знакомься.

— Очень рады. А какъ васъ звать?

Саша покраснѣлъ и твердо отвѣтилъ:

— Сашка Жегуловъ.

Петруша дернулъ возжами: но, караковая!—и, подумавъ, сказалъ:

— Значить, Александръ Иванычъ. Ну здравствуйте, Александръ Ивановичъ!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

САПКА ЖЕГУЛЕВЪ.

1. С ъя т е л ь щ е д р ы й.

Грозное было время.

Еще рѣки не волили въ берега и полноводными, какъ єзера, стояли пустынныя болота и вязкія топи; еще не обсохли поля, и въ лѣсныхъ оврагахъ дотаивалъ закрупѣвшій, прокаленный ночными морозами снѣгъ; еще не завершила круга своего весна—а уже вышелъ на волю огонь, полоненный зимою, и бросилъ въ небо свѣточи ночныхъ пожаровъ. Кто-то невидимый вызвалъ его раньше времени; кто-то невидимый бродилъ въ потемкахъ по русской землѣ и полной горстью, какъ съятель щедрый, съяль тревогу, воскрепшаль мертвяя надежды, тихимъ шепотомъ отворялъ завороженную кровь. Будто не черезъ слово человѣческое, какъ всегда, а иными, таинственнѣйшими путями двигались по народу вѣсти и зловѣщіе слухи, и стерлась грань между сущимъ и только что наступающимъ: еще не умеръ человѣкъ, а уже знали о его смерти и поминали за упокой. Еще только загоралась барская усадьба и еще зарева не приняло спокойное небо ночи, а уже за тридцать верстъ проснулась деревня и готовить телѣги, торопливо грохочеть за барскимъ добромъ. Жестокимъ провидцемъ, могучимъ волхвомъ сталъ кто-то невидимый, облеченный во множественность: куда протянетъ палецъ, тамъ и горить, куда метнетъ глазами, тамъ и убиваютъ—трещать выстрѣлы, льется отворенная кровь; или въ безмолвіи скользить ножъ по горлу, нащупываетъ жизнь.

Кто-то невидимый въ потемкахъ бродить по русской землѣ, и гордое слово безсильно гонится за пимъ, не можетъ поймать, не можетъ уличить. Кто онъ и чего онъ хочетъ?—чего онъ ищетъ? Духъ ли это народный, разбуженный среди ночи и горько мстящій за украденное солнце? Духъ ли это Божій, разгнѣванный беззаконіемъ законъ хранящихъ и въ широкомъ размахѣ десницы своей карающей.

невинныхъ вмѣстѣ съ виновными? Чего онъ хочетъ? — чего онъ ищетъ?

Мертво грохочутъ въ городѣ типографскія машины и мертвый чеканять текстъ: о вчерашнихъ по всей Россіи убийствахъ, о вчерашнихъ пожарахъ, о вчерашнемъ горѣ; и мечется испуганно городская, уже утомленная мысль, тщетно внеряя взоры за предѣлы свѣтлыхъ городскихъ границъ. Тамъ темно. Тамъ кто-то невидимый бродитъ въ темнотѣ. Тамъ кто-то забытый воетъ звѣринымъ воемъ отъ непомѣрной обиды, и кружится въ темнотѣ, какъ слѣпой, и хоронится въ лѣсахъ — только въ заревѣ безпощадныхъ пожаровъ являя свой искашенный ликъ. Перекликаются въ испугѣ:

- Кто-то забытъ. Всѣ ли здѣсь?
 - Всѣ.
 - Кто-то забытъ. Кто-то бродитъ въ темнотѣ?
 - Не знаю.
 - Кто-то огромный бродитъ въ темнотѣ. Кто-то забытъ. Кто-то забытъ?
 - Не знаю.
- Грозное и таинственное время.

2. Наканунѣ.

Вечерѣло въ лѣсу.

Къ Погодину подошелъ Еремѣй Гнѣдыхъ, мужикъ высокій и худой, туга подпоясанный поверхъ широкаго армяка, насупилъ брови надъ провалившимися глазами и суроно доложилъ:

— Александръ Иванычъ! Построечку-то надо бы расширить, не вмѣщать, народу обидно.

— Ну и расширь.

— Федотъ работать не хочетъ. Я, говорить, сюда бариномъ жить пришелъ, а не бревна таскать, пускай тебѣ медвѣдь потаскаетъ, а не я.

Около костра засмѣялись. Петруша смѣясь крикнулъ пѣвучимъ, задушевнымъ теноркомъ:

— Гоните-ка его, Александръ Иванычъ. Ему говорять, завтра соорудимъ шалапъ, не лѣзть же на ночь за хворостомъ, глаза выколеши, а онъ страдать: построечку, да построечку!

Еремѣй, не глядя въ ту сторону, мрачно сказалъ:

— Холодно безъ прикрышки, сдохнешь.

— Привыкъ съ бабой-то на печкѣ!—засмѣялся Федотъ и уже сердито добавилъ:—не сдохнешь, не дохнуть же люди.

— Да и врѣть онъ, Александръ Иванычъ!—какой холодъ, разъ костеръ не угасаетъ. А ужъ такъ, не можетъ, чтобы знака своего не поставилъ, землевладѣлецъ! Нынче только пришелъ, а ужъ построечку,—помѣщикъ!

Опять засмѣялись у костра; ни разу не улыбнувшійся Еремѣй повернулъ прочно отъ Саши и привалился къ огню. Еще синѣлъ уходящій день на оstryхъ скулахъ и широкомъ, прямомъ носу, а вокругъ глазъ подъ козырькомъ уже собиралась ночь въ красныхъ отсвѣтахъ пламени, чернѣла въ бородѣ и подъ усами. Какъ завороженный уставился онъ на огонь, смотрѣлъ не мигая; и все краснѣе становилось мрачное, будто изъ дуба рѣзанное лицо по мѣрѣ того, какъ погасалъ надъ деревьями долгій майскій вечеръ. И будто не слыхалъ, какъ про него говорилъ слабымъ голосомъ замореный, чуть живой бродяжка Мамонъ, отъ голоду еле добравшійся до становища:

— Сколько я видалъ на землѣ людей, всѣ люди, братцы, глупые. Нашему брату, вольному человѣку, крыша надъ головой все равно, что гробъ, а они этого никогда не понимаютъ, заживо хоронятся да тухнуть.

Федотъ, молодой, по виду чахоточный парень, недовѣрчиво кашлянулъ:

— А зимой?—то-то хорошъ ты вчера пришелъ. Тутъ люди, братъ, за дѣломъ собрались, а не лясы точить. Шель бы ты дальше, не проѣдался.

Петруша пѣвуче поддержалъ:

— Равнодушный человѣкъ!—Тутъ люди по всей Россіи маятся, за Бога-истину животъ кладутъ, а онъ только и знаетъ, что скулить: беспорядокъ, много-де стражниковъ по дорогамъ скачутъ, моему-де хожденію мѣшаютъ...

И крикнулъ:

— Александръ Иванычъ, надо намъ такой порядокъ установить, чтобы какъ только бродяга, такъ его въ шею. Ненужный онъ звѣрь, вродѣ суслика.

Бродяга покраснѣлъ отъ обиды и непониманія; и, хотя собирался еще денекъ погостить и покормиться, обиженно пробормоталъ:

— Завтра прослѣдую дальше. Господи, и съ силой-то собраться не дадутъ, такъ и гонютъ, такъ и гонютъ. Много я вашего хлѣба наѣлъ.

— Никто тебя не звалъ.

— Господи, слышу молва идетъ: объявились лѣсные братья. Ну,

а если братья, такъ не мимо же идти, а они, братья-то на манеръ волковъ. И все гонютъ, все гонютъ.

Долго скучилъ голодный и обиженный бродяга. Подъ кручею шумъль и дымился къ ночи весенній ручей, потрескивалъ костеръ въ сырыхъ вѣтвяхъ и крючилъ молодые водянистые листочки, и все вмѣстъ съ тихой и жалобной рѣчью бродяги, пѣвучими отвѣтами Петруши сливалось въ одну безконечную и заунывную пѣсню. „Вотъ кого я люблю!“—думалъ Саша про Еремѣя, не отводя глазъ отъ застывшаго въ огненномъ озареніи суроваго лица, равнодушнаго къ шуткѣ и разговору и такъ глубоко погруженаго въ думу, словно весь лѣсь и вся земля думали вмѣстъ съ нимъ. Только разъ шевельнулись усы, и въ Петрушину плавную рѣчъ, какъ камни въ воду, уиали громкіе и словно равнодушныя слова:

— Безъ меня меня женили, я на мельницѣ былъ.

Саша заинтересованно окликнулъ:

— Что ты говоришь, Еремѣй?

— А то и говорю: безъ меня меня женили.

— Это я про господарственную думу рассказываю,—подхватиль Петруша,—что рѣшила Дума мужичкамъ землю дать... въ газетахъ писали, Александръ Иванычъ.

Петруша былъ грамотный, но не столько читаль газеты, которыя трудно было достать, сколько произвольно сочинялъ; сочинивъ же, немедленно самъ вѣрилъ, что это изъ газетъ. На слова его отозвался Федотъ, закричавъ громко и гнѣвно:

— Врутъ, не дадутъ!—Пока тонуть топоръ сулять, а вынырнуть и топорища жаль. , одинъ съ ними разговоръ, мать ихъ...

„И на что имъ земля?—думалъ съ неодобрениемъ бродяжка: вотъ дадутъ имъ землю, а они первымъ дѣломъ заборомъ огородятся, лазяй тутъ. Нѣть, душно мнѣ, завтра уйду“.

И опять шумъль въ оврагъ ручей и лѣсная глушь звенѣла тихими голосами: чудесный мѣсяцъ май!—въ немъ и ночью не засыпаетъ земля, гонить траву, толкаетъ прошлогодній листъ и живыми соками бродить по деревамъ, шуршитъ, пришептывается, гукаетъ по далямъ. Склонивъ голову на руки, сидѣлъ на пенечкѣ Саша и не то думалъ, не то грезилъ—подъ стать текли образы, безболѣзно и тихо мѣняя формы свои, какъ облака. Думалъ о томъ, какъ быстро ржавѣетъ оружіе отъ лѣсной сырости и какое лицо у Еремѣя Гнѣдыхъ; тихо забезпокоился, отчего такъ долго не возвращаются съ охоты Колесниковъ и матросъ, и сейчасъ же себѣ отвѣтилъ: ничего, придутъ, я слышу ихъ шаги—хотя никакихъ шаговъ не слыхалъ;

вдругъ заслушался ручья. Но что бы ни приходило въ голову его, одно чувствовалось неизмѣнно: пѣвучая радость и такой великій и благостный покой, какой бываетъ только на Троицу, послѣ обѣдни, когда идешь среди цвѣтушихъ яблонь, а вдалекѣ у притвора церковнаго поютъ слѣпцы. Или и это представлялось Сашѣ?—минутами и самъ удивлялся тихо: не пора ли беспокойства настала, откуда же покой и радость? Хорошо бы также найти какія-то совсѣмъ особы слова и такъ сказать ихъ Еремѣю, чтобы освѣтилось его темное лицо и тоска отпала отъ сердца—вонъ и костеръ его не грѣеть, снаружи озаряетъ, а въ глубину до сердца не идетъ. Погоди, Еремѣй.

Высокимъ голосомъ испуганно закричалъ Петруша:

— Кто идетъ? Откликайся, что прешь, какъ медвѣдь!

Саша схватился за маузерь, стоявшій возлѣ по совѣту Колесникова: даже солдатъ можетъ свое оружіе положить въ сторону, а мы никогда, и ѿшь и спи съ нимъ; не для другихъ, такъ для себя понадобится. Но услыхалъ какъ разъ голосъ Василія и привѣтливо въ темнотѣ улыбнулся. Гудѣлъ Колесниковъ:

— Свои, свои, Петруша.

Въ кругъ отъ костра вступило четверо, еще мужикъ Иванъ Гнѣдыхъ, однофамилецъ Еремѣя, и Васька Соловьевъ, щеголь; и сразу стало шумно и весело. Даже Еремѣй повеселѣлъ, во всѣ стороны заулыбался и вздернуль на лобъ картузъ.

— Много настрѣляли?—спросилъ Саша, тоже улыбаясь и за руку здороваясь съ Соловьевымъ, котораго еще не видаль.

— Никакъ нѣть, Александръ Ивановичъ, ничего,—отвѣтилъ Андрей Иванычъ.—Да развѣ съ пулей можно?—у меня тетерка изъ-подъ ногъ ушла.

— Стрѣлять не умѣете, Андрей Иванычъ—попутилъ Колесниковъ, такъ какъ матросъ былъ лучшимъ стрѣлкомъ въ отрядѣ и уступалъ только Погодину.—Но какъ, Саша, чудесно, того-этого, вотъ во-время на дачу выбрались.

Федотъ захочоталъ и закаплялся; во всю бороду ухмыльнулся Еремѣй и сказалъ:

— Шутять.

— Иванъ хлѣба да селедокъ купилъ. Вонючія, того-этого. Садись, Соловьевъ, иль ноги не отмакались? Потомъ, Саша, разскажу.

Соловьевъ, подбористый малый, съ пронзительными, то слишкомъ ласковыми и почтительными, то недовѣрчивыми глазами, по манерѣ недавній солдатъ, откинуль полы чистенькой поддевки и сѣлъ, поблагодаривъ:

— Покорно благодарю, Василь Василичъ.

Запѣль Петруша:

— Нѣть, вы вотъ что скажите, Василь Василичъ: опять вѣдь баба съ яйцами приходила!

Мужики засмѣялись.

— Вчерась одна, нынче другая—и откуда онѣ, сороки, провѣдали? Словно и впрямь дачники понаѣхали. Даромъ, говоритъ, бери, а бери, назадъ не понесу.

— Далеко молва идетъ,—отозвался слабо бродяга,—я еще гдѣ услыхалъ! Такъ и говорятъ: у насъ ничего нѣть, а иди, братъ, къ Жигалеву...

— Жегулову,—поправилъ матросъ.

— Жигулову, Александру Иванычу, онъ тебя къ дѣлу приспособить и поѣсть дастъ. И за хлѣбъ-соль, братцы, спасибо, а что касается дѣла, то ужъ не невольте, не по моей части кровъ...

Нахмурились. Федотъ взмахнулъ кулакомъ и крикнулъ:

— Молчи, гусыня!

Бродяжка робко отстранился, бормоча:

— Меня и саратовскіе лѣсные братья уважили, меня и...

— Не тронь его,—приказалъ Саша, слегка покраснѣвшій, когда упомянулось его новое имя.—Завтра онъ уйдетъ.

Колесниковъ смотрѣлъ съ любовью на его окрѣпшее, въ нѣсколько дній на года впередъ скаканувшее лицо и задумался внезапно объ этой самой загадочной молвѣ, что одновременно и сразу, казалось, во многихъ мѣстахъ вспыхнула о Сашкѣ Жегуловѣ, задолго опережая всякія событія и прокладывая къ становищу невидимую тропу. „Болтаютъ, конечно,—думалъ онъ,—но не столько болтаютъ, сколько ждутъ, носомъ по вѣтру чують. Зарумянился мой черный Саша и глазами поблескиваетъ, понялъ, что это значитъ: Сашка Жегуловъ! Отходи, Саша, отходи“.

А тамъ смѣялись надъ разсказомъ Ивана Гнѣдыхъ, какъ онъ въ селѣ пищу покупалъ:

— Говорю ему, Идолу Иванычу: для лѣсныхъ братьевъ, получше отпускай, разбойникъ, знаешь, какой народъ!

— Вѣрно!—подтвердилъ Еремѣй:—такъ ему и надо. А онъ что?

— Чтобы вы сдохли, говорить, анафемы, съ вами я скоро отъ одного страха жизни лишусь. Да и обсчиталь меня на гриненникъ, только въ лѣсу я догадался, какъ считать сталъ.

Еремѣй молча качнулъ головой:

— Ахъ ты, поди ты—ну и сволочь же человѣкъ!

— Безстрашный дьяволъ.

— Нѣть, погоди!

— Надо-бѣ тебѣ вернуться, да въ морду ему плонуть.

— Нѣтъ погоди,—кричалъ Иванъ,—далъше-то слушай. Ка-а-къ пюхну я селедку, это въ лѣсу-то, ла ка-а-къ чкну: весь носъ отъ вони разодрало! Ахъ ты, думаю...

Петрушка забренчалъ балалайкой.

— Ахъ, душа Андрей Иванычъ, матросикъ мой отставной—играпнемъ?

И при смѣхѣ мужиковъ, знаяшихъ, что Петруша въ деревнѣ оставилъ невѣсту, зачастилъ:

Пали снѣги, снѣги бѣлые,

Да растаяли,—

Лучше брата бы забрили,

Милаго-бѣ оставили! А—юхъ, юхъ, юхъ, юхъ!..

Колесниковъ поманилъ пальцемъ Соловьеву, съ нимъ и съ Погодинымъ отошелъ къ шалашу.

— Ну, Саша: завтра. Тезка тебѣ разскажетъ, онъ три дня, того-этого, на путяхъ работалъ, все высмотрѣлъ. Расторопный онъ человѣкъ!

При словѣ „завтра“ лицо Саши похолодѣло—точно теперь только ощущало свѣжесть ночи, а сердце, дрогнувъ, какъ хороший конь, вступило въ новый, сторожкій, твердый и четкій шагъ. И ловя своимъ открытымъ взглѣдомъ пронзительный, мерцающій, взоръ Соловьеву, рапортовавшаго коротко, обстоятельно и точно, Погодинъ узналъ все, что касалось завтрашняго нападенія на станцію Раскосную. Сѣврілся съ картой и по разсказу Соловьеву набросалъ планъ станціонныхъ жилищъ.

— Я думаю, Саша...

— Не мѣшай, Василь Василичъ! Жандармъ, говориши, здѣсь...—онъ незамѣтно перешелъ па ты.

— Такъ точно. И два стражника. А вотъ тутъ телеграфъ...—при свѣтѣ огарка не совсѣмъ увѣренно бродилъ по бумагѣ короткій съ чернымъ ногтемъ палецъ.

Погодинъ рѣшилъ: до утра своимъ ничего не говорить, да и утромъ вести ихъ, не объясняя цѣли, а уже недалеко отъ станціи, въ Красномъ логу, сдѣлать остановку и указать мѣста. Иванъ и Еремѣй Гнѣдыхъ съ телѣгами должны поджидать за станціей. Федота совсѣмъ не брать...

— Отчего же?—почтигельно освѣдомилъ Соловьевъ:—все лишній для начала человѣкъ.

— Слабосиленъ и стрѣлять не умѣетъ,—сказалъ Колесниковъ.

— У него яости много,—настаивалъ Соловьевъ:—пусть на случай выхода оретъ: наши идутъ! Кто не бѣжалъ, такъ убѣжитъ, скажутъ, тридцать человѣкъ было. Воткинскій Андронъ такимъ-то спо-

собомъ самъ-другъ цѣлую волость перевязалъ, и старшину лозанами выдралъ.

Колесниковъ покосился:

— Да ты, того-этого, по правдѣ говори: нигдѣ раньше въ дѣлахъ не былъ? Что-й-то ты, дядя, много знаешь — нынче мнѣ всю дорогу анекдоты рассказывалъ! Ну?

Соловьевъ усмѣхнулся и щеголевато козырнуль глазами:

— Кабы гдѣ былъ, такъ ужъ навѣрняка-бѣ слыхали! — но встрѣтилъ суровый взглядъ Саши, съежился, точно выцвѣлъ и заторопился:

— Между прочимъ, можно Федота и не брать, человѣкъ они неопытный, это правда.

Рѣшили, однако, Федота взять и даже дать ему маузеръ, но незаряженный: былъ одинъ въ партіи испорченный, проглядѣлъ, когда принималъ, Колесниковъ. На томъ и покончили до завтра.

— Ну ступай пока, Соловьевъ, — приказалъ Саша.

— Слушаю-съ, Александръ Иванычъ, но между прочимъ позвольте присовокупить: съ народомъ нашимъ надо поосторожнѣе. Слухъ идетъ... бабы эти разныя... и вообще. Конечно, пока они за нась, такъ хоть весь базаръ говори, ну а на случай бѣды или какихъ другихъ соображеній... Народъ они темный, Александръ Иванычъ!

— Ладно, ступай — сухо приказалъ Саша, но встрѣтилъ покорные слегка испуганные, темные, какъ и у тѣхъ, глаза Соловьева и стыдливо добавилъ: иди, голубчикъ, я все сдѣлаю. Намъ поговорить надо.

3. Р я б и н у ш к а.

— Непріятный человѣкъ! — сказалъ Колесниковъ про ушедшаго, но тотчасъ же и раскаялся: — а впрочемъ, шутъ его знаетъ, какой онъ. Въ городѣ, Саша, я каждого человѣка насквозь, того-этого, вижу, какъ бутылку съ дистиллированной водой, а тутъ столько осадковъ, да и недовѣрчивы они: мы ему не вѣримъ, а онъ намъ. Трудно, Саша, судить.

— Привыкнуть! — уверенно отвѣтилъ Погодинъ, прислушиваясь къ веселому говору около костра и улыбаясь. — Ахъ, Вася, чудесный какой вечеръ! Постой, Петруша, пѣть хочетъ...

Какъ Елена Петровна въ то жестокое утро, когда зашла рѣчъ о губернаторѣ Телепневѣ, увидѣла вмѣсто привычнаго Сашеньки новое и удивительное, въ одно мгновеніе осознала и какъ бы сложила въ сумму весь рядъ незамѣтныхъ перемѣнъ — такъ и Колесниковъ въ эту минуту. Куда дѣвалось все прежнее? — какъ мѣняется человѣкъ! Отя-

желѣлъ подбородокъ, а лобъ словно убавился—или это костеръ играетъ тѣнями? Но вотъ что несомнѣнно: рѣзко очертился носъ и выпуклости бровей и четко изогнулась линія отъ носа къ верхней губѣ—точно впервые появился у Саши профиль, а раньше и профиля не было. И еще: исчезла безслѣдно та блѣдная хрупкость, высокая и страшная одухотворенность, въ которой чуткое сердце угадывало знаменіе судьбы и билось тревожно въ предчувствіи грядущихъ бѣдъ; на этомъ лицѣ румянецъ, оно радостно радостью здоровья и крѣпкой жизни—тотъ уже умеръ, а этотъ доживетъ до бѣлой крѣпкой старости. У того была мать, благородная и несчастная Елена Петровна, а этотъ словно никогда не зналъ матери и ея слезами не плакалъ—и какъ бѣлѣютъ зубы въ легкой улыбкѣ! Мысленно придвигалъ Колесниковъ бороду къ Сапиному лицу—получился генераль Погодинъ, именно онъ, хотя даже карточки никогда не видалъ. Вздохнулъ съ укоромъ.

— Такъ вотъ, Саша,—значить, завтра.

— Да. Завтра. Но, Василій, милый, ты хотѣлъ о чемъ-то говорить — не надо! Не надо вообще говорить. Ты присматривался къ Еремѣю, нѣтъ? — присмотрись. Онъ все время молчать, и я цѣлый вечеръ за нимъ слѣжу: онъ все мнѣ открылъ. Я знаю, ты сейчасъ же спросишь, что открылъ, а я тебѣ чего-нибудь навру—не надо, Вася.

— Нѣтъ, не спрошу. Прости меня, Саша.

Погодинъ удивленно обернулся, сдвинувъ тѣни:

— За что?

— Такъ. За нѣкоторыя мысли, того-этого.

— Ну вотъ!—развѣ это не разговоръ? „Прости“, „за мысли“,—чтобъ чертъ насы побралъ, мы только и дѣлаемъ, что другъ у друга прощепія просимъ. И этого не надо, Василій, увѣряю тебя, никому до этого нѣтъ дѣла. Не обижайся, Вася, я, честное слово, люблю тебя... Постой, идемъ ближе, поютъ!

„Кость бросилъ, чтобы отвязаться: любить, да еще „честное слово!“—горько думалъ Колесниковъ, идя за Сашей. И вдругъ обозлился на себя: „да я-то что? Развѣ не весело?—развѣ не поютъ? Эхъ, да и хорошо же на свѣтѣ жить, пречудесно!“

Жить было пречудесно, и это знала вся ночь. Полыхалъ костеръ, и тѣни плясали, взвивались искры и гасли, и миллионы новыхъ устремлялись въ ту же небесную пропасть; и ручей полновзвучно шумѣлъ: если бросить теперь на него чурку, то донесеть до самаго далекаго моря. Притихли мужики, пригрѣвшись у огня, и, какъ нѣчто самое серьезное и важное, слушали подготовительные переборы струнъ

и пѣвучую рѣчь радостно взволнованного Петруши. Веснущатое, безусое лицо его раскраснѣлось, сѣрые, почти ребячыи глаза сладко щурились: въ обѣихъ рукахъ нѣжно, какъ пушинку, держалъ онъ матросикову балалайку съ разрисованной декой и стоналъ:

— Ахъ, ну и балалайка! ну и балалайка! Это инструментъ, эта ужъ до самой смерти заговорить, эта ужъ не выпустить, нѣтъ!

Иванъ серьезно и съ участіемъ спросилъ:

— Завидно, Петруша?

— Ка-а-кая зависть!

Андрей Иванычъ протянулъ руку за балалайкой, но Еремѣй остановилъ его:

— Погоди, матросъ!—дай подержаться. Не съѣсть твоего инструменту.

Наконецъ сыгрались обѣ балалайки. Въ тихомъ переборѣ струнъ, въ кроткой смиренности ихъ однозвучія—что бы ни говорили слова—не пропадала чистая, почти молитвенная слеза: дали и шири земной кланялся человѣкъ, вѣчный путникъ по высамъ заоблачнымъ, по низинамъ, сумеречно-прекраснымъ. Какъ бы далеко ни уходили слова— дальще ихъ уносила пѣсня; какъ бы высоко ни взлетала мысль— выше ея подымалась пѣсня; и только душа не отставала, парила и падала, стономъ звенящимъ откликалась, какъ перелетная птица... „Боже мой—и это не во снѣ?“—думалъ Саша: „и это не церковь?— и это музыка? Но вѣдь я же не понимаю музыки, я безталанный Саша, но теперь я все понялъ!“

Сидѣлъ, склонивъ голову, обѣими руками опершись на маузерь, и въ этой необычности и чудесной красотѣ ночного огня, лѣса и нѣжнаго зазыва струнъ самому себѣ казался новымъ, прекраснымъ только что сошедшимъ съ неба—только въ пѣснѣ познаетъ себя и любить человѣкъ и теряетъ злую грѣховность свою. Радостно оглянулся на Колесникова—и у того преобразилось лицо, въ глазахъ смышное удивленіе, а весь, какъ дитя, и не одинокъ уже, хотя близокъ къ слезамъ и бороду дергаетъ беспомощно. А дальще Еремѣй—ѣсть горящими глазами пѣвцовъ и истово кланяется дали и шири земной; серьезенъ, какъ въ смерти, не шевельнется, словно летить—для него это не шутки. А дальще...

— Рябинушку,—коротко кинулъ Андрей Ивановичъ,—уже не матросъ, а власть чудесную имѣющій; перебралъ пальцами, тронулъ душу балалайки и степеннымъ, вѣроящимъ баскомъ началъ:

— Ты, рябинушка, ты, зеленая...

По низу медлительно и тяжко плывутъ слова; оковала ихъ земная тяга и долу влечетъ безмѣрная скорбь—но еще не данъ отвѣтъ

и ждеть, раскрывшись, настороженная душа. Но ахаеть Петруша и въ одной звенящей слезѣ раскрываеть даль и ширь, высокимъ голосомъ покрываеть низовыи, точно смирившійся басъ:

— Ахъ!—ты когда взросла, ахъ, когда выросла...

„Это я, рябинушка—думаетъ каждый.—Это я та рябинушка, та зеленая и про меня это спрашиваютъ: ты когда взросла, когда выросла.

— Ты рябинушка...

Что это?—оглянулись всѣ. А это Колесниковъ запѣлъ. Свирѣпо нахмурился, злобно косить круглымъ глазомъ и на свой могучій голосъ перенялъ у матроса безмѣрную скорбь и тягу земли:

— Ты рябинушка, ты зеленая...

Что-то грозное пробѣжало по лицамъ, закраснѣлось въ буйномъ пламени костра, взметнулось къ небу въ вѣчно восходящемъ потокѣ искръ. Крѣпче сжали оружіе холодныя руки юноши и вспомнилось на мгновеніе, какъ ночью раскрывала онъ сорочку, обнажаль молодую грудь подъ выстрѣлы: — да, да! — закричала душа, въ смерти утверждая жизнь. Но ахнуль Петруша высокимъ голосомъ, и смирился мощный басъ Колесникова, и смирился гнѣвъ, и чистая жалоба, великая печаль вновь раскрыла даль и ширь.

— Ахъ — да когда же ты, ахъ — да закраснѣлася.

Ахъ, когда же ты закраснѣлася...

Подтягиваеть и бродяжка слабымъ теноркомъ, вмѣстѣ съ Петрушей отвѣчаетъ Колесникову и словно борется съ нимъ. Едва слышно его за сильнымъ и высокимъ голосомъ Петруши, но всѣ одобрительно улыбаются, это хорошо, что онъ подтягиваетъ. И снова вступаетъ точно осилившій басъ и смолкаютъ покорно высокіе голоса:

— Я, рябинушка, закраснѣлася...

Обо мнѣ!—думаетъ каждый и, замирая, ждеть отвѣта. И въ звонкой печали отвѣчаетъ задушевный голосъ, въ послѣдній разъ смертельно ахнувъ:

— Ахъ!—да позднею осенью—ахъ, да подъ морозами.

Ахъ, поздней осенью, подъ морозами.

Было долгое молчаніе и только костеръ яростно шумѣлъ и ворочался, какъ бѣшеный. Луна всходила: никто и не замѣтилъ, какъ посвѣтило и засеребрились въ лѣсу лѣсныя чудеса. Еремѣй тряхнуль головой и сказалъ окончательно:

— Хорошо у насъ поютъ.

А Саша уволокъ въ серебро вѣтвей распрымившагося Колесникова и въ волненіи, первый разъ открыто выражая свой восторгъ, трясь его опущенную тяжелую руку и говорилъ:

— Да какъ же это, Васи іі!—вѣдь у тебя такой голосъ... или ты самъ не знаешь, чудакъ!

Колесниковъ, все еще свирѣпый, тяжело водя грудью, съ гордостью отвѣтилъ:

— Знаю. Такъ что?

— Да вѣдь съ такимъ голосомъ... Боже мой, Вася! ты могъ бы...
У тебя слава, чудакъ!

— Могъ бы. Ну?

Подонецъ Андрей Иванычъ и развелъ руками:

— Ну, Василь Василичъ, благодарю. Какъ рявкнули вы у меня надъ ухомъ—что такое, думаю, дерево завалилось? Да и свирѣпо же вы поете...

— Разболтались вы, Андрей Иванычъ!—сердито сказалъ Колесниковъ.

— Да всякий разболтается! Иванъ до чего додумался? —лѣшій, говорить, съ нимъ ночью страшно.

Въ нѣсколько дней закосматѣвшій Колесниковъ, дѣйствительно похожій на лѣшаго, вдругъ закрутился на четырехъ шагахъ и загудѣлъ, какъ труба въ ночную выигу:

— Стыдно вамъ!—стыдно вамъ! Чему удивились того-этого? Боже ты мой, какое непониманіе! Какъ вдовица съ лептой, того-этого, хоть какое-нибудь оправданіе, а онъ въ носъ тычетъ: слава, того-этого! Преподлѣшій вздоръ, стыдно! Ну лѣшій и лѣшій, въ этомъ хоть смыслъ есть... да ну васъ къ черту, Андрей Иванычъ, говорилъ: оставьте балалайку. Нѣть, не можетъ, того-этого, интеллигентъ!

Не зная, пугаться ему или смѣяться, матросъ тихо сбѣжалъ; а Саша поймалъ за руку кружившагося Колесникова и сказалъ:

— Нѣть ужъ, видно, никакъ намъ не избавиться, чтобы не просить прощенія. Прости меня, Вася.

И крѣпко прямо въ губы поцѣловалъ его. Колесниковъ, будто съ неохотою принялъ поцѣлуй и даже пытавшійся отвернуться, сжалъ до хруста въ костяхъ Сашину руку и проніепталъ въ ухо:

— Саша! Завтра идти. Саша, знай одно: грудью передъ тобою стану. Ладно, точка, молчи, тебѣ говорю! Айда къ нашимъ—сейчасъ плясать будемъ! Ходу!

И гулко загоготалъ, пугая ночную птицу:

— Го-го-го!

Видимо, понравилось быть лѣшикомъ; да и просила душа простору. На что широкъ былъ лѣсъ, а и онъ сталъ тѣснѣ послѣ тѣхъ далѣй, что открылись взору душевному; взыграли невыплаканныя слезы и сладкою отравою, какъ вино, потекла по жиламъ крѣпкая печаль,

тревожа тѣло. Вдругъ жарокъ сталъ костеръ, и тяжестью повисла одежа на поширѣвшихъ плечахъ: въ сладкой и истомной тревогѣ шевелились мужики и поахивали. Кто лежалъ раныше, тотъ сѣлъ; а кто силѣль—поднялся на ноги, расправляетъ спину, потягиваясь и неправдиво позѣвывая. Широко рааставивъ ноги въ блестящихъ сквозь грязь сапогахъ и заложивъ за спину подъ поддевкой руки, раздраженно поплевываетъ въ огонь Васька Соловьевъ, томится той же жаждою. Обернулся на гиканье подходящаго Колесникова и усмѣхается криво: жуткая душа у Васьки Соловьева.

Заахаль восторженно Петруша:

— Ахъ, ну и голосокъ же у васъ, Василь Василич; смола горящая!

Иванъ Гнѣдыхъ, шутникъ, сморщилъ смѣшливо печеное свое лицо и поправиль:

— Для грѣшниковъ смола, а праведнику на многія лѣта. Поджарый ты, Василій, тебѣ бы въ дьяконы идти, а не съ нами околачиваться, вотъ бы брюхо и отрастиль, чудакъ человѣкъ, ей-Богу, на этомъ мѣстѣ провалиться!

Еремѣй суроно крикнулъ:

— Пусти, бродяжка, что разлегся!—мѣсто ослобони для Александра Иваныча. Сюда иди, Александръ Иванычъ!

Бродяжка, послѣ пѣнія отошедшій душою и заулыбавшійся, снова скисъ: „и все гонютъ, и все гонютъ...“

— Спасибо, Еремѣй, я постою. Ну-ка, Андрей Иванычъ, плясовою. Вася, не ерепенься, Вася, не косись!

Мужики засмѣялись дружелюбно: все еще словно не отошелъ Колесниковъ и неуживчиво ворочалъ глазами, но при словахъ Саши и мгновенномъ блескѣ бѣлыхъ зубовъ его захочоталь и топнуль ногою:

— Пожарче, Андрей Иванычъ!

Ошибался Колесниковъ, когда боялся для себя лѣса: если и уподобился опь лѣсу, то лишь въ его свободной силѣ и дикой статности. На городскихъ улицахъ, въ своихъ вѣчно шлепающихъ калошахъ и узкомъ пальто, стягивающемъ колѣни, онъ былъ неуклюжъ и смѣшонъ, и порою жалокъ: другой онъ былъ здѣсь. Отъ высокихъ сапогъ сузился низъ, а плечи раздались, развернулась грудь; и широкой тугой поясъ съ патронами правильно дѣлилъ его туловище на двѣ половины: одну для ходу, другую для размаху и дѣйствія. И только одно было совсѣмъ ужъ не у мѣста: полосатая, велосипедная шапочка—но ничего не подѣлаешь съ заблужденіемъ!

Но не двѣ ли души у балалайки?—такъ удивительно, что на од-

нѣхъ и тѣхъ же струнахъ можетъ звучать столь разное. Еще слеза не высохла, а ужъ раскатывается смѣшокъ, тихимъ шепотомъ зоветъ веселье, воровской шутливою повадкою крадется къ тому самому мѣсту, гдѣ у каждого человѣка танцуетъ плясъ. Какъ на ниточкахъ подергивается душа, а подъ колѣномъ что-то сокращается, и чѣмъ больше дергаетъ и чѣмъ рѣзвѣе сокращается, тѣмъ степеннѣе бородатыя и безбородыя лица. Это не цыганскій злой разгуль, когда въ страсти каменѣть и стынеть лицо — тутъ хитрая усмѣшка, чудесная недоговоренность и тонкая граница: все даль, а могу и еще! все тронуло, а могу и еще! Глухой подумаетъ, что вотъ и наступило когда настоящее горе; а слѣпой — тотъ и самъ задрыгаетъ ногами; такъ строги и степенны лица при ярко звонкомъ гулѣ струнъ.

Все чаще и круче коварный иерей-борь; ужъ не успѣваетъ за нимъ тайный смѣхъ, и пламя костра, далеко брошенное позади, стелется медленно, какъ сонное, и радостно смотрѣть на двѣ пары быстрыхъ рукъ, отбрасывающихъ звуки. Не столь искусный Петруша еще медли-теленъ: пальцы нѣть-нѣть, да и прилипнутъ, а матросъ такъ отхватываетъ руку, словно подъ нею огонь: и еще позволяетъ улыбнуться своимъ глазамъ неопытный Петруша, а Андрей Иванычъ строгъ до важности, степененъ, какъ женихъ на смотринахъ. И только метнувъ въ сторону точно случайный взглядъ и поймавъ на лету горящій лукавствомъ и весельемъ глазъ, улыбнется коротко, отрывисто и съ пониманіемъ, и къ небу подниметъ сверхъ равнодушное лицо: а луна-то и пляшетъ! — стыдно смотрѣть на ея отдаленное веселье.

„Да что же это? — вотъ я и опять понимаю!“ — думаетъ въ восторгѣ Саша и съ легкостью, подобной чуду возрожденія или смерти, сдвигаетъ вдавившіяся тяжести, переоцѣниваетъ и проплое и душу свою, вдругъ убѣдительно чувствуетъ исходство свое съ матерью и роковую болѣсть къ отцу. Но не пугается и не жалѣть, а въ радости и любви къ проклятому еще увеличиваетъ сходство: круглить вы-пуклые, отяжелѣвшіе глаза, иронзаетъ ими безжалостно и гордо, дышетъ ровнѣе и глубже. И кричитъ атамански:

— Соловьевъ! выходи.

Торопливые голоса подхватываютъ:

— Васька! Соловей, — выходи. Оглохъ, что ли! Выходи, Васька!

Колесниковъ, выдвинувшій плечо и глухо притоптывающій съ носка на каблукъ, подбоченился правой рукой и ждеть: плясать онъ не можетъ, тяжелъ, но самъ богъ пляса не явилъ бы въ своей позѣ столько дикой выразительности. Кричать свирѣпо:

— Выходи, Соловьевъ, дѣвки ждуть!

— Про дѣвокъ вы напрасно, Василь Василичъ... — говорить

Соловьевъ щеголевато и, не договоривъ, соколомъ вылетаетъ въ готовый кругъ, легко отбрасываетъ Ивана, старательно приминающаго невысокую травку, и даетъ крутого плясу. Жуткая душа у Васьки Соловьева, а пляшеть онъ легко и невинно, кружить, какъ птица и, екнувъ, разсыпается въ дробь; и снова плыветь, не касаясь земли:

Д-эхъ, милашка моя-тъ,
Распотѣшь-ка меня-тъ
У тебя широкій поясъ,
Подпояшь-ка меня-тъ!...
Эхъ!....

И талантливо содѣйствуетъ вновь воскресшій бродяга: засунулъ четыре пальца въ ротъ и высвистываетъ пронзительно, рѣжетъ воздухъ подъ ногами у пляшущаго. Спуталось что-то въ плывущихъ мысляхъ бродяги, и уже кажется, что не бродяга онъ мирный, чурающійся крови, а разбойникъ, какъ и эти, какъ и всѣ люди въ русской землѣ, жестокій и смѣлый человѣкъ съ крутой грудью и огненнымъ пепеляющимъ взоромъ. Встаютъ въ обширной памяти его безчисленныя зарева далекихъ пожаровъ—близко не подходилъ къ огню осторожный и робкій человѣкъ; дневные дымы, кроющіе солнце, безвѣстныя тѣла, пугающія въ оврагахъ своей давней неподвижностью,—и чудится, будто всему оправданіемъ и смысломъ является этотъ его пронзительный свистъ. Совсѣмъ подъ копецъ запутался бродяга, смотрѣть на Погодина и думаетъ наскою: „ахъ, да и хорошъ же у насъ атаманъ, даромъ, что молодъ!—картина!“

Все чаще переборы струнъ, все неистовѣе плясь, уже теряющей невинность свою въ сочетаніи съ злымъ свистомъ—и глубже раскрывается ночь въ молчаніи и ненарушимой тайнѣ. Пригасаетъ забытый костеръ и ложатся тревожныя тѣни, уступая мѣсто чернымъ, спокойнымъ и вѣчнымъ тѣнямъ луны; взошла она въ зенитъ и смотрѣть безъ волненія. Отойдешь на шагъ отъ пляшущихъ—и ужъ тихо; а на версту уйдешь—ничего кромѣ лѣса и не слышно. А на опушку далѣкую выйдешь,—томится у края земли еле видное въ лунѣ зарево: не дождался кто-то Сашки Жегулева и на свой разумъ пустилъ огонь. Кто-то невидимый бродитъ по русской землѣ; кто-то невидимый полной горстью, какъ сѣятель щедрый, сѣть въ потемкахъ тревогу, тихимъ шепотомъ отворяетъ завороженную кровь.

Въ эту ночь, послѣднюю передъ началомъ дѣйствія, долго гуляли, какъ новобранцы, и веселились лѣсныя братья. Потомъ заснули у костра и наступила въ становищѣ тишина и сонный покой, и громче зашумѣлъ ручей, дымясь и холодъя въ ожиданіи солнца. Но Колесниковъ и Саша долго не могли заснуть, взволнованные вѣчеромъ

и тихо беседовали въ темнотѣ шалашика; такъ странно было лежать рядомъ и совсѣмъ близко слышать голоса—казалось обоимъ, что не говорять обычно, а словно въ душу заглядываютъ другъ къ другу.

— Да, Саша,—тихо повѣствовалъ Колесниковъ:—голосъ у меня и тогда былъ славный, онъ такъ его и называлъ: американскій, того-этого. Да и ученье у меня шло успѣшно, пустяки въ сущности, пу и авалы онъ мнѣ предлагалъ, вообще готовился барышничать мнай, какъ лошадью...

— А ты мнѣ совралъ, что и пѣть не умѣешь,—улыбнулся голо-сомъ Саша.

— А то такъ надо было: „сей колоколь, того-этого, пожертвовать ветеринарнымъ врачомъ Василіемъ Васильевымъ Колесниковымъ въ лѣто...“

Оба засмѣялись. Колесниковъ продолжалъ:

— Разъ я и то промахнулся, рассказалъ сдуру одному партійному, а онъ, партійный-то, оказалось, драмы, братъ, писалъ, да и говорить мнѣ: позвольте, я драму напишу... Др-р-раму, того-этого! Такъ онъ и сгинулъ, превратился въ паръ и исчезъ. Да, голосъ... Но только съ дѣтства съ самаго тянуло меня къ народу, сказано вѣдь: изъ земли вышелъ и въ землю пойдешь...

Саша улыбнулся:

— Хоть и изъ другой оперы, а вѣрно.

— И создалъ я себѣ такую, того-этого, горделивую мечту: человѣкъ я вольный, ноги у меня длинныя—буду ходить по базарамъ, ярманкамъ, по селамъ и даже монастырямъ, ну вездѣ, куда собирается народъ въ большомъ количествѣ, и буду ему пѣть по нотамъ. Годъ я цѣлый, ты подумай, окрылялся этой мечтой, даже институтъ бросилъ... ну да теперь можно сказать: днемъ въ зеркало глядѣлся, а ночью плакалъ, какъ это говорится, въ одинокую подушку. Какъ подумаю, какъ это я, того-этого, пою, а народъ, того-этого, слушаетъ...

Колесниковъ замолкъ. Въ щель глянула дискъ луны и потянула къ себѣ. Саша зажмурился и спросилъ:

— Ну?

— Ну—и съ первого же базара меня повели, того-этого, въ участокъ и устроили тріумфъ: если хотите, того-этого, пѣть по нотамъ, то вотъ вамъ императорскій театръ, пожалуйте! А если безъ нотъ, того-этого? А если безъ нотъ, то будетъ это нарушеніе типины и порядка, и вообще вамъ надо вытрезвиться... Шучу, но въ этомъ родѣ нѣчто было, сейчасъ стыдно вспомнить. Но вытрезвили.

— Теперь попоешь, Вася.

— Попою ужъ. Тебъ пе холодно?

— Нѣть. Ты, какъ мама.

— Мнѣ сорокъ лѣтъ, а ты мальчишка.

— Мнѣ и то странно было, что я тебѣ ты говорю. Я всю ночь не засну, я очень счастливъ, Вася. Ты рябинушка, ты зеленая... И что удивительно: вѣдь я мальчишка, и такой и есть, и вдругъ я почувствовалъ въ себѣ такую силу и покой, точно я всего достигъ или завтра непремѣнно достигну. Отчего это, Василій?

— Оттого, что за народомъ стоишь. Трудно на этотъ постаментъ взобраться, а когда взберешься и подыметь онъ тебя, то и *сталъ* ты герой. И я сейчасъ твою силу чувствую.

— Какая огромная Россія! Закрою глаза и все мнѣ представляются лѣса, овраги, рѣки, опять лѣса и поля. Ты рябинушка, ты зеленая. Сейчасъ мнѣ ничего не стыдно: скажи, Василій, ты *вѣришь*, что нашъ народъ—великій народъ?

— Вѣрю.

— Что бы то ни было?

— Что бы то ни было.

— Ну ладно, такъ помни. Знаешь, Вася, я даже о мамѣ...

— Молчи, не надо. Спи.

— Нѣть, ничего. Я даже о мамѣ думаю безъ всякой боли,—но это не равнодушіе! Но думаю: вѣдь не одна она, отчего же ей быть счастливѣе другихъ? Впрочемъ.. Правда, не стоитъ говорить. Не стоитъ, Вася?

— Не стоитъ. Спи, Сашукъ.

— Сплю. Ахъ, когда же ты закраснѣлася? Я рябинушка, закраснѣлася поздней осенью, подъ морозами... Вася?

Но Колесниковъ не отвѣтилъ. А черезъ часъ онъ услыхалъ, что Саша подымается и лѣзетъ въ выходу, и спросилъ:

— Куда ты?

— Спи, ничего. Я хочу подбросить сучьевъ въ огонь, имъ холодно.

Уже свѣтало. И не зналъ Саша, что онъ провелъ безъ сна единственную въ своей короткой жизни ночь, которую могъ спать спокойно.

4. Первая кровь.

Бѣлокурый, курчавый молоденький, лѣтъ восемнадцати телеграфистъ вдругъ опустилъ, словно отъ усталости, поднятые вверхъ руки и бросился къ выходу. Опустилось и еще нѣсколько рукъ и въ за-

тихшай было комнатъ зародилось движение. Колесниковъ, возившійся около кассы, отчаянно крикнулъ:

— Стрѣляй, Саша!

Погодинъ выстрѣлилъ. Точно брошенный; телеграфистъ вдавился въ дверь, ключа которой такъ и не успѣль повернуть, мгновеніе поколебался въ воздухѣ и, какъ живой, ринулся обратно на Сашу—такъ остро была подрѣзана жизнь. Но уже по низу летѣль онъ, а потомъ мякотью лица пробѣхалъ по полу и замеръ неподвижно у самыхъ ногъ убийцы. За ухомъ взрылось что-то очень страшное, красное, исподнее и замочило русые кудряшки, но воротъ шиной шелками косоворотки оставался еще чистымъ—какъ будто не дошло еще до рубашки ни убийство ни смерть.

Въ залѣ третьяго класса и на перронѣ царилъ ужасъ. Станція была узловая и всегда, даже ночью, были ожидающіе поѣздовъ—теперь все это безтолково металось, лѣзло въ двери, топталось по досчатой платформѣ. Голосили бабы и откуда-то взявшіяся дѣти. Въ сторонѣ перваго класса и помѣщенія жандармовъ трещали выстрѣлы. Саша, нѣсколько шаговъ пробѣжавшій рядомъ съ незнакомымъ мужикомъ, остановился и коротко крикнулъ Колесникову:

— На пути!

Прыгнули. Сразу потемнѣло и подъ ногами зачастили, точно ловя, поперечные рельсы: но уже и тутъ, опережая, мелькали темныя, испуганныя молчаливныя фигуры; двое, одинъ за другимъ, наѣхнулись на одномъ и томъ же мѣстѣ и безъ крика помчались дальше.

Носился по путямъ съ тревожными свистками паровозъ; и такъ странно было, что машина такъ же можетъ быть испугана, можетъ мѣтаться, кричать и звать на помощь, какъ и человѣкъ. Дохнувъ тяжестью желѣза и огня, паровозъ пробѣжалъ мимо и вмѣшался въ пестроту стрѣлочныхъ фонариковъ и семафоровъ, жалобно взывая.

— Стой!—остановился Саша.—Деньги?

— Здѣсь. Задохнулся. Надо помочь!

— Это стражники стрѣляютъ. Передохни.

Опъ поднялъ маузеръ и три раза выстрѣлилъ вверхъ.

— Айда!

Съ полчаса колесили по путямъ—въ темнотѣ словно перевернулся планъ и ничего не находилось.

Съ размаху влетѣли въ темный коридоръ, тянувшійся между двумя безконечными рядами товарныхъ молчаливыхъ вагоновъ, и хотѣли повернуть назадъ; но назадъ было еще страшнѣе и, задыхаясь, пугаясь молчанія вагоновъ, безконечности ихъ ряда, чувствуя

себя, какъ въ мышеловкѣ, помчались къ выходу. Сразу оборвался рядъ, но все такъ же не находилась дорога. Колесниковъ началъ беспокоиться, но Погодинъ, не слушая его, быстро ворочалъ вправо и влѣво и наконецъ рѣшительно повернуль въ темноту:

— Прыгай, Василій, тутъ канава.

— Гдѣ?—я совсѣмъ ослѣпъ—и ухнуль тяжело, какъ мѣшокъ съ мукой. Потянулся безконечный заборчикъ, потомъ опять канава и, какъ темная пахучая шапка, надвинулся на голову лѣсь и погасилъ остатки свѣта. За деревьями, какъ послѣднее воспоминаніе о происшедшемъ, замелькали въ грохотѣ колесъ освѣщенныя оконца пасажирскаго поѣзда и ушли къ станції.

— Во-время!—засмѣялся Погодинъ.

— Да туда ли идемъ?

— Туда.

Дорогой Саша нѣсколько разъ принимался возбужденно смѣяться и повторяль:

— Какъ я его!—Василій, а? Какъ я его! Я ужъ раньше замѣтилъ, что онъ пошевеливается и смотрить въ окно... нѣть, думаю! И какой хитрый мальчишака, вѣдь мальчишка совсѣмъ, а?

— Мальчишка. И чертъ его дернулъ, нужно было лѣзть!

— И чертъ его дернулъ, правда! А тутъ ты кричишь...

— Я не успѣлъ бы.

— Знаю, да я ужъ и поднялъ, маузерь, когда ты крикнулъ.—Саша снова разсмѣялся, и уже трудно становилось слышать этотъ плащущійся, словно неудержимый смѣхъ.—Нѣть, какъ я его!—Василій, а?

— Не болтай, того-этого, дорогу-то знаешь?

— Знаю. Я даже не повѣрилъ, что онъ убитъ, какъ онъ па меня кинулся. Ты какъ думаешь, сколько ему лѣтъ?

— Ну, что, оставь! Сразу видно было, что убитъ.

— Тебѣ сразу видно, а я не повѣрилъ. Вася?

— Ну что?

— Вотъ я и убилъ человѣка: какъ просто.

И опять засмѣялся:

— Убить просто, а раньше нужно долго...

„Да и потомъ нужно долго“,—мысленно закончилъ Колесниковъ: „нѣть, плохой ты атаманъ, ведешь безъ дороги, а самъ, того гляди, въ истерику... съ другой же стороны и хорошо, что такъ началь, сразу въ омуть“. Но оказалось, что Саша вѣль вѣрно и уже черезъ пять минутъ засвѣтлѣла опушка и испуганный голосъ окликнулъ:

— Кто идетъ?

— Жегулевъ.

Колесниковъ даже обернулся; Саша ли это сказалъ?—такъ тяжело и рѣзко прозвучало слово. А тутъ обрадовались и радостно звонковались и Петрушка пѣлъ, какъ на имениахъ:

— Александръ Иванычъ, Василь Василичъ, да вы ли это, а мы ужъ думали...

— Андрей Иванычъ, это вы?—всъ здѣсь?—перебилъ его Саша и, схвативъ руку матроса, долго и съ какимъ-то особымъ выражениемъ пожималъ ее.

— Такъ точно, всѣ.

— Ну, какъ, Андрей Иванычъ, голубчикъ, я такъ радъ, что вижу васъ.

— Благодарствуйте, Александръ Иванычъ, благополучно. Мы...

Колесниковъ толкнулъ его подъ руку и онъ въ недоумѣніи замолчалъ, а Соловьевъ сухо и четко промолвилъ:

— Жандармъ окказалъ сопротивленіе и я его кончилъ. А стражники, какъ сидѣли въ комнатѣ, такъ и не вышли, черезъ дверь стрѣляли.

Всъ засмѣялись, возбужденные, взволнованные, какъ всегда волнуются люди, когда въ обычную, мирную, плохо, хорошо ли текущую жизнь врывается убийство, кровь и смерть. И только Соловьевъ смѣялся просто и негромко, какъ надъ чѣмъ-то дѣйствительно смѣшнымъ и никакого другого смысла не имѣющимъ; да и не такъ ужъ оно смѣшно, чтобы стоило раздирать ротъ до ушей!

Смѣясь и бросая отрывистыя фразы, торопливо разсаживались, какъ раньше было уговорено. На Иванову телѣгу, запряженную двумя конями, сѣлъ матросъ, Соловьевъ и Петруша, а къ Еремѣю Саша и Колесниковъ; и знакомый сть мѣстами и дорогами Соловьевъ наскоро повторялъ:

— Такъ помни-жъ, Ерема: черезъ Собакино на Троицкое, на Лысомъ косогорѣ не сбейся, бери наѣво отъ дубка...

— Да знаю, чего тамъ. Трогай!

— На шоссѣ передышку сдѣлаешь, слышь?

— Да слышу.

— Трогай. Эй, голубчики.

Съ версту обѣ телѣги тряслись вмѣстѣ и на задней телѣгѣ молчали, а спереди, гдѣ шелъ въ головѣ Соловьевъ, доносился говоръ и смѣхъ. Вдругъ передніе круто рванули влѣво и Соловьевъ изъ мрака бросилъ:

— Значитъ, до утра прощайтѣ. Никакихъ приказанийъ не будетъ, Александръ Иванычъ?

— Нѣтъ, поѣзжай.

— Прощайте, Василь Василичъ. Смотри, Еремъй, не сбейся, держи глазъ востро!—и что-то добавилъ тихо, отчего на той телѣгѣ засмѣялись.

Смолкло.

Молча кружились то по лѣсу, то среди беззащитнаго поля и снова торопливо вваливались въ темень, хряскали по сучьямъ, на одномъ крутѣшемъ косогорѣ чуть не вывалились, хотя Еремъй и ночью, казалось, видѣль, какъ днемъ. И чѣмъ больше завязывали узловъ и петель, тѣмъ дальше отодвигалась погоня и самая мысль о ней. Что-то засвѣтлѣло и Еремъй сказалъ:

— Шаше. Надо мостъ переходить, будь бы лѣтомъ, такъ бродъ есть, а теперь крутить. Да насы теперь, два года скачи, не догонишь, развѣ только ворона такъ летаетъ, какъ я везъ.

Колесниковъ крякнулъ:

— Всѣ бока обломало, того-этого. Саша, ты живъ?

— Живъ.

— Такой екипажъ, мать...

Еремъй матерно выругался; да и вообще черезъ каждыя пять словъ въ шестое онъ вставлялъ ругательство, но не безсмысленно и вяло, какъ это дѣлается по простой привычкѣ, а съ озлобленіемъ и даже яростью, замѣтно растущей къ концу каждой фразы.

— А много денегъ взяли, Василь Василичъ?

— Не считано. На избу хватить.

Дернуло спину, потомъ вдавило животъ—и ровно застучали колеса по бѣлому камню: вѣхали на шоссе. Лошадь пошла шагомъ и сразу стало тихо, свѣтло и просторно. Въ лѣсу, когда мчались, все казалось, что есть вѣтеръ, а теперь удивляла тишина, теплое безвѣтrie и дышалось свободно. Совсѣмъ незнакомое было шоссе, и лѣсъ по обѣимъ сторонамъ чернѣлъ незнакомо и глубоко. Еремъй молчалъ, думалъ и, отвѣчая Колесникову, сказалъ:

— Какая тутъ изба, когда свою сжечь, такъ и то впору. Мнѣ твоихъ денегъ не надо, да, нехай имъ... А ты бы, милый человѣкъ, разъ направмки дѣло пошло, станцію бы лучше запалилъ. Сничекъ пожалѣль, что ли?

— Чудакъ-человѣкъ, да какъ же ее запалишь, это тебѣ не твоя солома! Слышишь, Саша?

Погодинъ не отвѣтилъ.

— И вѣхать свѣтлѣе было бы! Вонъ, отъ восковой свѣчки вся Москва, рассказываютъ, сгорѣла, а ты: солома! Сами знаемъ, что не солома. А ты инструментъ имѣй, разъ направмки дѣло пошло, на то ты и учень, чтобы инструментъ имѣть.

Саша молчалъ, какъ не живой, и тихо было. Еремѣй обернулся совсѣмъ и бросилъ вожжи. Скулы его еще свѣтлѣли, а подъ козырькомъ, гдѣ глаза, не было ни взгляда, ни человѣческаго, какъ будто— одинъ стоячій мракъ. Хмыкнулъ:

— Ты на плотника погляди, какое его дѣло?—а и то мѣшокъ за спиной съ инструментомъ. А ты: пистоля! Много съ твоей пистолей дѣловъ сдѣлаешь, и похвастать нечѣмъ.

Колесниковъ хмыкнулъ отвѣтно:

— Гм!—чего-жъ тебѣ надо: бомбы?

Еремѣй еще съ минуту подержалъ свой загадочный мракъ передъ глазами Колесникова, отвернулся и отвѣтилъ неопределѣнно:

— И щать свѣтлѣе было бы, а то что! Не знаю, какъ это по-вашему: бомбы, такъ бомбы, мнѣ все равно. Но, проклятая!

Мостъ былъ полукаменныи, высокій и подъемъ къ нему крутой— Колесниковъ и Саша пошли пѣшкомъ, съ удовольствиемъ распра-вляясь. Восходила вчерашняя луна и стояла какъ разъ за деревянными перилами, дѣлясь на яркіе обрѣзки; угадывалось, что по ту сторону моста уже серебрится шоссе и свѣтло.

— Я думаю теперь не нагонять,—сказалъ Колесниковъ:—а ты какъ думаешь, Саша?

— Я тоже думаю.

На гулкомъ мосту остановились; и Саша наклонился падь перилами, точно окунулъ голову въ воздухъ и низкій басовыи хоръ лягушекъ. Среди луговъ и свисшаго лозняка уходила въ небо неширокая вода, и когда плюнулъ подошедшій Колесниковъ, шлепокъ звякнулъ, какъ ладонь по голому тѣлу.

— Что за рѣченка?—ты по картѣ не помнишь, Саша?

— Нѣтъ.

— Лягушки-то стараются.

Сказалъ это Колесниковъ и подумалъ, что не только онъ, а и вся ночь не вѣрить въ то, что произошло на станці, и никогда не повѣрить. И никогда, даже въ ту минуту, какъ подъ его рукой упалъ убитый энскій губернаторъ, ни въ другія, казалось, болѣе тяжелыя минуты не испытывалъ Колесниковъ такого яснаго и простого чувства сердечной боли, какъ теперь, надъ сонною рѣкой, когда кричали лягушки. Позади чиркнула спичка, закуривалъ Еремѣй.

— Ты бы закурилъ, Саша, или папиросы забылъ?

— Нѣтъ, не забылъ. Не хочу.

Но подумалъ и, вынувъ портсигаръ, закурилъ — Колесниковъ стыдливо отвернулся отъ на мигъ освѣтившагося страшнаго лица; и оба, казалось, съ интересомъ слѣдили за спичкой: зашпинить или

иѣть. Не запиғѣла или не слышно было. Колесниковъ шепотомъ спросилъ:

— Тебѣ ужасно больно, Саша?

Саша молчалъ. Потомъ вынуль папиросу изо рта, какъ-то дѣловито скрипнулъ крѣпкими зубами и снова положилъ папиросу.

— Мальчикъ ты мой!—шепталъ Колесниковъ почти плача:—какъ ты вчера радовался... Я понимаю тебя, Саша, но вѣдь должны же страдать и невинные. Я самъ убилъ человѣка, и, ей-Богу, онъ не былъ виноватѣ твоего телеграфиста. И именно невинные-то и должны страдать, помни это, Саша. Когда грѣшный наказывается, то молчать земля, а гибнуть невинный, то не только земля, а и небо, братъ, содрогается, солнце меркнетъ. Скажу тебѣ нѣчто, отъ чего ты, пожалуй, содрогнешься: люди кричать, а я радуюсь, когда вѣшаютъ невиннаго, именно невиннаго, а не подлеца какого-нибудь, которому веревка, какъ мать родная!

Нетерпѣливо топтался на мосту Еремѣй, но тактично, не хотѣль мѣшать, понималъ важность тихаго, въ шепотѣ, разговора: „о мамашѣ говорить!“

Гудѣль Колесниковъ:

— А самъ-то ты, мальчикъ, не невиненъ? И развѣ я что тебѣ говорю: не мучайся? Нѣть, мучайся, сколько есть у тебя муки, всю отдай, иначе бы ты подлецъ, и смысла-бѣ въ тебѣ не было, хоть головой въ воду! Этимъ ты землю потрясешь, Саша, совѣсть въ людяхъ разбудишь, а совѣсть—я мужикъ нехитрый, Саша,—она только и держитъ народъ. Будь ты распро-Римъ или распро-Греція, а безъ совѣсти пропадешь, того-этого, какъ кошка, и будетъ мѣсто твое пусто! Но мучаясь, не падай, Саша—за то смерть, когда она подойдетъ къ тебѣ и въ глаза заглянетъ, пріймешь ты съ миромъ. Клянусь тебѣ, мальчикъ.

Саша тряхнулъ головой и нѣсколько разъ быстро закрылъ глаза, точно протирая ихъ; выдыхнулъ съ шумомъ воздухъ, въ одномъ вздохѣ соединяя множество ихъ. Едва ли онъ слышалъ все, что говорилъ Колесниковъ, но было въ самомъ голосѣ отпускающее. И сказалъ:

— Ладно, Василій. Буду жить и мучиться—такъ, что ли? И тоже клянусь тебѣ...

Закричалъ Еремѣй:

— Скачутъ! Эхъ, теперь и до лѣсу не догонишь, бѣда!

И въ смутномъ, какъ сонъ, движеніи образовъ началась погоня и спасаніе. Сразу пропалъ мостъ и лягушки, лѣсъ пробѣжалъ, царапаясь и хватая, ныряла луна въ колдобинахъ, мелькнула въ лунномъ

свѣтѣ и собачьемъ лаѣ деревня—вдругъ сразмаху влетѣли въ канаву. вывернулись лицомъ прямо въ душистую иглистую траву.

Теперь ушли! теперь иди вѣтра въ полѣ!—говорилъ Еремѣй, подымая телѣгу, а Колесниковъ хохоталъ и теръ лицо:

— Всю рожу зазеленилъ, того-этого, совсѣмъ теперь лѣшимъ сталъ. Еремѣй! Лѣшій какой въ вашихъ мѣстахъ: зеленый?

— А какъ разъ такой, какъ вы, покрасивше, пожалуй.

Смѣялся и Саша: и его опьянила погоня. Но, видно, еще не совсѣмъ ушли: снова заметалась луна и заахали колдобины, и новый лѣсъ, родной братъ старого, сорвалъ съ Колесникова его велосипедную шапочку,—но такова сила заблужденія! остановилъ лошадь и въ темнотѣ нашарилъ-таки свое сокровище. А потомъ сразу угомонилась луна и тихо поплыла по небу, только изрѣдка подергиваясь, но тотчасъ же и снова оправляясь; и уже въ настоящемъ полуночнѣ, въ одно долгое и радостное почему-то сновидѣніе превратились поля, тающія въ неподвижномъ свѣтѣ, запахъ пыли и грибной сырости, обремененный крупными майскими листомъ, сами еще не окрѣпшія вѣтви.

Гдѣ-то оставили лошадь и телѣгу и опять брехали собаки; и, продолжая сновидѣніе, втроемъ зашагали въ сребротканную лѣсную глубину его, настолько утомленные, что ноги отдельно просили покоя и сна и колѣни пригибались къ землѣ. Потомъ неистово закричалъ назябшійся, измученный одиночествомъ и страхомъ Федотъ, котораго-таки не взяли съ собой.

— Кто идетъ?

И вотъ уже вчерашній, но теперь навсегда другой, шалапчикъ: сталъ онъ домомъ и роднымъ пріютомъ. И крѣпкій до полудня сонъ, глухой снаружи, но безпокойный внутри въ своихъ томительныхъ позывахъ воскресить разорванную, окровавленную, точно чыми-то когтями въ клочки изодранную явь. Не слыхали, какъ пришли вконецъ измученные Андрей Иванычъ съ товарищами, потоптались у пылающаго огня—и молча завалились спать. Къ утру и совсѣмъ успокоился Саша: къ нему пришла Женя Эгмонтъ и все осталное назвала сномъ, успокоила дыханіемъ, и ужаснымъ, мучительнымъ корчамъ луны дала пѣвучесть пѣсни—а къ пробужденію, сдѣлавъ свое дѣло, ушла изъ памяти неслышно. Съ улыбкой проснулся Саша.

Но съ этого дня въ его душу вошелъ и сталъ навсегда новый образъ: падающій къ его ногамъ телеграфистикъ съ русыми кудрянками, кровавая яма возлѣ уха и воротъ чистенькой, распѣтой косоворотки. Такъ сталъ убийцею Саша Погодинъ, отнынѣ воистину и навсегда—Сашка Жегуловъ.

5. Шайка.

За короткое время, не больше, какъ за мѣсяцъ, шайка Жегулева совершила рядъ удачныхъ грабежей и нападений: была ограблена почта, убитъ ямщикъ и два стражника; потомъ троицкое волостное правленіе, причемъ сами уже мужики, не участвовавшіе въ шайкѣ, на смерть забили старшину и подожгли правленіе, хотя поджогъ грозилъ явной опасностью самому селу;—да такъ и вышло: поль-села подъ пеньки да подъ трубы подчистилъ огопъ. До тла опустошили и сожгли двѣ экономіи и помѣщика съ братомъ нагнали и зарѣзали въ лѣсу, а управляющаго повѣсили на воротахъ; разбили винную лавку, и мужики, перепившись, подожгли-таки домъ, и опять жестоко пострадало село.

Что здѣсь шло отъ Жегулева, а что родилось помимо его, въ точности не зналъ никто, да и не пытался узнать; по все страшное, кровавое и жестокое, что въ то грозное лѣто произошло въ Н—ской губерніи, приписывалось ему и его страшнымъ именемъ освящалось. Гдѣ бы ни вспыхивало зарево въ юньскую темень, гдѣ бы ни лилась кровь, всюду чудился страшный и неуловимый и безпощадный въ своихъ расправахъ Сашка Жегулевъ.

И уже сталь онъ появляться одновременно въ разныхъ мѣстахъ, и сбились съ ногъ власти, гоняя стражниковъ и солдатъ на каждое зарево, вѣчно находя и вѣчно теряя его слѣдъ, запутанный, какъ клубокъ размотавшейся пряжи. Только что былъ, только что ушелъ, только что, только что — куда ни придешь, все только что, и слѣдъ его дымится, а самого нѣть. И если искалъ его другъ, то находилъ такъ быстро и легко, словно не прятался Жегулевъ, а жилъ въ лучшей городской гостиницѣ на главной улицѣ и адресъ его всюду пропечатанъ; а недругъ ходилъ вокругъ и возлѣ, слушалось спаль подъ одной крышей и никого не видѣлъ, какъ окоддованній: однажды въ Каменкѣ становой цѣлую ночь проспалъ въ одномъ домѣ съ Жегулевымъ, только на разныхъ половинахъ; и Жегулевъ, смыаясь, смотрѣлъ на него въ окно, пока становой пилъ чай, а тотъ также смотрѣлъ въ окно, но ничего, на свое счастье, не разглядѣлъ въ стеклѣ: быть бы ему убиту и блюдечка бы не допить.

И уже на другую губернію перекинулось страшное имя Сашки Жегулева, и точно въ самомъ имени, въ одномъ звукѣ его заключался огонь — куда ни падало оно, тамъ вспыхивалъ пожаръ и лилась кровь. Казалось, жутко трепеталъ самъ воздухъ, пропитанный Ѣдкой гарью, и въ синемъ дымномъ туманѣ своею несъ надъ землею и сѣялъ грозное имя, кровью кропилъ поля и лѣсъ и одинокія

жилища. Цѣлую ночь горѣли огни въ помѣщичьихъ усадьбахъ и звонко долдонила колотушка и собаки выли отъ страха, прячась даже отъ своихъ; но еще больше стояло покинутыхъ усадебъ, темныхъ, какъ гробы, и равнодушно коптиль своей лампою сторожъ, равнодушно поджидая мужиковъ—и тѣ приходили, даже безъ Сашки Жегулева, даже днемъ, и хозяйственно, не торопясь, растаскивали по бревну весь домъ. Остатки все же поджигали, и сторожъ помогалъ. Нѣкоторые помѣщички, побогаче и покруче нравомъ, завели бѣло-зубыхъ, черномазыхъ, свирѣпо перетянутыхъ черкесовъ, и тамъ днемъ мужики кланялись и бабы, какъ добрая, носили землянику, а ночью всѣ взывали къ святому имени Сашки Жегулева и терпѣливо ждали огня. И огонь приходилъ невѣдомо откуда — вдругъ безъ причины вспыхивала рига! — и уѣзжали во-свои си свирѣпо-перетянутые черкесы и помѣщички перебирались въ городскую гостиницу, радуясь дорогому покою и хорошему столу.

Въ эту пору расцвѣта славы и силы Сашки Жегулева шайка его разросталась съ такой быстротой, что порою терялись всякия границы: кто въ шайкѣ, а кто такъ? Все тотъ же спокойный, съ начисто выбритымъ подбородкомъ, старательный Андрей Иванычъ первое время велъ мысленные списки и наблюдалъ дисциплину, но и онъ не выдержалъ, бросилъ: однихъ Гнѣдыхъ набралось столько, что путалось всякое соображеніе. Жаловался самому Александру Иванычу Жегулеву, и тотъ, суровый и мрачный, никогда не улыбающійся, порою страшный даже для своихъ, отвѣчалъ спокойно:

— Оставьте ихъ, Андрей Иванычъ, они сами себя найдутъ.

— Никакъ нѣть, Александръ Иванычъ, этого нельзя оставить. Сами посудите: поставилъ я вчера въ пикетъ Ивана Гнѣдыхъ и приказалъ ему глазъ не смыкать и онъ, подлецъ, даже побожился. Ну, думаю, я тебя накрою: прихожу, а онъ и спить, для тепла съ головой укрылся и тутъ себѣ задувается! Ахъ ты... толкнулъ его въ задъ, а оттуда совсѣмъ неизвѣстное лицо, мальчишка лѣтъ шестнадцати. Ты кто? Да Гнѣдыхъ. А Иванъ гдѣ? А батькѣ завтра въ волость надо. Такъ что-жъ ты спиши, такой ты и этакій...

— У насъ двѣ деревни, и всѣ Гнѣдыхъ, — серьезно и поясниительно сказалъ Еремѣй.

— А если ты Гнѣдыхъ, такъ и сии на караулѣ? — Андрей Иванычъ даже слегка покраснѣлъ отъ волненія.

— Никто тебя за... не укусить, — сердито отвѣтилъ Еремѣй: — тутъ тебѣ не карань, чего взѣлся?

Колесниковъ несмѣло забасилъ:

— А все-таки, Саша, и по-моему не мѣшало бы...

— Оставь. А воть бродягъ, Андрей Иванычъ, вы дѣйствительно гоните.

Еремѣй согласился съ своей стороны:

— Вѣрно. Теперь имъ самый ходъ, сырости онъ не любить.

— И если увидите, что пошаливаетъ, пристрѣливайте.

— Слушаю, Александръ Иванычъ. А Кузьму Жучка можно оставить?—онъ просится.

— Жучка оставьте.

Еще то сбивало, что одни и тѣ же мужики то приходили и нѣкоторое время работали съ шайкой, то такъ же внезапно и неслышно уходили, и никогда нельзя было знать, постоянный онъ или гостююшій. Какими-то своими соображеніями руководились они, приходя и уходя, и нельзя было добиться толку вопросами, да подъ конецъ и спрашивать перестали—махнули рукой, какъ и на дисциплину.

И странно было то, что среди всей этой сумятицы, отъ которой кругомъ шла голова, крови и огня, спокойно шла обычная жизнь, брались недоимки, торговалъ лавочникъ, и мужики, вчера только грѣвшіеся у лѣсного костра, сегодня вѣхали въ городъ на базаръ и привозили домой бублики. Вообще самъ собой создавался какой-то особый порядокъ, и, только слѣдя и подчиняясь ему, Жегулевъ чувствовалъ себя сильнымъ; всякая же попытка повернуть на свое русло вызывала незримый отпоръ и создавала чувство мучительной и странной пустоты. На самой вершинѣ своей славы и могущества Жегулевъ не разъ ощущалъ въ себѣ эту страшную пустоту, но, еще не догадываясь объ истинныхъ причинахъ, объяснялъ чувство усталостью и личнымъ. Настоящихъ причинъ онъ никогда, впрочемъ, и не узналъ.

Захаживали въ шайку и гощевали бѣглые солдаты, находившіе въ Андреѣ Иванычѣ покровителя, но оставались недолго; одинъ, красноносый пьяница, чуть ли не добрый десятокъ лѣтъ бѣгающій отъ своего года солдатчины, который тянулся за нимъ какъ тягчайшій, неискушимый грѣхъ, дня три покомандовалъ хрипло надъ Гнѣдыми, былъ однимъ изъ Гнѣдыхъ жестоко побить и обиженно побѣжалъ дальше—жить и бѣгать оставалось долго. Другой солдатъ, тоже немолодой, бывшій на японской войнѣ, Косаревъ, остался въ шайкѣ и всѣмъ полюбился за кротость, но въ одной изъ первыхъ же стычекъ былъ убитъ шальной пулей.

Разъ приткнулись къ становищу два бѣглыхъ арестанта, уголовныхъ, но немедленно были прогнаны Еремѣемъ—а на утро одинъ изъ нихъ былъ найденъ въ лѣсу зарѣзаннымъ. Арестанти были голодны; и эта ненужная и дикая жестокость, виновникъ которой

такъ и не обнаружился, смущила даже спокойнаго чистаго и молчаливаго Андрея Ивановича: какъ разъ онъ наткнулся въ лѣсу на мертвое тѣло. Цѣлый день онъ косился на коричневое, изъ дуба рѣзанное лицо Еремѣя, и все поглядывалъ на голенище, гдѣ тотъ пряталъ ножъ—ножикъ, какъ онъ самъ называлъ. Но Еремѣй былъ непроницаемъ, еще болѣе спокоенъ и молчаливъ, чѣмъ самъ Андрей Ивановичъ, и только вскользь бросилъ:

— Кому-жъ зарѣзать? — на такое добро не всякий польстится. Товарищъ же и зарѣзалъ, больные некому.

И странно было то, что этотъ скверный, какъ думалось, случай вдругъ еще выше поднялъ значеніе Сашки Жегулева и бывшъ поставленъ ему въ какую-то особую заслугу. Самъ Жегулевъ, недоумѣвая, поводилъ плечами, а матросикъ вдругъ запечалился и сказалъ слѣдующее:

— Скажите мнѣ, Василь Васильичъ, какъ это такъ происходитъ: въ какомъ бы глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу или въ оврагѣ, ни лежало мертвое тѣло, а ужъ непремѣнно оно обнаружится, дотлѣть не успѣть. Если мнѣ не вѣрите, любого мужика спросите, то же вамъ скажетъ.

— А чертъ его знаетъ!—угрюмо отвѣтилъ Колесниковъ:—почемъ я знаю, какъ падаль находить.

Погоди же взглянулъ въ начисто выбритый подбородокъ Андрея Иваныча, въ его задумчивые, спокойнѣо-скрытныя глаза — и весь передернулся отъ какого-то мучительнаго и страшнаго то ли представленія, то ли предчувствія. И долго еще, день или два, съ такимъ же чувствомъ темнаго ожиданія смотрѣлъ на матросиково лицо, пока не вытьснили его другія боли, переживанія и заботы.

Безпокоилъ между прочимъ и Васька Соловьевъ, щеголь. Черезъ него въ шайку вошли четверо: два односелка, молодыхъ и по началу безобразно пившихъ парня, бывшій монахъ Поликарпъ, толстѣйший восьмипудовый человѣкъ молчаливо страдавшій чревоугодiemъ (всѣ грѣхи по монастырскому навыку онъ дѣлилъ на семь смертныхъ; и промежуточныхъ, а равно и смищенія грѣховъ не понималъ); Поликарпъ хорошо стрѣлялъ изъ маузера. Четвертымъ былъ темный человѣкъ Митрофанъ Петровичъ, что-то городское, многорѣчивое и непонятное; лицо у него и бороду словно мыши изгрызли и туго, какъ мѣшокъ съ картошкой, былъ набитъ онъ по самое горло жалобами, обидой и несносной гордыней; и всякому, кто поговорить съ нимъ пять минутъ, хотѣлось и отъ себя потрепать его за бороду и дать колѣномъ въ задъ. Но былъ у него и свой талантъ: отъ злости ли, либо отъ несносной гордыни своей не признавалъ онъ опасности и

страха и дѣйствительно съ полной готовностью полѣзъ бы къ самому черту въ пекло. Изъ города онъ принесъ и городское, нѣсколько странное прозвище свое: Митрофанъ-„Не пори горячку“.

И въ первые же дни вся эта компанія, съ большой неохотой допущенная Жегулевымъ, обосабилась вокругъ Васьки Соловьева; и хотя самъ Васька былъ неизмѣнно почтителенъ, ни на шагъ не выходилъ изъ послушанія, а порою даже пріятно волповалъ своей красивой щеголеватостью, но не было въ глазахъ его ясности и дна: то выпреть душа чуть не къ самому носу и кажется онъ тогда простымъ, добрымъ и наивно печальнымъ, то уйдетъ душа въ потемки, и на мѣсть ея въ черныхъ глазахъ бездонный и жуткій провалъ. Но развѣ не такие же глаза и у всѣхъ людей? — думалось порою, и не темнѣе другихъ казался тогда Васька Соловей, щеголь.

Даже непріятности начались было, и первымъ заявилъ себя Митрофанъ-„Не пори горячку“: еще не принюхавшись, какъ слѣдуетъ, пошелъ къ атаману своей вихляющейся, прирожденно пьяной походкой и заявилъ, что тутъ самое подходящее мѣсто для литья фальшивыхъ двугривенныхъ. Правда, надѣ нимъ только посмѣялись, да и самъ онъ своего проекта не отстаивалъ и сразу же горячо понесъ какую-то другую чепуху, но было непріятно, и Еремѣй презрительно окрестилъ его чучелой. Другой случай былъ похуже: одинъ изъ Васькиныхъ парней, гдѣ-то напившись, началъ похабничать и говорить свинство, а когда Жегулевъ прикрикнулъ, полѣзъ на него съ ругательствами и кулаками. Поблѣдѣвшій Саша молча вынуль изъ кобуры револьверъ, но не успѣлъ поднять его, какъ пьяный повергся на земль отъ тяжкаго удара Еремѣева кулака; и тутъ въ первый разъ увидѣли, каковъ Еремѣй въ гнѣвѣ.

— Не погань руки, Александръ Иванычъ! — промолвилъ онъ совсѣмъ какъ бы спокойно, и только лицо почернѣло, какъ чугунъ: — мы его и такъ... сдѣлай-ка петельку, Федотъ, а то не ушель бы, гляди, копыщется.

Пожалуй, и повѣсили бы пьяного, не вступись Жегулевъ; но не успокоились мужики, пока собственоручно не выдralи парня, наломавъ тутъ же свѣжихъ березовыхъ вѣтокъ — а потомъ міромъ пришли къ Жегулеву просить прощенія и стояли безъ шапокъ, хотя обычно шапокъ не ломали, и парень кланялся вмѣстѣ съ ними.

— Міромъ тебя просимъ, Александръ Иванычъ, прости нашу темноту. Ты что-жъ, Евстигнѣйка, не кланяешься? — кланяйся, сукинъ сынъ, и благодари за науку.

И ужъ совсѣмъ дурачки парень благодарили:

— Благодарю, Александръ Иванычъ, за науку.

Колесниковъ мрачно смотрѣлъ на эту церемонію, ухмыляясь не то злобно, не то иронически, и, когда мужики ушли, скосилъ глазъ на задумавшагося Сашу и тихо сказалъ Андрею Иванычу:

— Вотъ оно, того-этого, что значитъ генеральскій сынъ: никакъ безъ порки любви своей ему не выразишь. Вы думаете, для себя они пороли?—нѣтъ, а думаютъ, что онъ иначе не пойметъ и не оцѣнить.

— Темнота, Василь Василичъ.

— А вы, Андрей Иванычъ, интеллигентъ!

Матросъ тихо улыбнулся:

— А вы знаете, какъ они обѣ Александръ Иванычъ выражаются—отъ васъ, конечно, они скрываютъ, а при мнѣ не стѣсняются. Трудно безъ слезъ слушать: онъ, говорять, какъ ангелъ чистый, онъ наимъ Богомъ за нашу худобу посланъ, за нимъ ходи чисто... Барашекъ онъ бѣленъкій...

— Барашекъ?—поднялъ брови Колесниковъ.

— Мы, говорять, что?—мы мужики, и задница у насъ не купленная, а онъ генеральскій сынъ—это дѣйствительно говорять, но безъ всякаго умысла, Василь Василичъ, а отъ души. Помните арестанта зарѣзаннаго?—какъ вамъ сказать и не знаю, а вѣдь они его для Александра Иваныча зарѣзали.

Колесниковъ ужаснулся:

— Кто зарѣзаль?

— Кто не знаю, не говорять, но разсужденіе у нихъ было такое: показалось имъ, будто Александръ Иванычъ разгневался на арестанта и самъ хочетъ его казнить, такъ вотъ, чтобы отъ грѣха его избавить, они и забѣжали... намъ, говорять, все едино, всѣхъ грѣховъ не учесть, а его душенькѣ будеть обидно.

Что-то совсѣмъ страшное, далеко уходящее за предѣлы обычнаго, встало передъ Колесниковымъ и даже его мистически-темная душа содрогнулась; и чѣмъ-то отъ древнихъ вѣковъ, отъ каменного идола повѣяло на него отъ неподвижной фигуры Саши, склонившаго голову на руки и такъ смотрѣвшаго въ лѣсную глубину, будто весь его, весь его темные силы звали онъ на послугу. Защепталъ Андрей Иванычъ и не былъ простъ и спокоенъ его обычно ровный голосъ.

— Вотъ что еще доложу, Василь Василичъ. надо бы Александру Иванычу смотрѣть осторожнѣе, а то вѣдь они и этого, Митрофана-то, чутъ на тотъ совѣтъ не отправили, ей-Богу, ужъ совѣтъ держали, да я отговорилъ.

— Совѣтъ, того-этого,—и когда они совѣщаются?

— Кто ихъ знаетъ, говорять, совѣтъ. Конечно такъ, болтаютъ.

Всмотрѣлся Колесниковъ въ тихіе глаза матроса и сердито качнуль мохматой головой:

— Эй, Андрей Иванычъ, интеллигентъ, а вы вѣдь знаете, кто арестанта зарѣзали... Еремѣй, ну?

Андрей Иванычъ вильнуль глазами и вытянулся:

— Никакъ нѣть, Василь Висиличъ, не знаю.

Но съ этого случая недоразумѣнія съ Васькой Соловьевымъ и его присными прекратились, парни были трезвы, а если напивались то подальше отъ глазъ, и самъ Щеголь двигался покорно, неслышно и ловко; и уже нѣсколько разъ, будучи растроганъ, самостоительно по порученію Жегулева выполнялъ нѣкоторыя дѣла, и назывался въ этихъ случаяхъ также Сашкой Жегулевымъ.

И не совсѣмъ понятный, но твердый царилъ порядокъ.

6. Жегуловъ.

Въ новой лѣсной жизни съ каждымъ днемъ мѣнялся Саша Погодинъ, и на видъ имѣлъ уже не девятнадцать лѣтъ, а двадцать три—четыре—не меныше; странно ускорился процессъ развитія и роста. Быстро отрастали волосы на головѣ и, хотя усовъ по-прежнему не было, по щекамъ и подбородку запушилась смолянисто-черная рамочка, траурная кайма для блѣднаго лица: вмѣстѣ съ новымъ выраженіемъ глазъ это дѣлало его до боли красивымъ—не было жизни въ этой красотѣ, ушла она съ первой кровью. Исхудалъ Саша до крайности: почти не спалъ, ъль мало; но въ плечахъ раздался и поднялась грудь—въ прежней груди не умѣстилось бы новое сердце. Окаменѣлъ,—не улыбается, молчитъ и рѣшительно противится вся кому разговору и близости съ Колесниковымъ. Не любить.

— Я тебѣ не помѣшаю, Саша?—подходить Колесниковъ, большой, отъ смущенія нескладный и басистый.

— Нѣть, не помѣшаешь. Ты что-нибудь хочешь сказать?

— Да ничего особеннаго. Такъ, того-этого, поболтать.

„Глупое слово: поболтать!“—съ отвращеніемъ думаетъ Колесниковъ и присаживается, крякнувъ:

— Такъ-то, Саша, и вообще, того-этого... Ты доволенъ Саша?

— Доволенъ.

Тяжелое и глупое молчаніе. Лицо Саши неподвижно, черты рѣзки и какъ-то слишкомъ пластичны: не мягко была рука того невѣдомаго творца, что изъ бѣлаго камня по почамъ высѣкалъ это мертвое лицо.

— Тебѣ тяжело, Саша?

Саша поворачиваетъ голову и улыбается: какъ старый на вопросъ ребенка.

— Да. Мучаюсь. Но вѣдь такъ, кажется, и надо?

Колесниковъ не знаетъ, куда дѣваться отъ этой улыбки, и мается въ безсильномъ молчаніи. Жалѣеть его Саша и, чтобы нарушить молчаніе, говоритьъ:

— Папиросы на исходѣ, не забыть бы взять. А въ общемъ я все-таки меныше сталъ курить, отъ воздуха что ли?

— Отчего ты со мной, мальчикъ, и поговорить не хочешь?— морщится и гудить Колесниковъ.— Подхожу сейчасъ и думаю, того-этого: каменный ты сталъ какой-то. Я, Саша, не люблю фальшивыхъ положеній, и если ты что-нибудь имѣешь противъ меня, такъ и говори, братъ, прямо. Бей наотмашь, какъ вѣдьмъ, того-этого, въ Кіевѣ бывать. Ну?

— Я ничего противъ тебя не имѣю... Зачѣмъ ты, Василій, думаешь пустяки!

— Честное слово?

Саша снова улыбается, но уже по-настоящему смѣшиливо и ласково, тихонько похлопываетъ двумя пальцами Колесникова по жесткому колѣну и незамѣтно вздыхаетъ. Колесникову тоже хотѣлось бы улыбнуться, но вмѣсто того онъ хмурится еще больше и говорить съ упрекомъ:

— Безчувственный ты человѣкъ, Сашка! Или у тебя анестезія?

— А ты требовательный человѣкъ, Василій: то много мучаюсь, то мало! Теперь, какъ врачъ, ты хочешь сказать, что жертвы подъ хлороформомъ не принимаются,—такъ я тебя понялъ?

— Какой я врачъ: лошадиный докторъ! Смѣешься, Саша?

— Нѣтъ. И не смѣюсь и не плачу. Но ты напрасно беспокоишься: мнѣ не такъ плохо, какъ ты думаешь, или не такъ хорошо, не знаю, чего тебѣ больше надо. Все идетъ, какъ слѣдуетъ, будь спокоенъ. И пожалуйста, прошу тебя, къ случаю: не заставляй Андрея Иваныча торчать около меня и загораживать, да и самъ тоже. Бойшись, что убьютъ?—пустяки, Василій, я проживу долго, тебя, братъ, переживу. Не бойся!

Колесниковъ всталъ и многозначительно протянулъ руку:

— Руку!

Саша отвѣтилъ пожатіемъ—и рука была твердая, сухая и холодная: лучше бы не касался ея Колесниковъ!

Но и съ друзьями—мужиками—Жегулевъ разговаривалъ неохотно и скучно, больше сидѣть въ одиночку. И это нравилось: прида-

вало ему видъ суровой значительности и выдѣляло изъ круга, какъ одинокое дерево на лѣсной прогалинѣ—и вмѣстѣ и одно. Выпадали для лѣсныхъ братьевъ свободные и все еще веселые вечера, даже болѣе шумные, такъ какъ прибавилось народу; тогда, не стѣсняясь жаркимъ временемъ, разводили костеръ на почернѣвшемъ, выгорѣвшемъ и притоптанномъ мѣстѣ, пѣли пѣсни, ровнымъ однозвучiemъ многихъ балалаекъ навѣвали тихую думу и кроткую печаль. Завелась и гармоника, и музыкальныхъ дѣль мастеръ, Андрей Иванычъ, игралъ вальсъ „На сопкахъ Манчжуріи“, подгѣвая слова. Мужики расстроганно сопѣли и слезливо шмургали носами, и даже шутникъ Иванъ Гнѣдыхъ чувствительно высказывался:

— Вотъ бы нашихъ бабъ сюда, ахъ ты, батюшки мои!
И особенно трогали слова:

Кости солдатъ давно ужъ въ землѣ поистлѣли.
А мы же могилы не видѣли ихъ
И вѣчную память не пѣли...

— Хорошія слова, книжныя,—говорилъ Еремѣй внушиительно и окончательно и ободряюще похлопывалъ Андрея Иваныча по спинѣ; не робѣй, матросъ, тутъ тебѣ не карань!

Попробовалъ ту же пѣсню спѣть Петруша звонкоголосый, и хотя у него вышло лучше и одобрилъ самъ Василій Васильичъ, но музыкамъ не понравилось: много ты понимаешь, Петрушка, брось, дай матросу. Даже обидѣлся Петруша и нѣсколько дней совсѣмъ отказывался пѣть—быть онъ ребячливъ, какъ всѣ истинные таланты, и непрестанно нуждался въ сочувствіи. И если находила добрая полоса, то пѣль безъ устали, не для людей, а для себя—звучала въ немъ пѣсня прирожденно, какъ въ пѣвчей птицѣ. Любили его за это и за кротость души: въ горячій мятежъ мыслей безсонныхъ и тяжелокровавыхъ думъ вносила онъ успокоеніе и тихую ласку.

Служалось, долго не можетъ заснуть Жегулевъ, ищетъ безнадежно, на чемъ бы успокоиться мыслью, взыгрываетъ о забвеніи—и все напрасно; и только одна милая картина, вызываясь изъ памяти настойчиво, давала подъ конецъ облегченіе и легкій сонъ. Идутъ они будто бы перелѣсочкомъ; среди широкихъ кустовъ березняка и дуба заворачиваетъ дорога, и Санта отсталъ, не торопится. А впереди, виднѣясь однѣми спинами, идутъ какіе-то люди, они же и разбойники, они же и друзья, они же и вольная воля; идутъ и потреникиваютъ балалайками, задумчиво и стройно, и въ ровномъ гулѣ струнъ будятъ пѣвчую душу самой дороги. Идутъ люди и играютъ, идетъ дорога и поетъ грустно и длительно, кратко нисходитъ въ овражекъ.

Однѣ ужъ головы да звуки падь тихой зеленью невинно и одиноко возрастающихъ кустовъ. Идутъ. Уходятъ.

Отъ шума гармоники, порою нескладнаго пѣнія и отчаяннаго пляса, въ которомъ по-прежнему отличался Васька Щеголь, прирожденный плясунъ, Саша обычно уходилъ. Зажигалъ въ шалашикѣ огарокъ и читалъ ставшую невыносимой книгу „Крошкa Дорритъ“, которую взялъ затолщину и неизвѣстно за что: горькой нелѣпостью казались всѣ эти мистеры и мистриссъ. А чаще уходилъ онъ въ лѣсъ, въ глухое и мертвое одиночество. Въ десяткѣ саженей отъ стана, надъ глубокимъ лѣснымъ обрывомъ, торчаль изъ земли, на самомъ крутогорѣ, старый, позеленѣвшій пень: тутъ и находилъ Саша свое одиночество; и еще долго спустя это мѣсто было извѣстно ближайшимъ деревнямъ подъ именемъ „Сашинаго крутогора“. За нимъ рѣдко кто слѣдовалъ, и постепенно установился такой порядокъ, чтобы и не лѣзть къ атаману, разъ онъ удалился на свое мѣсто. И про эти часы Сашинаго одинокаго сидѣнія Еремѣй выражался такъ:

— Мозгуетъ Александръ Ивановичъ, мозгами ворочаетъ.

Но одну пѣсню Саша слушалъ постоянно: это милую свою зеленую рябинушку,—отходило сердце въ тихой жалости къ своей горькой и мучительной долѣ. А иногда и мучила пѣсня. Какъ-то случилось, что особенно хорошо пѣли Колесниковъ и Петруша—и многимъ до слезъ взгрустнулось, когда въ послѣдній разъ смертельно ахнуль высокій и чистый голосъ:

— Ахъ, да поздней осенью, ахъ—да подъ морозами!...

Было молчанье. И въ молчаныи осторожно, чтобы не шумѣть, поднялся Жегуловъ и тихонько побрелъ на свое гордо-одинокое, атаманское мѣсто. А черезъ полчасика въ тому же заповѣдному мѣсту подобрался Еремѣй, шелъ тихо и какъ будто невнимательно, покачиваясь и пробуя на зубъ травинку. Присѣль возлѣ Саши и, вытянувъ шею, поверхъ куста заглянулъ для какой-то надобности въ глухой оврагъ, гдѣ уже гостились вечернія гѣни, потомъ кивнуль Сашѣ головой и сказалъ просто и мягко:

— Объ мамашѣ думаешьъ, Александръ Иванычъ?

И хотя Саша въ эту минуту думалъ какъ разъ о другомъ, вопросъ мужика точно раскрылъ истинную сущность мыслей; и, помедливъ, Саша взглянулъ открыто и отвѣтилъ:

— Да, о матери.

— Такъ... Подумай, подумай, Александръ Иванычъ, мы противъ этого не говоримъ. Думаешьъ, такъ думай, ничего, братъ, на то ты

человѣкъ, а не звѣрь. Вѣрно?—я и говорю, что вѣрно. А достатки-то есть у мамаши?

— Да, она получаетъ пенсію за отца, отецъ у меня давно умеръ.

— Вишь, какъ хорошо, и достатокъ есть! Я и говорю, что хорошо; и братя, поди, учатся?

— Братьевъ у меня нѣтъ, а сестра учится.

— Вишь, какъ хорошо, душа радуется, ей-Богу! Прости, Александръ Иванычъ, если въ чемъ помышдалъ, дай, думаю, пойти по-калякать, сидить человѣкъ одинъ. Подумай, подумай, это ничего, паренекъ ты душевный. Сидить человѣкъ одинъ, дай думаю...

Поизвинался еще, осторожно, какъ стекляннаго, похлопалъ Сашу по спинѣ и въ развалку, будто гуляеть, вернулся къ костру. И показалось Погодину, что люди эти, безнадежно глухіе къ словамъ, тяжелые и косные при разговорѣ, какъ заики,—въ глубину сокровенныхъ сновъ его проникаютъ, какъ провидцы, имѣютъ волю надъ тѣмъ, надъ чѣмъ онъ самъ ни воли, ни власти не имѣть.

И вдругъ на мгновеніе почувствовалъ себя тѣмъ маленькимъ Сашей, который въ ночную пору слушаетъ мощный гулъ деревъ—вздохнулось легко и печально.

7. Огонь.

Плохо обернулось дѣло: еще человѣка убилъ своей рукою Сашка Жегуловъ; и второе—погибъ въ перестрѣлкѣ, умеръ страшной смертью кроткій Петруша. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Довольно рано, часовъ въ десять, только что затемнѣло по-настоящему, нагрянули мужики съ телѣгами и лѣсные братя на экономію Уваровыхъ. Много народу пришло и шли съ увѣренностью, издали слышно было ихъ шествіе. Успѣли попрятаться; сами Уваровы съ дѣтьми уѣхали, опустошивъ конюшню, но, видимо, совсѣмъ недавно: на кухнѣ кипѣлъ большой барскій, никкелированный, съ рубчатыми боками самоваръ, и длинный столъ въ столовой покрытъ былъ скатертью, стояли приборы.

— Вотъ-то чудесно!—чайку попьемъ, давно, того-этого, за столомъ не сиживалъ!—засмѣялся Колесниковъ, бывшій съ утра въ хорошемъ и веселомъ настроеніи.—Маша!

— Кого зовешь?—спросилъ Жегуловъ.

— Горничную. Маша!

За окнами грабили хозяйственno и тихo, еще не о чём было кричать; разве только подъ топоромъ затрещить дверь въ амбаръ, и около ледника чёму-то хохочутъ; плаваютъ по двору запасенные фонарики. Въ главномъ домѣ было свѣтло и такъ же тихо, не шумнѣе, чѣмъ при обычновенныхъ гостяхъ, и въ одно изъ раскрытыхъ, темныхъ оконъ сильно пахло жасминомъ, только что расцвѣтшимъ, сиренью и табакомъ. Митрофанъ — „Не пори горячку“ съ Васькой Щеголемъ безнадежно царапался въ спальнѣ около несгораемой кассы, пытаясь открыть и горделиво ругаясь, и надъ нимъ подсмѣшивались; восмипудовый, сонный Поликарпъ съ тоской вынюхивалъ ѳду. Явилась откуда-то успѣвшая до красноты заплакаться горничная Глаша въ фартучкѣ и, признавъ въ Сағѣ барина, стала къ нему подъ покровительство; и уже черезъ пять минутъ привычно забѣгала возлѣ стола, привычно кокетничая.

Тронуло Глашу, что ведутъ себя такъ хорошо и, ужъ не зная, кто она, горничная или хозяйка, нерѣшительно угощала — но вдругъ расплакалась, глядя на мужиковъ, и стала ихъ закармливать:

— Щипте, голубчики, щипьте! Голубчики вы мои, да разве у насъ не хватить? Не все пожрали господа, сейчасъ и еще приснесу.

И Еремѣй за всѣхъ благодарилъ:

— Много вами благодарны.

Наскоро и голодно куснувъ, что было подъ рукою, разбрелись изъ любопытства и по дѣлу: кто ушель на дворъ, гдѣ громили службы, кто искалъ поживы по дому. Для старшихъ оставались пустые и свободные часы, часъ или два, пока не разберутся въ добрѣ и не нагрунтятся по телѣгамъ; по богатству экономіи слѣдовало бы остаться дольше, но по слухамъ недалеко бродили стражники и рота солдатъ, приходилось торопиться.

— Ты что же не идешь, Еремѣй? — удивленно спросилъ Колесниковъ, — сдѣлаль бы запасецъ, того-этого.

— Нѣ. Не хочу, нехай имъ будетъ пусто, — отвѣтилъ матерно Еремѣй и равнодушно покосился въ окно. Странный былъ человѣкъ: прилипъ къ шайкѣ и дѣятельно помогалъ, но самъ ничѣмъ не пользовался, а дома голодали, былъ самый несчастный мужикъ на всѣхъ Гнѣдыхъ.

Колесниковъ мягко упрекнулъ:

— Не для себя, чудакъ. Хорошій ты мужикъ, а дѣтей, того-этого, голодомъ моришь.

Еремѣй нехотя повернулся свое темное лицо и странно! — что-то

вродѣ великолѣпнаго, барскаго препнебреженія и къ самому Колесникову и къ его словамъ мелькнуло па этомъ мужицкомъ лицѣ; и равнодушно сказалъ:

— Чего хлоночешь? Не сдохнуть, щенки.

— У него, Василь Василичъ, жена съ телѣгой прїехала,—пояснилъ матросъ:—она ужъ его браница. Шелъ бы ты и вправду, Еремѣй, не гордился бы.

Уже съ презрѣніемъ посмотрѣлъ мужикъ на Андрея Иваныча, ничего не сказалъ и, переваливаясь, вышелъ. А Колесниковъ подумалъ: „какъ странно бываетъ сходство: Елена Петровна гречанка и генеральша, а этотъ мужикъ, а какъ похожи! — словно братъ съ сестрой. Слава Богу, сегодня все идетъ хорошо и пріятно, и пьяныхъ мало“.

— Плескните-ка еще стаканчикъ, Андрей Иванычъ. Пей, Петруша, что не пьешь.

— Не хотится мнѣ пить, Василь Василичъ, все будто душа не спокойна: не нагрянули бы!

— Далеко, успѣемъ уйти. Пей!

Саша, не оставляя маузера, пошелъ осматривать комнаты: интересно было чужое жилище въ его еще не успѣвшей остынуть жизни. Видно было по всему, что жили люди богатые, культурные, цѣнившіе чистоту и порядокъ; и что-то въ красотѣ убранства напоминало Елену Петровну. А наверху одна комнатка совсѣмъ смущила Сашу: была и по размѣру и по бѣлизнѣ похожа на его городскую, и постель съ наискосъ отвернутымъ для ночи одѣяломъ была его, только не хватало образка. И на нѣсколько минутъ поколебался каменный обликъ, и съ нимъ отошло все настоящее; Саша безшумно и крѣпко притворилъ дверь и, не желая входить дальше, остановился у порога. Пахло чѣмъ-то прежнімъ, кажется чистымъ бѣльемъ или даже духами. И въ темнотѣ—онъ погасилъ свѣчу—его сердце, покинутое ужасомъ, затеплилось такой радостью, такой любовью и нѣжной грустью, словно вышелъ онъ на свиданіе къ любви своей. Не думалось объ утратѣ и невозможность раскрыла двери: вышелъ онъ на свиданіе къ любви своей, даль ей первый попѣлуй, сказалъ слова нѣжности, встрѣчи и прощенія, всю умѣстилъ ее въ сердцѣ, широкомъ, тепломъ и любовномъ, какъ юньская ночь, когда только что распустился жасминъ. Совсѣмъ забывшись, Саша шагнулъ къ окну и крѣпкимъ ударомъ ладони въ середину рамы распахнулъ ее: стояла ночь въ саду и только слѣва, изъ-за угла, мерцалъ сквозь ограду неяркій свѣтъ и слышалось ровное, точно пчелиное гудѣніе, движение многихъ живыхъ, народу и лошадей. Но не понялъ ихъ значенія

Саша и, легши на подоконникъ руками и грудью, прикрылъ вѣками глаза и капля за каплей сталъ пить пьяный и свѣжій воздухъ.

Обезпокоился на минуту, услыхавъ въ коридорчикѣ крѣпкіе шаги и ищущій голосъ Колесникова:

— Эй, дядя, не видаль Александра Иваныча?

— Туды прошель,—отвѣтилъ кто-то, и снова стало тихо. И снова ушелъ въ свою мечту Саша. Было съ нимъ то странное и похожее на чудо, что, какъ даръ милостивый, посылается судьбою самымъ несчастнымъ для облегченія: полное забвеніе мыслей, поступковъ и словъ и радостное ощущеніе настоящей, скрытой словами и мыслями, вѣчной, безтѣлесной жизни. Остановилось и время.

Но досадно захотѣлось курить: а когда закуривалъ и зажегъ спичку, то вспомнилъ маузеръ—и исчезла тишина. Пытался Саша, повторивъ позу, вызвать ушедшее, но ничего не вышло, противно заскакали мысли и потянуло на народъ.

— Куда ты запропалъ, Саша?—нигдѣ тебя не найдешь!—обрадовался Колесниковъ.—На дворѣ былъ?

— Да. Налей-ка чаю, Вася,—сказалъ Жегуловъ, быстро и весело садясь.—Какъ у васъ тутъ свѣтло.

— Много пьяныхъ?

— Не видаль.

— Здорово! Тебѣ покрѣпче, Саша?...—взглянулъ Колесниковъ, какъ изъ-за очковъ, поднялъ удивленно голову и уставился прямо:— да ты, Саша... чѣму ты радъ, Сашка?—что пьяныхъ мало?... ну и чудакъ же ты, Сашукъ!

Оба улыбались другъ на друга, пока не закричалъ и не заплясалъ Колесниковъ, обжегшись перелившимся кипяткомъ. Подвернулась Глаша въ фартучкѣ:

— Позвольте, я налью. А если не крѣпко, то можно еще подварить, у насъ чаю много!

Рояль былъ раскрыть и на пюпитрѣ стояли ноты—чуждая грамота для Саши! Нерѣшительно, разинувъ отъ волненія ротъ, постукивалъ по клавишамъ Петруша и, словно боясь перепутать пальцы, по одному держалъ крѣпко и прямо, остальные ногтями вжималъ въ ладонь; и то раскрывался въ радости, когда получалось созвучіе, то кисло морщился, и еще торопливѣе билъ не тѣ. Солидно улыбался Андрей Иванычъ и вкрай и вкось совѣтовалъ:

— А ну-ка сразу по этимъ!

И тайно конфузился, когда выходило еще хуже, поправляя:

— Да не тѣ, эхъ, Петруша!

— Александръ Иванычъ, Василь Василичъ!—пѣлъ Петруша, стра-

дая: — какая вещь драгоценная, да ключь то потерявши, и подстучиться не даетъ.

Саша засмеялся и, подойдя быстро и перегнувшись черезъ Петрушу, заигралъ „собачий вальс“.

— Это что же такое?

— Собаки танцуютъ. Слушай!

Напрьгали собачки и сразу на одной ножкѣ сѣли: не кончивъ, бросилъ Саша,—не стоитъ вспоминать!—и вернулся къ столу. Пришелъ Еремѣй, что-то пряча въ рукѣ, и за нимъ хмѣльной, недовольный и огорченно ругающейся Иванъ Гнѣдыхъ:

— Ну и сторонка! Живутъ люди богато, а взять нечего. И тутъ наставили, и тутъ нагородили, и тутъ безъ ума намудрили, а взять ни синь пороха не возьмешь, какъ пригвожденное. Ну и хитрый народъ! Михай, вотъ-то дуракъ!—зонтикъ взялъ, а теперь мается, въ дверь пролѣзть не можетъ, застрялъ, какъ въ веригѣ. Смѣхota!

За окнами стало шумиѣ и набѣгала тревога: кричали во многіе голоса, стукались ободьями и колесами, ругали лошадей. Еремѣй сурово глянулъ въ сторону окна и сказалъ:

— Ну и жадный у насъ народъ, не можетъ порядку установить. Запалить бы, не мигаючи, чего тутъ!

Но пе договоривъ, расплылся въ широчайшей улыбкѣ и какъ сіяніемъ окружилъ себя бородой; и протянулъ къ Колесникову крѣпко зажатый кулакъ:

— Глянь-кась, Василь, и что это за штучка?

— Да кулакъ-то раскрой, вѣпился. Ну?—печатка, свою фамилію печатать.

Съ хрустальной, кругло-граненой ручкой и серебрянымъ штамбикомъ печатка—нѣчто безцѣнное, загадочное и блестящее, что могло бы понравиться и воронѣ, очаровательное тѣмъ, что мало, блеститъ и непонятно.

— А мою фамилію она можетъ?—спросилъ Еремѣй, принимая обратно.

— Нѣть. Брось лучше. Попадешься, худо будетъ, того-этого.

— Ладно, Василь, брошу,—како успокоилъ Еремѣй и, улучивъ минуту, быстро сунулъ въ карманъ штучку, да еще сверху прижалъ ладонью; поправилъ бороду и насупился.

Безпокойнѣе шумѣлъ дворъ—вдругъ почувствовалось, что домъ чужой, и потянуло ближе къ шуму; колеблясь, толкались по комнатѣ, сразу принявшей видъ беспорядка и угрюмости. Встревоженная Глаша сперва жалась къ столу, гдѣ сидѣли Колесниковъ и Саша, потомъ

исчезла куда-то. Гоготали около найденного граммофона и, смешливо морщась и покачиваясь на нетвердыхъ ногахъ, божился Иванъ:

— Эта самая, провалиться на мѣстѣ, эта самая! Куда пришла, а? Принесла ее лѣтось учительша, повертѣла мало-мало за хвостъ, да и пусты!—ажь дрогнуль народъ! Тутъ тебѣ гнусить, какъ дѣячекъ, тутъ тебѣ канѣчить, тутъ тебѣ слезыми заливаются—смѣхота!

Смѣялись уже не отъ разсказа, а на него глядя.

— А тутъ урятникъ съ старостой-шашть: слова, что ли, не тѣ, кто ее разберегъ, да и въ холодную, только и пожила. Несутъ ее, матушку, мужики жалѣютъ, да мнѣ и самому жалко, я и говорю: не бойсь, машинка!—теперь не сѣкутъ. Ей-Богу, правда, на этомъ мѣстѣ провалиться!

Къ удивленію и пущему смѣху смотрѣвшихъ, Иванъ прослезился, а потомъ съ матернымъ ругательствомъ хотѣлъ ногой ударить граммофонъ, но не осилилъ тяжести ноги и чуть не завалился. Запахло въ комнатѣ спиртомъ—видно не одинъ Иванъ успѣлъ гдѣ-то зарядиться; чаще матюкались, и точно невзначай пытались что-нибудь разбить или повалить, усиленно харкали и плевались: наростало жуткое и безобразное. Подтянувшійся Андрей Иванычъ внимательно посматривалъ по сторонамъ, прислушивался къ гудѣвшему окну и нѣсколько разъ, соображая, поглядѣль на свои серебряные, наградные за стрѣльбу часы. Свирипо косилъ глазами и хмурился Колесниковъ: пропало хорошее настроеніе и вновь начала томить глухая тоска, подъ тяжестью которой въ послѣднія недѣли медленно и страшно мертвѣла его душа...

Жегуловъ отошелъ къ книжному шкафу и, зажавъ подъ мышкой маузерь, торопливо перелистывалъ Байрона, искалъ страницу и, найдя, остановился глазами:

... Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!

Вотъ арфа золотая:

Пускай персты твои, промчавшися по ней,

Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.

И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ—

Онѣ въ груди моей проснутся,

И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—

Онѣ растаютъ и прольются...

Заглянулъ черезъ плечо Колесниковъ и усмѣхнулся угрюмо и злобно:

— Байронъ! Вотъ, Саша, того-этого, и тутъ читали Байрона.

Жегуловъ холодно взглянулъ на него, петоропливо закрылъ тол-

стую въ переплетъ книгу и бросиль въ уголъ. И вмѣстѣ съ звукомъ отъ паденія книги, непонятно смыавшись съ нимъ, пронесся далекій женскій вопль. Еще крикъ—теперь ясный зовъ на помощь, неудержимый женскій визгъ, противно сверлящей уши, злой и жалкій. Короткій перерывъ, точно закрыли ладонью ротъ—и опять съ той же высокой и хриплой поты. Затопали ногами; кто то, свалившись, загрехоталъ по лѣстницѣ—и комната пропала изъ глазъ. Толкнувъ кого-то и еще кого-то, на долгое мгновеніе запутавшись въ незнакомыхъ переходахъ, Саша вылетѣлъ къ запертої двери, за которой словно дохрипывалъ голосъ. Потрясь: заперто.

— Отвори!

Сзади поддержали, дышить много народу, кричать. Заревѣлъ Колесниковъ, но за дверью тихо, и отвѣта никакого, и, напрягшись, высадилъ Саша дверь. Навстрѣчу ему изъ полумрака, освѣщенный только дверью, смутно двинулся толстый, разъяренный Поликарпъ, а позади него на постели снова противно завизжала Глаша. Что-то крикнулъ Поликарпъ, но Саша не слыхалъ: съ яростью, мутившей разсудокъ, и невыносимымъ отвращеніемъ, онъ разъ за разомъ выпустилъ десять зарядовъ маузера, вертя стволомъ, какъ жаломъ, послѣднія пули кидая впизъ, въ мертвую уже, залитую кровью, разметавшуюся тушу. Пороховою вонью наполнилась комната, какъ отъ взрыва. Целкнувъ по пустому, Жегуловъ обернулся, оскалилъ зубы на Колесникова и, послѣ короткой борьбы, выхватилъ у него оружіе, повернулся—и тутъ только понялъ, что больше не надо.

Заверещала притихшая подъ выстрѣлами Глаша и, придерживая выскочившую грудь, выбросилась наружу и безтолково заметалась въ толпѣ мужчинъ, плакала и кричала, уже никого не боясь:

— Разбойники! Насильники! Га-а-ды! На бабу польстились! Разбойники, Сашки Жегуловы! Га-а-ды!

Съ отвращеніемъ аскета, увидѣвшаго мерзость, съ ненавистью любящаго, увидѣвшаго въ грязи любовь, Саша дернуль маузеромъ и дико закричалъ:

— Молчать, дрянь! У-бью!

Чей-то узловатый кулакъ ударилъ Глашу по уху, она упала въ дверь и, уже молча, на четверенькахъ поползла; и дверь захлопнулась. Саша сузилъ глаза, отчего казалось, что онъ улыбается, оглядѣлъ всѣхъ и спросилъ:

— Ну?

Молчали и, какъ стѣна, не имѣли глазъ. Вдругъ, все такъ же пряча взоръ, шагнулъ блестящими сапогами Васька Соловей и по первому звуку покорно спросилъ:

- Не очень ли ужъ круто, Александръ Иванычъ?
- Ну?—какъ масленичная маска улыбалось лицо Жегулева.
- Не очень ли ужъ круто, Александръ Иванычъ? Если за всякую бабу...

Къ счастью для себя поднялъ воровскіе глаза Соловьевъ—и не увидѣлъ Жегулева, но увидѣлъ мужиковъ: точно на аршинныхъ шеяхъ тянулись къ нему головы и, не мигая, ждали... Гробовую тѣсноту почувствовалъ Щеголь, до краевъ налился смертью и залп-силъ, топчась на мѣстѣ, даже не смѣя отступить:

— Такъ точно, Александръ Иванычъ, ваша воля...

Жегулевъ крикнулъ:

— Собратъ своихъ, Андрей Иванычъ! Выгнать изъ кухни бабъ. Запаливай Еремѣй!

Изъ сада смотрѣли, какъ занимался домъ. Еще темнота была, и широкій дворъ смутно двигался, гудѣлъ ровно и сильно—еще иона-ѣхали съ телѣгами деревни; засвѣтлѣло, но не въ домѣ, куда смо-трѣли, а со стороны службъ: тамъ для свѣта подожгли сарайчикъ и слышно было, какъ мечутся разбуженные куры и поеть сбив-шійся съ часовъ пѣтухъ. Но не яснѣе стали тѣни во дворѣ и только прибавилось шуму: ломали для проѣзда ограду.

— Александръ Иванычъ, Василь Василичъ, гляньте-ка. окопечко закраснѣло,—повернулъ головой Петруша.

Во многихъ окнахъ стоялъ желтый свѣтъ, но одно во второмъ этажѣ вдругъ закраснѣло и замутилось, замигало, какъ глазъ спросонья и вдругъ широко по-праздничному засвѣтилось. Забѣлѣли крашенія въ бѣлую краску стволы яблонь и побѣжали въ глубину сада; на клумбахъ нерѣшительно глянули бѣлые цвѣты, другіе ждали еще очереди въ строгомъ порядкѣ огня. Но помаячило окно съ кре-стовыми четкимъ переплетомъ и—сгасло.

Кто-то изъ глядящихъ огорчено выругался и вздохнулъ:

— Эхъ, ты! Сгасло, проклятое.

Но не успѣлъ кончить — озарилась свѣтомъ вся ночь, и всѣ яблони въ саду наперечеть, и всѣ цвѣты на клумбахъ, и всѣ мужики, и телѣги во дворѣ, и лошади. Взглянули: съ той стороны, за ребромъ крыши и трубою, дохнулся къ почернѣвшему небу красный клубъ дыма, паль на землю, колыхнулся выше — уже и искорки побѣжали.

Торопливо затолковали голоса:

— Съ той стороны зажгли! Съ той стороны!

И тихо взвился къ небу, какъ красный стягъ, багровый, дымный, косматый, угрюмый огонь, медленно свирѣпѣя и наливаясь гнѣвомъ, покрутился надъ крышей, заглянуль, перегнувшись, на эту сторону—

и дико зашумѣль, завыль, затрецалъ, раздирая балки. И много ли прошло минутъ,—а ужъ не стало ночи, и далеко подъ горою появилась цѣлая деревня, большое село съ молчаливою церковью; и краснымъ полотнищемъ пала дорога съ таращающимъ телѣгами.

И кто съ этой стороны, опоздавшій и ослѣпленный пламенемъ, встрѣчалъ скачущихъ мужиковъ, тотъ въ страхѣ прыгалъ въ канаву: смоляно-черныя телѣги и кони въ непонятномъ смѣшаніи оглобель, голевъ, приподнятыхъ рукъ, чего-то машущаго и крутящагося, какъ съ горы валились въ грохотѣ и ревѣ.

8. Смерть Петруши.

Разбившись на мелѣпѣкіе отряды, какъ было принято, разсѣялись въ ночи лѣсные братья. Съ Жегулевымъ остались коренные, Колесниковъ, матросъ и Петруша, да еще Кузьма Жучекъ, тихій и неврачный по виду, но полезный человѣчекъ. Безконечно долго уходили отъ зарева, теряя его въ лѣсу и снова находя въ полѣ и на горкахъ: должно быть, загорѣлись и службы, долго краснѣлось и бросало впередъ тѣни отъ идущихъ. Наконецъ, закрылось зарево холмомъ, и тутъ только почувствовали идущіе, что они устали и что надъ землею стоить тихая, лѣтняя, пышная, уже глубокая ночь.

Присѣли у межи; Петруша потерпъ руку о траву и сказалъ:
— Росная.

Ржавымъ крикомъ кричалъ на луговой низинѣ коростель; поздній опрокинутый мѣсяцъ тающимъ серпочкомъ лежалъ надъ дальнимъ лѣсомъ и заглядывалъ по ту сторону земли. Жарко было отъ долгой и быстрой ходьбы, и теплый неподвижный воздухъ не давалъ прохлады—тамъ въ окна онъ казался свѣжѣе. Колесниковъ устало промолвилъ:

— Скоро и разсвѣть: долго намъ еще идти. А все-таки пріятно, что домъ, того-этого... Петруша, ты радъ?

— Радъ, Василь Васильичъ.

— Теперь, пожалуй, и наскакали, головешки подбираются, — сказалъ Андрей Иванычъ про стражниковъ и протянулъ папиросу Жучку:— возьми. Жучекъ.

Жегулевъ прикинулся глазами небо и вслухъ задумался:

— Не знаю, пересѣкать ли намъ большакъ, или ужъ прямо?— прямо-то версты на двѣ дальше. Какъ вы думаете, Андрей Иванычъ?

— Пойдемъ черезъ большакъ, чего тамъ,—сказалъ Колесниковъ.

— Разсвѣпть къ тому времени, какъ бы пе наткнуться,—нерѣшительно отвѣтилъ матросъ.

— Сами говорите, наскакали, а теперь боитесь. Вѣдоръ!

Рѣшилъ вопросъ Кузька Жучекъ, человѣкъ съ короткимъ шагомъ:

— Ну а встрѣтятся, въ лѣсъ стреканемъ,—ѣка!

Охая и поругиваясь, тронулись въ путь, но скоро размаялись и запагали ходко. Съ каждой минутой блѣднѣла жаркая смуглota ночи, и въ большакъ уперлись уже при свѣтѣ,—правда, неясномъ и обманчивомъ, но достаточно тревожномъ. Тридцати-саженной аллеей сбѣгали по склону дуплистыя ракиты и чернѣль узенький мостикъ черезъ ручей, а за нимъ лѣзла въ кручу облысѣвшая дорога и точно готовила засаду за неяснымъ хребтомъ своимъ. За ручьемъ, въ полуверстѣ нальво начинался огромный казенныи лѣсъ, но въ слушать чего, до него пришлось бы бѣжать по открытому, голому, стоявшему подъ паромъ полю.

— Долго будемъ думать?—сердито сказалъ Колесниковъ и крупно запагалъ по склону, вихляя щиколоткой въ многочисленныхъ глубокихъ, еще не разбитыхъ въ пыль колеяхъ и колчахъ; за нимъ, не отставая, двигались остальные. И уже у самаго мостика за шумомъ своихъ шаговъ услышали они другой, болѣе широкій и дружный, несшійся изъ-за предательской кручи. Сразу догадавшійся Жегуловъ остановилъ своихъ и тихо скомандовалъ:

— Слушать! Черезъ мостъ бѣгомъ, наподъемъ, не дойдя до верху, нальво до лѣсу. Въ случаѣ—залпъ! Живыми не сдаваться! Двигай!

Сонно и устало подвигались солдаты и стражники—случайный отрядъ, даже не знаяшій о разгромѣ уваровской экономіи—и сразу даже не догадались, въ чемъ дѣло, когда изъ-подъ кручи, почти въ упоръ, ихъ обсѣяли пулями и трескомъ. Но нѣсколько человѣкъ упало, и лошади у непривычныхъ стражниковъ заметались, производя путаницу и нагоняя страхъ; и когда оглянулись, какъ слѣдуетъ, тѣ неслись по полю и, казалось, уже близки къ лѣсу.

— Гони!—отчаянно крикнулъ офицеръ на казачьемъ сѣдлѣ и выскакалъ впередъ, скака по гладкому пару, какъ въ манежѣ; за нимъ нестройной кучей гаркнули стражники—ихъ было немного, человѣкъ шесть-семь; и, заметая ихъ слѣдъ, затрусили солдаты своей на видъ неторопливой, но на дѣлѣ быстрой побѣжкой.

Лѣсъ былъ въ семидесяти шагахъ.

— Стой! Пли!—крикнулъ Жегуловъ.

Черезъ голову убитой лошади рухнуль офицеръ, а стражники закружились на своихъ коняхъ, словно танцуя, и молодецки гикнули

въ сторону: открыли пачками стрѣльбу солдаты. „Умница! молодцы, сами догадались!“ — восторженно, почти плача думалъ офицеръ, надъ которымъ летѣли пули, и не чувствовалъ какъ будто адской боли отъ сломанной ноги и ключицы или сама эта боль и была восторгомъ.

Колесниковъ, бѣжавшій на нѣсколько шаговъ позади Петруши, увидѣлъ и поразился тому, что Петруша вдругъ ускорилъ бѣгъ, какъ птица, и, какъ птица же, плавно, неслышно и удивительно ловко опустился на землю. Въ смутной догадкѣ замедлилъ бѣгъ Колесниковъ, пробѣжалъ мимо, пропустилъ мимо себя Жучка, торопливо отхватывавшаго короткими ногами и остановился: въ десяти шагахъ позади лежалъ Петруша, опершись на локоть, и смотрѣлъ на него.

„Живъ!“ — радостно сообразилъ Колесниковъ, но сообразилъ и другое и.... Съ лицомъ, настолько искаженнымъ, что его трудно было принять за человѣческое, не слыша пуль, чувствуя только тяжесть маузера, онъ убѣйцею подошелъ, подкрался, подбѣжалъ къ Петрушѣ — развѣ можно это какъ-нибудь назвать!

Не мигая, молча, словно ничего даже не выражая: ни боли, ни тоски, ни жалобы — смотрѣлъ на него Петруша и ждалъ. Одни только глаза на блѣдномъ лицѣ и ничего, кромѣ нихъ и маузера, во всемъ мірѣ. Колесниковъ поводилъ надъ землею стволомъ и крикнулъ, не то громко подумалъ:

— Да закрой же глаза, Петруша! Не могу же я такъ!

Понялъ ли его Петруша или отъ усталости — дрогнули вѣки и опустились.

Колесниковъ выстрѣлилъ.

9. Фома Невѣрный.

...Это было еще до смерти Петруши.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда потренькивала балалайка, перебиваясь говоромъ и смѣхомъ, пришелъ изъ лѣсу Фома Невѣрный. Сперва услыхали громкій, нелѣпый то ли человѣчій голосъ, то ли собачій отрывистый и осипшій лай: гау! гау! гау! — а потомъ сердитый и испуганный крикъ Федота:

— Куда лѣаешь, черть. Напугалъ, черть косолапый, чтобъ тебѣ ви дна, ни покрышки!

И въ свѣтъ костра, по-медвѣжьи кося ногами, вступилъ огромный, старый мужикъ, безъ шапки, въ одномъ рваномъ армякѣ на голое тѣло и босой. Развороченной соломою торчали въ стороны и волосы

на огромной головѣ и борода, и все казалось, что тамъ дѣйствительно застряла съ почевки солома—да такъ опо, кажется, и было. И весь онъ былъ взъерошенный, встопыренный, и пальцы торчали врозь, и руки лѣзли, какъ сучья—трудно было представить, какъ такой человѣкъ можетъ лежать плоско на землѣ и спать. Сумасшедшімъ показался онъ съ первого взгляда.

— И впрямь черть!—сказалъ Иванъ Гнѣдыхъ и пододвинулся къ матросу.

Мужикъ заговорилъ, и опять стало похоже на собачье гау! гау!—неясно, какъ обрубленныя, вылетали громкія слова изъ-подъ встопыренныхъ усовъ и съ трудомъ двигались толстыя губы, дергаясь вкривь и вкось.

— Гдѣ атаманъ? Атаманъ тау, атамана тау мнѣ надо, Жегулева, Жегулева тау!

Ему показали на Сашу. Всѣми ершами своими онъ повернулся на Сашу и нѣсколько разъ фукаулъ:

— Фу, фу, фу! Ты атаманъ? Фу—ну Рассея-матушка, плохи дѣла твои, коли мальчишечъ, тау, тау, спосылаешь! Гляди!

И всѣми ершами своими повалился на колѣни и стукнулъ лбомъ; быстро всталъ.

— Чего тебѣ надо?—спросилъ Жегулевъ.

— Я Фома Невѣрный. Слушай тау, тау! Бога нѣть, не надо, душа клѣточка. Вотъ тебѣ мой сказъ!

И быстро оглянулся кругомъ, ища одобренія, и Еремѣй строго и одобрительно подтвердилъ:

— Вѣрно, Фома, садись, гость будешь.

Какъ-то подвернувъ ноги, Фома быстро сѣлъ на земль и неподвижно уставился на Сашу; но какъ бы ни тихо сидѣлъ онъ, что-то изъ него беспокойно лѣзло въ стороны, отгопяло близко сидящихъ—глаза, что ли!

— Такъ чего же тебѣ надо, Фома?

— Я барыню зарѣзалъ.

— Какую барыню?—за что?

— Не знаю, тау, тау!

Мужики закивали головами, пѣкоторые засмѣялись: усмѣхнулся и Фома. Послышались голоса:

— Чудакъ человѣкъ, да за что-нибудь же надо! Курицу, и ту, а ты барыню.

— Она, эта барыня, что-нибудь тебѣ сдѣлала? обидѣла?

— Нѣ. Какая обида, я ее до толь и не видалъ. А такъ и зарѣзалъ,

жизнию свою, тау, тау, оправдать хотѣлъ. Жизнию, тау, тау, оправдать. Съ мальченкомъ.

Замолкъ нелѣпо; молчали и всѣ. Словно самъ воздухъ потяжелѣлъ и ночь потемнѣла; нехотя поднялся Петруша и подбросилъ сучьевъ въ огонь—затрецалъ сухой хворость, полѣзъ въ клѣточки огонь и на верхушкѣ сквозной и легкой кучи заболтался дымно-красный, острый язычекъ. Вдругъ вспыхнуло, точно вздрогнуло, и засвѣтился листъ на деревьяхъ, и стали лица безъ морщинъ и тѣней, и во всѣхъ глазахъ заблестѣло широко, какъ въ стеклѣ. Фома гавкнулъ и сказалъ:

— Понѣсть дали бы, братцы. Исть хоцца.

Жарко стало у костра, и Саша полулегъ въ сторонкѣ. Опять затренькала балалайка и поплыть тихій говоръ и смѣхъ. Дали поѣсть Фомѣ: съ трудомъ сходясь и подчиняясь надобности, мяли и крошили хлѣбъ въ воду узловатые пальцы и ложка ходила неровно, но лицо стало, какъ у всѣхъ—ѣсть себѣ человѣкъ и слушаетъ разговоръ. Кто поближе, заглядѣлись на босня и огромныя, изрубцованныя ступни, и Фома Невѣрный сказалъ:

— Много хожу, тау, тау. Намеднись на склянку напоролся.

Евстигній подтвердилъ:

— Это бываетъ. Работали мы мальчишкой на стеклянномъ заводѣ, такъ по битому стеклу босой ходилъ. Какъ мастеру форма не понравится, такъ хрясь обѣ поль, а поль чугунный. Сперва рѣзались, а потомъ и рѣзаться перестало, крѣпче твоего сапога.

Петруша затренькаль балалайкой, лѣниво болтая пальцами.

— Спой, Петруша.

— Нѣть, не хотится мнѣ пѣть.

— Такъ сыграй, чего форсишь. А Фома попляшеть!

Мужики засмѣялись и самъ Фома охотно хмыкнулъ—словно подавился костью и выкашливаетъ. Иванъ Гнѣдыхъ оживился, сморшился смѣшиво и началъ:

— Нѣть, погоди, что я на базарѣ-то слыхалъ! Будто раскапывали это кладбище, что подъ горой, такъ что-жъ ты думаешь?—всѣ покойники окарачь стоять, на четверенькахъ, какъ медвѣди. И какие барины, такъ тѣ въ мундирахъ, а какие мужики и мѣщане, такъ тѣ совсѣмъ голые, въ чемъ мать родила, такъ голой задницей въ небо и уставились. Ей Богу, правда, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ. Смѣхута!

Нѣкоторые засмѣялись, Еремѣй сказалъ:

— Врешь ты!—и откуда въ городѣ мужики?

...“Интересно бы узнать, что теперь о нась въ городѣ рассказываютъ?”—подумалъ тогда Колясниковъ, привычно, въ полслуха, ловя

отрывки рѣчей. И вдругъ, какъ далекая сказка, фантастической вымысли, представился ему городъ, фонари, улицы съ двумя рядами домовъ, газета; какъ странно спать, когда надъ головою крыша и не слышно ни вѣтра, ни дождя! И еще страннѣе и невѣроятнѣе, что и онъ когда-то такъ же спалъ. Взглянуль Колесниковъ въ ту сторону, гдѣ красными черточками и пятнами намѣчался Погодинъ и съ тоскою представилъ себѣ его: лицо, фигуру, легкую и быструю поступь. Вчера замѣтилъ онъ, что шея у Саши грязная.

„Эхъ, того-этого!...—подумалъ со вздохомъ Колесниковъ и свирѣпо скосилъ глазъ на трепѣвавшаго Петрушу:—еще запоетъ младенецъ! Что-то зашевелилось, и всей своей дикой громадой встопорщился надъ сидящими Фома Невѣрный: тоже сокровище!

Шагнулъ черезъ чьи-то ноги и озирается; какъ сучья лѣзутъ руки и въ волосахъ стонть солома... или это сами волосы такъ стоять? Гавкаетъ.

— Да куда ты?— спрашиваетъ кто-то тревожно. Мамонъ набилъ, теперь спать ложись.

— Онъ постели ищетъ. Фома, постели ищешь?

— Вся тебѣ земля постеля, куда препѣ? Вавозился, черть немазанный!

— А къ атаману тау, тау! Къ атаману. Къ Жегулову, Александру Иванычу, Жегулову!

„Завтра же его прогоню, надо Андрею Иванычу сказать“,—рѣшилъ Колесниковъ и видитъ, что Саша уже всталъ и Фома закрываеть и будто тѣснить его своей фігурой. Тревожно шагнулъ ближе Колесниковъ.

— Еще чего? — спрашиваетъ Жегуловъ. — Спать иди, завтра скажешь.

Фома затурчалъ:

— Поѣль я, а за хлѣбъ-соль не благодарю. Ничай онъ. Слыхалъ мой сказъ?

И оглянулся кругомъ, ища одобренія, но вѣс молчали. Саша отвѣтилъ:

— Слыхалъ.

— А теперь гляди!—съ этими словами Фома быстро опустился на колѣни и стукнулъ землю лбомъ. Такъ же быстро всталъ и ждеть.

— За что ты мнѣ кланяешься, Фома?

Фома отвѣтилъ:

— Я всѣмъ убивцамъ въ землю клапаюсь, тау, тау. Хожу по Рассеѣ ищу убивца, какъ увижу, такъ и поклонюсь. Прими мой поклонъ и ты, Александръ Иванычъ.

И ушелъ, какъ пришелъ, только его и видѣли, только его и знали. Дернулъ ершами, захрустѣлъ сучьями въ лѣсу, какъ медвѣдь, и пропалъ.

— Экая образина, черть его подери!—какую комедію развелъ, комедіантъ, — прогудѣлъ Колесниковъ и неправдиво засмѣялся.— Сумасшедшій, такихъ на цѣпь сажать надо.

Но никто не откликнулся на смѣхъ и на слова никто не отвѣтилъ. И что-то фальшивое вдругъ пробѣжало по лицамъ и скосило глаза: почуялъ духъ предательства Колесниковъ и похолодалъ отъ страха и гнѣва. „Шиѣниль комедіантъ!“—подумалъ онъ и свирѣпѣо топнулъ ногой:

— Ты что молчишь, Еремѣй: тебѣ говорю или нѣтъ, подлецъ! Еремѣй, по-прежнему кося глаза, нехотя отозвался:

— Ну и сумасшедшій!—чего орешь?

Услужливые голоса подхватили:

— Сумасшедшій и есть! На емъ и халать-то больничный, ей Богу!

— Дать бы ему хорошаго леща... Тоже, хлѣбца просить, а благодарить не想要, хлѣбъ, говорить, ничей.

— Поди-ка, сунься къ нему, онъ тебѣ такого леща дастъ! Черть немазанный! И голова же у его, братцы; не голова, а ометь. Смѣхota!

— То-то ты и посмѣялся!

Андрей Иванычъ крикнулъ:

— Смирно! Тутъ вамъ не кабакъ.

Примолкли, посмѣиваясь и подмигивая Андрею Иванычу: ну-ка еще, матрось, гаркни, гаркни! Но чей-то голосъ явственно отчеканилъ:

— Какой кабакъ! Храмъ запрестольный! Всѣхъ разбойниковъ соборъ!

Неласково засмѣялись. И опять забалакала балалайка въ лѣнивыхъ рукахъ Петруши, и зѣвалъ Еремѣй, истово крестя ротъ. Притаптывали костеръ, чтобы не надѣлать во снѣ пожара, и не торопясь укладывались на покой.

Кто приходилъ и кто ушелъ? — Кто поклонился земно Сашкѣ Жегулеву? Ушелъ Фома Невѣрный, и тишиной лѣсною уже покрылся его слѣдъ.

10. Васька плясать хочетъ.

На слѣдующій день послѣ смерти Петруши въ становищѣ проснулись поздно, за полдень. Было тихо и уныло, и день выпалъ такой же: жаркій, даже душный, но облачный и томительно неподвижный—слѣпить разсѣянный свѣтъ, и даже въ лѣсу было смотрѣть на бѣлое, сквозь сучья сплошь свѣтящееся небо.

Благополучно вернувшись Васька Соловей игралъ подъ березой съ Митрофаномъ и Егоркой въ три листика. Карты были старыя, распухшія, мѣченія и насквозь известныя всѣмъ игрокамъ—поэтому каждый изъ игроковъ накрывалъ сдачу ладонью, а потомъ приближалъ къ самому носу и, раздернувъ немнога, по глазку догадывался о значеніи карты и вдумывался.

- Прощель.
- Двугривенный съ нашей.
- Съ нашей то-жъ. Не форси!
- Полтинникъ подъ тебя; видаль?
- А это видаль: зампрыль, да подъ тебя... двугривенный?
- Ходи!

Колесниковъ, помаявшись часъ или два и даже посидѣвъ возлѣ игроковъ, подошелъ къ Жегулову и глухо, вдругъ словно опустившися басомъ, попросилъ:

- Можно мнѣ, Саша, уйти съ Андреемъ Иванычемъ? Нехорошо мнѣ, того-этого, мутить.
- Конечно! Куда хочешь пойти?.. осторожно только, Василій.
- Да пойду на то мѣсто, ну на наше—онъ понизилъ голосъ, покосившись на игроковъ.—Землянку копать будемъ. Тревожно что-то становится...
- Вчерашннее?
- Не столько оно, сколько, того-этого, вообще недовѣріе,—онъ понизилъ голосъ:—помнишь этого сумашедшаго, какъ онъ поклонился тебѣ? Пустяки, конечно, но мнѣ Еремѣй тогда, того-этого, не понравился.
- Пустяки, Василій. Когда вернешься?
- Да завтра къ исходню. Будь остороженъ, Саша, не довѣряй. За красавцемъ нашимъ, того-этого, поглядывай. Да... что-то еще хотѣлъ тебѣ сказать, ну да ладно! Помнишь, я лѣса-то боялся, что ассимилируюсь и прочее?—такъ у волка-то зубы оказались вставные. Смѣхota!

Еще въ ту пору, когда безуспешно боролись съ Гнѣдыми за дисциплину — матросъ и Колесниковъ настояли на томъ, чтобы въ

глуши лѣса, за Желтухинскимъ болотомъ, соорудить для себя убѣжище и дорогу къ нему скрыть даже отъ ближайшихъ. Мѣсто тогда же было найдено, и о немъ говорилъ теперь Колесниковъ.

Ушли и стало еще тише. Еремѣй еще не приходилъ, Жучекъ подсѣль къ играющимъ, и Саша попробовалъ заснуть. И сразу уснулъ, едва коснулся подстилки, но уже черезъ полчаса явилось во снѣ какое-то беспокойство, а за нимъ и пробужденіе — такъ и все время было: засыпалъ сразу, какъ убитый, но не надолго. И проснувшись теперь и не мѣняя той позы, въ которой спалъ, Жегуловъ началъ думать о своей жизни.

Уже много разъ со вчерашней ночи онъ вспоминалъ свое лицо, какимъ увидѣлъ его въ помѣщичьемъ домѣ въ зеркаль: здѣсь у нихъ не было осколочка, и это оказалось лишеніемъ даже для Колесникова, получившаго утверждавшаго, что вмѣстѣ съ электричествомъ онъ введенъ въ деревнѣ и зеркала „для самоанализа“. Зеркало у Уваровыхъ было большое, и сразу увидѣлъ себя Саша во весь ростъ: отъ высокихъ сапогъ, перетянутыхъ подъ колѣномъ ремнемъ, до блѣднаго лица и старой гимназической, лѣтней безъ герба фуражки; и сразу понравилась эта полузнакомая фигура своей мужественностью. Лица онъ тогда не разсматривалъ, но твердо до слuchая запомнилъ, и теперь, вызывая изъ памяти, внимательно и серьезно оцѣнилъ каждую черту и свѣль ихъ къ цѣлому — блѣдность и мука, холодная твердость камня, суровая отрѣщенность не только отъ прежняго, но и отъ самого себя. „Хорошее лицо, такое, какъ надо“, — рѣшилъ Жегуловъ и равнодушно перешелъ къ другимъ образамъ своей жизни: къ Колесникову, убитому Петруши, къ матери, къ тѣмъ, кого самъ убилъ.

Такъ же холодно и серьезно, какъ и свое лицо, разсмотрѣлъ убитаго телеграфиста, вчерашняго Поликарпа, отвратительную, истекающую кровью сальную тушу, и солдата безъ лица, въ котораго вчера былъ съ прицѣла, желая убить. Солдатъ свалился, навѣрное убитый. Безстрастно вставали образы, какъ на экранѣ, и вся теперешняя жизнь прошла вплоть до Петрушиной осиротѣвшей балалаечки, по странно! — не вызывали они ни боли, ни страданія, ни даже особаго, казалось, интереса: плыветъ и мѣняется безшумно, какъ передъ пустымъ заломъ, въ которомъ нѣть ни одного зрителя. Даже мать, о которой онъ думалъ долго, соображая, что она дѣлаетъ теперь, даже Женя Эгмонтъ, даже покойный отецъ: видится ясно, но не волнуетъ и не открываетъ своего истиннаго смысла. А попробуетъ размыслить и доискаться ускользающаго смысла, — ничего не выходить: мысли коротки и тупы, ложатся плоско, какъ ножъ съ вертящимся черенкомъ. И прошлое хоть вспоминается, а будущее темно.

неотзычиво, совсѣмъ не мыслится и не гадается—даже не интересуетъ.

— Окаменѣлъ я! — равнодушно заключаетъ Саша и, рѣшивъ шлохнуться, съ удовольствиемъ закуриваетъ папиросу. И съ удовольствиемъ отмѣчаетъ, что руки у него особенно тверды, не дрожать ни мало, и что вкусъ табачнаго дыма четокъ и ясенъ, и что при каждомъ движениіи ощущается тяжелая сила. Тушая и покорная, тяжелая сила, при которой словно совсѣмъ не нужны мысли. И то, что вчера онъ ощущилъ такой свирѣпый и беспощадный гибѣвъ, тоже есть страшная сила и нужно двигаться съ осторожностью: какъ бы не раздавить кого. Онъ—Салка Жегуловъ.

Уже смеркается безъ заката—или былъ коротокъ сумрачный закатъ и невидимо догорѣлъ за лѣсомъ. Въ отверстіе двери заглядываетъ темная голова и осторожно покашливаетъ, по удальской линіи картузъ—Васька Соловей.

— Что надо, Соловьевъ?—спросилъ Саша.

— Не спите, Александръ Иванычъ? Поговорить бы надо, дѣло есть.

— Погоди, сейчасъ выйду. Еремѣй не приходилъ?

— Нѣтъ, да и не придетъ онъ нынче. Я тутъ погожу.

Жегуловъ вышелъ и, глядя на темнѣюще небо, потянулся до хруста въ костяхъ. Недалеко куковала кукушка; скоро совсѣмъ стемнѣеть, не видно станетъ непріятнаго неба и наступить прекрасная ночь.

— Пойдемъ пройтись, Соловьевъ, дорогой раскажешь.

— Да мнѣ всего два слова, позвольте здѣсь,—уклонится Соловьевъ и, показалось, бросилъ взглядъ въ ту сторону, гдѣ сидѣли подъ деревомъ его двое и маленький Кузька Жучекъ. Поглядѣлъ въ ту же сторону и Жегуловъ и почему-то вспомнилъ слова Колесникова объ осторожности. Не понравился ему и слишкомъ лѣстивый голосъ Соловья.

— Говори,—сухо приказалъ онъ, спиной прислонившись къ дереву и плохо въ сумеркахъ различая лицо. Соловьевъ раза два перешагнулъ на мѣстѣ и, точно выбравъ паконецъ ногу, оперся на нее и заложилъ руку за спину, на сборы поддевки.

— Да я все обѣ томъ. Александръ Иванычъ, что надо бы вамъ отчитаться.

Жегуловъ не понялъ и удивился:

— Какъ отчитаться?—первый разъ слышу.

— Первый-то оно первый,—сказалъ Соловей и вдругъ усмѣхнулся оскорбительно и дерзко:—все думали, что сами догадаетесь. А

нычче, вижу, опять Василь Василичъ съ матросомъ ушелъ деньги прятать, непрятно это, шайкѣ обидно.

Жегуловъ молчалъ.

— Деньги-то кровныя! Конечно, что и говорить, за вами онъ не пропадутъ, какъ въ банкѣ, а все-таки пора бы... Кому и нужда, а кто... и погулять хочетъ. Вотъ вы вчера Поликарпа ни много, ни мало, какъ на тотъ свѣтъ отправили, а за что? Монастырь какой-то за-вели... не понимай я вашей хитрости, давно-бъ ушелъ, человѣкъ я вольный и способный.

— Хитрости?

— Можно и другое слово, это какъ вамъ понравится.

— Подлости?

— Почему же подлости? Я, Александръ Иванычъ, такихъ словъ не признаю: вы человѣкъ умный, да и мы не безъ ума. Мы ужъ и то посмѣиваемся на мужиковъ, какъ вы ихъ обошли, ну да и то сказать—не всѣхъ же и мужиковъ! Такъ-то, Александръ Иванычъ — отчитаться бы миромъ, а что касается дальнѣйшаго, такъ мы вѣсъ не выдадимъ: монастырь, такъ монастырь! Потомъ отгуляемъ!

Соловьевъ засмѣялся и молодцевато переставилъ ногу и сплюнуль: въ отвѣтъ онъ былъ увѣренъ. И вздрогнулъ, какъ подъ кнутомъ, когда Жегуловъ тихо сказалъ:

— Денегъ у меня нѣть.

— Нѣть?! А гдѣ же они?

— Раздалъ. Выбросиль.

— Выбросиль?

Соловей задохнѣлся отъ ярости и, сразу схрипши, обрываясь, забился въ безсознательныхъ выкрикахъ:

— Эй, Сашка, остерегись! Эй, Сашка, тебѣ говорю!

Жегуловъ зажалъ въ карманѣ браунингъ и подумалъ, охваченный тѣмъ великимъ гнѣвомъ, который, не вмѣщааясь, ни въ крикъ, ни въ слова, кажется похожимъ на мертвое спокойствіе: „Нѣть, убить мало. Завтра придутъ наши, и я его повѣшу на этой березѣ, да, при всемъ народѣ. Только бы не ушелъ“.

— Потише, Соловьевъ. Будешь кричать, убью, а такъ, можетъ, и сговоримся.

— Кто кого!—кричалъ Соловей:—насъ трое, а ты одинъ! Сволочь!

Но крикнулъ еще разъ и смолкъ недовѣрчиво:

— Отчىтывайся, жуликъ.

— Деньги у Василія.

— Врешь, подлецъ!

— Ей-Богу, я тебя пристрѣлю. Соловьевъ.

Было нѣсколько мгновеній молчанія, въ которомъ витала смерть. Соловьевъ вспомнилъ вчерашнія рожи мужиковъ на аршинныхъ шеяхъ и угрюмо, сдаваясь, проворчалъ:

— Убивать-то ты мастеръ; такого поискать.

— Папироску хочешь?

— Свои есть.

Помолчали.

— А ты когда догадался, что я хитрю?

— Да тогда же и догадался, когда увидѣлъ.—угрюмо и все еще недовѣрчиво отвѣтилъ Соловьевъ:—сразу видно.

Саша засмѣялся, думая: „завтра повѣшу!“—и слукавилъ пѣсколько наивно, по-гимназически:

— Ну и врешь, Васька: мужики-то до сихъ поръ не догадались!

— Какіе не догадались, а какіе...

„Или сейчасъ убить?“

— А какіе?... И все ты, Васька, врешь. Жаденъ ты, Васька?

— А ты нѣть? Я въ Румынію уйду. Разбойничай вѣкъ коротокъ, самъ знаешь, до зимы дотяну, а тамъ и айда.

Самъ же думалъ: „хитритъ баринъ, ни копѣйки не отдастъ, своего дружка ждеть. Эхъ плакали наши сиротскія денежки!“

— А совѣсть, Вася?—тихо засмѣялся Жегулевъ и даже Соловей неохотно ухмыльнулся.—Совѣсть-то какъ же?

— Ты баринъ, генеральскій сынъ, а и то у тебя совѣсти нѣть, а откуда-жь у меня? Мнѣ совѣсть-то, можетъ, дороже, чѣмъ попу, а гдѣ ее взять, какая она изъ себя? Бывало, подумаю: эхъ, Васька, ну и безсовѣстный же ты человѣкъ! а потомъ погляжу на людей и даже смѣшистанетъ, ротъ кривить. Всѣ сволочь, Сашка, и ты. и я. За что вчера ты Поликарпа убилъ?—бабьей пожалѣль, а человѣкъ не пожалѣль? Эхъ, Сашенька, генеральскій ты сынокъ, былъ ты бѣлоручкой, а сталъ рѣзникомъ, мясникъ какъ есть. А все хитришь... сволочь!

— Ты опять?

Соловьевъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и черезъ плечо угрожающе бросилъ:

— Завтра отчитываться... сволочь!

И презрительно подставляя спину, точно ничего не боясь, неторопливо пошелъ къ своимъ. Заговорили что-то, но за дальностью не слышно было и только разъ отчетливо прозвучало: сволочь! а потомъ

смѣхъ. Отдѣлился Кузька Жучекъ, подошелъ сюда и смущенно, не глядя Жегулову въ глаза, спросилъ:

— Костеръ-то надо или нѣть?

— Нѣть.

— А Соловей приказываетъ, что надо,—и все такъ же смущенно и не глядя, заскребъ руками по землѣ, сбирая остатки хвороста:—я разожгу. Пусть погоритъ.

Въ той сторонѣ безтолково и нескладно, въ неумѣлыхъ рукахъ задребезжала балалайка. Жегуловъ спросилъ:

— Это что?

— Васька плясать хочетъ. Петрушина балалаечка. Ушелъ бы ты куда, Александръ Иванычъ,—раньше онъ говорилъ „вы“,—у Митрофана двѣ бутылки съ водкой.

— Ты пилъ?

— Я непьющій. Обыскъ у тебя хоту сдѣлать, не вѣрють, что деньги у Василія.

— А ты вѣришь?

Жучекъ поднялъ на него свое маленькое покорное лицо и, вздохнувъ, отвѣтилъ:

— Мнѣ ваши деньги не нужны.

Уходя на свое мѣсто на крутогорѣ, Жегуловъ еще разъ услышилъ смѣхъ и протяжный выкрикъ: сво-о-лочь! А вскорѣ за сѣткою листьевъ и вѣтвей закраснѣлся огненный, на разстояніи неподвижный глазъ, и вверху надъ деревьями всталъ дымный клубъ. Не ложились и безобразничали, орали пѣсни пьяными голосами.

Саша еще не зналъ, какой ужасъ бропенъ въ его душу и зреТЬ тамъ, и думалъ, что онъ только оскорбленъ: только это и чувствовалось—другое и чувствоваться не могло, пока продолжались подъ бокомъ пьяный гомонъ, наглые выкрики, безобразныя пѣсни, притворяя въ свое разгулѣ, только и имѣющія цѣлью, что еще больше, еще вѣдчивѣе оскорбить его. „Только бы дождаться утра и повѣсить!“—думалъ онъ гнѣвно, не имѣя силы не слышать; и съ одной этой мыслью, не отклоняясь, загораживая путь всему, что не эта мысль, проводилъ часъ за часомъ. Но не двигалась ночь, остановилась, темная, какъ и мысль. Интересно, что бы подумалъ и сказалъ отецъ-генералъ, если бы слышалъ, какъ его сыну нагло и безнаказанно кричали: сволочь! сволочь! „Ахъ, только бы дождаться утра и повѣсить!“

Но не двигалась ночь, и одинъ былъ, не было воалѣ руки. Разъ запуршало въ кустахъ, и тихій, испуганный голосъ Жучка окликнулъ:

— Александръ Иванычъ! Александръ Иванычъ, гдѣ вы? Я ихъ боюсь.

Отвѣта не было, и, закрывъ на мгновеніе красный глазъ огня, Жучекъ ушелъ. И опять потянулась нескончаемая ночь; наконецъ-то замережилъ нерѣшительный, нескончаемо долгій разсвѣтъ. Костеръ едва дымился и стихли пѣсни: должно быть, ложатся спать. Но вдругъ шарахнуло въ вѣтвяхъ надъ головою и прозвучалъ выстрѣлъ—что это? Жегуловъ приложилъ холодное гладкое ложе къ щекѣ и тщетно искалъ живого и движущагося. Тихо и нѣмо, и въ тишинѣ, возвращаясь изъ мрака и небытія, медленно выявляются стволы деревъ, торчкомъ стоящая трава. Неужели ушли?

Почти бѣгомъ побѣжалъ къ потухшему костру: пусто. Зазвенѣли подъ сапогомъ склянки отъ разбитой бутылки; вездѣ кругомъ бѣлѣютъ сѣжно разорванныя, смятая страницы съ мистерами и мистриссъ. Заглянулъ въ шалашъ: разворочено, разграблено—а на подстилкѣ, у самаго изголовья, кто-то нагадилъ. Либо съ ними, либо отъ страха сбѣжалъ Жучекъ и гдѣ-нибудь прячется.

Одинъ.

И тутъ только, избавившись отъ плѣна единственной и чуждой мысли, Саша почувствовалъ ужасъ и понялъ впервые, что такое ужасъ. Закружился, какъ подстрѣленный, и громко забормоталъ:

— Воры! Что же это такое? Воры, воры, ушли... Га-а-ды!

И встало передъ глазами лицо вчерашней Глаши и ея полное отвращенія, стонущее:

— Га-а-ды! Сашки Жегуловы!

Захотѣлось пить такъ, словно только въ этомъ быль весь смыслъ и разгадка настоящаго. Но боченокъ опрокинутъ, видимо нарочно, кувшинъ также разбитъ. Догадавшись, полѣзъ съ кручи къ еле бѣжавшему ручью и только внизу почувствовалъ неловкость въ пустыхъ рукахъ и вспомнилъ о маузерѣ—куда его бросиль? Но когда напился и намочилъ лицо и волосы, сталъ соображать и долго смотрѣлъ на крутой, поросшій склонъ, по которому сейчасъ то ползъ онъ, то катился, ударяясь о стволы. Нащупалъ, не глядя, разорванную ткань на колѣнѣ, а подъ ней тихо ноющую ссадину. Что это за ручей — быль онъ здѣсь когда-нибудь?

Еще много часовъ оставалось до прихода Колесникова, и за эти часы пережилъ Саша ужаснѣйшее—даже самое ужасное, сказалъ бы онъ, если бы не была такъ бездонно неисчерпаема кощница человѣческаго страданія. Все еще мальчикъ, несмотря на пролитую кровь и на свой грозный видъ и имя, узналъ онъ впервые то мучительнѣйшее горе благородной души, когда не понимается чистое и неспра-

ведливо подозрѣвается благородное. Справедлива совѣсть, укоряя: онъ пролилъ кровь невинныхъ; справедлива будетъ и смерть, когда придется: онъ самъ разбудилъ ее и вызвалъ изъ мрака; — но какъ же можно думать, что онъ, Саша, безкорыстнѣйшій, страдающій, отдавшій все — хитрить и прятать деньги и кого-то обманываетъ! Чего же тогда нельзя подумать про человѣка? — и чего же стоитъ тогда человѣкъ,—и всѣ люди—и вся жизнь!— и вся правда—и его жертва!

Жить рядомъ и видѣть ежедневно лицо, глаза, жать руку и ласково улыбаться; слышать голосъ, слова, заглядывать въ самую душу— и вдругъ такъ просто сказать, что онъ лжетъ и обманываетъ кого-то! И это думать давно, съ самаго начала, все время—и говорить, „такъ точно“ и жать руку иничѣмъ не обнаруживать своихъ подлыхъ подозрѣній. Но можетъ быть, опь и показывалъ видомъ, намеками, а Саша не замѣтилъ... что такое сказалъ вчера Колесниковъ обѣ Еремѣѣ, который ему не понравился?

О, ужасъ! Кто скажеть, что всѣ они не думаютъ такъ же, но молчать и ждуть чего-то, а потомъ придутъ и скажутъ: воръ! Мать... а она знаетъ навѣрное? А Женя Эгмонтъ?..

На мгновеніе замираетъ мысль, дойдя до того страшнаго для себя предѣла, за которымъ она превращается въ голое и ненужное безуміе. И начинаетъ снизу, оживаетъ въ менѣе страшномъ и разъяряется постепенно и грозно—до новаго обрыва.

... А тѣ безчисленные, не имѣющіе лица, которые гдѣ-то тамъ шумятъ, разговариваютъ, судятъ и вѣчно подозрѣваютъ? И если ужъ тотъ, кто видѣлъ близко, можетъ такъ страшно заподозрить, то эти осудятъ безъ колебаній и, осудивъ, никогда не узнаютъ правды, и возьмутъ отъ него только то гнусное, что придумаютъ сами, а чистое его, а благородное его... да есть ли оно, благородное и чистое? Можетъ быть и дѣйствительно — онъ воръ, обманщикъ, гадъ?

Останавливается мысль. Спокойно, какъ во снѣ, Саша закуриваетъ папиросу и громко, разговорно, произносить:

— Сегодня опять будетъ облачно.

О томъ, что онъ произнесъ эту фразу, онъ никогда не узналъ. Но гдѣ же недавняя гордая и холодная каменность и сила? — ушла навсегда. Руки дрожатъ и ходятъ, какъ у больного; въ черные круги завалились глаза и бѣгаютъ тревожно, и губы улыбаются виновато и жалко. Хотѣлось бы спрятаться такъ, чтобы не нашли — гдѣ тутъ можно спрятаться? Вездѣ сквозь листья проникаетъ свѣтъ и какъ ночью нѣть свѣтлаго, такъ днемъ нѣть темнаго нигдѣ. Все свѣтится

и лъзеть въ глаза — и ужасно зелены листья. Если побѣжать, то и день побѣжитъ вмѣстѣ...

Ай! Кто-то идетъ.

Все ближе и ближе подходитъ странный Еремѣй. Почему-то улыбается и почему то говорить:

— Здравствуй, Александръ Иванычъ.

И повторяетъ:

— Здравствуй, Александръ Иванычъ.

Но уже замѣтилъ, повидимому, въ какомъ состояніи Саша, хотя и не совсѣмъ понимаетъ: остановился и смотритъ жалостливо, съ участіемъ... или и это кажется Сашѣ, а на самомъ дѣлѣ тоже думаетъ, что онъ воръ и попался? Саша улыбается, чистить испачканный бокъ и говорить, немного кривя губами:

— Ахъ, это ты Еремѣй. А я тутъ... бокъ испачкалъ. Показалось мнѣ...

— Сашенька!...

Это онъ сказалъ: Сашенька... кто же онъ, который вѣрить теперь—лучшій человѣкъ на землѣ или самъ Богъ? И такъ зелены листья, вернувшіеся къ свѣту, и такъ непонятно страшна жизнь, и негдѣ укрыться бѣдной головѣ!

Въ бреду Саша. Вскрикнувъ, онъ бросается къ Еремѣю, падаетъ на колѣни и прячетъ голову въ полахъ армяка: словно все дѣло въ томъ, чтобы спрятать ее какъ можно глубже; охватываетъ руками колѣна и все глубже зарываетъ въ темноту дрожащую голову, ворочаетъ ею, какъ тупымъ сверломъ. И въ густомъ запахѣ Еремѣя чувствуетъ осторожное къ волосамъ прикосновеніе руки и слышитъ слова:

— Сашенька, миленькій... Головушка ты кудрявенькая, душенька ты одинокенькая. Испужался, Сашенька?

Васька Соловьевъ, назвавшись Жегулевымъ, собралъ свою шайку и вплотную занялся грабежомъ, проявляя дикую и звѣрскую жестокость. Одновременно съ нимъ появился и другой, никому не вѣдомый самозванецъ, плетшійся въ хвостѣ обѣихъ шаекъ и всѣхъ сбивавшій со слѣда.

11. Елена Петровна.

Елену Петровну вызвалъ къ себѣ губернаторъ, назначивъ время вечеромъ въ непріемный часъ.

Задолго до назначенаго времени послали за извозчикомъ—по-

близости отъ Погодиныхъ и биржи не было—и наняли его туда и обратно. Линочка помогла матери одѣться и со всѣхъ сторонъ огля-
дѣла черное шелковое, на-дняхъ спитое платье, и обѣ остались до-
вольны: платье было просто и строго. Вынули драгоцѣнности; па от-
выкшихъ похудѣвшихъ пальцахъ закраснѣлись и засверкали камеш-
ки; густая бриллиантовая брошь, тяжелая отъ камня, долго съ не-
привычки чувствовалась выпершими старческими ключицами сквозь
тонкій шелкъ. На лѣвой сторонѣ груди Елена Петровна приколола,
какъ жетонъ, маленькие, давно не идущіе часики на короткой бантин-
комъ цѣпочкѣ и ужъ больше ничего не могла надѣть, такъ какъ все
остальное годилось только для декольте и пышной молодой приче-
ски. Надѣвава же, о каждой вещицѣ разсказала Линочкѣ давно извѣ-
стную исторію.

Готова Елена Петровна была за цѣлый часъ, но на извозчика
сѣла съ такимъ разсчетомъ, чтобы опоздать на десять минутъ; и эти
добровольныя, искусственныя десять минутъ показались обѣимъ самыми
долгими, губернаторъ же о нихъ даже и не догадался.

— А очки?—спохватилась Линочка уже въ передней и незамѣтно
смахнула съ глазъ слезу.—А очки-то и забыла, старушечка!

Очки дѣйствительно забыла Елена Петровна, только недавно
стала носить и еще не привыкла къ нимъ, постоянно теряла. Нако-
нецъ, нашлись и очки, и уже поспѣшно сѣли обѣ, поправляясь на
ходу: Линочка должна была ждать Елену Петровну на извозчикѣ
Смеркалось и было малолюдно; пока ѿхали по своей улицѣ и черезъ
пустынныій базаръ, сильно пылили колеса, а потомъ трескуче, по-
провинціальному, запрыгали по неровному камню мостовой. Мельк-
нуль справа пролетѣлъ на Банную гору и скрытую подъ горой рѣку,
потомъ долго ѿхали по Московской улицѣ, и на троттуарахъ было
оживленіе, шаркали ногами, мелькали бѣлые женскія платья и лѣтнія
фуражки: шли на музыку, въ городской садъ.

— Такъ смотри же, мамочка! — неопределенно попросила Лина,
помогая матери слѣзть.—Я тебя жду.

Въ пустомъ кабинетѣ губернатора, куда прямо провели Елену
Петровну, стояла уже ночь: были наглухо задернуты толстыя на
окнахъ портьеры, и сразу даже не догадаться было, гдѣ окна; на столѣ
горѣла единственная подъ мѣднымъ козырькомъ неяркая лампа. Глухо,
какъ за стѣной, прогремѣть извозчикъ, и тихо. Но внутри, за дверью,
шла жизнь: говорили многіе голоса, кто-то сдержанно смѣялся, тонко
звякали стаканы — повидимому, только что кончался поздній, по-сто-
личному, губернаторскій обѣдъ. Неторопясь, дрожащими руками Елена

Петровна открыла футляръ съ золотыми очками и осмотрѣла комнату, но ничего не увидѣла въ темнотѣ. Мебель и какія-то картины.

Внезапно распахнулась дверь, и быстрыми шагами вошелъ Телепневъ, губернаторъ. Елена Петровна медленно привстала, но онъ, пожимая тонкую руку, поспѣшно усадилъ ее.

— Прошу васъ, прошу васъ, Елена?..

— Елена Петровна.

Отъ Телепнева сильно пахло виномъ, толстая шея наль тугимъ воротникомъ кителя краснѣла, какъ обваренная кипяткомъ, и лицо съ сѣдыми подстриженными усами было вздуто и апоплексически красно. На несвѣжемъ, зеленовато-желтомъ кителѣ присталъ пепель отъ сигары, и вообще что-то несвѣжее, равнодушное къ себѣ было во всемъ его генеральскомъ обликѣ. Говорилъ онъ громко и очень быстро, округляя губы и недоговоренные слова замѣняя пожатіемъ плечъ подъ погонами или наивнымъ вздергиваніемъ бровей; легко съ виду становился свирѣпымъ, но не страшнымъ. Много каплюль и послѣ каждого припадка каплюль мучительно краснѣлъ и въ глазахъ появлялось выраженіе испуга и безпомощности.

— Вамъ угодно было пригласить меня...

— Да, да! Бога ради, простите, Елена Петровна, что... Но мое положеніе хуже губернаторскаго!

Онъ засмѣялся, но не встрѣтилъ отвѣта и подумалъ: „какая икона, не люблю съ такими разговаривать!“ И внезапно разсвирѣпѣвъ, двигая погонами и бровями, торопливо заговорилъ:

— Я шучу, Елена Петровна, но... Только изъ уваженія къ памяти вашего супруга, моего дорогого и славнаго товарища, я иду, такъ сказать, на нарушеніе моего служебнаго долга. Да-съ!

И строго добавилъ, поднимая брови и толстый палецъ:

— Онъ былъ святой человѣкъ! Мы всѣ, его однокашники, чтимъ его память, какъ... Скажу безъ преувеличенія: доживи онъ до сегодняшняго дня—да-съ!—и онъ былъ бы министромъ и, смѣю думать, дѣла шли бы иначе! Но!..

Онъ развелъ руками и вздохнулъ:

— Честнѣйшій человѣкъ и жаль, что... Вы мнѣ разрѣшите закурить, Елена Петровна?—только табакомъ и живу.

— Пожалуйста, вы у себя дома,—сухо отвѣтила Елена Петровна, а про себя подумала: „невѣжа“!

— Да-съ, нарушеніе долга, но что подѣлаешь? Ужасныя времена, ужасныя времена! Искренне страдаю, искренне боюсь, повѣрьте, на нести жестокій ударъ вашему материнскому сердцу... Но не прикажете ли воды, Елена Петровна?

Елена Петровна слабо отвѣтила:

— Благодарю васъ, не надо.

Телепневъ болѣзненно сморщился и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Искренне страдаю, но, Боже мой!.. Вамъ извѣстно, но нѣть, откуда же вамъ знать? Вамъ извѣстно, что этотъ... знаменитый — разбойникъ, о которомъ кричать газеты! — Сашка Жегуловъ! — при перечислениі онъ съ каждымъ словомъ свирѣпѣлъ и говорилъ все громче: Сашка Жегуловъ есть не кто иной, какъ сынъ вашъ, Александръ?

До этой минуты Елена Петровна только догадывалась, но не позволяла себѣ ни думать дальше, ни утверждать; до этой минуты она все еще оставалась Еленой Петровной, по-прежнему представляла міръ и по-прежнему, когда становилось слишкомъ ужъ тяжело и страшно, молилась Богу и просила его простить Сашу. До этой минуты ей казалось, и это было чуть ли не самое мучительное, что она умреть отъ стыда и горя, если ея страшная подозрѣнія подтвердятся и кто-нибудь громко скажетъ: твой сынъ Саша — разбойникъ. А съ этой минуты — весь міръ перевернулся, какъ дѣтскій мячъ, и все стало другое, и все понялось по-другому, и разумъ сталъ иной, и совѣсть сдѣлалась другая; и неслышно ушла изъ жизни Елена Петровна и осталась на мѣстѣ ея — вѣчная мать. Что это за сила, что въ одно мгновеніе можетъ сдвинуть міръ? — но онъ сдвинулся, и произошло это такъ неслышно, что не услыхали ничего ни Телепневъ, ни сама Елена Петровна. Просто: на мигъ что-то упало и потемнѣло въ глазахъ, а потомъ стало совершенно такъ же, какъ всегда, и была только тихая радость, что Сашенька живъ. И еще, вскользь, опредѣлилась и мелькнула мысль, что надо будетъ сегодня, когда вернется домой, помолиться сыну Сашенькѣ.

Губернаторъ, чтобы дать оправиться, нагнулся и съ притворнымъ гнѣвомъ фыркаль надъ какими-то бумагами, но все болынѣе становилось молчаніе.

— Вы молчите, Елена Петровна?

Она шевельнулась въ полумракѣ, хрустнувъ шелкомъ, мысленно пригладила волосы и съ достоинствомъ отвѣтила:

— Благодарю васъ, генераль, за любезность.

„Какая любезность?“ — съ недоумѣніемъ подумалъ Телепневъ, но все же обрадовался, что миновало и такъ благополучно. Но вѣдь еще не все! И снова бурно застрадалъ:

— Ужасныя времена, что дѣлается! Но, дорогая Елена Петровна, это еще не все, что я имѣю доложить, и только въ память дорогого Николая Евгеньевича... Вашъ Саша, насколько мнѣ извѣстно, хороший мальчикъ и...

— Да, Сашенька хороший мальчикъ. Я въасъ слушаю, генераль.

— Хороший мальчикъ!—повторилъ Телепневъ и въ ужасъ поднялъ обѣ руки: нѣтъ, подумать только, подумать только! Хороший мальчикъ и вдругъ разбой, гр-р-рабительство, неповинная кровь! Ну пойди тамъ съ бомбой или этимъ... браунингомъ, ну это дѣлается, и какъ ни мерзко, по!... Ничего не понимаю, ничего не понимаю, уважаемая, стою, какъ послѣдній дуракъ, и...

Уже не думая о посѣтительницаѣ, болѣя своей болью, онъ отбросилъ кресло и заходилъ по комнатѣ, кричалъ и жаловался, какъ съ женою въ спальнѣ, и было страшно за его красное вздутое лицо:

— Говорять: зачѣмъ вѣщаешь, зачѣмъ вѣщаешь? Эта дура барабанная, болонка африканская тоже: у тебя, Пьеръ, руки въ крови, а? Виноватъ... здѣсь интимное, но!... Да у меня, милостивые государи и всякие господа, голова посѣдѣла за восемь мѣсяцевъ, только и думаю, чтобы сдохнуть, одна надежда на кондрапку! Да у меня, милостивые государи, у самого дѣти...

Онъ остановился и кулакомъ гулко ударили себѣ въ грудь:

— Дѣти! А что будетъ съ ними завтра, я знаю? Нѣтъ: я знаю, что будетъ съ ними завтра?

Елена Петровна что-то вспомнила изъ далекаго прошлаго и неувѣренно спросила:

— Кажется Петя?—думая: „ровесникъ моему Сашенькѣ“.

Телепневъ свирѣпѣо отвѣтилъ:

— Да-съ, Петя! Именно Петя! Каждый день просыпаюсь и жду, что... Вчера приходитъ этотъ адвокатъ, плачетъ, старая каналъя — виповатъ!—похлопочите, Петръ Семеновичъ, у васъ связи, завтра моего, ну, какъ его... Сашу, Петю, вѣщаютъ! Вѣ-ѣ-шаютъ? Ну и пусть вѣшатъ. Пусть, пусть, пусть!

Что-то еще хотѣлъ крикнуть, но обиженно замолчалъ. Вынулъ одну папиросу—сломалъ, и бросилъ въ уголъ, вынулъ вторую и съ яростью затянулся, не разсчитавъ кашля: кашлялъ долго и страшно и, когда сѣлъ на свое кресло у стола, лицо его было сине и красные глаза смотрѣли съ испугомъ и тоской. Проговорилъ:

— Да-съ!

Помолчали.

— Такъ вотъ, Елена Петровна,—заговорилъ Телепневъ устало и тихо,—дѣло въ слѣдующемъ. Этотъ вашъ хороший мальчикъ... вѣдь онъ хороший мальчикъ!—навѣрное захочетъ повидать въасъ, да, да, конечно, какъ-нибудь воровски, ну тамъ черезъ заборъ или въ окно... Такъ вотъ, Елена Петровна, —онъ многозначительно понизилъ голосъ:—

за вашей квартирой установлено наблюдение, и его схватять. Уѣзжайте.

Елена Петровна тяжело дышала, хватаясь за грудь, гдѣ приколоты были часики. Покачивалась взадъ и впередъ, и тугой щелкъ поскрипывалъ.

— Елена Петровна!...

— Се... Сейчасъ.

Дыханіе стало не такъ шумно.

— Конечно, надо бы предупредить, но... Надѣюсь, впрочемъ, вы не имѣете сношеній съ преступникомъ, негодяемъ, иначе!...

— Сейчасъ.

— Уѣзжайте, Елена Петровна, совсѣмъ изъ города, совсѣмъ.

— Нѣтъ, я не уѣду.

— Что-съ? Впрочемъ, воля ваша. Не смѣю настаивать... но подумайте же, сударыня, подумайте! Или вы хотите?...

— Я перемѣню квартиру. Онъ не узнаетъ. Сашенька, придешь ты, а мать-то твоя убѣжала, убѣжала мать, мать-то.

Откровенно, по-старушечки, она подставила глазамъ губернатора свое искаленное слезами лицо и, смотря на него, какъ на Сашеньку, повторяла, покачивала головой:

— А мать-то убѣжала.. убѣжала.

Телепневъ оперся головой на руки, оставилъ на виту только морщинистый, бритый, дрожащій подбородокъ, и молчалъ. Глухо, какъ за стѣной, прогромыхалъ извозчикъ. Тишина стояла въ губернаторскомъ домѣ, было много ненужныхъ компаньй, и все молчали, какъ и эта.

Елена Петровна вытерла подъ очками глаза, потомъ сняла очки и положила въ футляръ, вздыхая. Опустила футляръ въ сумочку и встала. Всталъ и Телепневъ и приготовился къ поклону. Но къ удивленію его Елена Петровна посмотрѣла на него задумчиво и съ достоинствомъ, сухо и гордо, какъ генеральша, спросила:

— Я очень вамъ благодарна, Петръ Семеновичъ... но не отвѣтите ли вы мнѣ на мой женскій вопросъ: по какой вашей морали допустимо, чтобы подстерегали мальчика, идущаго на свиданіе къ матери?

Телепневъ угрюмо и нетерпѣливо повелъ погонами:

— Оставимъ это, Елена Петровна. Вашъ вопросъ, извините, дѣйствительно женскій.

— Да?—не спорю. Но по какой вашей мужской морали сынъ, идущій къ матери, долженъ быть схваченъ? Не должны ли вы вѣт склониться и закрыть глаза, пока онъ проходитъ? А потомъ ужъ и хватайте, тамъ, гдѣ-нибудь, гдѣ хотите, я этого не знаю.

— Онъ не сынъ, а... преступникъ, злодѣй! Убійца!

— Вы думаете? Но, когда онъ идетъ къ матери, онъ только сынъ. Сынъ не можетъ быть убійца, опомнитесь, генераль!

Телепневъ сердито притворился смѣющимся:

— Съ ѣтакой логикой, сударыня... Всѣ негодяи отъ кого-нибудь да родились же!

— Отъ отцовъ.

— Тогда чертъ — виноватъ! — возьми отцовъ. Но позвольте! — это чепуха, вы сами виноваты, разъ не даете дѣтямъ вашимъ воспитанія.

— Нѣть, это вы виноваты. Зачѣмъ заставляете насъ рожать? — чтобы потомъ ихъ вѣшать?

— Чепуха! — Бабья логика!

Они бралились, какъ старики, и никто бы не подумалъ, войдя со стороны, что онъ губернаторъ, а она просительница, мать разбойника Сашки Жегулева. Телепневъ, краснѣя, кричалъ:

— Честныхъ людей мы не вѣшаемъ, а разбойниковъ будемъ вѣшать всегда, самъ Богъ установилъ страшный судъ! Страшный судъ — подумайте-ка, это вамъ не наша скорострѣлка, да-сы!

Елена Петровна вдругъ совсѣмъ тихо, почти шопотомъ сказала:

— Это неправда: страшнаго суда нѣть.

Теперь ужъ не притворно, но еще сѣрдитѣе засмѣялся губернаторъ:

— Такъ-съ, теперь и страшный судъ не надо! Для Сашеньки съ Петенькой, можетъ быть, и Бога не надо? Нѣть-съ, вашъ Сашенька звѣрь и больше ничего! Вы читали, нѣть, вы читали, что этотъ самый Сашка Жегулевъ на-дняхъ помѣщика пытали, на огнѣ, подлецъ, жегъ подошвы, допытывался денегъ. Это какъ вы назовете?

Елена Петровна сѣла.

— А стрѣлочника съ дѣтьми кто зарѣзалъ? Я или вы? А... да что! Впрочемъ... вамъ не дать воды? Ну не надо воды... эхъ, Николай Евгеньичъ, Николай Евгеньичъ, хорошо, другъ, что не дожилъ ты до!. Хорошій мальчикъ... Нѣть, ничего не понимаю, хоть самого повѣсьте.

Елена Петровна встала и спокойно промолвила:

— Это не Саша сдѣлалъ.

— Не спорю!

— А если Саша, то значить такъ надо и это хорошо.

— Что-съ?

Шагнулъ даже впередъ и — вдругъ ему стало страшно. И даже не мыслями страшно, а почти физически, словно отъ опасности. Вдругъ услыхалъ мертвую тишину дома, ощутилъ холодной спиной темноту притаившихся угловъ; и мелькнула нелѣпая и отъ цѣлѣности своей еще болѣе страшная догадка: „сейчасъ она выстрѣлитъ!“ Но она

стояла спокойно, и прохалъ извозчикъ, и стало совѣстно за свой нелѣпый страхъ. Все-таки вздрогнулъ, когда Елена Петровна сказала:

— До свиданія. Будьте добры, генералъ, проводите меня, я не знаю дороги.

— Виновать! къ вашимъ услугамъ.

У первой ступеньки на каменную лѣстницу, краснѣвшую свѣй суконной дорожкой, онъ простился съ Еленой Петровной и на мгновеніе, пожимая холодную, прозрачную старую руку, задумался въ нерѣшимости: не поцѣловать ли? Но мысленно махнулъ рукой и въ отчаяніи подумалъ: „все равно! Эхъ, кондравка бы поскорѣе!“

Линочка издали увидѣла—ближе не позволила извозчику остановиться—какъ вышла изъ стеклянной двери мать, поддерживаемая почтительно швейцаромъ, и долго копалась въ сумочкѣ, чтобы дать на чай. И когда сѣла наконецъ мать и тронулся извозчикъ, Линочка взглянула на нее и, громко плача, спросила:

— Мамочка, ну что?

12. Пустые дни.

Въ іюлѣ для Сапки Жегулева и его лѣсныхъ братьевъ наступилъ неожиданный роздыхъ.

Отяжелѣлъ хлѣбный колось—и земля, горько проклинаемая за бесплодіе, ненавидимая за тѣсноту, вѣчно обманывающая земля властно потянула къ себѣ: и ушла въ трудъ, разсѣялась по полямъ трудолюбиво взволнованная рать Гнѣдыхъ, добровольныхъ Жегулева приспѣшниковъ. Прекратились поджоги и разгромы усадебъ; выползъ съ жатвенной машиной осмѣлѣвшій помѣщикъ, приказчикъ осипшившій отъ молчанія голосомъ закричалъ на бабъ—наступило перемиріе. Васька Соловей со своими злодѣями ушелъ въ дальній, сплошь лѣсной уѣздъ и тамъ промышлялъ около желѣзной дороги и почты, собираясь, по слухамъ, перекинуться на рѣку—по старому доброму разбойниччьему обычаяю. Изъ пребыванія своего у Жегулева онъ вынесъ опытъ, что безъ мужика долго не проживешь, а пожалуй, и страхъ передъ мужикомъ, и для доброго имени совершилъ нѣсколько нехитрыхъ фокусовъ: въ одномъ дружественномъ селѣ, на праздникъ, притворяясь пьянымъ, съ разными чувствительными словами, щеголяя, выбросилъ толстый бумажникъ на драку; и по примѣру ваткинскаго Андрона добылъ-таки волостного старшину и среди бѣла дня, подъ хохотъ мужиковъ, выдралъ его розгами. Это, дѣйствительно, дало ему доброе имя. А такъ какъ жилъ онъ разгульно и весело и

вся шайка купалась въ винѣ, тошли къ нему охотно, и вся го-
лытьба, неуживавшаяся съ Жегулевымъ, лицла къ нему, какъ мухи
на падаль. И такъ возросла его сила, что грозился онъ при встрѣчѣ
перерѣзать горло самому Жегулеву; презрительно называлъ его ба-
риномъ и кричалъ обѣ обманѣ и подлости.

Но на страдную пору притихъ и Соловей, а Жегулеву съ его
немногими коренными пришлось и совсѣмъ побездѣйствовать; и уже
оказалось порою, что прежнее кончилось и больше не вернется. Словно въ полузаѣтыи, теряли они счетъ пустымъ и скучнымъ днамъ,
похожимъ другъ на друга, какъ листья съ одного дерева: начались
къ тому же невыносимые даже въ лѣсу жары и грозы, и во всей
природѣ наступило то юльское бездѣйствіе и роздыхъ, когда перес-
таетъ видимо рости листъ, остановились побѣги и лѣсная рѣдкая,
никому ненужная трава словно тоскуетъ о далекой острой косѣ.
Что дѣлали? Прятались отъ проливныхъ съ грозою дождей и выко-
пали землянку; одно время повадились мирно ломать грибы, по тѣ
скоро въ жарѣ прошли; говорили о пустякахъ, мѣстныхъ мужицкихъ
дѣлахъ, слушали розсказні о Васѣкѣ Соловьевѣ. Но не говорили ни о
проплому, ни о будущемъ. Да и вообще стали молчаливы, незамѣтно
уподобляясь лѣсу, какъ-то научились ничего не дѣлать, какъ не дѣ-
лаетъ ничего ожидающій ъздока извозчикъ, или—заряженный брау-
нингъ.

Колесниковъ съ недѣлю помучился отъ остраго ревматизма ногъ,
и еще болѣе пожелтѣлъ и высохъ; былъ ровно мраченъ и минутами
задумывался почти до столбняка. Чуть ли не больнѣе, чѣмъ Сашу,
поразила его исторія съ Соловьевымъ, перепутала всѣ его разсчеты и
соображенія, загнала въ какой-то дикій, сумасшедшій тупикъ. То,
что издали въ широкомъ обхватѣ глаза, казалось понятнымъ и дости-
жимымъ, вблизи утеряло свой ясный смыслъ, размѣнялось на тысячу
маленькихъ дѣйствій, разговоровъ, смутныхъ настроеній, частичныхъ
выкладокъ и соображеній. Такъ съ берега смотрѣть пловецъ на бу-
шующее море и видѣть ясный порядокъ, въ которомъ движутся волны,
и соображаетъ, какъ плыть; но вотъ онъ въ водѣ—все измѣнилось,
на мѣстѣ порядка хаосъ, взамѣнъ закона—своеволіе.

Не то страшно въ Соловьевѣ, что онъ подлецъ, даже и не то,
что онъ не повѣрилъ въ ихнюю чистоту, а то—что дѣйствія его по-
хожи и называется онъ также Сашка Жегулевъ. Такъ же отдастъ
деньги бѣднымъ—такая идѣя о немъ молва—такъ же наказываетъ
угнетателей и мстить огнемъ, а есть онъ въ то же время истинный
разбойникъ, грабитель, дурной и скверный человѣкъ. Еще различаютъ
Сашекъ Жегулевыхъ мужики, но видимо съ каждымъ даемъ сти-

раются границы и теряется пониманіе: уже похваливаютъ иронически Соловья и съ меньшимъ уваженіемъ относятся къ Сашѣ, говорять: твой-то Соловей!... Зачѣмъ же тогда чистота, зачѣмъ безкорыстіе и эти ужасныя муки?—кто догадается о жертвѣ, когда потерялся бѣлый агнѣцъ въ скопищѣ хищныхъ звѣрей и убийпаго скота, погибаетъ подъ ножомъ безвѣстно!

— За что погубилъ я Сашу? — предатель я! — часто думаетъ Колесниковъ, но еще не рѣшается признать своихъ мыслей за послѣднюю истину, колеблется, надѣется, на лицахъ ищетъ отвѣта. Что же будетъ съ нимъ, когда признается? — обѣ этомъ и гадать страшно.

Задумывается и Андрей Ивановичъ. По-прежнему молчаливый, услужливый, скромный, словно совсѣмъ не имѣющій своихъ радостей, своего горя и воспоминаній, порою онъ такъ удивленно оглядывался красиво спокойными глазами, какъ будто искалъ что-то не найденное; и снова ничего не найдя, покорно отдавался ожиданію и темной волѣ другихъ. Изъ всѣхъ троихъ онъ одинъ сохранилъ чистоту одежды и тѣла: не говоря о Колесниковѣ, даже Саша погрязнѣлъ и, кажется, не замѣчалъ этого, а матросъ по-прежнему черезъ день брилъ подбородокъ и маленькой щеточкой шмыгала по платью; смѣшилъ пороху съ саломъ, чтобы чернѣло, и смазывалъ сапоги. И было у него одно тайное мученіе, нѣчто вызывавшее чувство пестерпимаго стыда и чуть ли не отчаянія: это маленькая незаживающая рана на лѣвой ногѣ, подъ колѣномъ, у кости. Задѣла какъ-то шальная пуля, и показалось, что завтра заживеть, а вмѣсто этого прикинулось, вѣѣлось въ кость, стало нехорошо пахнуть. Уходя въ лѣсь, онъ подолгу возился съ гніющей раной и по-своему врачевалъ ее: поливалъ керосиномъ, разъ прижегъ даже порохомъ, но не помогъ и порохъ. При другихъ онъ не купался, чтобы не увидѣли и на ходу, выдерживая боль, старался не хромать. Главное, въ чемъ стыдъ — пахло нехорошо.

Считалось ихъ въ эту затишную пору всего семеро: они трое, Федотъ, никуда не пожелавшій идти съ своимъ кашлемъ, Кузька Жучекъ, Еремѣй и новый — кривой на одинъ глазъ, неумный и скучный парень, бывшій заводскій, по кличкѣ Слѣпень. Еремѣй было ушель, потянувшись за всѣми, но дня черезъ три вернулся съ проклятіями и матерной руганью:

— Да стану я ее тревожить? — кричалъ онъ презрительно про свою полосу: да нехай она, какъ стояла, такъ и стоитъ до самаго Господняго суда. Колоса тронуть не позволю, нѣть моей воли, пусть самъ посмотритъ, на чемъ Еремѣй сидить! Нѣть моего родительского

благословенія, три дня пиль, и еще три дня пить буду!—если день-женокъ дадите, Александръ Иванычъ.

Но денегъ ему не дали, и онъ остался въ лѣсу лежать.

— Лежать буду!—заявилъ онъ угрюмо и легъ на спину, чтобы видѣть съ неба было, что онъ именно лежитъ и ничего не дѣлаетъ. И какъ надѣялся на счастье, какъ ни смеялись, какъ ни ругалъ его матросъ,—онъ замкнулся въ презрительное молчаніе и лежалъ истово, съ ненавистью, съ тоскою, съ бунтомъ. Мужицки вѣруя въ трудъ, онъ въ этомъ состояніи нарочитаго бездѣлья самому себѣ казался ужаснымъ, невѣроятнымъ, болѣе грѣшнымъ и бунтующимъ, чѣмъ если бы каждый день рѣзаль по человѣку или же гѣ по экономіи: рѣзать — все-таки трудъ. Этого не понималъ Колесниковъ и ругательски ругался:

— Иди землянку копать, черть!

Съ низу вверхъ пренебрежительно, даже безъ досады смотрѣлъ Времѣй и кратко отвѣчалъ:

— Не пойду.

— Да для народа же, чучело, самъ же подъ крышу лѣзешь, какъ дождь идетъ. Иди, того-этого.

— Амнѣ на твой народъ.

— Ну и не пущу подъ крышу!

— Брешешь, Василь, пустишь.

Даже не улыбается, а говорить себѣ просто и съ легкимъ сожалѣніемъ, нехотя бесѣдуетъ. Такъ и остался лежать, а въ дождь забирался подъ крышу и иронически ухмылялся — совсѣмъ рехнулся мужикъ.

Но точно и всѣ лежали —безконечно тянулось пустое и бездѣятельное время. Разъ не въ моготу стало и, подумавъ, отправились втроемъ въ гости, въ Каменку, къ одному знакомцу, вѣрному и хорошему человѣчку. Тамъ мирно пили чай съ баранками и бесѣдовали; къ вечеру передъ уходомъ, запла гроза и уже рѣшили было заночевать, но воспротивился Колесниковъ. Онъ вышелъ посмотретьъ, что дѣлается на улицѣ, и понравилось черное на западѣ небо, тревога тучъ, побѣлѣвшія въ жуткомъ ожиданіи ракиты. Днемъ подъ солнцемъ деревня съ своими прогнившими соломенными крышами казалась черною, а теперь точно выбѣлили ее, и вымели начисто, вылѣпили, какъ игрушку изъ сѣрой глины. Пройди человѣкъ, и онъ показался бы глинянымъ, но попряталось все живое.

— Идемъ, ребята, пречудесно! — сказалъ Колесниковъ, сгибаясь въ низенькой двери и внося съ собою крѣпкій запахъ свѣжаго передъ дождемъ воздуха.—Душа радуется.

И отъ словъ, и отъ радостнаго лица, а главное, отъ этого крѣп-

каго и вольнаго запаха, которымъ сразу зарядилось платье и борода Колесникова, — въ избѣ стало душно и скучно и показалось невозможнымъ не только почевать, а и часъ линній провести. Весело заторопились.

— Замочить! — уговаривалъ знакомецъ: а то и громомъ зашибеть, на большакъ бѣда, намедни три ракиты выжгло. Оставались бы, Александръ Иванычъ, да и ты, матросъ, пусть Василь одинъ идетъ!

Посмѣялись, но внезапное рѣшеніе сложилось такъ твердо, какъ это, кажется, только и бываетъ съ внезапными, да и еще причудливыми рѣшеніями; и уже черезъ пять минутъ шагали между плетнями, пьянѣя отъ тяжкаго и возбужденнаго запаха конопли; выбирались на большакъ.

— Ну и хорошо же! — повторялъ Колесниковъ и какъ-то особенно на ходу выгибалъ колѣна, чувствуя въ себѣ что-то лошадиное, способное къ безконечному ходу и рѣзвости.

— А вѣдь время-то совсѣмъ раннее! — весело подтвердилъ матросъ, пряча часы въ замшевый футляръ.

— Да ну? а сколько?

— Тридцать пять минутъ восьмого!

— Да ну! А я думалъ, что девять, но не меньше... Ночевать, нѣть ужъ, спасибо, того-этого. Хо-хо-хо!

Засмѣялись; и всѣ троє вспомнили почему-то кроткаго Петрушу, но безъ обычной боли, а съ тихимъ умиленіемъ и отпускающей жалостью. Вздохнули — и еще рѣзвѣ заработали ногами.

— Саша! хорошо?

— Хорошо, Вася.

Радовало все: и то, что не идуть по дѣлу и не уходить отъ погони, а какъ бы гуляютъ свободно; и то, что нѣть постороннихъ, одни въ дружбѣ и довѣріи и не чувствуютъ платья, какъ голые. Послѣ кривыхъ и узкихъ переулковъ, затемненныхъ огорожей и деревьями, большакъ удивилъ шириной и свѣтомъ, и щедрыми представились тѣ люди, что могли такъ много мѣста отвести подъ дорогу. Но и тутъ, какъ на деревнѣ, все казалось выбѣленнымъ, вылѣченнымъ изъ сѣрой глины и навѣки въ ожиданіи застывшимъ. Застыла какъ будто и грозовая туча, въ безвѣтріи еле подвигаясь на своихъ невидимыхъ крылахъ: забезпокоился Колесниковъ:

— Да еще будетъ ли? Не прошло бы такъ!

— Будетъ! — уверенно отвѣтилъ Саша, сѣрый, какъ все кругомъ. — Ну и безлюдье же!

— Стой! — подметка оборвалась, — крикнулъ Колесниковъ сердито и зашагалъ на одной ногѣ, стараясь оторвать закруглившуюся, тон-

кую, отставшуюся кожу. Хохотали, на него глядя, и Андрей Иванычъ сказалъ:

— Да вы сядьте, Василь Васильчъ... ну и чудакъ!

— А вы лучше ножикъ дайте, чѣмъ... Эхъ!

Колесниковъ сѣлъ и, ругательски ругая сапоги, тѣ самые, что были гордостью когда-то, отрѣзаль выюційся кончикъ, и почувствовалъ удовольствіе, какъ настоящій операторъ: ловко!

Саша серьезно сказалъ:

— Надо новые, Василій: въ случаѣ бѣды бѣжать въ этихъ...

— Хороши и эти, я ихъ поправилъ. Ходу!

Быстро угасаль свѣтъ, какъ подъ чьею-то рукою; и уже въ полной темнотѣ, чернильномъ мракѣ, разразилась запоздавшая медленная гроза и хлынулъ потоками проливной теплый дождь: пречудесно! Мгновенно налились водою колдобины и колеи, подъ ногами размокло, поползло, заплелало, до нитки промокло платье, и щекотали лицо и губы крѣпкія струи—трубою гудѣль дождь, теплѣйшій ли-veny. Зѣвали молніи, нагоняя одна другую, вѣтвясь дрожаще и тонко, ломаясь колѣнами—вверхъ и внизъ, поспѣшная, катался громъ, грохоталъ по лѣстницѣ, всю черную высь заполнилъ ревомъ. Если бы не молніи—не только не найти дороги, а и другъ друга потеряли бы въ плещущейся темнотѣ, изначальномъ хаосѣ. Колесниковъ не то пѣль, не то такъ, ревѣль отъ восторга, но при свѣтѣ былъ виденъ только открытый ротъ, а въ темнотѣ только голосъ слышень: раздѣлился надвое.

Въ промежуткахъ темноты весело пререкликались; долго стояли передъ мостикомъ, никакъ не могли понять при короткихъ ослѣ-пляющихъ вспышкахъ: вода ли это идетъ поверху, или блестять и маячить лужи. Въ темнотѣ, пугая и веселя, ревѣла вода; попробовалъ сунуться Колесниковъ, но сразу влѣзъ по колѣна—хоть назадъ возвращайся!

— Пройдемъ, ничего! — возбужденно говорилъ матросъ. — Пе-рильца-то держатся!

— Снесеть, того-этого, за ноги тащить!

— Идемъ!

Прокочили: шатались подъ ногами мостовины и вода тащила коварно, сбивая подъ ножку, и упалъ-таки Колесниковъ, посколькувшись, но, по счастью, при выходѣ—только искупался.

Еще чудесный часъ шли они подъ грозою, а потомъ въ типиаѣ и покоѣ прошли густо пахнущій лѣсь, еще подышали сонной коноплею на задворкахъ невидимой деревни и къ двумъ часамъ ночи были въ становищѣ, въ своей теплой и почти сухой землянкѣ.

— Какое блаженство: культура: — гудъль Колесниковъ, уклады-
ваясь спать.—Тебѣ нравится, Сашукъ?

— Я еще прошелся бы.

— Можно простудиться. Но какой чудный вечеръ!

И когда Саша уже засыпалъ, вдругъ запѣль несноснымъ фаль-
цетомъ, подражая знаменитому тенору:

— Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный, привѣтъ тебѣ, пріютъ...

Было такъ глупо, что оба захочотали.

— Буде, того-этого. Спать!

13. Ярость.

— Что?—наработали?—злорадствовалъ, лежа, Еремѣй, съ пріятно-
стью встрѣчая возвращающихся, словно побитыхъ, мужиковъ:—ложись-
ка, братъ, да полежи, мнѣ земли не жалко!

Обманула земля. Еще уборка не отошла, а ужъ повалилъ къ
Жегулеву народъ, взамѣнъ надеждъ неся ярость и точно огнѣп-
шай, ко всему равный и беспощадный гнѣвъ. Кончились дни зати-
шья и ненужности. Многіе изъ пришедшихъ точно стыдились, что
ихъ удалось обмануть, избѣгали взгляда и степенничали, смягчая
неудачу; но были и такие, что яростно богохульствовали, орали, какъ
на сходкѣ, въ чемъ-то попрекая другъ друга:

— Я у тебя хлѣба прошу, а ты мнѣ что даешь? Ты мнѣ что
даешь, я тебя спрашиваю!

— Только и остается, что...

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣтъ: я у тебя чего прошу?...

Колыхнулось первое послѣ затишья зарево и вновь закружились
огонь, страшный и послушный богъ бездольного человѣчества. И
если раньше что-то разбиралось, одного жгли, а другого нѣтъ, дер-
жали какой-то свой порядокъ, намекающій на справедливость, то
теперь въ ярости обманутыхъ надеждъ палили все безъ разбора, безъ
вины и невинности; подняться къ небу и взглянуть—словно сотни и
тысячи костровъ огромныхъ раскинулись по темному лону русской
земли. И если раньше казалось Жегулеву, что онъ чѣмъ-то управ-
ляетъ, то теперь, подхваченный волной, онъ стремительно и слѣпо
несся въ огненную темноту—то ли на берегъ, то ли въ цучину.

Вначалѣ даже радостно было: запущѣль въ становище народъ,
явилось дѣло и забота, время побѣжало бездумно и быстро, но уже
вскорѣ закружила по-пьяному голова, стало дико, почти безумно.
Жгли, убивали—кого, за что? Опять кого-то жгли и убивали; и уже

отказывалась память принимать новые образы убитыхъ, насытилась, жила старыми.

Разбивали винные лавки, и мужики опивались до-смерти; и въ пили, и появилась въ стану водка, и всегда кто-нибудь валялся пьяный и безобразный; только характеромъ да отвращенiemъ къ памяти пьяного отца удержался Саша отъ соблазнительного хмеля, по-рою болѣе необходимаго, чѣмъ дыханіе. Удержался и Колесниковъ, но Андрей Иванычъ былъ два раза пьянъ, въ хмелю оказался несносныи задирой и подрался и нѣсколько дней, умирая отъ стыда, ходилъ съ синяками и опухостями на чисто-выбритомъ лицѣ. Послѣ этого, впрочемъ, онъ больше не пилъ. Опился и сгорѣлъ на пожарѣ Иванъ Глѣдыхъ, шутникъ, то ли мертвый уже, то ли крѣпко до самой смерти уснувшій.

Что-то дикое произошло при встрѣчѣ съ Васькой Соловьевымъ. Въ яростномъ и безумномъ, что теперь творилось, Соловьевъ плавалъ, какъ рыба въ водѣ, и шайка его росла не по днямъ, а по часамъ. Ушли къ нему отъ Жегулева многіе аграрники, недовольные мягкостью и тѣмъ, что ничего Жегулевъ не обѣщалъ; набѣжали изъ города какіе-то темные революціонеры, появились женщины. Разъ при нападеніи на поѣздъ, вообще кончившемся неудачею, Васька удалось щегольнуть бомбами—доставилъ кто-то изъ городскихъ; и многіе плѣнились его удалью. Точно колеблясь, онъ именовалъ себя то Жегулевымъ, то по настоящему съ нѣкоторой робостью заявлялъ, что онъ Васька Соловьевъ, и вновь прятался за чужое, все еще завидное имя. Вообще же чувствовалъ себя великодѣльно, жиль какъ въ завоеванной землѣ и въ пьяномъ видѣ требовалъ отъ мужиковъ, чтобы приводили дѣвокъ. Непослушныхъ таскаль за бороды—осмѣлѣль. Черезъ Митрофана—„Не пори горячку“ завелъ сношенія съ поліціей, говоря великодушно: всѣмъ хватить! И сознавалъ себя благодѣтелемъ, о чёмъ, пьяный, заявлялъ со слезами.

Встрѣтились обѣ шайки случайно, при разгромѣ одной и той же винной лавки, и вмѣсто того, чтобы вступить въ пререканія и борьбу, побратались за бутылкой. А обоихъ атамановъ, стоявшихъ на чеку съ небрежно опущенными маузерами, пьяные мужики, сужа въ руки бутылки съ отбитыми горлышками, толкали другъ къ другу и убѣждали помириться. И Васька, также пьяный, вдругъ прослезился и отдалъ маузеръ Митрофану, говоря слезливо:

— Господи, да развѣ я что! Я понимаю. Александръ Иванычъ, такъ Александръ Иванычъ!

Онъ былъ уже не въ черной, а въ синей поддевкѣ съ серебряными дыгanskими круглыми пуговицами, и уже вытирая ротъ для

поцѣлуя, когда вдругъ вскипѣвшій Колесниковъ кинулся впередъ и ударомъ кулака сбилъ его съ ногъ. На земль Васька сразу позабылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, и показалось ему, что за нимъ гонятся казаки—пьяно плача и крича отъ страха, на четверенькахъ поползъ въ толпу. И мужики смѣялись, поддавая жару, и уступками толкали его въ задъ—тѣмъ и кончилось столкновеніе.

— Успокойся, Саша! Тебѣ говорю, успокойся!—глухо говорилъ Колесниковъ, своей широкой ладонью закрывая дуло маузера и самъ весь дрожа отъ гнѣва.—Я... я его ударилъ, съ него довольно, успокойся, Саша!

— Онъ безъ оружія. Но если онъ еще...

— Нѣть, нѣть, успокойся, его убрали.

Странно во всѣхъ дѣлахъ велъ себя Еремѣй: созерцателемъ. Всюду таскался за шайкой, ничему не мѣшалъ, но и не содѣйствовалъ; и даже напивался какъ-то снисходительно. Но въ одномъ онъ всѣхъ опережалъ: смотрѣлъ, позѣывалъ—и, не ожидая приказу, рискуя поджечь своихъ, тащилъ коробокъ со спичками и запаливалъ; и запаливалъ дѣловито, съ умомъ и разсчетомъ, раньше принюювшись къ вѣтру. Если бытъ по близости народъ, то и пошучивалъ.

И захваченные волной, ослѣпшіе въ дыму пожаровъ, не замѣчали они, ни Саша, ни Колесниковъ, того, что уже видѣлось ясно, отовсюду выпирало своими острыми краями, въ себѣ самой истощалась явно народная ярость, лишенная надежды и смысла, до тла, вмѣстѣ съ пожарами, выгорала душа, и мертвый пепель, сѣрий и холодный, мертво глядѣлъ изъ глазъ, надѣя которыми еще круглились яростные брови. И не видѣли они того, что уже другихъ путей ищетъ народная совѣсть, для которой всѣ эти ужасы были только мгновеніемъ,—ищетъ другихъ путей и готовить проклятіе на голову тѣхъ, кто сдѣлалъ свое страшное дѣло.

Жертва уже принесена. А принята ли?—тому судьей будеть самъ народъ.

14. Въ лѣсу.

Кто-то выдалъ Сашку Жегулева.

Вечеромъ онъ, Колесниковъ и матросъ были опять въ гостяхъ въ Каменкѣ, у своего знакомца, а на обратномъ пути попали подъ выстрѣлы стражниковъ, притаившихся въ засадѣ. Спасла ихъ только темнота да лѣсъ. Но Колесниковъ былъ смертельно раненъ: пуля прошла подъ правой лопаткой и остановилась по другую сторону,

подъ ребрами. Саша и матросъ рѣшили лучше самимъ погибнуть, но Василія не оставлять, и въ темнотѣ подъ слѣпыми пулями поволокли его, часто останавливаясь въ изнеможеніи. Тяжелъ былъ Колесниковъ, какъ мертвый, и Саша, державшій его подъ мышки и чувствовавшій на лѣвой руцѣ свинцовую, бѣзвольно болтающуюся голову, пересталъ понимать, живого они несутъ или мертваго. Сомнѣвался и Андрей Иванычъ, но говорить некогда было.

Въ верстѣ отъ дороги совсѣмъ остановились, и Андрей Иванычъ сказалъ:

— Не могу больше! Положимъ.

Положили на землю тяжелое тѣло и замолчали, прислушиваясь назадъ, но ничего не могли понять сквозь свое шумное дыханіе. Наконецъ услыхали тишину и ощутили всѣмъ тѣломъ, не только глазами, глухую, подвальную темноту лѣса, въ которой даже своей руки не видно было. Съ вечера ходили по небу дождевыя тучи, и ни единая звѣздочка не указывала выси: все одинаково черно и ровно.

— Какъ бы дождь не пошелъ, — сказалъ Саша, прислушиваясь.

— Лучше будетъ, слѣды закроетъ. Мнѣ все лицо вѣтками исцарапало, чуть глазъ не выкололъ. Бѣда, Александръ Иванычъ!

— Бѣда. Какъ же мы теперь? Какъ вы думаете: онъ опасно?

Саша хотѣлъ сказать другое, но слишкомъ страшно и больно было выговорить. И думая то же, что и Саша, матросъ сказалъ:

— Надо посмотреть.

— Молчитъ.

— Это ничего. Эхъ!

— Что вы?

— Фоларикъ потерялъ, должно вѣткой съ пояса сорвало. Такая темень! Попробую со спичкой... Василь Василичъ!

— Молчитъ. Вася!

— И не стонетъ!—вдругъ испугался матросъ.—Ужъ не померъ ли, Господи помилуй!

Наконецъ, отлегло отъ сердца: Колесниковъ дышалъ, былъ безъ памяти, но живъ; и крови выпшло мало, а теперь и совсѣмъ не шла. И когда переворачивали его, застонали и что-то какъ будто промолвили, но словъ не разобрали. Опять замолчалъ. И тутъ послѣ короткой радости наступило отчаяніе: куда идти въ этой темнотѣ?

— Ничего не понимаю! — говорить Саша, безнадежно ворочая головой:—я теперь и назадъ дороги не найду. Откуда мы пришли?

— Бѣда! До дому намъ далеко, надо къ лѣснику: до него версты четыре, а то и меныше.

— Къ лѣснику! А какъ его найти? — ничего не вижу, ничего не понимаю.

Оба замолчали въ отчаяніи и, не видя другъ друга, безнадежно ворочали головами. Матрость сказалъ:

— А вы такъ попробуйте, Александръ Иванычъ: ляжьте на земль и молчите, ничего про дорогу не думайте, она себя покажетъ.

Попробовалъ Саша и такъ, и какъ будто нашелъ: въ смутныхъ образахъ движенія явилось желаніе идти — и это желаніе и есть сама дорога. Нужно только не терять желанія, держаться за него крѣпко.

Пошли. Набравъ въ легкія воздуху, подняли молчащее тяжелое тѣло и двинулись въ томъ же порядкѣ: Андрей Иванычъ, менѣе сильный, несъ ноги и продирался сквозь чащу, Саша несъ, задыхаясь, тяжелое, выскользающее туловище; и опять трепалась по лѣвой рукѣ безвольная и безпамятная, словно мертвая голова. Уже черезъ сотню саженей рѣшили, что заблудились, и круто повернули вправо, потомъ влѣво; а потомъ перестали соображать и доискиваться и кружились безъ мыслей. Зашуршалъ по листьямъ рѣдкій теплый дождь и вмѣстѣ съ нимъ исчезла всякая надежда найти лѣсную сторожку: въ молчаливомъ лѣсу они шли одни, и было въ этомъ что-то похожее на дорогу и движение, а теперь въ шорохѣ листьевъ двинулся весь лѣсъ, наполнился звукомъ шаговъ, суетою. И казалось, что, уставая съ каждымъ новымъ шагомъ до изнеможенія, они не подвигаются съ мѣста. Мутилось въ головѣ. Нѣсколько разъ осматривали Колесникова, не умеръ ли, и кромѣ страха и жалости былъ въ этомъ разсчетѣ: если умеръ, то можно не нести.

Сильнѣе накрапывалъ дождь. Все ждали, когда почувствуется подъ ногами дорога, но дорога словно пропала или находилась гдѣ-нибудь далеко, въ сторонѣ. Вмѣсто дороги попали въ неглубокій лѣсной оврагъ и тутъ совсѣмъ лишились силъ, замучились до полусмерти — но все-таки выбрались. Отъ дождя и отъ боли, когда встаскивали наверхъ, Колесниковъ пришелъ въ себя и застоналъ. Забормоталъ что-то.

— Вася, ты что?

— Са... са... Я са...

Насилу разобрали, что онъ самъ хочетъ идти, и Андрей Иванычъ, чувствовавшій неподвижность и полное безсиліе его ногъ, заплакалъ тихонько, пользуясь скрывающей темнотою. А Колесниковъ, оживая отъ дождя и боли, сталъ выворачиваться и мѣшать; и съ тоскою сказалъ Саша:

— Вася, милый, лежи тихо, очень трудно, когда шевелишься.

Покорно обвишь, но сознаніе видимо, просвѣтлялось. Глухо сказалъ:

- Брось.
- Знаешь, что не брошу и лежи. Сейчасъ дойдемъ.
- Шапку.

Плакать или смѣяться? Должно быть и Колесниковъ сквозь туманъ сознанія и боль почувствовалъ смѣшное; и чтобы увеличить его, пробормоталъ нѣчто, имѣвшее, какъ ему казалось, ужасно смѣшной смыслъ:

- Того...-этого.

И былъ увѣренъ, что они смѣются, а они не поняли: отъ усталости сознавали чуть ли не меныше, чѣмъ онъ самъ. У Андрея Иваныча къ тому же разболѣлась гніющая ранка на ногѣ, про которую сперва и позабылъ—невыносимо становилось, лучше лечь и умереть. И не повѣрили даже, когда чуть не лбомъ стукнулись въ сарайчикъ—какимъ-то чудомъ миновали дорогу и сѣди, черезъ отростокъ оврага, подопали къ сторожкѣ.

И только тутъ, въ сторожкѣ, когда обмытый и кое-какъ перевязанный Колесниковъ уже лежалъ на лавкѣ и не то дремалъ, не то снова впалъ въ забытье—понялъ Жегулевъ ужасное значеніе прошедшаго. Возстановилось нарушенное равновѣсіе событій и то, что въ первыя полубезумныя минуты казалось пустяками: то, что ихъ несомнѣнно предали, то, что завтра же утромъ ихъ могутъ застигнуть въ сторожкѣ, то, паконецъ, что Колесниковъ умираетъ и умретъ—встало передъ сознаніемъ, окружило и сознаніе и жизнь кольцомъ безысходности. Былъ тутъ одинъ такой моментъ, когда Жегулевъ просто почувствовалъ себя мертвымъ, не живущимъ, какъ повышенный въ тотъ короткій мигъ, когда табуретка уже выдернута изъ-подъ ногъ, а петля еще не стянула шеи—настолько очевидно было видѣніе замкнутаго круга. Жизнь, потерявъ надежду и смыслъ, отказывалась чувствовать себя жизнью.

„Этого не можетъ быть, чтобы онъ умеръ. Хотя я всегда ожидалъ и зналъ, что это будетъ, но этого не можетъ быть, чтобы онъ умеръ. Если онъ умретъ, это это будетъ значить, что онъ и раньше не жилъ, и не жилъ и не живу я, и вообще ничего не существуетъ, кроме очень длиннаго, непопятнаго, зачѣмъ оно, и легкаго, какъ паутина, спа. А если это сонъ, то ничего не страшно и, слѣдовательно, онъ не умретъ“—опомниаясь, подумалъ Саша: чтобы снова стать собою, жизнь утверждала чудо, какъ естественное, признавала безсмыслицу, какъ истину, логически законченную. И вмѣстѣ съ жизнью вернулись къ юношѣ ея волшенія, ея живыя заботы и страхъ, и томленіе

надежды, и безутешная скорбь. Боясь, что может услыхать Колесниковъ, Саша вызвалъ матроса въ съны и шепотомъ спросилъ:

— Андрей Иванычъ,—кто насъ выдалъ?

Въ шумъ разошедшагося дождя не разслыхалъ отвѣта и переспросилъ:

— Я говорю: насъ выдали?

— Такъ точно, полагаю, что выдали.

— Кто?

Не увидѣлъ, но догадался, что матросъ пожимаетъ плечами. Молча думали оба и, не найдя лица, молча вернулись въ избу. Хозяинъ, одинъ изъ Гнѣдыхъ, равнодушный ко всему въ мірѣ, одинокій человѣкъ раздумчиво почесывался со сна и вопросительно смотрѣлъ на Жегулева. Тотъ спросилъ:

— Ты что?

— Уйтить бы мнѣ. Стражники не пришли бы.

— Боишься?

— Выходитъ, что боюсь. Уйтить бы мнѣ, а?

Жегулевъ и матросъ переглянулись: „выдастъ!“, но какъ-то все равно стало, пусть уходитъ. Можетъ быть и не выдастъ.

— Ступай, только хлѣба да воды оставь.

Ушелъ, равнодушный къ темнотѣ и дождю, къ тому, кто умираетъ на его лавкѣ, пожалуй, и къ себѣ самому: скажи ему остаться, остался бы безъ спора и такъ же вяло укладывался бы спать на полу, какъ теперь покрывался отъ дождя рогожей. Нѣть, этотъ не выдастъ. Но когда остались вдвоемъ и попробовали заснуть—Саша на лавкѣ, матросъ на полу—стало совсѣмъ плохо: шумѣлъ въ дождѣ лѣсь и въ жуткой жизни своей казался подстерегающимъ, полнымъ подкрадывающихся людей; похрипывалъ горломъ на лавкѣ Колесниковъ, можетъ быть умиралъ уже—и совсѣмъ близко вспомнились выстрѣлы изъ темноты, съ яркостью галлюцинаціи прозвучали въ ушахъ. Матросъ поднялъ голову.

— Что вы, Андрей Иванычъ?—шепотомъ, пугаясь, спросилъ Саша.

— Стрѣляютъ гдѣ-то.

Долго слушали оба: нѣть, показалось.

— Вотъ что, Андрей Иванычъ: вы спите, а я пойду караулить.

— Лучше я!

Оба встали: уже нельзя было безъ страха вспомнить, какъ это они чуть не заснули, не выставивъ караула. Отъ страха начинало биться сердце. Матросъ торопливо снаряжался и, уже у двери, шепнулъ:

— Огонь загасите!

Отъ самой постели начиналась темнота, отъ самой постели начинался страхъ и непонятное. Андрею Иванычу лучше наружи, онъ хоть что-нибудь да видить, а они какъ въ клѣткѣ и вдвоемъ—вдвоемъ. Подъ угломъ сходятся обѣ лавки, на которыхъ лежать, и становится невыносимо такъ близко чувствовать безпамятную голову и слышать короткое, частое, горячее и хриплое дыханіе. Страшенье безпамятный человѣкъ—что онъ думаетъ, что видитъ онъ въ своей отрѣщенности отъ яви?

Темно и мокро шумить лѣсъ, шепчется, шушукается, постукиваетъ дробно по стеклу и по крышѣ. Почему-то представляются длинные, утопленнические волосы, съ которыхъ стекаетъ вода, невѣдомыя страшныя лица шевелятъ толстыми губами... ужъ не бредить ли и онъ? Липы въ саду шумѣли иначе: онѣ гудѣли ровно и могуче, и съдой Авраамъ встрѣчалъ подъ дубомъ Господа, въ зеленомъ тѣнистомъ шатрѣ привѣтствовалъ Его. Праздничное солнце озаряло пустынью, и въ бѣлыхъ ангельскихъ одеждахъ свѣтло улыбался Господь: и Ему пріятно было, что тѣнь, что холодна ключевая вода...

— Пить,—просить Колесниковъ.

Напился, роняя капли съ почернѣвшихъ, сухихъ губъ, и снова хрипить, тускло бормочеть: сколько ни слушать, словъ не разберешь. Это они двое въ темнотѣ: тѣ, что ходили весною стрѣлять изъ браунинга, а потомъ по шоссе, тѣ, что спокойно сидѣли въ спокойной компаѣ и разговаривали. Кто этотъ, называемый Колесниковъ, Василій Васильевичъ, Вася? Гдѣ его близкіе и кто они?—кого извѣстить о его кончинѣ?—кому пожаловаться о его смерти: такому, чтобы понялъ и почувствовалъ горе? Не можетъ быть, чтобы такъ кончилось все: закопаютъ его въ лѣсу, и уйти навсегда изъ этого мѣста, и больше никогда и нигдѣ не будетъ никакого Колесникова, ни его словъ, ни его голоса, ни его любви.

Темнота кажется необычной: положительно нельзя повѣрить, что и прежде, дома, Саша видѣлъ такой же мракъ, могъ видѣть его въ любую ночь, стоило только погасить свѣчу—этотъ теперешній угольный мракъ, душный и смертельно тяжкій въ своей непроницаемости, есть смерть. Боже мой!—что такое жизнь? Почему онъ, Саша, вмѣсто того, чтобы лежать въ своей комнатѣ на своей постели, находится здѣсь въ какой-то сторожкѣ, слушаетъ хрипъ незнакомаго, умирающаго человѣка, ждетъ другихъ людей, которые придутъ сейчасъ и убьютъ его? Если онъ въ своей комнатѣ, то справа—протянуть руку—будетъ столикъ, спички и свѣча...

Чустро. Нѣтъ ни столика, ничего—пусто. Саша садится и, не въ

силахъ совладать со страхомъ, жжетъ одну за другою спички и старается смотрѣть въ самый огонь, боится увидѣть, что по сторонамъ. Протворяется дверь, и матросъ шепчетъ торопливо:

— Выйдите-ка, Александръ Иванычъ!

Дождь сильнѣе: такъ же шуршитъ и шепчетъ листва, по уже гудяты низкія, туго натянутыя басовыя струны, а въ деревянныя ступени крыльца льеть и плещетъ тяжело. Мгновеніями въ лѣсу словно свѣтлѣеть... или обманываетъ напряженный глазъ.

— Вслушайтесь-ка!— шепчетъ матросъ.

Какъ будто идутъ... или обманываетъ слухъ? Погодинъ говорить рѣшительно:

— Никого. Идите, Андрей Иванычъ, въ избу, я подежурю.

— Измучился я тутъ,—незнакомымъ, робкимъ и довѣрчивымъ голосомъ отвѣчаетъ матросъ:—все чудится что-то. Должно, гроза идетъ, погромыхиваетъ будто.

— Скоро разсвѣтъ?

— Ой, нѣтъ: часа еще три ждать. Такъ я пойду... въ слукаѣ, стукните въ дверь, я спать не буду. Какъ Василь Василичъ?

— Все такъ же. Плохо!

Тутъ дѣйствительно лучше: понятнѣе и проще все, пріятень влажный воздухъ, пахнущій грозовымъ запахомъ и лѣснымъ гнильемъ. И все чаще безмолвныя голубыя вспышки, за которыми долго спустя весь шумъ лѣса покрывается ровнымъ, объединяющимъ гуломъ: либо вдалекѣ проходитъ сильная гроза, либо подвигается сюда. Погодинъ закуриваетъ папиросу и глубоко задумывается о тѣхъ, кто его предалъ.

Все ближе надвигается гроза.

15. Бредъ Колесникова.

Къ утру Колесникову стало лучше. Онъ пришелъ въ себя и даже попросиль-было ъсть, но не могъ; все-таки выпилъ кружку теплого чая. Отъ сильнаго жара лошадиные глаза его блестѣли, и лицо, покраснѣвъ, потеряло страшныя землистыя тѣни.

Открыли нижнія половинки обоихъ оконъ: послѣ отшумѣвшей на разсвѣтѣ грозы воздухъ былъ чистъ и пахучъ, свѣтило солнце. И хотя именно теперь и могли напасть стражники—при солнечномъ свѣтѣ не вѣрилось ни въ нападеніе, ни въ смерть. Повеселѣли даже.

Отъ жара у Колесникова путались мысли, и онъ не все пони-

малъ, всѣми интересами отошелъ куда-то въ сторону и пріятно грезилъ. Онъ даже не спросилъ, гдѣ они находятся, и видимо не догадывался о засадѣ, какъ-то иначе, по-своему, представлялъ вчерашнее. Насколько можно было догадаться, ему казалось, что вчера произошло нападеніе на какую-то экономію, пожаръ, потомъ удачная и счастливая перестрѣлка со стражниками; теперь же онъ считалъ себя находящимся дома, въ городской комнатѣ и почему-то полагалъ, что около него очень много народа. Такъ какъ говорилъ онъ при этомъ связно, глядѣлъ сознательно, то очень трудно было понять эти странныя перемѣщенія въ мозгу и освоиться съ ними. Нѣсколько разъ, начиная раздражаться, онъ спрашивалъ о какомъ-то сапожникѣ—на силу уразумѣлъ Саша, что рѣчь идетъ о бывшемъ его хозяинѣ. Вдругъ спросилъ:

— А Петруша не раненъ?

Наклонившійся къ нему Андрей Иванычъ—говорилъ онъ тихо и слабо, запинаясь—едва сумѣлъ не отпаднуть и отвѣтилъ:

— Нѣть, Василь Василичъ, не раненъ.

Что-то очень долго соображалъ Колесниковъ, раздумчиво глядя прямо въ близкіе глаза матроса, и сказалъ:

— Надо ему балалайку подарить.

— Я... свою подарю.

— Ну?—обрадовался Колесниковъ и съ тихой насмѣшкой улыбнулся одними глазами: интеллигентъ!

Къ этой балалайкѣ и все къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, забывая, онъ возвращался цѣлое утро и все повторялъ понравившееся: интеллигентъ; потомъ сразу забылъ и балалайку и Петрушу и началъ хмуриться, въ какомъ-то беспокойствѣ угрюмо косился на Погодина и избѣгалъ его взгляда. Наконецъ, подозвалъ его къ себѣ и заставилъ наклониться:

— Тебѣ больно, Вася?

— Да. Прогони тѣхъ, — указалъ на тѣхъ многочисленныхъ, которые двигались, шумѣли, говорили громко до головной боли; создавали праздникъ, но очень утомительный и минутами страшный. — Прогони!

— Я ихъ прогналъ. Тебѣ дать воды?

— Нѣть. Наклонись. Отдай мои сапоги Андрею Иванычу.

— Хорошо.

Видимо, онъ помнилъ прежніе сапоги, какими гордился, а не теперешнюю рвань.

— Наклонись. Саша! Иди къ матери, къ Еленѣ Петровнѣ. Какъ ее зовутъ?

— Елена Петровна. Хорошо, я пойду.

— Пойди. Непремѣнно.

— Да.

Колесниковъ улыбнулся. Снова появились на лицѣ землистыя тѣни, кто-то тяжелый сидѣлъ на груди и душилъ за горло—съ трудомъ прорывалось хриплое дыханіе и толчками, неровно дергалась грудь. Въ черномъ озареніи ужаса подходила смерть. Колесниковъ заметался и застоналъ, и склонившійся Саша увидѣлъ въ широко открытыхъ глазахъ мольбу о помощи и страхъ, наивныи, почти дѣтскій.

— Вася!

Но умирающій уже забылъ о немъ и молча метался. Думали, что началась агонія, но къ удивленію Колесникова заснулъ и проснулся, хрипло и страшно дыша, только къ закату. Зажгли жестянную лампочку, и въ чернѣющій лѣсъ протянулась по осеннему полоса свѣта. Вмѣстѣ съ людьми двигались и ихъ тѣни, странно ломаясь по бревенчатымъ стѣнамъ и потолку, шевелясь и корча рожи. Колесниковъ спросилъ:

— Ушли?

— Да, ушли.

— Пить!

Но немного выпилъ и, отказываясь, стиснулъ зѣбы; потомъ про-силъ ъѣсть и опять пить, и отъ всего отказывался. Волновался все сильнѣе и слабо перебиралъ пальцами—ему же казалось, что онъ бѣжитъ, прыгаетъ, вертится и падаетъ, сильно размахиваетъ руками. Бормоталъ еле слышно и непонятно,—а ему казалось, что онъ говоритъ громко и сильно, свободно спорить и смеяться надъ отвѣтами. Прислонился къ горячей печкѣ спиною, пріятно заложилъ ногу за ногу и говорить, тихо и красиво поводя рукою:

— Теперь зима и за окнами бѣгутъ сани, сани, сани...

Но подхватили сани и понесли по скользкому льду, и стало больно и нехорошо, раскатывается на поворотахъ, прыгаетъ по ухабамъ—больно!—больно!—заблудились совсѣмъ и три дня не могутъ найти дороги; ложатся на животъ лошади, карабкаясь на крутую и скользкую гору, сползаютъ назадъ и опять карабкаются, трудно дышать, останавливается дыханіе отъ натуги. Это и есть споръ, нелѣпья возраженія, отъ которыхъ смѣшно и досадно. Прислонился спиной къ горячей печкѣ и говоритъ убѣдительно, тихо и красиво поводя легкою рукою:

— Если я умръ, то это еще не доказательство.

Всъ смѣются и больше всѣхъ онъ самъ. Саша наклонился и говорить:

— Тише! За нами гоняется. Бѣжимъ!

Все задыхаясь, побѣжало, запрыгало, и все по лѣстницамъ, все вверхъ, черезъ заборы и крыши. Съ крыши виденъ огонь, а внизу темнота, скользкіе мокрые камни, каменные углы и изъ водосточной трубы льетъ вода: надо скорѣе назадъ! Все шире разливается вода, и у берега покачивается бѣлая лодка. А на высокомъ берегу стоитъ село, и тамъ сегодня Пасха и въ бѣлой церкви звонить колоколъ, много колоколовъ, всѣ колокола. Гладко, безъ единой морщинки, легла вода и пе струится, не дышитъ; покойно и надолго свѣтить солнце. Саша сѣлъ на корточки и пьетъ прямо горстью, смѣется:

— Россія.

Елена Петровна, молодая и прекрасная, совсѣмъ не та, которая была по ошибкѣ, гладить Сашину голову и смѣется:

— Вы видите, какой онъ мальчикъ: пить кровь и говорить, что это Россія.

Все замутилось кровью и дымомъ и въ ужасѣ заметалось. Необходимо пить, иначе умрешь, а пить нельзя, все кровь: въ стаканѣ, водопроводѣ, и во рту — кислая и пахнетъ краснымъ виномъ. Саша наклонился и кричитъ:

— Нѣть, ты пей!

И нельзя отвести головы, тычетъ прямо въ зубы, льетъ насильно и кричитъ:

— Пей, Вася!

Стихло. Прислонился спиной къ горячей печкѣ и говорить степенно, тихо и красиво поводя легкой рукою:

— Вы не такъ меня поняли, Елена Петровна,—и подумавъ, добавляетъ:—того-этого! Разъ я отдаю сапоги Андрею Иванычу, то сдѣдовательно онъ ходить, а я умираю. Я никогда ничего не имѣлъ, Елена Петровна, и вся моя душа, вся моя любовь, вся нѣжность моя...

Тутъ оба они плачутъ тихо и радостно, и Елена Петровна говорить:

— Позвольте, я вѣсъ поцѣлую въ лобъ, какъ тогда.

— Пожалуйста, я буду очень радъ.

Цѣлуетъ, и губы у нея нѣжныя, молодыя прекрасныя,—даже стыдно. Но стыдиться не надо, такъ какъ она его невѣста и скоро будетъ свадьба, она и сейчасъ въ бѣлой фатѣ и съ цвѣтами.

— Надоѣхать,—говорить онъ торопливо и беспокойно:—мы можемъ опоздать.

— Но вѣдь это вы умираете, а не Саша?

— Саша здоровехонекъ!

Оба смеются и дышится такъ легко и глубоко... даже совсѣмъ не дышится, не надо.

— Спой мнѣ, мама. Я умираю.

Колесниковъ скончался, не приходя въ себя, около двухъ часовъ ночи. Саша и матросъ, работая по очереди, въ темнотѣ выкопали глубокую яму, засыпали въ ней мертвѣца и ушли.

16. Пробуждение.

Бываютъ такія полосы въ жизни, когда отъ сильнаго горя и усталости, либо отъ странности положенія здоровый и умный человѣкъ какъ бы теряетъ сознаніе. Для всѣхъ окружающихъ, да и для себя, онъ все тотъ же: такъ же и ъѣсть, и пить, и разговариваетъ, и дѣлаетъ свое дѣло, плачетъ или смеется — ничего особеннаго и не замѣтишь; а внутри-то, въ разумѣ и совѣсти своей, онъ ничего и не помнить, ничего не сознаетъ, какъ бы совершенно отсутствуетъ. Такъ бываетъ со многими вдовами, съ женихами на свадьбѣ, съ полководцами во время отступленія; такъ же, пожалуй, бываетъ съ плохими, останавливающимися часами, которые нѣкоторое время надо подталкивать рукою, чтобы шли. Очень часто изъ этого опаснаго состоянія возвращаются къ жизни, даже не замѣтивъ его и не узнавъ, какъ не узнается опасность за спину, но бываетъ, что и умираютъ, почти неслышно для себя переходя въ послѣдній мракъ.

Какъ разъ въ такомъ состояніи былъ Жегуловъ послѣ смерти Колесникова. Умеръ Колесниковъ второго августа, и съ этого дня почти цѣлый мѣсяцъ Саша жилъ и двигался въ бездумной пустотѣ, во всѣ стороны одинаково податливой и ровной, какъ море, покрытое первымъ гладкимъ ледкомъ. На видъ онъ былъ даже оживленѣе прежняго и дѣятельность проявлялъ неутомимую; жегъ, что показывали жечь, шелъ, куда звали, убивалъ, на кого намекали — вѣтромъ двигался по уѣзду, словно и не слыша жалобъ измученной, усталой шайки. Но если кто-нибудь рѣшительно заявлялъ, что надо передохнуть, Жегуловъ отдавалъ приказаніе обѣ отдыхъ, и дня три-четыре послушно отдыхалъ и самъ. Андрей Иванычъ, матросъ, почувствовавшій смерть Колесникова, какъ смертельный ударъ всему ихнему дѣлу, недоумѣвалъ и смущался, не зная, какъ понимать этого Же-

гулева; и то въ радости и въ вѣрѣ пріободрялся, а то начиналъ беспокониться положительно до ужаса.

Шугало его то, что Жегулевъ совсѣмъ какъ будто не видѣлъ и не понималъ перемѣпъ въ окружающемъ, а перемѣны были такъ широки и ощущительны, что и ненаблюдательный Андрей Иванычъ не могъ не замѣтить ихъ и не встревожиться. Въ чемъ дѣло, трудно было сказать, но словно перемѣнился самъ воздухъ, которымъ дышитъ грудь.

Все еще много народу было въ шайкѣ, но съ каждымъ днемъ кто-нибудь отпадалъ, не всегда замѣняясь новымъ: только по прошествіи времени ясно видѣлась убыль; и одни уходили къ Соловью, другіе же просто отваливались, расходились по домамъ, въ городъ, Богъ вѣсть куда—были и нѣтъ. Тѣ безчисленные Гнѣдые, которые въ свое счастливое время путали всякое соображеніе, каждодневно сокращались въ числѣ, уже значились по пятьцамъ наперечеть—въ окружающемъ безразличнѣ или даже враждѣ, какъ въ холодной водѣ масло, рѣзко очерчивались контуры шайки, ея истинный объемъ. Слухаевъ прямой вражды было еще мало, но словно ослѣпла и оглохла деревня: никто не слышитъ, никто не видитъ, какъ ни кричи. При рѣдкихъ встрѣчахъ „бывшіе“ не отвертываются, но бесѣдуютъ нехотя и нехотя подшучиваются: вотъ васъ скоро морозцемъ-то прихватитъ! а разумѣй эти слова такъ: а къ намъ въ тепло и не суйся, не зовемъ. И все чаще вмѣсто привычнаго наименованія „лѣсныхъ братьевъ“ бросаютъ рѣзкое и укорительное: разбойники—„эй, матросъ, долго еще разбойничать будете? бабы жалуются, что собакъ по ночамъ тревожите“.

Пока все это только шутки, но порой за ними уже видится злобно оскаленное мертвецкое лицо: и одному въ деревню, пожалуй, лучше не показываться: пошелъ Жучекъ одинъ, а его избили, придрались, будто онъ клѣть взломать хотѣлъ. Насилу ушелъ короткій шагомъ бродяга. И лавочникъ, все тотъ же Идолъ Иванычъ, шайкѣ Соловья отпускаетъ товаръ даже въ кредитъ, чуть ли не по книжкѣ, а Жегулеву каждый разъ грозить доносомъ и, кажется, доносить.

— Не выдержу, одинъ пойду, у Александра Иваныча не спрошуясь, а ужъ распорю ему животъ! — темнѣя отъ гнѣва, говорить Андрей Иванычъ.

— Распори, матросъ, распори!—я тебѣ подмогу, за ноги держать буду!—иронически поддакиваетъ Еремѣй: онъ еще держится въ шайкѣ: но порою невыносимъ становится своей злобной ко всему ироніей и грубыми плевками. Плюетъ направо и налево.

— Ну и скоть же ты, Ерема! — горько упрекаетъ его матросъ: — для кого стараемся, а?

Еремъй съ трудомъ складываетъ въ смѣшилую гримасу свое дубовое лицо, подмигиваетъ выразительно и хлопаетъ его по колѣну:

— Андрюнка! матросикъ! пинжачекъ ты мой хорошенький — а съ кѣмъ ты намедни солому приминаялъ, жмыхи выдавливали, а? Ну-ка, матросъ, каися!

Андрей Иванычъ краснѣетъ: по слабости человѣческой онъ за велъ было чувствительный романъ съ солдаткой, со вдовой, но разъ подсмотрѣли ихъ и не даютъ проходу насмѣшками. Не знаютъ, что со вдовой они больше плакали, чѣмъ цѣловались — и отбили дорогу, ожесточеніе и горечь заронили въ скромное, чистое безъ ропота одинокое сердце. До того дошло съ насмѣшками, что позвалъ его какъ-то къ себѣ самъ Жегулевъ и, стѣсняясь въ словахъ, попросилъ неходить на деревню.

— Такъ точно, я не хожу. Еще чего не прикажете?

— Я ничего не приказываю, Андрей Иванычъ... Голубчикъ мой, вспомните Василь Васильича... да я самъ...

Словно колоколь церковный прозвучалъ въ отдаленіи и стихъ. Опустилъ голову и матросъ, слышитъ въ тишинѣ, какъ побаливаетъ на ногѣ гніющая ранка и беспокоится: не доходить ли тяжкій запахъ до Жегулева? И хочется ему не то чтобы умереть, а — не быть. Не быть.

И отъ осенняго ли похолодѣвшаго воздуха и темныхъ осеннихъ ночей, отъ вражды ли мужичьей и насмѣшекъ грубыхъ — всюду на чиша отъ ему мерециться волчьи острыя морды. Правда, появились уже и волки въ окрестныхъ лѣсахъ, изрѣдка и воютъ тихонько, словно подучиваясь къ зимнему настоящему вою, изрѣдка и скотинку потаскиваютъ, но людей не трогаютъ — однако, боится ихъ матросъ, какъ никогда ничего не боялся. Свой страхъ онъ скрываетъ отъ всѣхъ, но уже новыми глазами смотритъ въ темноту лѣса, боится его не только ночью, но и днемъ и далеко отходить отъ стана не рѣшается. И ночью, заслушавъ издали тихій неувѣренный вой, холода дѣять онъ отъ смертельной тоски: что-то созвучное своей долгъ слышитъ онъ въ одинокомъ, злому и скорбномъ голосѣ лѣсного, несчастнаго, всѣми ненавидимаго звѣря. А утромъ, осторожно спривившися о волкахъ, удивляется, что никто этого воя и не слыхалъ.

Все рѣзче съ каждымъ часомъ намѣчались зловѣщія перемѣны, но какъ въ морокъ живущій, ничего не видѣлъ и не понималъ Жегулевъ. Какъ море въ отливѣ, отходилъ неслышно народъ, оставляя на пескѣ легкіе отбросы да крохи своей жизни, и уже зіяла кругомъ

молчаливая пустота—а опь все еще слѣпо жилъ въ отоппедшемъ шумѣ и движеніи валовъ. До дна опустошенный, отдавшій все, что призванъ былъ отдать, выпитый до капли, какъ бокалъ съ драгоцѣнѣйшимъ виномъ—прозрачно свѣтлѣлъ онъ среди беспорядка пиршественаго стола и все еще ждалъ жаждущихъ усть, когда уже къ новымъ пирамъ и горько-радостнымъ отравамъ разошлись и званые и незванные. Съ жестокостью того, кто бессмертенъ и не чтить маленькихъ жизней, которыми насыщается, съ божественной справедливостью безликаго покидалъ его народъ и устремлялся къ новымъ судьbamъ и новыя призывалъ жертвы,—новые возжигалъ огни на невидимыхъ алтаряхъ своихъ.

Даже того какъ будто не замѣчалъ Жегулевъ, что подозрительно участились встречи и перестрѣлки со стражниками и солдатами, и всегда была въ этихъ встречахъ неожиданность, намекъ на засаду. Дѣйствительно выдавалъ ли ихъ кто, или естественно лишились они той незримой защиты, что давалъ народъ—но временами положеніе становилось угрожающимъ. Мало-по-малу, сами того не замѣчая, перешли они изъ нападающихъ въ бѣгущіе, и все еще не понимали, что это идетъ смертный копецъ, и все еще искали оправданія: осень идетъ, дороги трудны, войскъ прибавили—но завтра будетъ по старому, по-хорошему. Укрѣпляла еще въ надеждахъ шайка Васьки Щеголя, по-прежнему многолюдная, разгульная и удачливая: не понимали, что отъ другихъ корней питается кривое дерево, поганый сукъ, облѣпленный вороньемъ.

Но только мертвый не просыпается, а и за-живо похороненному дается одна минуточка для сознанія—наступилъ часъ горькаго пробужденія и для Сашки Жегулева. Произошло это въ первыхъ числахъ сентября при разгромѣ одной усадьбы, на границѣ уѣзда, вдали отъ прежняго, уже покинутаго, становища—уже съ недѣлю, ограниченные числомъ, жили братья въ потайномъ убѣжищѣ за Желтухинскимъ болотомъ.

Все шло по обычаю, только съ большею противъ обычнаго торопливостью, гамомъ и даже междуусобными драками—озлобленно тащили, что попало, незнакомые незнакомой деревни мужики, ругались и спорили. Вдругъ неизвѣстно откуда пробѣжала страшная вѣсть, что скачутъ стражники—въ паническомъ бѣгствѣ, ломая телѣги, валясь въ канавы, оравой понеслись назадъ. Напрасно кричалъ матросъ, знавшій доподлинно, что стражники далеко, грозилъ даже оружиемъ: большинство разбѣжалось, въ переполохѣ чуть не до смерти придавивъ слабосильнаго, но по-прежнему яростнаго и вѣрнаго Федота. Не ушли только тѣ, у кого не было телѣгъ, да выли двѣ

бабы, у которыхъ угнали лошадей, пока не цыкнуль на нихъ свирѣпый Еремѣй. Но все же осталось въ разгромленной усадьбѣ человѣкъ до тридцати, и было среди нихъ наполовину пьяного народа; а вскорѣ вернулся кое-кто съ пустыми телѣгами, опомнились дорогой и постыдились возвращаться порожнякомъ.

— Время, Александръ Иванычъ! — сказалъ матросъ, глядя на свои часики. И Жегуловъ привычно крикнулъ:

— Запаливай, ребята!

Но уже трудился Еремѣй, раздувая подтопку, на самый лобъ вздергивая брови и круглясь красными отъ огня надутыми щеками; и вскорѣ со всѣхъ концовъ запылала несчастная усадьба и освѣтилась осенняя мглистая ночь, красными дымами поползли угрюмые тучи, верстъ на десять озаряя окрестность. Въ ту ночь былъ первый ранній заморозокъ, и всюду, куда палъ иней,—на огорожу, на доску, забытую среди помертвѣвшей садовой травы, на крышу дальняго сарая—легъ нѣжный розовый отсвѣтъ, словно сами свѣтились припущенные снѣгомъ предметы. Галдѣли и ругались не успѣвшіе нагрузиться, опоздавшіе мужики.

Уже уходили лѣсные братья, когда возлѣ огромнаго хлѣбнаго скирда, подобно часовнѣ возвышавшагося надъ притоптаннымъ жи-вѣмъ, въ тѣневой сторонѣ его замѣтили нѣсколькихъ словно при-таившихся мужиковъ, точно игравшихъ со спичками. Вспыхнетъ и погаснетъ, не отойдя отъ коробки. Озабоченный голосъ Еремѣя говорилъ:

— Эхъ, куда сѣрнички способнѣй: тухнетъ, сволочь!

Саша въ изумленіи и гнѣвѣ остановился:

— Андрей Иванычъ, что это? Неужели хлѣбъ хотятъ?

— Видно, что такъ. Не трогайте ихъ, Александръ Иванычъ.

— Помутился разумъ человѣческій,—сказалъ Жучекъ, прячась на случай за матроса.

Слѣпень, кривой, глупо захохоталъ и сплюнулъ:

— Мужики!

Но захохотали и нѣкоторые изъ мужиковъ, то ли конфузливо, то ли равнодушно отходя отъ скирда и смышиваясь съ братьями; и только Еремѣй оглянулся на мгновеніе, словно ляскнулъ по-волчыи, и зажегъ новую спичку, наскоро бросивъ:

— Стань-ка отъ вѣтру, Егорка.

Жегуловъ шагнулъ впередъ и, коснувшись согнутой трудолюбиво спины, крикнулъ:

— Ты что дѣлаешь, Еремѣй! Хлѣбъ нельзя жечь, ты съума спя-тишь! Отдай другимъ, если самому... голоднымъ! Тебѣ говорю!

Ерем'й не быстро оглянулся и коротко сказалъ:

— Не твой хлѣбъ. Отойди!

Коротокъ былъ и взглядъ запавшихъ голодныхъ глазъ, коротокъ былъ и отвѣтъ—но столько было въ немъ страшной правды, столько злобы, голода ненасытимаго, тысячелѣтнихъ слезъ, что молча отступила Сашка Жегуlevъ. И безсознательнымъ движениемъ прикрыла рукою глаза — страшно показалось видѣть, какъ загорится хлѣбъ. А тамъ либо не понявъ, либо понимая слишкомъ хорошо, смѣялись громко.

Жарко затрещало, и свѣтъ проникъ между пальцами—загорѣлся огромный скирдъ; смолкли голоса, отодвигаясь — притихли. И въ затишье человѣческихъ голосовъ необыкновенный, поразительный въ своей необычности плачъ вернулъ зрѣніе Сашѣ, какъ слѣпому отъ рожденія. Сидѣлъ Ерем'й на землѣ, смотрѣлъ не мигая въ красную гущу огня и плакалъ, повторяя все одни и тѣ же слова:

— Хлѣбушка-батюшка!.. Хлѣбушка-батюшка!

Опустились головы и глаза то ли въ тяжкомъ раздумыи и своихъ слезахъ, то ли изъ желанія не стыдить плачущаго взглядами. Накалились соломинки и млѣти, какъ проволока свѣтящаяся, плавилось золото хлѣбное и превращалось въ тлѣніе.

Покачивался Ерем'й и, какъ тогда Елена Петровна съ губернаторомъ, плакалъ въ святой откровенности горя и повторялъ безконечно:

— Хлѣбушка-батюшка!.. Хлѣбушка-батюшка!.. Хлѣбушка...

Всю душою вздохнулъ Саша и, подойдя къ Ерем'ю, нѣжно коснулся его рукою, нѣжно, какъ матери бы своей, сказалъ вздохами:

— Ерем'юшка... родной мой... Не плачь Ерем'юшка!

Точно не разслыхалъ Ерем'й всѣхъ словъ, но замолкъ, хлипнуль носомъ и, обернувшись, съ ядовитой улыбкой четко и раздѣльно сказалъ слѣдующее.

— Подлизываешься, баринъ?.. Много денегъ награбиль, разбойникъ?.. Много христіанскихъ душъ загубилъ, злодѣй непрощенный?

... Такъ проснулся Саша. И ночью въ своей холодной землянкѣ, звѣриномъ нечистомъ логовѣ лежалъ онъ, дрожа отъ холода, и думалъ кровавыми мыслями о непонятности страшной судьбы своей. Нужна ли была его жертва?—кому во благо отдалъ онъ всю чистоту свою, радости юношескихъ лѣтъ, жизнь матери, всю свою бессмертную душу? Неужели все это—драгоценное и единственное, что есть у человѣка — такъ никому и не нужно, такъ никому и не пригоди-

лось?—брошено въ яму вмѣстѣ съ мусоромъ нечистымъ, сгило втунѣ, обернулось волею Невѣдомаго въ безплодное зло и безцѣльныя страданія! Нѣть и не будетъ ему прощенія ни въ нынѣшнемъ днѣ, ни въ сонмѣ вѣковъ грядущихъ. Кто можетъ и смѣеть простить его за убѣство, за пролитую кровь? Господи! и Ты не можешь простить, иначе не всѣхъ Ты любишь равно. Кто же?

Мать?

Кто-то въ темнотѣ копошится въ ногахъ, чѣмъ-то тяжелымъ и теплымъ прикрываетъ озябшее: кто это?

— Спите, Александръ Иванычъ, спите, это я ноги вамъ прикрыль, холодно. Спите!

— Спасибо, Андрюша. Спасибо. Спасибо, голубчикъ.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дома —запла-каль Сашка Жегуловъ.

17. Любовь и смерть.

Великій покой —удѣль мертвыхъ и неимѣющихъ надеждъ. Великій и страшный покой ощутилъ въ душѣ Погодинъ, когда отошли вмѣстѣ съ темнотою ночи первые бурные часы.

Хорошо или плохо то, что онъ сдѣлалъ и чего не могъ не сдѣлать, нужно оно людямъ или нѣтъ—оно сдѣлано, оно свершилось и стоитъ сзади него во всей грозной неприкосновенности совершившагося: не измѣнить въ немъ ни единой черточки, ни одного слова не выкинуть, ни одной мысли не измѣнить. Приметь жизнь его жертву или съ гнѣвомъ отвергнетъ ее, какъ даръ жестокій и ужасный; простить его Всезнающій или, осудивъ, подвергнетъ карамъ, силу которыхъ знаетъ только Онъ одинъ; была ли добровольной жертва, или, какъ агнецъ обречеяный, чужой волею приведенъ онъ на закланіе—все сдѣлано, все совершилось, все осталось позади, и ни единаго ни-чай силою не вынуть камня. А впереди—только смерть.

Это была безнадежность, и ея великій, покорный и страшный покой ощущилъ Саша Погодинъ. Ощутивъ же, призналъ себя свободнымъ отъ всякихъ узъ, какъ передъ лицомъ неминуемой смерти свободенъ больной, когда ушли уже всѣ доктора и убраны склянки съ ненужными лекарствами и заглушенный плачъ доносится изъ-за стѣны. Съ того самаго дня, какъ было возвращено Женѣ Эгмонтъ нераспечатаннымъ ея письмо и данъ былъ неподозрѣвавшей матери послѣдній прощальный поцѣлуй, Саша какъ бы закрылъ душу для всѣхъ образовъ проплагао, монашески отрекся отъ любви и близкихъ.

„Если я буду любить и тосковать о любимыхъ, то не всю душу принесъ я сюда, и не чиста моя чистота“,—думалъ Погодинъ съ пугливою совѣстливостью аскета; и даже въ самыя горькія минуты, когда мучительно просило сердце любви и отдыха хотя бы краткаго, крѣпко держалъ себя въ добровольномъ плѣну мыслей—твердая воля была у юноши. Теперь же, когда вмѣстѣ со смертью пришла свобода отъ узъ—съ горькой и пламенной страстью отдался онъ грезамъ, въ самой безнадежности любви черпая для нея ненужное и послѣднее оправданіе. „Теперь я могу думать о чёмъ хочу“,—строго рѣшилъ онъ, глядя прямо въ глаза своей совѣсти—и думалъ.

Какъ разъ въ эту пору, предвѣщая близкій конецъ, усилились преслѣдованія. Словно чья-то огромная лапа, не торопясь и даже поигрывая, ползала по уѣзду вдогонку за лѣсными братьями, шарила многими пальцами, неотвратимо проникала въ глубину лѣсовъ, въ темень овраговъ, заброшенныхъ клѣтей, нетопленныхъ, холодныхъ бань. Куда только ни прятались братья?—и отовсюду приходилось убѣгать; и снова прятаться и снова бѣжать дальше. Все короче становились опасные переходы, и все на меньшемъ мѣстѣ, незамѣтно сужая кругъ, кружилась шайка Жегулева, гонимая страхомъ, часто даже призрачнымъ. Едва ли кто изъ нихъ боялся смерти, скорѣѣ жаждали ея, но въ самомъ обиходѣ прятанья и постояннаго бѣгства было нечто устрашающее, ослаблявшее волю и мужество. Тревожнымъ сталь слухъ, вообще склонный обманывать, и зрѣліе обострилось болѣзnenно, и сонъ сдѣлался пугливъ и чутокъ, какъ у звѣря, и движенія порывисты—круты повороты, внезапны остановки, коротки и безсловесны вскрики.

Осень была въ общемъ погожая, а имъ казалось, что царить непрестанный холодъ и ненастье: при дождѣ, безъ огня, прѣли въ сырости, утомлялись мокротою, дышали паромъ; не было дождя—отъ страха не разводили огня и осеннюю долгую ночь дрожали въ озобѣ. Днемъ еще согрѣвало солнце, имѣвшее достаточно тепла, и тѣ, кто мирно проѣзжалъ по дорогамъ, думали: какая теплынь, совсѣмъ лѣто!—а съ вечера начиналось мученіе, неизвѣстное ни тѣмъ, кто, проѣхавъ сколько надо, добрался до теплаго жилья, ни звѣрю, защищенному природой. Скудно кормились, и не будь неизмѣнно и загадочно вѣрнаго, капляющаго Федота—пожалуй, и умерли бы съ голода или начали, какъ волки, потаскивать мужицкую скотину.

Къ ощущеніямъ холода, пустоты и постояннаго ровнаго страха свелась жизнь шайки, и съ каждымъ днемъ таяла она въ огнѣ страданій: кто бѣжалъ къ богатому и сильному, знающемуся съ полиціей Соловью, кто уходилъ въ деревню, въ городъ, неизвѣстно куда. И

Сашка Жегуловъ, все еще оставаясь знаменемъ и волею шайки, вѣнчне связанный съ нею узами вѣрности и братства, дрожа ея холодомъ и страхомъ — внутренно такъ далеко отошелъ отъ нея, какъ въ ту пору, когда сидѣлъ онъ въ тихой гимназической комнатѣ своей. И чѣмъ несноснѣе становились страданія тѣла, чѣмъ изнеможеннѣе страдальческій видъ, способный потрясти до слезъ и нечувствительного человѣка, тѣмъ жарче пламенѣлъ огонь мечтаний безнадежныхъ, безплотныхъ грезъ: свѣтился въ огромныхъ очахъ, согрѣвалъ прозрачную блѣдность лица и всей его юношеской фигуры давалъ ту нѣжность и мягкую воздушность, какой художники падѣляютъ своихъ мучениковъ и святыхъ.

Старателю и добросовѣстно вслушиваясь, весьма плохо слышалъ онъ голоса окружающего міра, и съ радостью понимать только одно: конецъ приближается, смерть идетъ большими и звонкими шагами, весь золотистый лѣсъ осени звенить ея призывными голосами. Радовался же Сашка Жегуловъ потому, что имѣлъ свой планъ, нѣкую блаженную мечту, скучную, какъ сама безнадежность, радостную, какъ сонъ: въ тотъ день, когда не останется сомнѣній въ близости смерти и у самаго уха прозвучить ея зовъ—пойти въ городъ и проститься со своими.

Въ тѣ долгія ночи, когда все дрожали въ мучительномъ ознобѣ, онъ подробно и строго обдумывалъ планъ: конечно, ни въ домъ онъ не войдетъ, ни на глаза онъ не покажется, но, подкравшись къ самымъ окнамъ, въ темнотѣ осенняго вечера, увидить мать и Линочку и будетъ смотрѣть на нихъ до тѣхъ поръ, пока не лягутъ спать и не потушатъ огонь. Очень возможно, что въ тотъ вечеръ будетъ у нихъ въ гостяхъ и Женя Эгмонтъ... но здѣсь думать становилось страшно. Страшно было и то, что занавѣски на окнахъ могутъ быть опущены... но неужели не догадается мать, не почувствуетъ за окнами его сыновнихъ глазъ, не услышитъ біенія его сердца? Оно и сейчасъ такъ бѣется, что слышно, кажется, по ту сторону земли!

Пойметъ. Догадается. Откроетъ!

Тихо и красиво умираетъ лѣсъ. То, что вчера еще было зеленымъ, сегодня отъ краю золотится, желтѣеть все прозрачнѣе и легче; то, что было золотымъ вчера, сегодня густо багровѣеть; все такъ же, какъ будто, много листьевъ, но уже шуршить подъ ногою и лѣсныя дали прозрачно видятся;— и громко стучить дятель, далеко, за версту слышанъ его рабочій дробный постукъ. Вокругъ милые и печальные люди смотрѣть на него съ тоскою и жаждой: но чѣмъ ихъ напоить? Отдалъ бы, пожалуй, и мечту свою, но не нужна имъ чужая, далекая, даже обыденная мечта. Даже стыдно временами: какой онъ богачъ.

Смутно проходитъ передъ глазами поблѣднѣвшее лицо матроса, словно издали слышится его спокойный, ласково-покорный голосъ.

— У васъ жива мать, Андрей Иванычъ?

— Не могу знать.

Странный и словно укоризненный отвѣтъ, но дальше спрашивать нельзя... или можно, но не хочется?

— Плохи нали дѣла, Андрей Иванычъ.

— Такъ точно, Александръ Иванычъ, плохи. Одежи теплой нѣтъ, вотъ главное.

— Да, одежи нѣтъ. А что же Федотъ обѣщалъ полуушубковъ достать?

— Да не даютъ мужики, говорять, какие были, всѣ Соловьевъ забрали. Врутъ.

— Надо достать.

— Да надо ужъ.

Молчать и думаютъ свое, и Саша убѣжденъ, что матросъ думаетъ о полуушубкахъ, какъ ихъ достать.

— Что это вы послѣднее время хромаете, Андрей Иванычъ? — ушиблись?

Матросъ, какъ будто копѣфузится и отвѣчаетъ виновато:

— Развѣ хромаю? Не замѣчаю что-то, показалось, вѣрно.

— Да нѣтъ же, замѣтно.

— А можетъ быть и ушибся, да ничего не почувствовалъ... надо будетъ ногу посмотретьъ. Ничего не прикажете, Александръ Иванычъ?

И въ тотъ день матросъ дѣйствительно не хромалъ, очевидно ошибся Погодинъ. Многое замѣчалось одними глазами, и во многомъ ошибались глаза, и слабой болю отвѣчало па чужую боль въ мечтѣ живущее сердце. Все дальнѣе уходила жизнь, и открывался молодой душѣ чудесный міръ любви, божественно чистой и прекрасной, какой не знаютъ живые въ надеждахъ люди. Какъ непужная, отпадала грубость и суэта житейскихъ отношеній, томительность пустыхъ и усталыхъ дней, досадная и злая сътость тѣла, когда по-прежнему голодна душа—очищенная безнадежностью, обрѣтала любовь тѣ свои таинственнѣйшіе пути, гдѣ святостью и бессмертіемъ становится она. Почти не имѣла образа Женя Эгмонтъ: никогда въ грезахъ непрестанныхъ не видѣть ея лица, ни улыбки, ни даже глазъ: развѣ только услышить шелестъ платья, мелькнуть на мгновеніе узкая рука, что-то теплое и душистое пройдетъ мимо въ слабомъ озареніи свѣта и тепла, коснется еле слышно... Но не видя образа, сквозь тлѣнныя его черты прозрѣвалъ онъ великое и таинственное, что есть настоящая бессмертная Женя, ея любовь и вѣчная красота, въ мірѣ безтѣлесномъ

обрупался съ нею, какъ съ невѣстою—и сама вѣчность въ ея заколдованнымъ кругомъ была тяжкимъ кольцомъ обрученія.

Но странно: не имѣла образа и мать, не имѣла живого образа и Линочка — всю знаетъ, всю чувствуетъ, всю держитъ въ сердцѣ, а увидѣть ничего не можетъ... зачѣмъ большое мѣнять на маленькое, что имѣютъ всѣ? Такъ въ тихомъ шелестѣ платьевъ, почему-то черныхъ и шелестящихъ, жили призрачной и бессмертной жизнью три женщины, касались еле слышно, проходили мимо въ озареніи свѣта и душистаго тепла, любили, прощали и жалѣли—три женщины: мать—сестра—невѣста.

Но вотъ уже и надъ ухомъ прозвучалъ призывный голосъ смерти: ушелъ изъ шайки на свободу Андрей Иванычъ, матросъ.

Съ вечера онъ былъ гдѣ-то тутъ же и, какъ всегда, дѣлалъ какое-то свое дѣло; оставалось ихъ теперь всего четверо помимо Жегулева—матросъ, Кузьма Жучекъ, Федотъ и невыносимо глупый и скучный, одноглазый Слѣпень. Потомъ развелъ костеръ матросъ—уже и бояться перестали! и шутливо сказалъ Сашѣ:

— Теперь въ лѣсу волки, а огня они боятся.

— Въ этихъ мѣстахъ волковъ нѣть.—поправилъ Федотъ:—я знаю.

— Ты свое знаешь, а мы свое знаемъ: хворосту жалко?

— Жги, мнѣ-то что. Теплѣй спать будетъ. Ложился бы и ты съ нами, Александръ Иванычъ, а то сырь въ землянкѣ, захвораешь.

Но Саша легъ въ землянкѣ: мѣшали люди тихой мечтѣ, а въ землянкѣ было нѣмо и одиноко, какъ въ гробу. Спалъ крѣпко—вмѣстѣ съ безнадежностью пришелъ и крѣпкій сонъ, ярко продолжавшій дневную мечту; и ничего не слыхалъ, а утромъ спохватились—Андрея Иваныча нѣть. На мѣстѣ и балалайка его съ раскрашенной декой, и платяная щеточка, и все его маленькое имущество, а самого нѣть.

Долго не знали, что думать и что предпринять, тѣмъ болѣе, что и артельныя деньги, оставшіеся пустяки, Андрей Иванычъ унесъ съ собой, какъ и маузеръ. Терялись въ беспокойныхъ догадкахъ. Глупый Слѣпень захмыкалъ и ляпнуль:

— Къ Соловью убѣгъ.

— Ну и дуракъ! — сказалъ Федотъ и нерѣшительно высказалъ свою догадку:—не объявляться ли пошель?

И странно было, что Саша также ничего не могъ придумать: точно совсѣмъ не зналъ человѣка и того, на что онъ способенъ—одно только ясно: къ Соловью уйти не могъ. Выждали до полудня, а потомъ, томясь бездѣятельностью, отправились въ поиски, безтолково бродили вокругъ стана и выкрикали:

— Андрюша! Матросъ!

Саша безнадежно бродилъ среди деревьевъ, смотря внизъ, точно грибы искаль; и по завѣту матроса о мертвомъ тѣлѣ, которое всегда обнаружится—нашель-таки Андрея Иваныча. Боясь ли волковъ, или желаніе убить себя пришло внезапно и неотвратимо и не позволило далеко уйти — матросъ застрѣлился въ десяткѣ саженей отъ костра: странно, какъ не слыхали выстрѣла. Лежалъ онъ на спинѣ, ногами къ открытому мѣсту, голову слегка запрятавъ въ кусты: будто, желая покрѣпче уснуть, прятался отъ солнца; отвель Саша вѣтку съ порѣдѣвшимъ желтымъ листомъ и увидѣлъ, что матросъ смотрить остеклянѣло, а ротъ черенъ и залить кровью; тутъ же и браунингъ — почему-то предпочелъ браунингъ. И еще замѣтилъ Саша, что на щекѣ возлѣ уха и въ тѣхъ мѣстахъ подбородка, которыхъ не залила кровь, простила щетинка бороды: никогда не видѣлъ па живомъ.

— Такъ-то, Андрей Иванычъ! Ловко! — сказалъ Жегулевъ, по звуку голоса, совсѣмъ спокойно и отпустилъ вѣтку: качаясь, смахнула она мертвый листъ на плечо матроса.

Откуда-то подошли тѣ трое и изъ-за спины смотрѣли:

— Надо портмонетъ достать, — сказалъ Федотъ и укоризненно обратился къ Слѣпню:—а ты говоришь — къ Соловью! Къ этому Соловью и ты скоро пойдешь.

— Ты-то раньше пойдешь, у тебя изъ горла кровь идетъ.

— Ну и дуракъ!—удивился Жучекъ и сплюнулъ.

— Ничего онъ не понимаетъ. Помоги, Жучекъ!

Пока ворочали и обыскивали мертвца, Жегулевъ находился тутъ же, удивляясь, что не чувствуетъ ни особенной жалости, ни тоски: немного страшно и до-нельзя убѣдительно, но неожиданного и необыкновенного ничего—такъ и нужно. Главное же, что завтра онъ пойдетъ въ городъ.

Но что-то досадное шевелилось въ мысляхъ и не давалось сознанію—иное, чѣмъ жалость, иное, чѣмъ собственная смерть, иное, чѣмъ та страшная ночь въ лѣсу, когда умеръ Колесниковъ... Но что? И только увидѣвъ матросовъ вывернутый карманъ, прежде чужой и скрытый, а теперь ничей, этотъ странный маленький мѣшочекъ, свисшій у бока,—вдругъ понялъ, чего не понималъ: онъ, Жегулевъ, совершенно не знаетъ этого мертваго человѣка, словно только сегодня онъ пріѣхалъ въ этомъ своемъ перазгаданно-мертвецкомъ видѣ, съ открытыми глазами и чернымъ ртомъ. Цотомъ, припоминая дальше, вдругъ слабо ужаснулся, горько усмѣхнулся надъ человѣческой слѣпотою своей: вѣдь онъ и совсѣмъ не знаетъ Андрея Иваныча, матроса, никогда и не видѣлъ его! Было возлѣ что-то услуж-

ливое, благородное, деликатное, говорило какія-то слова, которыхъ всѣ позабыты, укрывало, когда холодно, поддерживало подъ руку, когда слабо,—а теперь взяло и застѣлилось, самостоительно, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, безъ словъ ушло изъ жизни. Старается Жегуловъ вспомнить прежнее его живое лицо — и не можетъ; даже то, что онъ брился аккуратно, вспоминается формально, недовѣрчиво: точно и всегда была теперешняя, неаккуратная щетинка. И все горшѣ становится сознанію: оказывается, опѣ даже фамиліи его не знаетъ, никогда ни о чёмъ не разспрашивалъ — былъ твердо убѣжденъ, что знаетъ все! А знаетъ только то, что видѣть сейчасъ: мало.

Уже зарыли мертвѣца, когда удалось Жегулову вызвать изъ памяти нѣчто до боли и слезъ живое: лицо и взглядъ Андрея Иваныча, когда игралъ онъ плясовую, тайно улыбающійся и степенный, какъ женихъ на смотринахъ. И вспомнилась тогдашняя весенняя луна съ ея надземнымъ покоемъ, ровный шумъ ручья, бѣгущаго къ далекому морю, готовый къ пляску Колесниковъ въ его тогдашней дикой и сумасшедшей красотѣ. Потомъ разговоръ въ шалашикѣ, когда голоса звучали такъ близко, и въ маленькую щель покрышки блестѣлъ серебряный, ослѣпительно яркій дискъ. Умеръ Петруша. Умеръ Колесниковъ, а сейчасъ зарыть и матросъ.

— Помнишь рябинушку, Федотъ?...—спросилъ Саша, умиленно улыбаясь; и съ такой же умиленной улыбкой на своихъ синихъ тонкихъ губахъ, тѣсно облизавшихъ желтые большие зѣбы, отвѣтилъ Федотъ:

— Какъ же, Александръ Иванычъ, помню.

„Ну и страшно же на свѣтѣ жить!“ — думаетъ Кузьма Жучекъ, глядя въ безпросвѣтно-темные, огромные, страдальческие глаза Жегурова и не въ силахъ, по скромному уму своему, связать съ нимъ воедино улыбку блѣдныхъ устъ. Забеспокоился и одноглазый Слѣпень, но, не умѣя словами даже близко подойти къ своему чувству, сказалъ угрюмо:

— А балалайку матросову я себѣ возьму.

— Вотъ-то дуракъ! — удивился Федотъ и пересталъ улыбаться.

Поговоривъ съ Федотомъ о возможностяхъ, Жегуловъ рѣшилъ на слѣдующій же день идти въ городъ и проститься: дальше не хочеть ждать смерть и требуетъ поспѣшности.

18. П р о щ а н і е.

Одѣтый въ валиный, мужицкаго сукна, коричневый армякъ, Жегуловъ съ утра прятался на базарѣ, а базаръ шумѣлъ торговой жизнью, пиль

ругался, шатался по трактирамъ и укрывалъ приспособившагося. Какъ соломинка среди соломинокъ, втоптанныхъ въ грязь площади конями, колесами и тяжелыми мужицкими сапогами, терялся Саша въ однотонно галдящемъ, коричневомъ царствѣ, никому ненужный и никому невѣдомый. Поставалъ около возовъ съ соломою, имѣя видъ что-то продающаго, помогалъ вводить чужихъ коней на вѣсовой помостъ для сѣна и всячески старался пріобрѣсти невидимость, а больше просиживалъ въ трактирахъ, гдѣ пьяный шумъ и сутолока вскорѣ отбивали слухъ и память у всякаго входящаго. Больше всего боялся онъ встрѣчи съ каменецкими мужиками и на одного наткнулся-таки, но тотъ поглядѣлъ равнодушно и, не признавъ, прошелъ дальше: мѣняла Жегулева и одежда его, и смолянистая отросшая бородка. И ни въ комъ не возбуждалъ подозрѣній молодой высокій мужикъ, и развѣ только удивляла и трогала худоба и блѣдность его: но и тутъ для любопытныхъ и слишкомъ разговорчивыхъ было оправданіе: только что выписался изъ больницы и ждѣть земляка, вмѣстѣ поѣдутъ.

Былъ коротокъ и звонко-шумливъ осенний базарный день, но для Жегулева тянулся опѣ долго и плоско, порою казался пѣмымъ и безгласнымъ: точно со всею суетою и шумомъ своимъ базарные были нарисованы на полотнѣ, густо намазаны краской и крикомъ, а позади полотна—тишина и безгласіе.

Скоро и солнце заняло за крыши и только съ минутку еще блестѣло въ окнахъ высокаго въ три этажа трактира; и караваномъ теплѣгъ потянулись въ сумерки поля мужчи-однодеревенцы, снимаясь гнѣздами, какъ грачи. Въ рядахъ, подъ сводами каменной галлереики зазвенѣли желѣзные болты на дверяхъ и окнахъ, и всякий огонь окна становился теплѣе и ярче по мѣрѣ того, какъ сгущался на глазахъ быстрый и суровый сумракъ; какъ ряды пассажирскихъ взголовьевъ, поставленныхъ одинъ на другой, свѣтился огнями высокій трактиръ, и въ открытое окно разорванно и непонятно, но зазывающе бубнилъ и вызванивалъ органъ. Пустѣла плонцадь и уже пеловко становилось бродить въ одиночку среди покинутыхъ задраеппыхъ досками ларей—самъ себя чувствовалъ Жегулевъ похожимъ на вора и подозрительного человѣка.

И все острѣе становилась тревога: и пяти минутъ невозможно было просидѣть на мѣстѣ, только и отдыхала немнога мысль, какъ двигались ноги хотя бы въ сторону противоположную. Набѣгали не-выносимо страннины мысли и предположенія, для далекаго путешественника отравляющія приближеніе къ дому: мало ли что могло случиться за эти четыре мѣсяца?—до сихъ поръ Жегулеву какъ-то совѣтъ не приходило въ голову, что мать могла умереть отъ потря-

сепія и горя, и даже безъ всякаго потрясенія, просто отъ какой-нибудь болѣзни, несчастнаго случая. Въ дѣтствѣ даже часы, когда отсутствовала мать, тревожили сердце и воображеніе насылали призраками возможныхъ бѣдъ и несчастій, а теперь прошло цѣлыхъ четыре мѣсяца, долгій и опасный срокъ для непрочной человѣческой жизни.

Зажавъ въ кулакъ золотые часы, наслѣдство отъ отца-генерала, Погодинъ подъ фонаремъ разглядываетъ стрѣлки: всего только семь часовъ, и стрѣлки неподвижны, даже маленькая секундная словно стоитъ на мѣстѣ—заведены ли? Забыть, что уже два раза заводилъ, и пробуетъ сдвинуть окаменѣвшій заводъ, пока догадывается, что съ нимъ. Одинъ только разъ, не желая подходить къ фонарю, нажалъ пружину, и старинные дорогіе съ репетиціей часы послушно зазвонили въ ухо—по такъ громокъ въ безлюдныи плющади показался ихъ пѣвучій робкій звонъ, что поскорѣе сунуло въ карманъ и крѣпче, словно душа, зажалъ кулакъ.

Можно бы и сейчасъ идти, но держитъ принятное рѣшеніе и парализуетъ волю: возлѣ оконъ своихъ рѣшилъ быть ровно въ десять, когда пьютъ чай въ столовой—единственный часъ, въ который можетъ оказаться съ ними и Женя Эгмонтъ.

Наконецъ, возмутился противъ себя и своего рѣшенія Жегуловъ:

— Да что я: съ ума хочу сойти?—почему въ девять, а не сейчасъ? Тамъ подожду.

И круто, на полшага повернувъ, проплылъ какъ бы по воздуху пустынную плющадь и окунулся въ темноту тихой, немощеной улицы, еле намѣчающей въ перспективѣ иѣсколькими тусктыми фонарями. Далеко на сердинѣ знакомо свѣтлѣло: тамъ уголъ, гдѣ сворачивать на ихъ улицу, и на углу, свѣтя на обѣ улицы, помѣщается Самсонычева лавка. И при первыхъ же шагахъ, прямо ведущихъ къ цѣли, стихла тревога и явилась спокойная увѣренность, что мать жива и увидитъ ее, и не захотѣлось торопиться, а идти медленно и вдумчиво, капля за каплей пить драгоцѣннѣйшій напитокъ.

Какая радость: идти по знакомымъ и роднымъ мѣстамъ, гдѣ каждый столбикъ и канавка и каждая доска забора исписана воспоминаніями, какъ книга, и все хранить ненарушимо и все помнить, и обо всемъ можетъ разсказать! Пусть для другихъ певидимы слѣды его дѣтскихъ ногъ, но Саша ихъ чувствуетъ подъ своей подошвой, нѣжно прижимаетъ ихъ къ землѣ и новый, тенирепній свой ставить слѣдъ. Идетъ Саша по хоженному, тихо присматриваясь и прислушиваясь,—сталъ онъ тѣмъ сложнымъ существомъ, въ которомъ исчезли призрачныи границы времени, и противное миганіе настоящаго смѣнилось ровнымъ, негаснущимъ свѣтомъ безвременности.

Воть и Самсонычева лавка: въ обѣ стороны прорѣзала осеннюю тьму и стоитъ тихонько въ ожиданіи рѣдкаго вечерняго покупателя—если войти теперь, то услышишь всегдашній запахъ постнаго масла, хлѣба, простого мыла, керосина и того особеннаго, что есть самъ Самсонычъ и во всемъ мірѣ можетъ быть услышано только здѣсь, не повторяется нигдѣ. Дальше!—вдругъ идеть за хлѣбомъ ихня горничная и встрѣтить и узнаетъ!...

Уже съ противоположной стороны оглядывается на лавку Саша и прощается съ Самсонычемъ; потомъ снова въ темнотѣ перебирается на эту сторону улицы: всю жизнь ходилъ по ней и другую сторону съ дѣтства считаетъ чужой, невѣдомой, чѣмъ-то вродѣ иностраннаго государства.

Потомъ снова идеть на чужую сторону—подошелъ ихній заборъ, придавленный гущиною высокаго и чернаго сада, и ихняя калитка: опасно, можно встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ. И долго смотрить Саша на калитку, тысячекратно отворенную его рукой, и ждеть не дыша: вдругъ откроется!

Обойдя кругомъ, переулками, Саша добрался до того мѣста въ заборѣ, откуда въ дѣтствѣ онъ смотрѣлъ на дорогу съ двумя колеями, а потомъ перелѣзъ къ ожидавшимъ Колесникову и Петрушѣ. Умерли и Колесниковъ и Петруша, а заборъ стоитъ все такъ же—не его это дѣло, человѣческая жизнь! Тогда лѣзъ человѣкъ сюда, а теперь лѣзеть обратно и эту сторону царапаетъ носками, ища опоры—не его это дѣло, смутиная и страшная человѣческая жизнь!

Въ недостроенномъ, безъ крыши каменномъ флигелькѣ, когда-то пугавшемъ дѣтей своими пустыми глазницами, Жегулевъ съ пол-часа отдыхалъ—не могъ тронуться съ мѣста отъ волненія. То всколыхнуло сердце до удушья, что увидѣлъ между толстыми стволами свои окна—и свѣтъ въ окнахъ, значитъ дома, и рѣзокъ острый свѣтъ: значитъ не спущены занавѣски и можно смотрѣть. Такъ все близко, что невозможно подняться и сдѣлать шагъ: поднимется, а колѣна дрожать и подгибаются—сиди снова и жди!

— Ну!—улыбаясь, шепчетъ Саша и гладить колѣна:—ну!

Собрался наконецъ съ силами и, переставъ улыбаться, рѣшительно подошелъ къ тѣмъ окнамъ, что выходить изъ столовой: слава Богу! столъ, крытый скатертью, чайная посуда, хотя пока никого и нѣть, можетъ быть еще не пили, еще только собираются пить чай. Съ трудомъ разбирается глазъ отъ волненія, но что-то странное смущаетъ его, какіе-то пустяки: то ли поваленный стаканъ и что-то грязное, неряшливое, необычное для ихняго стола, то ли незнакомый узоръ скатерти...

Что-то здѣсь есть! Что-то страшное здѣсь есть!

И вдругъ, непонятный въ первую минуту до равнодушия, вступаетъ въ поле зрѣнія и медленно проходить черезъ комнату, никуда не глядя, незнакомый старикъ, бритый, грязный, въ турецкомъ съ большими цвѣтами халатѣ. Въ оттянутыхъ книзу губахъ его потухшая папироса въ толстомъ и короткомъ мундштуке, и идеть онъ медленно, никуда не глядя, и на халатѣ его огромные съ завитушками узоры.

Уже догадываясь, но все еще не вѣря, Жегулевъ бросается за уголъ къ тому окну, что изъ его комнаты—и здѣсь все чужое, можетъ быть по-своему и хорошее, но ужасное тѣмъ, что заняло оно родное мѣсто и стоить, ничего обѣ этомъ не зная. И понимаетъ Жегулевъ, что ихъ здѣсь нѣтъ, ни матери, ни Линочки, и нѣтъ уже давно, и гдѣ онъ—неизвѣстно.

Три часа сидѣлъ Саша въ каменномъ, недостроенномъ флигелькѣ.

Не его это дѣло, человѣческая жизнь: лѣзъ человѣкъ сюда, а теперь лѣваетъ обратно и уходитъ въ темноту: навсегда.

Но что за странный характеръ у юноши! Тамъ, гдѣ раздавило бы всякаго безмѣрное горе, согнуло бы спину и голову пригнело къ землѣ — тамъ открылся для него источникъ какъ бы новой силы и новой гордости. Правда, на лицо его лучше не глядѣть и сердца его лучше не касаться, но поступь его тверда и гордо держится на плечахъ полумертвая голова.

Такъ и не простишись, обманутый, идеть онъ по дорогѣ къ смерти и думаетъ:

— Вотъ и кончилось все: какъ просто и какъ необходимо! Да, соблазнился я, помутился умъ, я и думалъ: побуду еще прежнимъ Сашей, отдохну въ прежнемъ передъ смертью,—а кровь не пускаеть. Это она стала стѣною и не пускаеть: конечно, онъ всѣ тамъ, и мать, и Женя, и всѣ ихъ видятъ, а я пѣтъ—стала стѣною кровь и застѣтъ. И долженъ я остаться Сашкой Жегулевымъ, Александромъ Иванычемъ: не Николай у меня отецъ, а какой-то Иванъ, и матери нѣтъ совсѣмъ—я Сашка Жегулевъ, Александръ Иванычъ. Что-жъ!—я принимаю: аминь! Помутился умъ, унизился я и попросилъ милостыни, а мнѣ и не дали милостыни: иди, Жегулевъ, откуда пришель. Вотъ я и иду, Жегулевъ, откуда пришелъ: аминь и во вѣки вѣковъ. И

ужъ не хочу я быть Сашей, и ужъ не прошу я милостыни ни у кого: буду идти, какъ иду, хотя бы на миллионы и миллионы вѣковъ протянулся мой путь: сказано идти безъ отдыху Сашкѣ Жегулову.

Легко идется по землѣ тому, кто полной мѣрой платить за содѣянное. Вотъ уже и шоссе, по которому когда-то такъ шагалъ какой-то Саша Погодинъ—чуть ли не съ улыбкой попираеть его незримые отроческіе слѣды крѣпко шагающій Сашка Жегуловъ и въ темной дали упоенно и радостно прозрѣваетъ свѣтицій знакъ смерти. Идеть въ темноту, легкій и быстрый: лица его лучше не видѣть и сердца его лучше не касаться, но тверда молодая поступь и гордо держится на плечахъ полумертвая голова.

Съ пригорка, обернувшись, видѣть Жегуловъ то вѣчное зарево, которое по ночамъ уже стоитъ надъ всѣми городами земли. Онъ останавливается и долго смотрѣть: внимательно и строго. И съ тою серьезностью и простотою въ обрядѣ, которой научился у простыхъ людей, Жегуловъ становится на колѣна и земно кланяется далекому.

19. Смерть Жегурова.

Завтра поплывутъ по небу синія холодныя тучи, и между ними и землею станеть такъ темно, какъ въ сумерки: завтра придется съ сѣвера жестокій вѣтеръ и размечеть листъ съ деревьевъ, окаменить землю, обезцвѣтить ее, какъ сѣрую глину, всѣ краски выжметъ и убьетъ холодомъ. Согнувшись зябко, подставить вѣтру спину и къ югу обернуть помертвѣлое лицо свое и человѣкъ и ломкіе стебли засохшихъ травъ, и вершины деревъ и мертвые въ лугахъ поблекшіе цвѣты. Согнется въ линію бѣга все, что можетъ согнуться, и затреплются по вѣтру конскія гривы, концы одеждѣй, разорванные на клочья столбики обезцвѣченаго дыма изъ низенькихъ и закоптѣлыхъ трубъ. Уныло и длительно заскрипятъ стволы и вѣтви деревъ, и на открытой опушкѣ тоскливо зашуршить сгорающій, свернувшійся дубовый листъ — до новой весны всю долгую зиму онъ будетъ цѣпляться за ненужную жизнь, крѣпиться безнадежно и не падать. Закружатся въ темной высотѣ гонимые вѣтромъ рѣдкіе хлопья снѣга и все мимо будутъ летѣть, не опускаясь на землю—а уже забѣлѣли каменные слѣды колесъ, и въ каждой ямочкѣ, за каждымъ бугоркомъ и столбикомъ собираются сухіе, легкіе, какъ пухъ, снѣжинки.

Но сегодня въ высокомъ лѣсу, какъ въ храмѣ среди золотыхъ иконостасовъ и безчисленныхъ престоловъ—тихо, безтрепетно и величаво. Колоннами высятся старые стволы, и самъ изъ себя свѣтится

прозрачный листъ: на тонкое зеленое стекло лампадокъ похожи пискніе листья лапчатаго рѣзного клена, а верхъ весь въ жидкому золоту и багрецѣ. Стекаетъ золото на землю и у подножья большихъ деревъ круглится лучистый нимбъ, а маленькия деревца и кустики, какъ дѣти лѣсныя, ужъ отряхнулись наполовину отъ тяжелаго золота и подтягиваются тоненько. Какъ подъ высокими гулкими сводами звонокъ шагъ идущаго, а голосъ свѣжъ и крѣпокъ; отрывистъ и четокъ каждый стукъ, случайный лязгъ желѣза, пѣвучій посвистъ то ли человѣка, то ли запоздалой птицы—и чудится, будто полонъ прозрачный воздухъ рѣющихъ на крыльяхъ лишь до времени притаившихся звуковъ.

И тѣ вооруженные, что подкрадываются къ убѣжину Сашки Жегулева, отбиваются дружный шагъ на крѣпкой дорогѣ, вразбродку подползаютъ по оврагу, гнутъ спину на тропинкахъ—себѣ самимъ кажутся слишкомъ шумными и тяжелыми. Словно оттягиваетъ руки смерть, которую несутъ къ обреченному, вотъ-вотъ уронишь, и нашумитъ, побѣжитъ шорохами и лязгами, оброненная, и спугнется. Тише,тише! А лѣсь безтрепетенъ и величавъ, и вся въ безчисленныхъ и скромныхъ огонькахъ стонть береза, матерински темная, потрескавшаяся внизу, свѣчно-блѣлая къ верхамъ своимъ, въ сплетеньи кружевномъ вѣтвей и тонкихъ вѣточекъ.

Не поскунилась смерть на убранство для Сашки Жегулева.

Весь день и всю ночь до разсвѣта вспыхивала землянка огнями выстрѣловъ, трещала, какъ сырой хворостъ на огнѣ. Стрѣляли изъ землянки и залпами и въ одиночку, на страшный выборъ: уже много было убитыхъ и раненыхъ, и самъ приставъ, командовавшій отрядомъ, получилъ легкую рану въ плечо. Залпами и въ одиночку стрѣляли и въ землянку, и все казалось, что промахиваются, и нельзя было понять, сколько тамъ людей. Потомъ, на разсвѣтѣ, сразу все смолкло въ землянкѣ и долго молчало, не отвѣчая ни на выстрѣлы, ни на предложеніе сдаться.

— Хитрять!—говорилъ приставъ, блѣдный отъ потери крови, отъ боли въ ранѣ, отъ безсонной и мучительной ночи. Высокий, костлявый, съ большой, но неровной по краямъ черной бородою, былъ онъ похожъ на Колесникова и, несмотря на револьверъ въ рукѣ, и на полувоенную форму, видѣмъ мирный и разстроенный.

— Пожалуй, что и хитрять!—отвѣчалъ молодой, но водянисто-толстый и равнодушный подпоручикъ въ лѣтнемъ, несмотря на прохладу, кителѣ: жалко было портить болѣе дорогое сукно.

— Какъ же тогда быть?—недоумѣвалъ приставъ, морщась отъ боли.—Еще пострѣлять?—видно ужъ такъ. Пострѣляйте еще, голубчикъ!

— Павленковъ отошелъ, ваше благородіе, — доложилъ солдатъ.

— Ахъ негодяи!—возмущился приставъ:—жарьте ихъ въ хвостъ и гризу... негодяи!

Пострѣляли и еще, пока не стало совсѣмъ убѣдительнымъ ровное молчаніе; вонзли, наконецъ, въ страшную землянку и напали четверыхъ убитыхъ: остальные, видимо, успѣли скрыться въ ночной темнотѣ. Одинъ изъ четверыхъ, худой рыжеватый мужикъ съ тонкими губами, еще дышалъ, похрипывалъ, точно во снѣ, но тутъ же и отошелъ.

— Говорилъ, убѣгутъ, вотъ и убѣжали! Надо же было цѣлую ночь... эхъ!—страдальчески горячился приставъ, наступая на толстаго, равнодушно разводящаго руками офицера.—Выволоките ихъ сюда!

Трупы выволокли и разложили въ рядъ на мѣстѣ отъ давнишняго костра. Приставъ, наклонившись и придерживая здоровой рукой больную, близоруко осмотрѣлъ убитыхъ и, хоть уже достаточно свѣтло было, ничего не могъ понять.

— Ну, конечно,—бормоталъ онъ:—ну, конечно, Жегулева-то и нѣть! Благодарю, значитъ, покорно: опять бѣгай по уѣзду и ищи. Эхъ!

— А этотъ не подойдетъ?—спросилъ офицеръ и слегка ткнулъ ногой одинъ изъ труповъ.

— Вы полагаете? — усумнился приставъ. — Посмотримъ, посмотримъ!

Въ обезображенномъ лицѣ, съ выбитыми пулей передними зубами и разорванной щекой, трудно было признать Жегулева; но было что-то городское, чистоплотное въ одѣждѣ и тонкихъ, хотя и черныхъ, но сохранившихся рукахъ, выдѣлявшее его изъ нѣмой компаніи другихъ мертвцевъ—да и просто, былъ онъ значительнѣе другихъ.

— Если не убѣжалъ, то, пожалуй, и этотъ,—соображалъ приставъ: переходя отъ надежды къ сомнѣнію.

Изъ разорванной щеки бѣлѣли уцѣлѣвшіе зубы, словно улыбался насыпливо убитый—и вдругъ вспыхилъ мирный приставъ,

— Смѣешься, подлецъ? Посмѣйся, посмѣйся!—но было безцѣльно грозить мертвому и, обернувшись, приставъ закричалъ:—Егорку сюда! Гдѣ Егорка? Спрятался, сукинъ сынъ!

Пришелъ дѣйствительно прятавшійся Егорка и сталъ бокомъ, стараясь не глядѣть на трупы.

— Ты куда спрятался, а? Какъ до тебя дѣло, такъ ты въ кусты?

— Покойниковъ я боюсь.

— Покойниковъ боишься, а разбойничать не боишься?! Я-ть тебя!.. Признавай, подлецъ, Жегулева.

Егорка наскоро, точно купаясь въ холодной водѣ, обѣжалъ глазами убитыхъ и ткнулъ пальцемъ на Жегулева:

— Этотъ самый.

— Врешь, подлецъ!

— То не враль, а то врать стану: говорю этотъ!

— Обыскать!

Обыскали мертваго, но ничего свидѣтельствующаго о личности не нашли: кожаный потертый портсигаръ съ одной сломанной папиросой, старую, порванную на сгибахъ карту уѣзда и кусокъ бинта для перевязки—можеть быть и Жегулевъ, а можетъ и не онъ. Въ десяткѣ шаговъ отъ землянки набрели на золотые, старые съ рептицией часы, но выбросилъ ли ихъ этотъ, или, убѣгая, обронилъ другой, болѣе настоящій Сашка Жегулевъ, рѣшить не могли.

Потомъ приставъ, совсѣмъ ослабѣвшій, уѣхалъ на перевязку: ушла и рота, захвативъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, а разбойниковъ на самодѣльныхъ носилкахъ, а кое-гдѣ и волокомъ, доставили стражники въ Каменку для опознанія. Прибылъ туда другой приставъ, здоровый, молодой, сильно надушенный скверными духами, наѣхало большое и маленькое начальство, набрались любопытные—народу собралось, какъ на базарѣ, и сразу вытоптали траву около убитыхъ. По предложенію пристава, во всемъ любившаго картиность, убитыхъ стоймя привязали къ вбитымъ въ землю четыремъ коламъ и придали имъ боевую позу: каждому въ опущенную руку насилино и съ трудомъ вложили револьверъ, предварительно разрядивъ его.

И издали дѣйствительно было похоже на живыхъ и страшныхъ разбойниковъ, глубоко задумавшихся надъ чѣмъ-то своимъ, разбойничымъ, или разсматривавшихъ вытоптанную траву, или собирающихъся плясать: колѣна все время сгибались подъ тяжестью тѣла, какъ ни старались ихъ выпрямить. Но вблизи страшно и невыносимо было смотрѣть, и уже никого не могли обмануть мертвцы притворной жизнью: безсильно, по-мертвому, клонились вялые, точно похудѣвшія и удлинившіяся шеи, не держа тяжелой мертввой головы.

Тroe сутокъ въ безсмѣянномъ дежурствѣ стояли надъ Каменкой мертвцы, угрожая незаряженными револьверами; и по ночамъ, когда свѣтъ костровъ уравнивалъ мертвыхъ съ живыми, боялись близко подходить къ нимъ и сами охранявшие ихъ стражники. Но такъ и оставался нерѣшеннымъ вопросъ о личности убитаго предводителя:

одни изъ Гнѣдыхъ говорили, что Жегуловъ, другіе, изъ страха ли быть замѣшанными или вправду не узнавая, доказывали, что не онъ. Къ тому же, какъ разъ въ одну изъ этихъ ночей разлилось зарево за лѣсомъ и сразу распространился невѣдомо откуда слухъ, что этоожжетъ новыя усадьбы Сашка Жегуловъ.

Собрались на горкѣ мужики безъ шапокъ и босикомъ, смотрѣли на далекій разгоравшійся пожаръ и, боясь и стражниковъ, и тѣхъ четырехъ, что неподалеку молчали и тоже, какъ будто, смотрѣли на пожаръ, тихо и зябко перешептывались:

— Вотъ тебѣ и поймали!

— Его поймаешь! Ты его здѣсь пригвоздилъ, а онъ на тебѣ: жгеть.

— Чего-жъ не жечь, когда само горитъ... Эхъ, и сапожки хороши у разбойничка, то-то бы погрѣться. А то, пляши не пляши, нѣть тебѣ настоящаго ходу.

Говорившій зябко перебралъ и тоннуль ногами, словно и вправду собирался плясать. Тихо засмѣялись.

— Поди да сымы.

— Самъ поди, а я и тутъ хорошъ. Надо быть, у Полыновыхъ горитъ.

— Сказалъ! Полыновы вонъ гдѣ, а онъ: у Полыновыхъ! Полыновыхъ еще погоди.

Засмѣялись тихо. Кто-то громко, чтобы слышали стражники, сказалъ:

— Самъ помѣщикъ и жгеть, для страховки, а на другихъ только слава. Въ дубье ихъ надо!

Изъ молчаливой кучки стражниковъ, смотрѣвшихъ на пожаръ, донесся угрюмый окрикъ:

— Поговори тамъ! Храберъ ты, какъ темно, а ты днемъ мнѣ скажи, чтобъ морду твою видѣть.

— Моя морда запечатанная, ввѣкъ тебѣ ее не увидать!

Уже громко засмѣялись и другой насыпливый голосъ крикнулъ стражнику:

— То-то ты не трусъ! Эй, гляди назадъ: Жегуловъ стрѣлять хочетъ!

Оглянулись.

Въ призрачномъ свѣтѣ, что бросали на землю красныя тучи, словно колыхались четыре столба съ привязанными мертвѣцами. Чернѣли тѣнью опущенныя лица тѣхъ трехъ, но голова Жегулева была слегка закинута назадъ, какъ у коренника, и призрачно свѣтлѣло лицо, и

улыбался слишкомъ большой, разорванный ротъ съ блѣющими на сторонѣ зубами.

Такъ въ день, предназначенный тѣми, кто жилъ до него и грѣхами своими обременилъ русскую землю — умеръ позорной и страшной смертью Саша Погодинъ, юноша благородный и несчастный.

20. Эпилогъ.

На другое утро послѣ визита къ губернатору, обѣ женщины вмѣстѣ отправились искать по городу квартиру, и Елена Петровна, медленно переходя съ одной стороны на другую, сама читала билетики на окнахъ и воротахъ. И взяли квартирку въ центрѣ города, на одной изъ большихъ улицъ, нарочно тамъ, где ходить иѣздить много народа — въ нижнемъ этажѣ трехэтажнаго стараго дома, три окна на улицу, остальная во дворъ. Темноватая была квартира, хотя не вѣшали ни драпри, ни занавѣсей и только на уличныхъ, квадратныхъ, глубокихъ въ толстой стѣнѣ окнахъ прорезнули на веревочки короткія занавѣсочки отъ прохожихъ. У этихъ оконъ были почему-то мраморные, холодные подоконники, а въ одной комнатѣ находился сѣрий мраморный каминъ, больше похожій на умывальникъ: повидимому, предназначалась когда-то квартира для роскоши, или жилъ въ ней самъ владѣлецъ.

Переѣхавъ, начали было разставлять мебель, но на половинѣ бросили, и черезъ два мѣсяца комнаты имѣли такой же видъ, какъ и въ первый день переѣзда: въ передней стояли забитые ящики и сундуки, завернутые въ мочалу вѣшалки — платья вѣшали па гвоздикахъ въ стѣнѣ, оставшихся отъ кого-то прежняго; стоялъ одинъ сундукъ и въ столовой, и горничная составляла на него грязшую посуду во время обѣда. Чай пили и обѣдали вдвоемъ только на копчикѣ большого стола, и только кончикъ этой и застипался скатертью — словно такъ велика была Саша, что одинъ занималъ всю ту большую голую половину стола. И часто весь день, не убираясь, стоялъ холодный самоваръ и грязныя чашки: облѣнилась горничная, увлеченная жизнью большой и людной улицы со многими лавками, только потому и оставалась, что служить у генеральши.

Никто у Погодиныхъ не бывалъ: сперва и пріѣзжали, но Елена Петровна никого не принимала, и вскорѣ ихъ оставили въ покоѣ, и одиноко, только другъ съ другомъ, жили обѣ женщины, одѣтыя въ черное. Когда въ половинѣ августа наступило учебное время, Линичка не пошла въ гимназію, и такъ получилось, что она гимназію бросила,

хотя ни мать, ни она сама объ этомъ не говорили и не вспоминали: такъ вышло. За лѣто Линочка выросла до одного роста съ матерью, и такъ сильно похудѣла, что больше стала похожа на другого, новаго человѣка, чѣмъ на себя. И исчезло куда-то сходство съ покойнымъ отцомъ, генераломъ, а вмѣсто того съ удивительной рѣзкостью неожиданно простили и въ лицѣ, и въ манерахъ, и въ привычкахъ материнскія черты. Тотъ легкій, полудѣтскій сонъ, оставшійся отъ дѣтства, что даже плачущимъ глазамъ Линочки придавалъ скрытое выраженіе покоя и счастья, навсегда ушелъ: глаза раскрылись широко и блестяще, углубились и потемнѣли: и легъ вокругъ глазъ темный жуткій обводъ страданія, видимый знакъ печали и горькихъ думъ. Еще странность и новизна: русые волосы, особенно напоминавшіе генерала, въ одно лѣто потемнѣли почти до черноты и, вмѣсто мелкихъ и веселыхъ завитушекъ, легли на красивой и печальной головкѣ тяжелыми безъ блеска волнами.

Изрѣдка, въ хорошую погоду и обычно въ тихій часъ сумерекъ обѣ женщины ходили гулять, выбирая безъ словъ и напоминаний тѣ мѣста, гдѣ когда-то гуляли съ Сашенькой; обѣ черная и Елена Петровна приличная и важная, какъ старая генеральша,—ходили онѣ медленно и не спѣша, далеко и долго виднѣлись гдѣ-нибудь на берегу среди маленькихъ мѣщанскихъ домишекъ въ мягкой обезвѣченности тихихъ лѣтнихъ сумерекъ. Иногда Линочка предлагала присѣсть на крутомъ берегу и отдохнуть, но Елена Петровна отвѣчала:

— Ты знаешь, Линочка, что я люблю сидѣть только на лавочкѣ.

Нашлась одна такая старая безъ спинки лавочка, поставленная на берегу любителемъ природы, и тамъ иногда сидѣли, смотря на рѣку и проходящіе пароходы. И когда проходилъ пассажирскій пароходъ, спозаранку расцвѣтившійся огнями, Елена Петровна не спѣша разсматривала его въ очки, которые для дали, и говорила:

— Надо бы намъ, Линочка, пойхать по рѣкѣ.

Линочка смотрѣла, дѣлая видъ, что ей тоже очень интересно, и думала молча: „отчего я теперь не умѣю говорить? мнѣ надо бы сказать сейчасъ, что на пароходѣ очень интересно, и что надо бы пойхать, а я знаю, что говорить, и молчу“.

Но гуляли женщины рѣдко, — и день и вечеръ проводили въ стѣнахъ, мало замѣчая, что дѣлается за окнами: все куда-то шли и все куда-тоѣхали люди, и стала привычень шумъ, какъ прежде тишина. И только въ дождливую погоду, когда въ мокрыхъ стеклахъ расплывался свѣтъ уличнаго фонаря и особыннмъ становился стукъ экипажей съ поднятыми верхами, Елена Петровна обнаруживала

безпокойство и говорила, что нужно купить термометр, который показывает погоду.

— Барометръ, мамочка, — поправляла Линичка, и Елена Петровна соглашалась:

— Да, да, — барометръ.

Случалось, что съ утра обѣ онѣ начинали ходить по столовой, которая была больше другихъ комнатъ, и ходили до самой ночи, только на короткое время присаживаясь для обѣда и чая. Вносила горничная лампу — висячую лампу надъ столомъ все только собирались достать изъ ящика — и тогда ходили при свѣтѣ, а забывала горничная внести — ходили въ растущей темнотѣ, все болѣе приближавшейся къ цвѣту ихнихъ платьевъ, пока не становилось трудно различать предметы. И хотя обѣ все время только и думали, что о Сашѣ, но почти не говорили о немъ: сами мысли казались разговоромъ, и Линичка, забываясь, даже боялась думать страшное, чтобы не услыхала мать. И по комнатѣ Елена Петровна ходила съ крайней медленностью, смотрѣла внизъ, слегка склонивъ голову, и перебирала прозрачными пальцами тоненькую домашнюю цѣпочку отъ часовъ, старушечки заостривъ локти въ черномъ блестящемъ шелку. И однажды сказала, продолжая вслухъ свои мысли:

— Помнишь, Линичка, я говорила какъ-то, что у Сашеньки нѣть никакихъ талантовъ?

— Это я говорила, мамочка, ты ошибаешься.

— Нѣть, дружокъ, это ты ошибаешься и говорила я. Теперь ты видишь, какой у Сашеньки талантъ?

— Да.

— Очень, очень большой талантъ. Но только, конечно, совсѣмъ особенный, мужской, и намъ съ тобой никогда его не понять, Линичка.

Спали обѣ женщины въ одной комнатѣ, и мать никогда не узнала, какимъ это было ужасомъ для измученной, въ своемъ огнѣ горѣвшей Линички. И ужасъ начался съ той минуты, какъ тушилась свѣча, и Линичка знала, что мать не спить и не заснетъ, и думаетъ свое, и лежитъ тихонько, чтобы не мѣшать Линичкиному сну. Невыносимо было молчаніе и притворство, а въ немъ проходили часы — и вотъ начинала громче вздыхать Елена Петровна, думая, что заснула дочь и она теперь одна и никому не мѣшаетъ. И вздыхала не торопясь, надолго; потомъ, забывая окружающее, начинала тихонько, со вздохами, шептать, и шептала долго, неразборчиво, какъ скребущаяся мышь. Минутъ на пять переставала шептать и вздыхать, и неопределенно замолкала: и въ эти пять минутъ переставало биться

сердце у Линочки въ мучительномъ ожиданіи. И снова начинались въ постепенности вздохи и шопотъ, велись какіе-то безконечные разговоры; видимо, Елена Петровна все-таки сознавала окружающее—вдругъ бѣлымъ призракомъ въ своей ночной кофточкѣ поднимется и поправить начавшую склонить лампадочку за зеленымъ стекломъ. Поднявъ голову, испуганно слѣдить за ней Линочка и безшумно прячется въ одѣяло: и тихонько поскрипываетъ постель, давая мѣсто старому тѣлу, и снова въ постепенности зарождаются вздохи и шопотъ, точно какую-то стѣну прогрызаетъ осторожная и пугливая мышь. Иногда прозвучитъ и разборчивое слово, мало говорящая фраза, озабоченный вздохъ:

— Дождь-то какой... ай-ай-ай. Дождь-то какой...

И непремѣнно наступить послѣ этого пятиминутное молчаніе: словно испугалась мышь громкаго голоса и притаилась... и снова вздохи и шопотъ. Но самое страшное было то, когда мать бѣлымъ призракомъ вставала съ постели и, ставъ на колѣни, начинала молиться и говорила громко, точно теперь никто уже не можетъ ее слышать: тутъ казалось, что Линочка сейчасъ потеряетъ разсудокъ или уже потеряла его.

— Сынъ мой, Сашенька!...

Такъ начиналась молитва, а дальше настолько безумное и не-повторяемое, чего не воспринимали ни память, ни слухъ, обороняясь, какъ отъ кошмара, стараясь не понимать страшного смысла произносимыхъ словъ. Сжавшись въ боязливый комокъ, накрывала голову подушкой несчастная дѣвочка и тихо дрожала, не смѣя повернуться лицомъ къ спасительной, казалось, стѣнѣ; а въ просвѣтѣ между подушками зеленоватымъ сумеркомъ безумно свѣтилась комната и что-то бѣлое, кланяясь, громко говорило страшныя слова.

Только къ разсвѣту засыпала мать, а утромъ, проснувшись поздно, надѣвала свое черное шелковое платье, чесалась аккуратно, шла въ столовую и, вынувъ изъ футляра очки, медленно прочитывала газету.

И чай наливалася Линочка, печальная, красивая и спокойная дѣвушка въ черномъ платьѣ.

Эта газета, которую по утрамъ читала мать, была опять-таки мученіемъ для дочери: нужно было проснуться раньше и каждое утро взглянуть, нѣтъ ли такого, чего не можетъ и не должна читать Елена Петровна. И однажды утромъ — это было еще въ концѣ юля мѣсяца — просматривая газету, Линочка нашла извѣстіе, что вчера убить въ перестрѣлкѣ знаменитый разбойникъ Сашка Жегулевъ. Такъ до самаго выхода Елены Петровны она и не рѣшила, что дѣ-

лать ей съ собой и съ газетой и въ спальню поздороваться съ матерью, какъ обычно, не пошла и, держа въ груди всю буйную толпу задержанныхъ рыдали, молча, не здороваясь, подала газету. Елена Петровна взглянула на дочь, потомъ на газету и, сразу заторопившись, не попадая за уши тонкой оправой очковъ, молча тряслася головою, искала строки, еще не видя. Наконецъ прочла—и, не спѣша, сняла очки дрожащими пальцами и внимательно посмотрѣла на Линичку:

— Это не Сашенька... успокойся, не плачь, это не Сашенька.

Но уже вырвались на свободу рыданія; билась въ черныхъ колѣняхъ у матери плачущая дѣвушка и кричала:

— Откуда ты знаешь! Да родная же моя мамочка, я сейчасъ умру, умру, умру. Откуда ты знаешь?

Тихо плакала—за дочь, а не за себя—Елена Петровна, и успокаивала бережно:

— Успокойся, дѣточка, не плачь, это не Сашенька. Я знаю, не плачь, это не Сашенька, нѣть, нѣть...

И весь день въ тоскѣ, не довѣряя предчувствіямъ матери, провела Линичка, а слѣдующій номеръ газеты принесъ чудесное подтвержденіе: убить дѣйствительно не Сашка Жегулевъ, а кто-то другой. И снова безъ отмѣты и счета потянулись похожіе дни, и все тѣ же страшныя ночи, вспоминать которыя отказывались и слухъ и память, и утромъ, при дневномъ сѣѣтѣ, признавали за сонъ.

Къ концу, августа, что-то новое появилось въ мысляхъ Елены Петровны: медленно, какъ всегда, прохаживаясь съ дочерью по комнатѣ, она минутами простоянавливалаась и вопросительно глядѣла на Линичку; потомъ, качнувъ головою, плая дальше, все что-то думая и соображая. Наконецъ рѣшила:

— Ты замѣчаешь, Лина, что уже давно не слышно о Сашенькѣ? Ты, дѣвочка, должна была это замѣтить, это такъ замѣтно.

Линичка нерѣшительно возразила:

— Нѣть, мамочка, въ газетахъ пишутъ.

— Ахъ, мало ли что пишутъ въ этихъ газетахъ, какъ ты можешь этому вѣрить. И знаешь ли, что я думаю, Линичка?

И съ строгимъ достоинствомъ, точно поглубже стараясь скрыть тихую радость, Елена Петровна высказалася догадку, скорѣе утвержденіе:

— Я думаю, Линичка... и не думаешь ли ты, что Сашенька могъ уѣхать въ Америку? Тише, тише, дѣвочка, не возражай, я знаю, что ты любишь возраженія. Америка достаточно хорошая страна, чтобы Сашенька могъ остановить на ней свой выборъ, я же хорошо

помню, онъ что-то рассказывалъ мнѣ очень, очень хорошее объ этой странѣ. Неужели ты не помнишь, Линочка?

Но больше къ этой мысли, на нѣкоторое по крайней мѣрѣ время, она не возвращалась: была ли обижена недовѣріемъ, или же сама еще недостаточно твердо рѣшила вопросъ. Когда въ концѣ октября появилось извѣстіе о смерти Сашки Жегулева, то и къ этому извѣстію Елена Петровна отнеслась съ тѣмъ же спокойнымъ недовѣріемъ, и на нѣсколько часовъ поколебала даже Линочку. Но было что-то неуловимо страшное въ черныхъ строкахъ, въ какихъ-то маленькихъ подробностяхъ — и, мучаясь неизвѣстностью, Линочка пошла въ городъ, къ Женѣ Эгмонтѣ. Вернулась она довольно скоро, и глаза у нея были странные, но день прошелъ обычно; а на слѣдующее утро она снова уходила и такъ нѣсколько дней подъ-рядъ, и глаза у нея были странные — но въ остальномъ все прошло по-обычному.

Только обезпокоила Елену Петровну какъ разъ въ эти дни разразившаяся буря: гремѣло на вывѣскахъ желѣзо отъ ледяного сѣвернаго вѣтра, уныло сумраченъ былъ короткій день и хотя настоящаго снѣга не было — около троттуарныхъ тумбочекъ, и у стѣнъ, и въ колодиныхъ мостовой забѣлѣлось, намело откуда-то. Весь день Елена Петровна посыпала смотрѣть на градусникъ, ужасаясь растущему холоду, а ночью, въ свистѣ вѣтра, въ ударахъ по стеклу то ли сухихъ снѣжинокъ, то ли поднятаго вѣтромъ песку, запептала раньше обычновеннаго, потомъ стала кричать и съ крикомъ молиться.

Но буря пронеслась, наступилъ день, и Елена Петровна успокоилась и снова, останавливаясь, начала вопросительно поглядывать на Линочку. Уже давно никто не нарушалъ ихъ одиночества даже звонкомъ, и, когда въ прихожей среди тишины рѣзко звякнула звонокъ, Елена Петровна вздрогнула и, трясясь, сразу заспѣшивъ съ очками, обратилась къ двери: молчала Линочка, не трогаясь съ мѣста, и кто-то тихо раздѣвался въ прихожей.

— Кто это? — воскликнула Елена Петровна: — зачѣмъ вы меня пугаете?

И въ высокой стройной дѣвушкѣ, одѣтой въ черное, не сразу узнала Женю Эгмонтѣ, а та стояла въ дверяхъ и плакала, и плакала навзрыдъ Линочка, и стало такъ страшно!...

Неслышно шагнула впередъ Женя и, склонившись на колѣна, припала къ прозрачнымъ, дрожащимъ рукамъ своей мокрой, холодной щекой; и говорила вздохами и слезами:

— Мамочка! Мамочка!

Но Елена Петровна отталкивалась и трясла головой:

— Саша умеръ? Саша умеръ?

— Да нѣть же!—кричала Линочка и кричала Женя:— онъ живъ, онъ живъ!

— А, живъ, такъ что же вы!—какъ будто даже со злобой говорила Елена Петровна и въ другое перенесла свою тоску, боль, мучительный испугъ—вѣспилась обѣими руками въ худенькія податливые плечи Жени, сильная и безжалостная, тряслася ее и кричала:

— Нѣть, ты вѣришь! Ты пришла... нѣть, ты вѣришь, что онъ поступаетъ хорошо, хорошо? Говори же, ты вѣришь! Женя!

— Вѣрю, мамочка. Я его невѣста. Я съ тобою буду ждать его!

Съ этого дня три въ черномъ шелестомъ своихъ платьевъ будили тишину темныхъ комнатъ, тихо ходили, еле слышно касаясь другъ друга, говорили ласковыми словами. Мелькнуть узкая рука, въ озареніи любви и душистаго тепла колыхнется что-то нѣжное: шопотъ ли, слившійся съ шелестомъ платья, или заглушенная слеза: мать—сестра—невѣста.

Паль на землю снѣгъ и посвѣтлѣло въ комнатахъ. И уже не тѣ стали комнаты: занялись обѣ дѣвушки уборкой и раскрыли ящики, разставили мебель, повѣсили драпри и гардины—при равнодушномъ вниманіи Елены Петровны. Одну комнату оставили для Саши.

По вечерамъ всѣ сидѣли вмѣстѣ, разговаривали о разномъ и много читали: теперь Елена Петровна совсѣмъ повѣрила, что Саша уѣхалъ въ Америку, и каждый вечеръ, надѣвала очки—она и слушала почему-то въ очкахъ—просила:

— Ну-ка, Линочка, почитай мнѣ обѣ Америкъ... ты ничего не имѣешь противъ, Женичка?—это очень хорошая страна.

— Я и сама буду читать, мама,—отвѣчала Женя весело:— мы будемъ по очереди.

— Вотъ все и устраивается прекрасно. Читай же, Линочка.

Читали по очереди дѣвушки: и пока ходила плакать одна, читала другая. И шутя утверждая безсмертіе жизни и безконечность страданія, Елена Петровна вытирала подъ очками глаза, потомъ снимала и прятала въ футляръ, говоря со вздохомъ:

— Теперь Сашенькѣ хорошо. Америка очень хорошая страна, очень!

Конецъ.

19 октября 1911 года.

Алексей Ремизовъ.

Шѣтушокъ.

Разсказъ.

Глава первая.

На Ильинъ день у Петьки корова пятиалтынныи съѣла.

Послѣ всенощной, какъ спать ложиться, дала бабушка мальчонкѣ денежку серебряную—пятнадцать копѣекъ на гостинцы. Въ Ильинъ день изъ Кремля крестный ходъ къ Иліи Пророку ходить на Воронцовъ поле, большой съ корсунскими крестами, и жандармовъ на коняхъ много ѳдетъ, а за обѣдней на церковномъ дворѣ въ садикѣ, у церкви подъ хоругвями гуляные: квасъ клюквенный продаются, игрушки, ягоды всякия, кружовникъ, груши и мороженное. Петька до ягодъ охотникъ и мороженное страсть любить,—пятиалтынныи ему на руку. Такъ съ пятиалтынныи и ночь спалъ.

Вернулась бабушка отъ ранней обѣдни отъ Николы Кобыльского, а Петька ужъ на ногахъ: и самоваръ приготовилъ и сапожонки себѣ ваксой начистилъ, принарядился,—въ пору хоть со двора сейчасть. И сколько разъ, ждавши бабушку, юла картузъ себѣ примѣрялъ—картузъ у Петьки съ козырькомъ лаковымъ; раньше-то соломенную шляпу таскалъ, а какъ поступилъ въ городское училище, картузъ ему бабушка купила. И ремень подтянуль до самой послѣдней дырочки, тоже лаковый, оправилъ свою черную суконную курточку съ двумя серебряными пуговками на воротѣ, только съ штанишками плохо—штанишки парусиновые, вымыты начисто, вымыла ихъ бабушка сама и выгладила, да коротеньки: голенища пальца на два вида,—ну, и Петька растетъ, и штанишки въ мойкѣ сѣли.

— Я, бабушка, тебѣ самоваръ въ одну минуту поставилъ!—встрѣтиль Петька бабушку, на одной ножкѣ прискакиваетъ.

— Умникъ ты у меня, Пѣтушокъ!—заморилась за обѣдней бабушка и чаю попить ей хочется.

Бабушка сама самоваръ ставить долго, такъ Петькѣ всегда казалось, что долго: бабушка сперва золу вытряхнетъ, наложить немного углей, на уголья лучинки, а потомъ, какъ уголья запишать,

ене подложить, и такъ раза два подложитъ. А Петька прямо съ золой, не вытряхивая, полонъ самоваръ напихаетъ углами, зажжетъ лучинки-щепочки и на щепочки угольковъ еще положить, и самоваръ будто бы сразу гудѣть принимается.

— Умникъ ты!—повторяетъ бабулка: рада она, что самоваръ на столъ шумить, и неспѣша попьеть она чайку, отдохнетъ малость до крестнаго хода.

Бабушка богомольная, не пропускала она ни одной службы и, когда случался покойникъ у Николы Кобыльскаго, пойдетъ и за обѣдни и на панихиду со свѣтчкой постоять, во всѣ крестные ходы съ Петькой ходила.

Сѣла бабушка за столъ чай пить, во и кусочка просвирки не прожевала, Петька ужъ торопить, тормошить бабушку идти крестный ходъ встрѣчать.

А куда рань такую! Крестный ходъ, поди, изъ Кремля не тронулся, крестный ходъ только-только что собирается, и у забора морозовскаго, поди, и дворники не стоять еще, сидѣть себѣ въ теплой дворницкой, чай пьютъ.

Бабушка съ Петькой обыкновенно встрѣчали крестный ходъ въ Введенскомъ переулкѣ на морозовскомъ рѣшетчатомъ заборѣ. Устраивались просто: сначала полѣзть Петька, а за Петькой и бабушка вскарабкается; лазала старуха на заборъ, и хоть трудно ей было, да зато виднѣе съ забора, и не раздавять.

— А то я, бабушка, одинъ пойду!—Петька надѣлъ свой картузъ съ козырькомъ лаковымъ и ужъ къ двери.

Боится бабушка Петьку одного безъ себя пускать, боится, раздавять ея Петьку.

— Тебя, Шѣтушокъ, еще раздавять!

— Не раздавять, бабушка, меня, мнѣ, бабушка, въ пропломъ году жандармъ конемъ на палецъ наступилъ, больно ка-къ! А ничего. Я пойду, бабушка.

Страшно бабушкѣ и ровно обидно: всякий годъ, вѣдь, вмѣстѣ ходили—впереди Петька, за Петькой бабушка въ своей старенькой тальмѣ и съ зонтикомъ, зонтикъ бабушка отъ солнца не раскрывала и носила его, держа не за ручку, а за кончикъ, такъ что ручка земли касалась. И отпустить ей безъ себя не хочется Петьку и перенеходить хочется, чаю неспѣша напиться!

Что подѣлаешь, не удержать мальчишку!

Пошелъ одинъ Петька.

Утро выдалось хорошее, свѣжее, будеть нежаркій день. Петька ли намолилъ у Бога такой славный денекъ или самъ праздникъ—Илія

Пророкъ послалъ такую благодать, хорошо будетъ крестному ходу идти, заблестять всѣ хоругви золотыя, и батюшкамъ хорошо будетъ идти, сухо, и пѣвчимъ пѣть.

Петъка вышелъ на крылечко, пятиалтынныи у него въ кулачкѣ,—много онъ купить кружовнику краснаго волосатаго и мороженаго съѣсть на пятачекъ шоколаднаго. Петъка прислушивался: гдѣ-то далеко звонили, но очень далеко. Должно быть, вышелъ крестный ходъ изъ Кремля и въ тѣхъ церквахъ, мимо которыхъ шелъ крестный ходъ, звонили.

„На Ильинкѣ или на Маросейкѣ... у Николы — Красный звонъ!“—смекнулъ себѣ Петъка и вдругъ увидалъ корову.

По двору ходила дьяконова корова, постановная, сытая рыжая корова.

Петъкѣ всегда было пріятно, когда встрѣчалъ онъ дьяконову корову, молочную, буренушку, какъ называла бабушка корову.

— Здравствуй, буренушка!—Петъка вприпрыжку подскочилъ къ коровѣ, протянулъ руку, чтобы погладить... денежка заиграла на солнцѣ, выскользнула пятиалтынныи, а корова языкомъ денежку и слизнула, слизнула, отрыгнула и проглотила.

Туда-сюда—проглотила!

Покоался Петъка въ травѣ, пошарилъ камушки, походилъ вокругъ коровы, постоялъ, подождалъ, не выйдетъ ли денежка... Нѣть, серебряной нѣть его денежки, съѣла буренушка, отнила она у Петъки его ильинскій пятиалтынныи.

Съ пустыми руками пошелъ Петъка къ Ильи Пророку.

Вернувшись ему, сказать бабушкѣ? Бабушка скажетъ: „Вотъ не послушался, пошелъ одинъ, корова и съѣла!“ Да и не дастъ ужъ никогда серебряную денежку. „Куда, скажетъ, такому давать,—все одно, корова съѣсть!“ Нѣть, лучше не говорить бабушкѣ. А какъ же кружовникъ и мороженное? Да такъ ужъ, придется обойтись безъ кружевника и мороженаго... А замѣтить бабушка? Ну, не замѣтить. Онъ скажетъ бабушкѣ, что цѣлый пудъ кружовнику съѣлъ и мороженаго сто стаканчиковъ... А не повѣрить бабушка? Повѣрить! Кружовникъ дешевый—дешевка, такъ сама бабушка говорить, и что-жъ тутъ такого: купилъ пудъ и съѣлъ. И денегъ у него не мало, серебряная вѣдь денежка, пе пятачекъ,—пятиалтынныи! Да нѣть у него никакого пятиалтыннаго, корова съѣла!

„Экая корова,—упрекалъ Петъка свою любимую буренушку,—зачѣмъ ты у меня денежку съѣла! А какой кружовникъ красный, волосатый, мороженное шоколадное вкусное... сто стаканчиковъ!“

Шель Петъка и все думалъ о своемъ пятиалтынномъ, который

нельзя вернуть. И былъ одинъ способъ: признаться бабушкѣ и чтобы бабушка новый дала. Но откуда взять бабушкѣ? Деньги не растутъ, говорить сама бабушка, серебряныхъ у ней наперечетъ, копѣекъ вотъ, тѣхъ много... Петька шелъ мимо Курскаго вокзала, мимо Рябовскаго дома дикаго, въ которомъ, думалъ Петька, никто никогда не живеть, а стоять однѣ золотыя комнаты, шелъ на Воронцово поле къ Иліи Пророку.

Весь Введенскій переулокъ травой устлали, всю мостовую покрыли свѣжей накошенной травой, тутъ была и Хлудовская трава и отъ Найденовыхъ и отъ Мыслина, все приходжалъ богатыхъ. Ноги скользили по травѣ, и Петька ухитрился озеленить штанинки. Въ травѣ попадались цветы, и отъ цветовъ пахло полемъ, напоминало о богомольѣ—Петька съ бабушкой всякое лѣто ходилъ на богомолье. Петька вдругъ забылъ о своемъ съѣденномъ пятиалтынномъ, зажмурился: такъ чутко, такъ ясно почувствовалъ онъ землю-траву подъ ногами и перенесся подъ Звенигородъ на дорогу полемъ—тамъ цветы-колокольчики, и лѣсомъ—тамъ кукуеть кукушка, къ Савинскому монастырю, а отъ Звенигорода, отъ Саввы Преподобнаго къ Николо-Угрѣшѣ, а отъ Николо-Угрѣши къ Троице-Сергію.

По переулку ужъ спѣшилъ народъ въ церковь, задерживались на тротуарѣ, выбирали поудобнѣе, повиднѣе мѣстечко стать. Звонили ближе, кажется, совсѣмъ близко: у Троицы на Грязяхъ. Нѣть, Петька ошибся, еще далеко: это звонили у Косьмы и Демьяна.

На морозовскомъ заборѣ еще никого не было, никто не сидѣлъ. Только дворники у воротъ стояли, да кучеръ морозовскій въ плисовой безрукавкѣ, черный, волоса коровыимъ масломъ смазаны. Петька тоже когда-нибудь, когда будетъ большой, смажется коровыимъ масломъ, и у него волоса такие же будутъ черные, какъ у кучера, а пока ему бабушка, послѣ бани только, смачиваетъ ихъ квасомъ.

Петька взобрался на морозовскій заборъ и сталъ глазѣть, дожидаться и крестнаго хода и бабушки.

„Гдѣ-нибудь на дворѣ сыщу,—нѣть-нѣть да и вспоминалась Петькѣ его несчастная денежка,—не пропадеть!“

Отъ денежки къ крестному ходу—гдѣ, въ какой церкви звонять, все прислушивался Петька, отъ крестнаго хода къ морозовскому кучеру, отъ кучера къ травѣ и богомолью, такъ переходили коротень-кія мысли маленькаго Петьки, Пѣтушка, какъ звала мальчионку бабушка.

Пришла бабушка съ своимъ зонтикомъ, вскарабкалась къ Петькѣ на морозовскій заборъ, ударили у Введенія въ Барашахъ, показался

крестный ходъ, загорѣлись золотымъ огнемъ тяжелыя хоругви, зазвонили у Иліи Пророка, и утѣшился Петька.

„Дасть ему бабушка новую денежку, а не дасть, и безъ круженника и безъ мороженаго съѣсть будеть!“

Глава вторая.

У бабушки никого нѣтъ, кроме Петьки. Петька—сынъ племянника ея, внуценокъ. Племянникъ—пропацій, былъ въ полотерахъ, въ чемъ-то попался, долго ходилъ по Москвѣ безъ мѣста, нашелъ, наконецъ, должность въ пивной у Николы на Ямахъ, прослужилъ зиму въ пивной, отошелъ отъ мѣста, поступилъ на заводъ къ Гужону и отъ Гужона ушелъ и, должно быть, въ золотороты попалъ на Хитровку, а тамъ и пропалъ. Хоть изрѣдка, заходилъ онъ къ бабушкѣ, заходилъ денегъ просить, хмельной. Бабушка племянника боялась и называла его разбойникомъ.

Петька съ бабушкой жили на Земляномъ валу у Николы Ко-быльского, комнату снимали въ подвалѣ. Прежде, когда силы были, бабушка безъ дѣла не сидѣла и не могла пожаловаться, безъ булки за столъ не садилась, какъ говорили сосѣди, а теперь глаза ослаѣли, работать больше не можетъ, да и годы большіе—бабушкѣ пшѣть лѣтъ было, когда Александра Павловича государя черезъ Москву провозили изъ Таганрога, вотъ ужъ ей сколько! Поддерживали бабушку добрые люди, изъ попечительства выдавали ей всякой мѣсяцъ, и Петьку ея въ городское опредѣлили. Бабушку Ильинишу Сундукову на Земляномъ валу всѣ знали, знали и на Воронцовомъ полѣ и въ Сыромятникахъ. Кое-какъ перебивалась бабушка съ Петькой.

Комнatenка ихъ тѣсная. До Сундуковыхъ жили въ ней двѣ старушки Сметанины, богомольные, какъ бабушка, померли Сметанины, на ихъ мѣсто и перебралась бабушка съ Петькой. А прежде занимала бабушка комнату попросториѣ, теперь тамъ маляры живутъ.

Комнatenка бабушкина вся заставлена. Стоитъ у бабушки комодъ, отъ ветхости вродѣ секретнаго—средній ящикъ никакъ не отворить, только съ праваго бока и то на палецъ, а про это знаетъ одна бабушка, спрятаны въ ящикѣ серебряный подстаканикъ съ виноградами, двѣ серебряныя ложки—на ручкахъ цвѣты выгравлены мелкіе съ чернило, все добро Петькино, будетъ ему постѣ бабушки. Есть у бабушки гардеробъ и тоже не безъ секрета: открыть дверцу отворишь, но тутъ и попался, дверца такъ и отвалится,—одна ба-

бушка умѣеть какъ-то такъ въ дырку какую-то шпунекъ вставить, п дверца на мѣсто станеть и гардеробъ запрется. Есть у бабушки сундучокъ дубовый, желѣзомъ обитый, смертный, хранить въ немъ бабушка сорочку, саванъ, туфли безъ задниковъ, холстинку, на смерть себѣ приготовила; въ этотъ самыи сундучокъ какъ-то осенью, когда на дворѣ капусту рубили, складывалъ Петька тайкомъ капустныя кочерыжки: думалъ, пострѣль, бабушкѣ угодить—полакомить ее на томъ свѣтѣ кочерыжкой. Ну диванчикъ стоитъ, съ виду совсѣмъ еще ничего, только если неосторожно сядешь, о деревяжку такъ и стукнешься. Въ углу кіотъ, три образа: верхній—маленькия иконки отъ святыхъ мѣсть и всякие мѣдные крестики и образки, пониже образъ Московскіе чудотворцы, Максимъ блаженный, Василій блаженный, Іоанпъ юродивый, стоять одинъ за другимъ, Василій нагъ, Максимъ съ опояскою, Іоаннъ въ бѣломъ хитонѣ, руки такъ—передъ Кремлемъ московскимъ, надъ Кремлемъ Святая Троица, а надъ блаженными дубрава—мать-пустыня—пещерныя горы, горы языками, огненныя, какъ думалъ Петька, икона древняя, и другая икона, по золоту писанная, Четыре праздника, четыре Богородицы — Покровъ, Всѣмъ Скорбящимъ Радости, Ахтырскія, Знаменіе, еле держится, тоже древняя. Подъ кіотомъ три клубка веревокъ: клубокъ толстой веревки, тонкой и разноцвѣтныхъ шнурочковъ, за многіе годы собранные бабушкой. Наконецъ, индюшка,—вотъ и все добро.

Бабушка Петьку накормить и индюшку не забудеть. Индюшка жила на дворѣ въ сараѣ, сараѣ рядомъ съ коровникомъ, чахла индюшка и ужъ такая старая, какъ бабушка, и только за бабушкой повторять не можетъ бабушкино „Господи Іисусе!“—а такъ, кажется, все понимаетъ, жизнью своей дошла, старостью.

Петька, когда былъ совсѣмъ маленький, индюшку боялся, но съ годами привыкъ и любилъ ее разматривать: сядеть въ сараѣ на корточки передъ индюшкой и смотрить—занимала Петьку голова индюшки, розовая въ мелкихъ розовыхъ бородавкахъ. А индюшка стоитъ-стоитъ, наежится и тоже присядеть. И сидятъ такъ оба: Петька и индюшка.

„У куръ дѣяконовыхъ цыплята, у Пушки котяtkи, а у индюшки нѣть ничего,—почему?“—не разъ задумывался Петька.

И не разъ, сама съ собою раздумывая, говорила бабушка:

— Хоть бы послалъ Богъ яичко напей индюшкѣ, вышли бы пѣтушки-индюшонки!

„Все отъ яичка, пошлеть Богъ индюшкѣ яичко, выйдутъ пѣтушки!“—смекнула себѣ Петька.

— Бабушка, а если Богъ пошлетъ индюшкѣ яичко?

— Да! Богъ!

— А дальше что?—провѣрялъ бабушку мудреный Петька.

— Сядеть.

— Какъ, бабушка, сядеть?

— На яйцо, Пѣтушокъ, сядеть, вотъ такъ,—бабушка присѣла, ау точь-въ-точъ, какъ сама индюшка,—двадцать одинъ день сидить, три недѣли, только поѣсть встанетъ и то черезъ день, а то и черезъ два, потомъ курань-пѣтушокъ выйдетъ.

— Бабушка, а куда же мы пѣтушка дѣваемъ?

— Съ нами жить будеть.

— Бабушка, мы его въ клѣтку посадимъ, онъ пѣть будетъ? Какъ соловей, бабушка, да?

— Да, Пѣтушокъ, маленький такой, желтенький съ хохолкомъ...

— Бабушка, мы воздушный шаръ сдѣлаемъ, полетимъ, бабушка!

— Что ты, Пѣтушокъ!

— Полетимъ, бабушка, тамъ съ пѣтушкомъ поселимся на шарѣ, мы въ шарѣ будемъ жить. Хорошо?

Бабушка долго молчала. А Петька, тараща глаза, смотрѣлъ кудато черезъ бабушку, ужъ видя, должно быть, тотъ шаръ воздушный, за которымъ жить будутъ: онъ, пѣтушокъ и бабушка.

— Не согласна,—сказала бабушка,—я ужъ тутъ помру, на шарѣ не согласна.

— Бабушка,—Петька о своемъ думалъ, не слыхалъ бабушку,—все отъ яичка?

— Пошли ей Господи!—бабушкѣ страсть хотѣлось, чтобы снеслась индюшка, и о пѣтушкѣ она замечтала не меныше, чѣмъ самъ Петька.

Забылъ Петька о ильинской денежкѣ, не пенялъ коровѣ, что сѣла его денежку, не надо ему никакой денежки, надо ему пѣтушка индѣйского. Но какъ достать яичко, какъ устроить, чтобы Богъ послалъ индюшкѣ яичко, изъ котораго все выйдетъ, пѣтушокъ выйдетъ?

„У дьякона взять, дьяконово, подложить его подъ индюшку,—ломалъ себѣ голову Петька,—у дьякона куръ много, яицъ куры кладутъ много... И всего-то, вѣдь, одно, только одно и падо! А ну какъ хватится дьяконъ, мѣченная они у него, — Петька ужъ и въ ларь дьяконовъ лазалъ! — съ мѣткою: число и день написаны, поймаютъ, и сдѣлаюсь воромъ. Придется воромъ на Хитровку идти. А бабушка? Какъ она одна жить будетъ? „Я только для тебя и живу, Пѣтушокъ, а то помирать давно бы пора!“—вспоминались слова ба-

бушки,—нѣтъ, у дьякона не надо брать. Но гдѣ же, гдѣ добыть яйцо? И всего-то вѣдь одно, только одно яичко!“

Случай вывелъ Петьку на путь. Задумала бабушка побаловать своего Пѣтушка, угостить его яичницей-глазуньей, послала Петьку въ лавочку за яйцами, три яйца купить. Петька два яйца бабушкѣ принесъ, а третье утаилъ, сказалъ, что яйцо разбилось.

— Вотъ, Пѣтушокъ, корова у тебя денежку съѣла, и яйцо ты разбилъ!—жалко было бабушкѣ разбитаго яйца.

А Петькѣ... да въ другое время онъ къ яичницѣ не притронулся бы отъ досады, но теперь, когда въ карманѣ у него лежало яйцо, изъ котораго все выйдетъ, пѣтушокъ выйдетъ, ему горя мало: пускай бабушка что хочетъ, то и говорить про него. Наскоро съѣль онъ свою яичницу, губъ не обтерь, прямо въ сарай къ индюшкѣ. Подложилъ ей яйцо подъ хвостъ, ждеть, что будетъ, а индюшка и не смотрить, будто и яйца никакого нѣть, не садится.

„Что же это значитъ? А ну какъ не сядеть?“

— Садись, индюшка, садись, пожалуйста!—Петька присѣлъ на корточки, уставился въ индюшачьи розовыя бородавки и такъ замеръ весь на корточкахъ, не дыша, не шевелясь съ одной упорпою мыслью, съ однимъ жаркимъ желаніемъ, съ одной просьбою: „садись, индюшка, садись, пожалуйста!“

Индюшка наѣжилась и присѣла, прямо на яйцо, такъ на самое яйцо и сѣла.

И Петька долго еще сидѣлъ, не сводилъ глазъ съ индюшки съ одной упорною мыслью, съ однимъ жаркимъ желаніемъ...

Индюшка сидѣла спокойно, крѣпко на яйцѣ куриномъ.

Тихонько поднялся Петька, тихонько вышелъ изъ сарая, забѣжалъ за сарай, прилипъ къ щелкѣ: индюшка сидѣла спокойно, крѣпко на яйцѣ куриномъ.

Бабушкѣ сказать? Нѣтъ, пускай бабушка сама увидить. А какъ бабушка обрадуется, когда увидить на яйцѣ индюшку!

Весь день Петька караулилъ за сараемъ у щелки: слѣдилъ за индюшкой, поджидалъ бабушку. Пришла бабушка въ сарай, принесла корму дать индюшкѣ.

— Слава Тебѣ, Создателю!—шептала старуха, крестилась, тычась по сараю, не вѣря глазамъ, ничего не понимая: индюшка снесла яйцо, индюшка на яйцѣ сидѣла!

Вечеромъ, послѣ долгаго дня, чудеснаго, легъ спать Петька, легла и бабушка. Вертѣлся, не спалъ Петька, все ждалъ, когда начнетъ бабушка о индюшкѣ. Съ бока-на-бокъ поворачивалась бабушка: и хотѣлось ей новость сказать и боялась, не сглазить бы.

Крѣпилась, крѣпилась старуха, не вытерпѣла:

— Пѣтушокъ!—покликала бабушка.

— Бабушка!—догадался пострѣль, въ чемъ дѣло, и будто со сна откликнулся.

— Ты не спиши, Пѣтушокъ?

— Что тебѣ, бабушка?

— Богъ милости послалъ!—бабушка даже засмѣялась, задохнулась отъ радости,—яичко, индюшка сѣла...

— Сѣла, бабушка?

— Сѣла, Пѣтушокъ, сидитъ...—бабушка тоненько протянула и закашлялась.

— Что-жъ, бабушка, куранъ у насъ будетъ, пѣтушокъ?

— Куранъ-пѣтушокъ, онъ самый индѣйскій,—шептала бабушка, словно въ куранѣ-пѣтушкѣ индѣйскомъ заключалась вся тайна, все счастье жизни ея и Петьки.

— Онъ у насъ жить будетъ?

— Съ нами, Пѣтушокъ, гдѣ-жъ еще?

— А мы его, бабушка, не сѣдимъ?

Бабушка не подала голосу, заспала бабушка, обласканная, обрадованная милостію Божіей—кураномъ-пѣтушкомъ индѣйскимъ, который черезъ двадцать одинъ день выйдетъ изъ яйца курина.

Чуть потрескивалъ огонекъ лампадки передъ образками и крестиками, передъ Четырьмя праздниками—Покровомъ, Всѣмъ Скорбящимъ Радости, Ахтырской, Знаменіемъ, передъ Московскими чудотворцами—Максимомъ блаженнымъ, Василемъ блаженнымъ, Ioannomъ юродивымъ. Горы матери-пустыни, огненные отъ огонька ночного, пламенными языками врѣзались въ Кремль московскій.

— Я, бабушка, пѣтушка любить буду!—и заснулъ Петька, Пѣтушокъ бабушкинъ.

Всякій день, и надо и не надо, навѣдывалась бабушка въ сарай къ индюшкѣ, всякий разъ благодарила она Бога за милость, ей ниспосланную, считала дни. И Петька дни считалъ и безнокоился не менѣе бабушки, забылъ онъ запускать змѣевъ своихъ, забросилъ змѣиные трещетки, забылъ онъ, что яйцо имъ самимъ подложено, и вѣрилъ въ него, куриное, какъ въ настоящее, индюшкой самой кладеное.

А индюшка, вопреки всякимъ индюшиннымъ обычаямъ, безъ поры, какъ сѣла, такъ и сидѣла на яйцѣ куриномъ спокойно и крѣпко, и не думала вставать съ яйца, погулять по сараю. Оттого ли, что сроду никогда до старости своей глубокой не неслась она и понятія не

имѣла ни о какихъ яйцахъ ни о своихъ, ни о куриныхъ, или Петъка тутъ дѣйствовалъ желаніемъ своимъ, или бабушкино терпѣніе услышано, жартъ настѣдочный загорѣлся у ней, какъ у заправской настѣдки, и розовыя бородавки на головѣ ея поблѣднѣли.

И прошло двадцать дней и одинъ день.

Петъка почти не спалъ, — „а ну-какъ пѣтушка не выйдетъ, болтунъ выйдетъ?“ — куда тамъ спать! И чуть свѣтъ, прямо въ сарай смотрѣть къ индюшкѣ.

— Пѣтушокъ идетъ, красно солнышко несетъ! — подскакивалъ Петъка на одной ножкѣ, грѣя, дыша на пѣтушка и тамъ, въ сараѣ, и тамъ, въ бабушкиной комнатенкѣ подвальной, словно въ пѣтушкѣ хранилась вся тайна, все счастье жизни его и бабушки.

— Слава Тебѣ, Создателю! Слава долготерпѣнію Твоему! — обезножила бабушка отъ радости.

Глава третья.

Осень въ тотъ годъ выдалась сухая и теплая. Солнце, хоть и короткое, оперило пѣтушка индѣйскаго: росъ. хрюплю покрикивалъ пѣтушокъ, хорохорился, наскакивалъ на вешнихъ дѣяконовыхъ пѣтуховъ, дрался, какъ пѣтухъ заправской. Все сулило въ немъ пунцовыи острый гребень, крѣпкія шпоры, голосистый голосъ — курань-пѣтушокъ индѣйскій!

Не индюшка, куда ей? — индюшка чахла, околѣвала, — бабушка ходила за пѣтушкомъ, и, когда тепло повернуло на стужу, взяли пѣтушка изъ сарайа въ комнату. Сбережетъ бабушка Петъкино счастье — выходитъ пѣтушка, какъ выходила Петъку — сберегла свое счастье на старость себѣ.

Съ холодомъ и октябрьской слякотью наступило тревожное время, памятные дни жертвъ народныхъ и вольности.

То, что на большихъ улицахъ въ городѣ погасло электричество, а подъ бокомъ на Курскомъ вокзалѣ стояли и мерзли блестящіе, начищенные паровозы, а за Покровской заставой у Гужона не дымили страшныя красныя трубы, не пыхало зарево за Андроніевымъ монастыремъ, все это, казалось бы, мимо шло бабушкиной подвальной комнаты: не нуждалась бабушка въ электричествѣ, по ночамъ не выходила за ворота, и въ дорогу ей некуда было собираться, и съ Гужономъ она никакихъ дѣлъ не водила. Но бабушка не одна въ подвалѣ: сосѣди, такіе же, какъ она, подвальные, простой рабочій народъ, туга крѣпкою цѣпью были связаны и съ гужоновскими крас-

ными трубами и съ блестящими курскими паровозами, и то, что трубы не дымили и паровозы стояли, вышибло ихъ изъ рабочей ихъ колен, перевернуло укладъ ихъ трудовой жизни, зашатало землю, стало въ ихъ жизни свѣтопреставленіемъ. И чувство, обуявшее улицы, ворвавшись въ будничные дни и мысли свѣтопреставленіемъ, перепосясь отъ заставы до заставы, съ улицы на улицу, изъ переулка въ переулокъ, изъ тупика въ тупикъ, съ фабрики на фабрику, изъ подвала въ подвалъ смутнымъ предчувствіемъ бѣда какой-то, напасти неминуемой, охватило старую душу бабушки у порога ея смерти.

Пропадавшій гдѣ-то на Хитровкѣ, сгинувшій было совсѣмъ племянникъ бабушкинъ, Разбойникъ, вдругъ появился у Николы Кобыльскаго въ бабушкиной подвалной комнатенкѣ.

Сведенная ревматизмомъ рука, носъ будто въ три носа одинъ на другомъ—слоновая бѣлья, черный потрепаный плащъ, а подъ плащемъ—ничего, одно еле-еле поддерживающееся немытое, закоруздлое бѣлье, рвань и тряпки, навели на бабушку страхъ и трепетъ. И не того стало страшно бабушкѣ, что Разбойникъ будетъ денегъ просить, съ ножомъ къ горлу пристанетъ, дастъ ему бабушка послѣдня, хоть и трудно ей, наголодаются они съ Петькой послѣ, стало ей страшно въ предчувствіи какомъ-то, будто племянникъ, отецъ Петьки, Разбойникъ, съ Петькой что-то сдѣлаетъ. А что такое сдѣлаетъ и что можетъ Разбойникъ сдѣлать съ Петькою, бабушка пе умѣла себѣ сказать, и только гдѣ-то, въ ея старой душѣ, ясно сказалось, что Петькѣ грозить бѣда, ужъ вышла бѣда изъ своего бѣдового костяного царства, идетъ, близится, подкрадывается къ маленькому немудреному пѣтушиному сердцу, безпощадная, неумолимая, немилосердная.

Племянникъ не пивши, не ъвши, голодный,—самоваръ ему бабушки поставила. Вернулся изъ училища Петька, сѣли къ столу чайничать.

Петька, наслушавшись отъ странниковъ на богомольѣ о жизни подвижниковъ, какъ дошли угодники до своей святости, мечталъ когда-то поступить въ разбойники, грѣхъ принять на душу, а потомъ и къ Богу отойти, въ монастырѣ—въ пещерѣ жить. И вотъ онъ силѣлъ за однимъ столомъ съ разбойникомъ, изъ одного самовара чай пили, и этотъ разбойникъ, племянникъ бабушки, самъ отецъ его. Петька не отрывалъ глазъ отъ отца, смотрѣлъ на его трехступенчатый носъ и такъ, съ тѣмъ пожирающимъ любопытствомъ, съ какимъ смотрѣлъ въ сараѣ па розовыя индюшачьи бородавки. И не зная, чѣмъ угодить отцу, передъ разбойникомъ удаль свою показать, склонилъ онъ со стула, поймалъ забившагося подъ диванчикъ пѣтушка, поднесъ его за крыльшки.

— Вотъ опъ какой,—сказалъ Петька,—индѣйскій!

— Намъ съ Петькой только бы пѣтушокъ цѣль бытъ, намъ съ Петькой больше ничего не надо!—словно бы оправдывалась въ чемъ-то бабушка, руки ея тряслись и голова потряхивалась.

Разбойникъ подмигнулъ пѣтушку—славный пѣтушокъ!—Разбойникъ утолялъ голодъ, торопился, заѣдалъ проголодъ свою,—отъ рябчика-то какъ подведетъ!—Ѣлъ, весь Петькинъ обѣдъ съѣлъ и бабушкинъ, принялся за чай. Горячій чай распарилъ его, разморилъ, развязалъ языкъ. И онъ принялся что-то путанно рассказывать, смотря куда-то черезъ Петьку и бабушку, какъ смотрѣлъ Петька, рассказывая о своемъ воздушномъ шарѣ, на которомъ поселяется онъ, пѣтушокъ и бабушка. По словамъ Разбойника выходило, что ужъ чуть ли не все стало можно, пе стало никакихъ законовъ, нѣть больше закона, и не сегодня, такъ завтра капиталы всѣ перейдутъ въ его руки, и тогда начнется расправа, бой кровавый...

— Интелигенцина... революція...—повторялъ Разбойникъ непонятное, мудреяя слова и пальцемъ крутилъ себѣ около шеи,—я на графинѣ женюсь!

И чѣмъ больше Разбойникъ разогрѣвался, тѣмъ мудренѣе становились разсказы его и неподобнѣе. Петька съ разинутымъ ртомъ, смотря въ трехступенчатый разбойничій носъ, слушала отца. Бабушка головой потряхивала.

— Намъ съ Петькой только бы пѣтушокъ цѣль бытъ, намъ съ Петькой больше ничего не надо!—шамкала бабушка, словно бы оправдывалась въ чемъ-то и за себя и за Петьку.

Опрокинувъ послѣднюю чашку, ушелъ Разбойникъ съ бабушкиной послѣдней мелочью въ кулакѣ. Осталась бабушка съ Петькой и пѣтушкомъ индѣйскимъ. Прибрались,—прибрали самоваръ, вымыли чашки, смели крылышкомъ въ мѣшечекъ крошки, выучилъ Петька урокъ, посидѣли, позывали, поиграли въ молчанки и скоротали вечеръ. Потомъ, помолясь Богу, заглянули подъ диванчикъ къ пѣтушку: спить или не спить?—пѣтушокъ ужъ давно спалъ, и сами легли спать.

Вертѣлся, не спаль Петька. Съ бока-на-бокъ поворачивалась бабушка: беспокойство гнело ее и страхъ

— Пѣтушокъ!—покликала бабушка: стало ей не въ мочь терпѣть свой страхъ.

А Петька, ворочаясь съ открытыми глазами, разбойникомъ себя видѣлъ, и изъ слышапныхъ мудреныхъ отцовскихъ разбойничыхъ словъ городилъ себѣ разбойничын дѣла, разбойную жизнь.

— Пѣтушокъ, а Пѣтушокъ! — еще тише, еще ласковѣе покликала бабушка.

— Что тебѣ, бабушка? — вскочилъ Петька, онъ услышалъ бабушку: показалось ему, бабушка окрикнула его голосомъ.

— Это я, Пѣтушокъ, не бойся, — бабушка со страха едва голосъ переводила, — ты. Пѣтушокъ, не уходи никуда...

— Въ разбойники, бабушка, — живо отвѣтилъ Петька, — разбойникомъ буду жить! И ты, бабушка, тоже... въ разбойники!

— Не уходи, Пѣтушокъ! — тоненько, чуть слышино пропищала бабушка, не слышно для Петьки, и лежала такъ пластомъ въ страхѣ смертномъ: всякий стукъ, всякий трескъ былъ ей теперь угрожающимъ, лай собачий грознымъ, словно ужъ подкрадывался кто-то къ дому ихъ. пробирался къ крылечку подвальному, воръ — недобрый человѣкъ, за Петькой, за Пѣтушкомъ ея.

Съ открытыми глазами лежалъ Петька, не Петька, разбойникъ настоящій, черный, голова смазана коровьимъ масломъ, какъ у морозовскаго кучера, носъ — три поса, одинъ на другомъ, рука скрючена, онъ заберетъ съ собою бабушку, пѣтушка индѣйскаго, полетѣть они на Хитровку въ воздушномъ шарѣ, будутъ тамъ разбойничать, будетъ тамъ бой кровавый...

Чуть потрескивалъ огонекъ лампадки передъ образками и крестиками, передъ Четырьмя праздниками — Нокровомъ, Всѣмъ Скорбящимъ Радости, Ахтырской, Знаменiemъ, передъ Московскими чудотворцами — Максимомъ блаженнымъ, Василіемъ блаженнымъ, Иоанномъ юродивымъ. Горы матери-пустыни, огненная отъ огонька ночного, пламенными языками врѣзались въ Кремль московскій.

— Я, бабушка, въ разбойники поступилъ! — бормоталъ сквозь сонъ Петька.

Неспокойная кончилась осень, наступила зима. Не улеглась тревога у бабушки, а Петька просто отъ рукъ отбился: нападетъ на сорванца икота, и онъ, — что бы Отче нашъ читать, прежде всегда Отче нашъ читалъ, помогало, — Калечину-Малечину считаетъ! Не успокоилась бабушка, не утишились улицы, холодомъ, лютью не остудилась Москва, не вошла жизнь въ свою полосу буденъ съ ихъ трудомъ день-деньскимъ и заботами.

По невѣдомымъ путямъ, нечаемымъ, шла, наступала бѣда на русской народѣ, безпощадная, неумолимая, немилосердная, загнала его въ чужкія дальня земли къ чужому народу и тамъ разметала на позоръ и глумленіе, вывела въ неродной Океанъ и тамъ потопила гроз-

нѣе бури, непроносной грозы, и темная, ненасытная изъ чужой желтой земли шла, подступала къ самому сердцу въ облихованную горе-горькую землю, на Москва-рѣку. По грѣхамъ ли напимъ, какъ любила говорить бабушка, въ вразумлениѣ ли неразумію, какъ говоривалъ братецъ босой изъ чайной съ Зацѣпы отъ Фрола и Лавра, или за всего міра безумное молчаніе свое, русская земля, русской народъ, онѣмѣвшій, безгласный, некрѣпкій, еще и еще разъ карамый, отбывъ три бѣды, отдавался на новую напастную.

И вотъ ровно горы пещерныя огненныея Московскихъ чудо-творцевъ, и въ явѣ огненныея, огненными языками плѣпули на Кремль московскій, и въ ночи дымящее зарево разлилось надъ Москвою.

Послѣ николина для, въ субботу сѣла бабушка съ Петькой за столъ, время было обѣденное, принялись за ъду, что Богъ послалъ—не до бабушки, видно, стало въ такие дни, забывали старуху, и нерѣдко ужъ по цѣлымъ недѣлямъ сидѣла бабушка съ Петькой впроголодь.

— Бабушка,—Петька вскочилъ изъ-за стола,—слышишь?

Бабушка положила ложку, пощипала корочку.

— Бабушка...—Петька просунулся къ форточкѣ.

Бабушка не шевелилась, только голова тряслась у ней, какъ тряслась при Разбойникѣ.

— Стрѣляютъ, бабушка!—и Петька выскочилъ за дверь.

Стрѣляли въ городѣ далѣко, стрѣляли па Тверской гдѣ-то, и ровно изъ-подъ земли доносило на Земляной валъ глухой ахающій гулъ, дрожали стекла.

Бабушка не слышала. Петька услыхалъ. И теперь бабушка слышала и крестилась, какъ при громѣ.

Наступили мятежные дни. Каждый уголь, каждый перекрестокъ сталъ обѣдованъ: ненасытная, темная, карающая, поджидала лихая бѣда и ночью и днемъ, и на безлюдѣ и на людяхъ.

Страшно бабушкѣ Петьку отъ себя отпускать. Долго ли до грѣха: ужъ одни разбойники видѣлись бабушкѣ и въ съемщикахъ, снимающихъ съ работы по фабрикамъ и заводамъ рабочихъ, и въ дружинникахъ, и въ драгунахъ, и въ казакахъ, проѣзжающихъ по Садовой къ Курскому вокзалу. И все палять, бабушка ужъ ясно слышить, на Тверской гдѣ-то, въ Кудринѣ, на Прѣснѣ и тутъ, два шага, на Мѣщанской гдѣ-то, все палять и палять, и съ каждымъ часомъ все громче доносится гулъ до подвала и словно хлопаетъ бичъ, ломаютъ сухія вѣтки.

Съ Николина дня бабушка ночи не спала, караулила Петьку, какъ караулила въ первыя недѣли пѣтушковой жизни пѣтушка индѣйскаго, какъ караулилъ однажды самъ Петька за сараемъ у щелки индюшку на куриномъ яйцѣ.

Рвется на волю мальчонка, не сидится ему въ комнатѣ, не посѣда.

Побѣжалъ Петька съ мальчишками на Сухаревку и бабушка за нимъ.

То-то Петькѣ развлечениѣ: въ прежнее время такъ ребятишки горку на льду строили, а теперь улицу загораживали.

Петька схватился за телеграфный столбъ.

— Тащи!—кричить неугомонъ бабушкѣ.

То-то горе бабушкѣ: отъ страха руки трясутся, какіе тамъ столбы таскать! лучинка въ рукахъ не держится, — подняла бабушка щепочекъ, такъ стружекъ всякихъ, понесла за ребятишками щепочки и положила ихъ, даръ свой, въ мірскую заставу—въ груду нагроможденнаго добра къ ящикамъ, рѣшоткамъ, телеграфнымъ столбамъ, вывѣскамъ.

— Ай-да бабка!—подтрунивали надъ старухой, и какой-то „разбойникъ“ изъ дворниковъ зубоскалилъ, поколачивая сапогъ-о-сапогъ.

— По грѣхамъ нашимъ! — шептала бабушка, уморилась она бѣ своими щепочками, а отстать не отставала отъ Петьки.

Экій, вѣдь, молодецъ онъ у ней, взобрался куда, на самую-то вышку подъ кумачный флагъ, заломилъ картузъ, какъ лихой казакъ, козырекъ лаковый, а флагъ надъ нимъ кумачный, какъ воздухи...

— Залѣзай, бабушка!—кричить Петька своей бабушкѣ, пѣтушокъ-пѣвунъ.

Ну и какъ тутъ отстать, на самое Сухареву на башню полѣзешь!

Вечеромъ, когда зазвонили ко всенощной и жутко, на перебой со звономъ, врывааясь въ колокола, разносилась пальба, бабушка стала собираться ко всенощной. Петька впередъ побѣжалъ и на дворѣ съ ребятишками возился у дьяконова коровника: въ казаковъ затѣяли игру и въ забастовщиковъ.

Бабушка, ужъ одѣтая въ свою ватошную стеганую кофту, повязанная угломъ, въ своеемъ черномъ шерстяномъ платкѣ, заглянула подъ диванчикъ къ голодному пѣтушку: спить или не спить?—спаль пѣтушокъ. Поправила лампадку, —глядѣли на нее изъ сумерекъ праведные лики: Чудотворцы, Божія Матерь,—и смутно ей стало.

Потужила она, что бѣдно у нихъ, очень ужъ бѣдно стало, праздники подходятъ, нечѣмъ праздникъ встрѣтить!... трудно ей и въ

могилу пора и Петьку жалко... маленький, дѣтенышъ, хоть бы на ноги
сталъ! несмысленный дѣтенышъ.

— Пресвятая Богородица, Всепѣтая, Господи, Заступница... —
бабушка сложила пальцы крестъ сдѣлать...

— Кончайте! — сказалъ кто-то за стѣнкой не то у маляровъ, не
то у шапочниковъ, должно быть, съемщикъ какой.

Бабушка вздрогнула, обернулась, а въ дверяхъ племянникъ—
Разбойникъ стоитъ.

— Давай, старуха, денегъ! — наступаетъ.

Бабушка затряслася головой: хоть голову рѣжь, нѣть у ней ни-
чего.

— Нѣть, говоришь? — наступалъ Разбойникъ.

— Истинный Богъ... нѣть.

Разбойникъ бабушку за шиворотъ, носомъ ткнулъ въ комодъ.

— Ищи, говорю!

Бабушка пошарила подъ кіотомъ и молча, — языкъ отъ страха не
слушался, — подала Разбойнику три клубка веревокъ: клубокъ толстой
веревки, тонкой и разноцвѣтныхъ шнурочковъ, скопленное добро за
много лѣтъ... Разбойникъ стукнулъ кулакомъ старуху, покатился
клубокъ, присѣла бабушка, какъ индюшка передъ Петькой, и такъ
застыла на корточкахъ.

Разбойникъ расправлялся: опрокинулъ онъ бабушкинъ дубовый,
желѣзомъ обитый, смертный сундучокъ, повыбрасывалъ смертное
добро — сорочку, саванъ, туфли, холстинку, полѣзъ въ гардеробъ,
оторвалъ дверцу, и тамъ пѣть ничего, схватился за комодъ, всѣ
ящики перерылъ, все вывернулъ, нѣть ничего! Одинъ средній ящикъ
не отворяется, возился, возился, не отворяется...

Подкатившійся клубокъ разбудилъ пѣтушка, вышелъ пѣтушокъ
изъ-подъ диванчика и, захлопавъ крыльями, хрюпло запѣлъ, запѣлъ,
какъ въ полночь, на свою голову, маленький такой, желтенький, съ хо-
холкомъ...

Разбойникъ поймалъ пѣтушка, свернулъ ему шею, шваркнулъ
бабушкѣ:

— Подавись! — и пошелъ.

А тамъ, на дворѣ у коровника, содомъ, стоялъ разыгрались ребя-
тишки. Съ крикомъ выскочилъ Петька со двора на улицу — одна
ватага другую преслѣдовала, — перебѣгалъ черезъ улицу. Проѣзжав-
шій патруль отъ Сухаревки, миновавъ Хишинскую фабрику, расчи-
щая путь, открылъ огонь по улицѣ. Петька кувыкнулся носомъ въ
снѣгъ, схватился за картизъ и больше ужъ не всталъ.

Съ разорванной грудью, пробитымъ сердцемъ, окоченѣлаго вер-

нули Петьку въ подвалъ къ бабушкѣ, и картузъ Петъкинъ съ козыркомъ лаковымъ.

Вотъ какъ, вотъ гдѣ, вотъ откуда бѣда пришла, принимай бѣду!

Все приняла бабушка. Какая она старая, а все въ комнатенкѣ своей подвалной живеть, живеть себѣ, не пропускаеть пи одной службы и, когда случится покойникъ у Николы Кобыльского, пойдетъ и за обѣднью и на панихиду со свѣтчкой постоять. Нѣть никого у бабушки. Отдала она племяннику подстаканникъ серебряный съ виноградами и двѣ ложки серебряныя, для Петьки берегла, ну, теперь ему ничего не надо! Пропалъ племянникъ съ подстаканникомъ и ложками, не заходилъ ужъ къ бабушкѣ, околѣла индюшка.

Пѣтушокъ идетъ, красно солнышко несетъ!—вспоминается бабушкѣ, какъ Петька пѣлъ, часто-часто вспоминаетъ она Петьку, Пѣтушка своего. И тихо разсказывается, такъ тихо, будто спать въ комнатѣ или боленъ кто и боится она разбудить, потревожить голосомъ своимъ, все разсказываетъ и о индюшкѣ и о яйцѣ чудесномъ, о пѣтушкѣ индѣйскомъ, о Разбойникѣ, и какъ строила она съ Петькой заставу на Сухаревкѣ, и какъ вернули ей Петьку съ разорванной грудью, пробитымъ сердцемъ, окоченѣлаго, и картузъ Петъкинъ съ козыркомъ лаковымъ...

— Попла я, батюшка,—тихо, ещетише, рассказывала бабушка,— попла я свѣтчечку поставить Ивану Осяничеку обидяющему, хочу поставить, а рука не подымается,—и подымала бабушка свою трясущуюся, руку, но опускалась рука, это обида безвинная, горькая, смертельная опускала ей руку, горечью темнила глаза ей, и рука тряслась, все подняться хотѣла и не давалась, а синяя пустыя жилы крѣпко напруживались, крѣпко сжимались сухie пальцы, это сжимала она свѣтчечку Ивану Осяничеку обидя щему, угоднику Божию, который обиды принимаетъ безвинныя, горькія, смертельныя, всѣ...—и поставила!—бабушка кивала головой и ужъ легко подымала руку такъ... у Чудотворцевъ московскихъ, у Максима блаженного, Василія блащенаго, Иоанна юродиваго такъ руки подняты, и рука не тряслась, это свѣтчечку держала она, свой горящій, неугасимый огонекъ, сжигающій въ сердцѣ послѣднюю, безвинную, горькую, смертельную обиду, и глаза ея тихо теплились, это вѣра свѣтилась въ глазахъ ея крѣпкая, нерушимая, доносящая до послѣднихъ дней свѣтчечку, огонекъ святой черезъ всѣ бѣды, черезъ всякую напасть, черезъ всѣ лишенія, когда ужъ все отнято: пѣтушокъ индѣйскій, Петька, Пѣтушокъ.

Ю. Жулавский.

Конецъ мессіи.

Драма въ 4 актахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Саббатай Ц'ви, єврейський мессія.

Сара, його жена.

Самуїль Примо, придворний писець мессії.

Натанъ Леви, пророкъ мессії.

Іосифъ Халеви, сарафъ-паша при султанѣ, казначей мессії.

Хакимъ-паша Дидонъ, єврей - вѣроотступникъ, приближений
врачъ султана.

Неэмія Когенъ, польський єврей, мужъ праведної жизни.

Мохамедъ IV, султанъ османській, калифъ.

Ахмедъ Кеприли, великий визирь.

Ванни, муфтій и каймъ-макамъ въ Адріанополь.

Кизларъ-паша, евнухъ, начальникъ султанскаго двора.

Гассанъ-ага, начальникъ янычаръ.

Хаджи-бей, управитель замка Дамиръ-Ташъ.

Амстердамскій єврей.

Іспанскій єврей.

Ницій єврей.

Старий єврей.

Дѣвушка.

Талмудистъ.

Три каббалиста.

Єврейськіе ученіе, свита Мессії и Сари, євреи изъ разныхъ
частей свѣта, толпа женщинъ и дѣтей, свита султана, яны-
чары, стрѣлки изъ лука, евнухи, черные неволь-
ники, слуги, танцовщицы.

ДѢЙСТВІЕ проходить въ Адріанополѣ, въ городѣ, называемемъ
у мусульманъ Эдредехъ, въ году отъ сотворенія міра 5408, а отъ
Р. Х. 1666.

А К Т Ъ I.

Комната въ башнѣ замка Дамиръ-Ташъ, возлѣ Адріанополя. Стѣны голыя, каменные. Три двери съ мавританскими арками: двѣ въ глубинѣ и одна въ лѣвой боковой стѣнѣ. Передъ одной дверью въ глубинѣ на полу изъ каменныхъ плитъ — узорчатый коверъ. Направо широкое окно.

Залъ полонъ людей. Евреи въ одеждахъ самыхъ различныхъ странъ стоять группами, либо расхаживаютъ; нѣкоторые сидятъ по восточному обычаю на принесенныхъ съ собою коврикахъ или цыновкахъ. У дверей съ лѣвой стороны на стражѣ два неподвижныхъ янычара. Тутъ — мѣсто заключенія еврейскаго мессы Саббата я Цві, котораго привезли изъ замка Абыдосъ, чтобы представить его на судъ самого султана Мохамеда IV.

Присутствующіе держатся, однако, вполнѣ свободно. Входять и выходятъ чрезъ открытую дверь, мимо стоящихъ янычаръ. Царить безпрерывный шумъ. Нѣкоторые поглядываютъ на дверь въ глубинѣ, ведущую въ помѣщеніе Мессіи, какъ бы ожидая съ минуты на минуту его выхода. Другіе, увлеченные споромъ, по-просту забыли, где находятся: кричать и ожесточенно жестикулируютъ. Когда шумъ слишкомъ возрастаетъ, янычары молча ударяютъ прикладами длинныхъ своихъ карабиновъ о каменный полъ, возстановливая на мгновеніе тишину. Впереди нѣсколько каббалистовъ ведутъ между собою жаркій споръ.

І каббалистъ. Написано въ книгѣ Раціель: „десять есть Сефировъ, десять, а не девять, десять, а не одиннадцать“.

ІІ каббалистъ. Но если бы захотѣлъ Всемогущій — да будетъ благословенно имя Его! — то было бы ихъ одиннадцать, а можетъ быть даже двадцать.

III каббалистъ. Неправда. Столько есть Сефировъ, сколько святыхъ именъ у Всемогущаго. А написано: „если человѣкъ захочеть просить Господа, долженъ всегда называть всѣ Его имена, ибо число ихъ —десяты: Хай, Io, Іегова, Эль, Элогимъ, Іедудъ, Элога, Сабаотъ, Шаддай, Адонай“.

II каббалистъ. Но Сефиры—и есть выраженіе божественной сущности, для которой не можетъ быть другихъ ограниченій, кроме я собственной воли. Слѣдовательно, если бы захотѣлъ Всемогущій...

I каббалистъ (перебиваеть). Воля Всемогущаго—да будетъ благословенно имя Его!—по происхожденію не старше Сефировъ и, значитъ, не можетъ быть причиной ихъ возникновенія и количества.

II каббалистъ. Сказано вѣдь: „конецъ Сефировъ сопрягается съ ихъ началомъ, какъ огонь со своимъ тепломъ, ибо Господь есть единій Господь, и нѣть Бога іншаго“. Какое же значеніе имѣютъ передъ Единымъ имена и числа?

III каббалистъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и говорится: „Всемогущій—да будетъ свято имя Его!—сотворилъ душу всего, что существуетъ и будетъ существовать, при помощи двадцати двухъ буквъ“... Слѣдовательно, если созданіе міра есть выраженіе Его сущности—ибо иначе оно не было бы тѣмъ, что есть—то тѣмъ болѣе числа и буквы, черезъ посредство которыхъ создавалось...

II каббалистъ (перебиваеть). Это ничего не значитъ! Вѣдь и Законъ зависить отъ Всеышняго, между тѣмъ написало: „безъ человѣка и безъ Закона было бы бытіе Божіе подобно нищему, у котораго нѣть одежды, чтобы прикрыть наготу свою“...

Амстердамскій еврей (приближается къ каббалистамъ). Не знаете ли, ученые, скоро ли придетъ Мессія?

I каббалистъ. Мессія—да будетъ благословенно имя его!—уже пришелъ и находится среди настѣ.

Амстерд. еврей. Я знаю; только спрашиваю, скоро ли выйдетъ онъ сюда, чтобы глаза мои увидѣли его?

II каббалистъ. Выйдетъ, когда пожелаетъ.

III каббалистъ. Выйдетъ, когда наступитъ урочный часъ, назначенный Всемогущимъ.

Амстерд. еврей. Мы уже очень давно ожидаемъ. Насъ прислали сюда представители нашей обицны въ Амстердамъ, дабы мы извѣстили Мессію, что уже распродали дома наши и ждемъ только его знака, чтобы идти за нимъ...

Старый еврей (рыдаеть). Что же стало съ Мессіей? Сыны Эдома, необрѣзанные, поклоняющіеся богу, который совсѣмъ не Богъ, захватили Мессію и наложили оковы на руки его... о, горе, горе!

II каббалистъ (поворачивается къ собесѣдникамъ). Итакъ, я говорю вамъ, что если бы захотѣль Всемогущій, то могло-быть двадцать Сефировъ, а не десять...

III каббалистъ. Невѣрно! Десять—это святое число. Оно содержитъ въ себѣ семь и три... А если мы еще обратимъ вниманіе на знакъ его...

Амстерд. еврей (слѣдя за каббалистами). Скажите, ученые, не могу ли я войти теперь къ Мессіи?

II каббалистъ. Не мѣшай! Чего ты хочешь отъ насъ?

Амстерд. еврей. Я хотѣлъ бы... къ Мессіи... Ужъ слишкомъ долго мы ожидаемъ... А прибыли мы издалека...

I каббалистъ. У Мессіи нѣть времени...

Испанскій еврей (съ горячностью). Нѣть времени для нуждъ нашихъ! Для жалобъ нашихъ и слезъ!

II каббалистъ. Что ему — ваши нужды! Въ одиночествѣ бесѣдуетъ онъ теперь съ небесными духами, которые поучаютъ его тайнамъ творенія (Отходитъ немного въ сторону съ другими каббалистами).

Старый еврей (рыдаетъ). Показанъ свѣтъ очамъ напимъ, дабы тѣмъ горше познали мы нынѣ тьму, напоены уста наши мездомъ, дабы тѣмъ больнѣе горечь мирры ихъ жгла!

Амстерд. еврей (безпомощно озирается). Что же теперь будетъ?

Испанскій еврей. Я тоже давно ожидаю. Я изъ Испаніи... далеко...

Старый еврей (сидя все время на полу). Отступились отъ меня, говорить Господь, и за то въ руки врага вашего предалъ я васъ. О горе, горе! Наложили узы на Мессію, и погасъ свѣтъ очей нашихъ!

Амстерд. еврей. Что же теперь будетъ? Мы распродали дома наши и выбрали уже всѣ деньги изъ торговли, чтобы идти за Мессіей...

Испанскій еврей. Видно, не пришелъ еще часть нашего избавленія... А тамъ радуются уже, въ странѣ неволи... Взоры ихъ оттуда направлены на Мессію...

Талмудистъ. А я говорю, что этотъ мессія совсѣмъ не мессія. Закона онъ не блюдетъ, позволяетъ есть мясо нечистое, и хотя взялъ жену, но дѣтей съ нею не плодитъ. Онъ грѣшникъ...

III каббалистъ (подскакиваетъ къ нему съ кулаками). Не богохульствуй, ты, собака!

Талмудистъ. Не я богохульствую, а онъ. Извѣстно вѣдь хорошо, что онъ произносить громко запрещенное имя Божье...

Нѣкоторые изъ евреевъ (недавно только прибывшихъ къ Мессіи, повторяютъ въ священномъ ужасѣ). Имя Божье... произносить...

Голосъ (громкій и сильный доносится вдругъ изъ глубины). И не умираетъ!

Амстерд. еврей (оглядывается). Кто это сказалъ?

Испанскій еврей. Это пророкъ Мессіи.

Другой еврей. Это Натањъ, въ котораго вселилась душа Илії.

Другіе. Слушайте, что онъ говоритъ!

Натањъ (молодой съ горящими глазами еврей, приближается быстро къ группѣ говорящихъ). Кто тутъ осмѣливается изрыгать хулу противъ Мессіи? Кто отвращаетъ лицо отъ свѣта, ниспосланнаго нашимъ очамъ?

III каббалистъ (указываетъ пальцами обѣихъ рукъ на ученаго талмудиста). Это онъ! это онъ! Приспѣшникъ вавилонскаго талмуда!

Талмудистъ (вызывающе). Нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, что Саббатай Ц'ви и есть мессія!

I каббалистъ (къ Натању, дрожа отъ негодованія). Онъ говорить, что нѣтъ доказательствъ! Эта собака говоритъ, что нѣтъ доказательствъ!

Крикъ возмущенія.

Натањъ. Развѣ ничего не говорять вамъ чудеса, которые онъ совершилъ, и ничего не значать всѣ откровенія и пророчества?

Талмудистъ. Но кто сказалъ, что онъ относится къ нему?

I каббалистъ. Онъ спрашиваетъ, кто сказалъ! Онъ спрашиваетъ... (Отъ ярости прерывается у него голосъ).

Натањъ. Если бы онъ не былъ воистину помазанникомъ Божіимъ, какъ бы могъ онъ поднять народъ, разбросанный по всей землѣ и стонущій въ неволѣ! Если бы онъ не былъ воистину помазанникомъ Божіимъ, развѣ сумѣлъ бы онъ уйти изъ силковъ вашихъ, проклятые талмудические слѣпцы, пѣ силковъ, которые вы наставили для него въ Смирнѣ и въ Іерусалимѣ и на египетскихъ берегахъ, вплоть до здѣшнихъ мѣстъ преслѣдуя его ненавистью своею? И имя его само говоритъ за себя. Развѣ Саббатай не означаетъ: „рожденный въ день Господень“ и развѣ Ц'ви не выражаетъ собою „краса“ и „слава“ и „мощь“ и все, что только есть свѣтлого и великаго на землѣ?

Ш каббалистъ. Онъ вѣрно говорить!

Талмудистъ. Гдѣ-жъ это слыхано, чтобы Мессія позволилъ себя связать и ввергнуть въ темницу, а Богъ не послалъ бы ему семь сонмовъ ангельскихъ для защиты? Псы языческие могутъ вѣрить въ такого мессію, но не мы...

Волненіе среди присутствующихъ.

Натанъ. Кто сказалъ, что Мессія въ заключенії?

Испанск. еврей (указывая на двери). А развѣ не стоитъ стражъ у дверей? развѣ не по приказу сultана привезенъ сюда Мессія?

Натанъ. Но развѣ вамъ кто-нибудь запретилъ сюда войти, или васъ задержитъ кто-нибудь, когда вы будете выходить отсюда?

А мстэрд. еврей. Это правда...

Натанъ. Развѣ Саббатай Ц'ви—пусть во вѣки святится имя его!—мессія и царь надъ царями земли, не имѣть здѣсь слугъ своихъ и своего двора и не дѣлаетъ здѣсь, что захочетъ?

А мстэрд. еврей. Это правда! это правда!

Группа слушателей образуется вокругъ молодого пророка.

Натанъ. Падаютъ ницъ предъ нимъ враги его и дрожать слуги невѣрнаго царя, когда онъ смотрить на нихъ. Молнія въ очахъ его, а въ устахъ его мечъ, которымъ поразить онъ всѣхъ враговъ Израиля.

Голоса (сначала немногочисленные). Слава Мессіи!

Натанъ. Что же значать для него оковы и темницы? По своей волѣ прибылъ онъ сюда и вошелъ въ эти стѣны, чтобы тѣмъ яснѣе мощь свою проявить, когда онъ ихъ предастъ разрушенню—царь напѣ и господинъ, избранникъ Бога живого, повелитель всѣхъ Сефировъ!

І каббалистъ. Всѣхъ десяти Сефировъ!

ІІ каббалистъ. Всѣхъ Сефировъ, сколько ихъ есть и можетъ быть!

Натанъ. Ибо говорю вамъ: въ день, когда онъ встанетъ предъ лицомъ сultана, султанъ ницъ падеть предъ нимъ, а онъ сниметь съ головы его корону, чтобы ею украсить главу свою для вѣчнаго царствованія надъ міромъ.

Голоса. Слава Мессіи!

Другіе. Илія такъ говоритъ!

Натаанъ. Близокъ уже день и близится часъ. Не тревожьтесь больше о добрѣ своемъ, что—покинутое вами—приходитъ въ упадокъ, и не озирайтесь назадъ и ни о чѣмъ не жалѣйте. Радуйтесь, говорю я, и воздымайте руки, ибо поистинѣ насталъ великий день избавленія!

Голоса. Радуйся, Израиль! Слава Мессіи! Слава Мессіи!

Общее движение, радостные крики и восклицанія. Нѣкоторые начинаютъ приплясывать, другіе въ восторгѣ обнимаются другъ съ другомъ.

За дверьми между тѣмъ слышится какой-то шумъ и движение. Доносятся стоны и рыданія же ицинъ, которые постепенно заглушаются паростающими звуками пѣснопѣнія, исполненного скорби и отчаянія.

Янычары поворачиваютъ головы, вглядываются въ глубину коридора. Евреи, предавшіеся радости, понемногу смолкаютъ, застыаютъ на своихъ мѣстахъ, прислушиваются... Голоса доносятся изнѣтри въ тягучихъ звукахъ Давида псалма:

„Пришли невѣрные во владѣнія Господа и осквернили храмъ твой, о Боже!“

„Бросили трупы слугъ твоихъ на съѣденіе итицамъ небеснымъ, бросили дикимъ звѣрямъ тѣхъ, кто былъ святъ предъ Тобою. О, горе!“

„Розлили кровь ихъ, какъ воду, и нѣтъ никого, кто-бы ихъ предалъ погребенію. О, горе! О, горе!“

„Доколѣ-жъ Ты гнѣвляешься буденъ, о, Боже! Или подобенъ огню сталъ твой пылающій гнѣвъ?“

На родѣ (въ сѣняхъ взыываетъ и стонетъ). Гдѣ же Мессія? гдѣ избавитель? О горе! О горе!

Волненіе среди присутствующихъ. Бѣгутъ къ дверямъ... Съ лѣвой стороны, недовѣрчиво поглядывая на стоящихъ у входа янычаръ, входитъ группа польскихъ евреевъ: мужчины, женщины, девы и старики. Нищенски одѣтые, измученные дальней дорогой, запущенные... Ведетъ ихъ благочестивый старецъ Немія Когенъ, мужъ и праведный передъ Господомъ.

Натаанъ (быстро приближается къ прибывшимъ). Кто вы такие? откуда держите путь? И почему вы рыдаете здѣсь, подъ дверьми, въ эту радостную минуту?

Неэмія (оперся на посохъ; дрожащею рукою прикрываеть отъ свѣта глаза подъ широкою мѣховою шапкою, вглядываясь въ лицо молодого пророка). Не ты ли тотъ, кто обѣщаетъ освободить Израиля, называя себя излюбленнымъ чадомъ Бога живого?

Натаанъ. Я слуга его и предвѣстникъ, недостойный развязить ремень у ноги его пречистой.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ окружаютъ Неэмію.

Амстерд. еврей. Ты говоришь съ Иліей! Съ Иліей, возродившимся вновь.

Неэмія. Я говорю съ молодымъ человѣкомъ, у котораго цвѣтуцій и прекрасный видъ, но зато самъ я совсѣмъ согнулся за долгій свой вѣкъ и едва двигаюсь подъ тяжестью лѣтъ и несчастій, которыхъ Богу угодно было возложить на плечи народа своего.

Плачь среди ирибывшихъ.

Голоса. Къ Мессіи!... Мы хотимъ къ Мессіи!

Натаанъ (повторяетъ). Откуда вы пришли?

Неэмія. Изъ Польши идемъ мы уже сорокъ дней, изъ страны позора и крови.

Голоса. Изъ Польши... Они идутъ изъ Польши... Что съявило у васъ? Говорите.

Неэмія (поднимаетъ руку). Горятъ города, и дивно, что не гаснетъ пламя отъ крови, вылитой уже на пожаръ. Снова крѣпчаетъ буря казацкая, а мы угнетены, мы брошены подъ конскія копыта и снова у нашего горла—ножи. Разбойники Дороша рѣжутъ святыхъ мужей, грабятъ имущество купцовъ, собранныя въ поть лица, насилуютъ нашихъ женщинъ и оскверняютъ чрева юныхъ дѣвъ.

Плачь.

Старый еврей (рыдаетъ). О горе, горе! Въ руки врага предадъ нась Богъ за грѣхи наши.

Испанскій еврей. И у нась въ городахъ пылаютъ костры. И проклятые инквизиторы жгутъ на нихъ тѣхъ, кто смѣеть призывать истиннаго Бога.

Другіе. А сколько стонеть въ темницахъ и сколько пошло по свѣту съ нищенской сумой!

Третіи. А другіе, скрываясь, живутъ въ вѣчной тревогѣ, не уверенные ни въ днѣ своемъ, ни въ часѣ, или вынуждены жить вмѣстѣ съ нечистыми.

Старый еврей (снова рыдает). Слишкомъ рано вы радуетесь, говорить Господь, когда я не выпустилъ еще всѣхъ стрѣль изъ колчана гнѣва Моего. Кто же спасеть меня отъ руки Господней, кто защитить меня, когда Онъ разгнѣвался? О горе! горе!

Общій плачъ.

Натаиль. Мессія—среди нась! Мессія поразить враговъ нашихъ и приведеть Израиля къ славѣ, еще невѣдомой на землѣ!

Неэмія. Если бы были правдой тѣ слова, которыя ты произносишь! Услышали мы о Мессіи и идемъ издалека, дабы собственными глазами убѣдиться, тотъ ли онъ самый, о которомъ вѣщали пророки? Вы говорите, что онъ явился для спасенія народа... Но я старъ и знаю изъ книгъ, что уже полторы тысячи лѣтъ тому назадъ Баръ-Кохба назвалъ себя Сыномъ Звѣзды и помазанникомъ Божімъ и поднялъ свой мечъ на враговъ Израиля, но палъ.

Испанскій еврей. Вѣрно! И разрушили святой градъ Йерусалимъ и избили мужей... О, горе!

Неэмія. И сколько разъ еще послѣ него въ теченіе долгихъ вѣковъ являлись такіе ложные избавители и сколько разъ уже радовался народъ и вѣрилъ напрасно!

Испанскій еврей. И съ каждымъ днемъ намъ все хуже, все хуже намъ съ каждымъ годомъ!

Голоса. О, горе! горе!

Натаиль (моющо). Не будьте подобны человѣку въ пустынѣ. Теряя жажду, такъ часто выходилъ онъ съ кувшиномъ за водой, покуда вѣтеръ вздымалъ только тучи песку, — что пересталъ вѣрить и остался дома, когда пришло истинное облако и упалъ жизнедарный дождь. Не будьте слѣпы, говорю вамъ, и не ропщите!

Неэмія. Мы готовы принять истину, но пусть же истина придетъ къ намъ, наконецъ. Пусть Саббатай докажетъ, пусть убѣдить нась, что онъ—тотъ, кого мы ждемъ: мессія и избавитель народа.

Голоса. Мы ждемъ Мессію! Хотимъ Мессію!

Неэмія. Такъ если онъ воистину нашъ избавитель, пусть встанетъ и подниметъ руку, чтобы окончились уже всѣ наши бѣды! Пусть удержитъ бичъ сыновъ Эдома, которымъ они ранять наши плечи. Пусть позволить намъ самимъ ѿстѣ хлѣбъ, заработанный нами! пусть вспять обратить разбойниччи орды, которыя сжигаютъ наши дома и внеремежку съ собаками вѣшаютъ нашихъ братьевъ!

Амстердамскій еврей (горячо). Да! Пусть сдѣлаетъ, чтобы мы какъ можно скорѣе устроились въ землѣ отцовъ нашихъ. Мы

вѣдь продали все наше имущество и не знаемъ, что дѣлать теперь...

Испанскій еврей. Пусть изломаетъ въ куски орудія Инквизиціи! Пусть погасить костры, которые пылаютъ на всѣхъ углахъ!

Другой еврей. Пусть возвратить честь оскорблѣннымъ, униженнымъ, отদаннымъ на посмѣшище и потѣху всѣмъ народамъ!

Другой. Пусть воскресить зарѣзанныхъ дѣтей, пусть очистить вновь дѣвушекъ, оскверненныхъ разбойниками.

Неэмія (съ крикомъ). Пусть насть спасетъ!

Восклицанія. Мессія! Мессія! Спаси насть!

На высокомъ порогѣ среднихъ дверей появляется Самуилъ Примо, придворный писецъ Мессіи. Человѣкъ лѣтъ 40 сълишнимъ, представительной наружности, съ большою черной бородой, одѣтый богато. Задержался на порогѣ—рука на затворѣ двери — и глядитъ сверху на толпу, сдвинувъ брови. Изъ-за его плеча выглядываетъ обвитая чалмой голова Хакимъ-паша Дионса, еврейского вѣроотступника, занимающаго при сultанѣ должность приближеннаго врача и алхимика. За ними, въ глубинѣ, Госифъ Халеви, еврей, казнокаратель сultана.

Въ толпѣ замѣтили Самуила. Шумъ голосовъ сразу обращается въ его сторону, и люди волною устремляются къ дверямъ.

Голоса. Совѣтникъ Мессіи... Самуилъ... Впусти насть! впусти насть! Мы хотимъ къ Мессіи. Пусть онъ спасетъ насть! Пусть положитъ конецъ напімъ страданіямъ!

Шумъ, крики, суполока.

Самуилъ (поднявъ руку, вдругъ сильнымъ голосомъ произносить). Молчаніе! Развѣ вы не знаете, что находитесь въ преддверіи Мессіева дома? Или я долженъ призвать сюда отъ дверей янычаръ, чтобы они успокоили насть?

Неэмія. О-о! Мы пришли къ Мессіи съ жалобой на разбойниковъ, которые не даютъ намъ жить, а здѣсь, у дверей его, намъ снова угрожаютъ головорѣзами.

Голоса. Впусти насть къ Мессіи. Мы хотимъ съ нимъ говорить. Очень давно уже ждемъ. Мы ослабѣли уже отъ голода. Впусти насть къ Мессіи!

Самуилъ. Невозможно. Мессія въ молитвѣ бесѣдуетъ теперь съ духами своихъ предковъ Авраама, Исаака, Давида и Соломона. (Оглядывается залъ). Кстати, онъ зоветъ ученыхъ къ себѣ на совѣтъ.

Три каббалиста и другіе (свѣдущіе въ Писаніі, съ нервной торопливостью бросаются къ дверямъ съ крикомъ). Это я! это я! я!

Самуилъ (немножко отступилъ отъ порога, чтобы они прошли. Толпѣ, стремящеюся прорваться вслѣдъ за ними, препрѣграетъ рукою доступъ). Доволъно! Вы тутъ ожидайте.

Не эмія. Для ученыхъ тамъ нашлось мѣсто, а для насы, которые пришли со своей нуждой, со слезами и съ кровью...

Испанскій еврей. Пусти къ Мессіи!

Амстерд. еврей. Пусти насы къ Мессіи!

Натанъ (остановился противъ Самуила, который расиростеръ предъ дверьми руки). Впусти! По какому праву отнимаешь ты у народа свѣтъ его очей? Какъ смигнете вы вставать между нимъ и тѣми, что жаждутъ узрѣть его и утѣшиться? Впусти народъ.

Голоса. Пусти насы къ Мессіи!

Самуилъ (грознымъ голосомъ). Упрямый сбродъ! Молчать здѣсь и ждать! Развѣ Мессія, Саббатай Ц'ви, Хадомъ Кадмонъ, Малка Кадиша, избранникъ Бога живого—слуга вашъ, или вы слуги его, въ день сотворенія отданнѣе во власть ему Всемогущимъ? Молчать здѣсь и ждать, пока ему благоугодно будетъ къ вамъ снизойти!

Закрываетъ за собою дверь и входитъ вмѣстѣ съ Хакимъ-пашеи и Госифомъ Халеви въ толпу, которая молча разступается передъ ними. Выпѣль на передній планъ и медленно направляется съ товарищами къ выходу, охрапняемому янычарами. Толпа размѣстилась въ глубинѣ подъ стѣнами, шопотомъ продолжая разговоръ.

Хакимъ-паша (низепѣкій, немножко сгорбленный, съ большей сѣдой бородой съ круглыми красноватыми глазами). Будьте здоровы, Самуилъ, и вы, Сарафъ-паша...

Самуилъ. Вы спѣшили?

Хакимъ-паша. Я не хочу, чтобы во дворцѣ замѣтили мое отсутствіе.

Халеви. Развѣ васъ тамъ подозрѣваютъ?

Хакимъ-паша. Еще неѣть. Султанъ мнѣ довѣряетъ съ тѣхъ поръ, какъ я надѣлъ тюрбанъ, не догадываясь, что сердце мое по-прежнему бѣется для моего народа. Наконецъ, слабое здоровье его постоянно требуетъ моего лекарскаго искусства.

Самуилъ (удерживая еще его). Значить, неизвѣстно...

Хакимъ-паша (разводить руками). Мохамедъ подъ вліяніемъ моихъ словъ боится встрѣчи съ Саббатаемъ, да святится имя его! Но онъ можетъ въ любой день и часъ... (Говорить это, понизивъ голосъ, чтобы не было слышно въ глубинѣ).

Халеви (точно такъ же). Что же тогда будетъ?

Самуилъ. Будемъ вѣрить въ силу Предвѣчнаго и въ могущество слова Мессіи.

Халеви. Развѣ не лучшее было бы... (Дѣлаетъ пояснительное движение рукою. Поворачивается къ лекарю). Вы имѣете доступъ къ султану, подаете ему лекарства....

Хакимъ-паша (отрицательно качаетъ головой). Нѣтъ! Мухамедъ слабъ, трусливъ и суевѣренъ: на него можно повліять. Неизвѣстно, каковъ былъ бы его преемникъ... Богъ нашъ намѣтилъ подходящую минуту, чтобы послать на землю своего избранника. Царство османское, несмотря на видимое величие, колеблется и близко къ развалу. Если только Саббатай сумѣетъ подчинить себѣ султана, мы станемъ господами Турціи и всего міра.

Самуилъ (смотретьъ въ глубину на евреевъ, разговоръ которыхъ становится все громче). Я не довѣряю этому народу. Долгое рабство испортило его. Однаково не знаетъ онъ мѣры ни въ своихъ надеждахъ, ни въ своемъ отчаяніи.

Хакимъ-паша. Есть въ немъ живая сила!

Самуилъ (въ раздумыи). Онъ разбросанъ по всей землѣ.

Хакимъ-паша. Такъ угодно было Предвѣчному, чтобы мы всю землю оплели сѣтью нашихъ жилъ. На зовъ Мессіи эхомъ отклинулись Італія и нѣмцы, Іспанія, Голландія и Польша, не говоря уже объ азіатскихъ странахъ. Побѣда наша будетъ торжествомъ пашимъ сразу надъ всѣмъ міромъ.

Халеви (воздыная кверху руки). Сдѣлай это, Богъ Израїля, сдѣлай это, Богъ великий и единый! Если игра будетъ проиграна, я погибну окончательно. Я отдалъ все свое состояніе.

Самуилъ (усмѣхается). Вѣдь вы не свои деньги отдали въ распоряженіе Мессіи, а тѣ, что вы, какъ сборщики податей, собирали для султана.

Халеви. Знаю, знаю; но, вѣдь, я могъ обратить ихъ въ собственную пользу.

Хакимъ-паша (уже въ дверяхъ оборачивается). Что-жъ, жалѣете объ этомъ?

Халеви (поспѣшно). Пусть Богъ хранитъ меня отъ такого грѣха! Для меня большая честь, что Мессія соблаговолилъ принять ничтожныя деньги своего слуги, но я беспокоюсь съ того времени, какъ его держать въ заключеніи, чтобы не погибли всѣ наши надежды.

Самуилъ. Что касается насъ, мы сдѣлали все. Остальное предоставимъ Всемогущему.

Хакимъ-паша. Но надо быть насторожъ. Если будетъ что-нибудь новое, я немедленно дамъ знать — вы будьте готовы. (Выходить).

Самуилъ и Халеви медленно идутъ къ дверямъ, черезъ кото-
рыя вошли въ комнату. Оба задумались...

Вдругъ Самуилъ преклоняеть колъна, Халеви слѣдуетъ его
примѣру. Евреи падаютъ ницъ, другіе же, поднявшись, воздымаютъ
кверху руки.

Въ дверяхъ, открывшихся въ глубинѣ, стоитъ еврейскій мессія —
Саббатай Ц'ви. На немъ длинная домашняя одежда изъ чернаго
шелка съ тонкой золотой вышивкой вокругъ шеи и на концахъ
широкихъ рукавовъ. Голова его не покрыта, и длинные, не знающіе
нонници, волосы черными кудрями спадаютъ на его плечи. Надъ
алыми юношескими губами — маленькие усы; мягкая растительность
окаймляетъ его лицо, блѣдное, необычайно прекрасное, освѣщенное
парой огромныхъ темно-голубыхъ глазъ. Высокій, тонкій и стройный,
стоитъ онъ съ доброй улыбкой на устахъ, медленно поднимая надъ
народомъ тонкія и бѣлые руки. За нимъ толпится его свита и
среди нея ученые и каббалисты.

Евреи (разражаются громкими криками). Мессія! Мессія! Хадамъ
Кадмонъ, Малка Кадиша! Мессія!

Саббатай. Дѣти мои! (Переступилъ порогъ и остановился на
узорчатомъ коврѣ. Евреи тѣснятся вокругъ него, цѣлуютъ края его
одежды, склоняются къ его ногамъ. Даже янычары въ дверяхъ
скрестили на груди руки и наклонили головы).

Голоса. О, господинъ! Пізбавитель! Царь! Избранникъ Бога
живого!

Испанскій еврей. Выслушай наши жалобы! Осуши наши
слезы!

Амстерд. еврей. Верни славу Израиля! Мы давно ждемъ...

Неэмія (охваченный общимъ экстазомъ). Сокруши враговъ
нашихъ! Вырви насъ изъ рукъ недруговъ! Покажи свою мощь!

Саббатай (голосомъ кроткимъ и яснымъ). Дѣти, я приношу
вамъ добрую вѣсть. Богъ всемогущій, Отецъ мой и вашъ, Іегова...

Неэмія (отшатывается въ ужасѣ). Имя Божье произнесъ!

Саббатай (поворачивается къ нему, поднявъ голову, съ
улыбкой). Дозволяется дѣтямъ называть Отца по имени, вопреки всѣмъ
запрещеніямъ — отнынѣ и навсегда. Это право приношу я съ собою

въ знакъ того, что завершился уже гнѣвъ Господень и настала для Израиля пора любви.

Голоса. Осанна! Осанна! Слава Мессии!

Неэмія. Господинъ, наша кровь тамъ льется и мы приносимъ свои жалобы къ престолу твоему. Осыпанные пепломъ и въ слезахъ пришли мы къ тебѣ...

Саббатай. Надѣните радостныя одежды! Кто плачетъ о ночи, когда она уже побѣждена зарею наступающаго дня? Вотъ вдохновилъ меня Господь и возвѣстилъ мнѣ черезъ души предковъ моихъ, царей и патріарховъ, что исчерпана уже воля Закона и кругъ временъ завершенъ. Отнынѣ не будетъ больше ни постовъ, ни дней покаянія и кары: радость должна воцариться вездѣ въ знакъ того, что я, вашъ Мессія, вступилъ на землю.

Группа талмудистовъ. Не можетъ этого быть! Не можетъ быть! Въ Писаніи сказано...

Первый каббалистъ. Тише! Мессія такъ сказаль. Писаніе передъ словомъ его—ничто.

Саббатай. Нѣть больше слова о чистомъ и нечистомъ, о томъ что дозволено и что запрещено. Окончились дни отреченія и казни и слезъ. Разрѣшается вамъ ъсть всякое мясо, разрѣшается сердца ваши веселить...

Каббалисты. Все разрѣшается! Такъ сказаль Мессія!

Талмудистъ. Соблазнъ! Злодѣяніе и грѣхъ!

Саббатай. Доколѣ вы были дѣтьми—черезъ меня говорить вамъ Богъ—я приказывалъ вамъ, какъ отецъ дѣтамъ, и налагалъ запреты, дабы вы не довѣряли излишне своимъ силамъ. Нынѣ же прихожу къ дѣтамъ своимъ, которымъ Богъ за страданія великую радость черезъ меня посыпает...

Неэмія (съ крикомъ). Господинъ, гдѣ же эта радость, о которой ты говоришь намъ? Тамъ льется кровь, позорятъ нашихъ женъ и убиваютъ сыновей. Надо намъ каяться и посыпать головы пепломъ, дабы умилостивить гнѣвъ Божій, а не пѣть и плясать...

Талмудистъ. Богъ мстить за поруганный Законъ, за оскверненіе имени Своего святого!

Старый еврей. О, горе, горе!

Саббатай. Почему вы не вѣрите, когда я говорю вамъ, что день веселья уже наступилъ? Зачѣмъ оглядываетесь назадъ и жалѣете мертвыхъ взамѣнъ того, чтобы готовиться войти вмѣстѣ со мной въ царство Божіе на землѣ? Вѣрьте слову моему и обѣщаніямъ. Еще немногі, и упадутъ предъ вами народы, и скоро забудете о всѣхъ исытапіяхъ среди радости, которая засіяеть въ день побѣды.

Неэмія (протягиваешь руки). Чемъ же мы побѣдимъ? Голыми руками...

Саббатай (съ силой). Побѣждаетъ тотъ, кто вѣрить въ свою моиць. Царствуетъ тотъ, кто умѣеть вознести голову высоко надъ другими. Избранникомъ Божіимъ становится на землѣ тотъ, кто умѣеть этого захотѣть. (Возносить кверху руки). Вотъ руки мои обнимаютъ міръ; я держу тебя, народъ мой, и не отпушу тебя отнынѣ изъ рукъ моихъ. Не потому, что сердце сурово во мнѣ, не плачу я съ вами теперь, но потому, что видно мнѣ многое, что пока еще скрыто отъ вашихъ очей. Ваши головы еще опущены, но я уже высоко къ солнцу поднялъ свою. Отбросьте печаль и утрите слезы. Завтра, великое завтра наступаетъ... Закройте глаза на бѣды, заглядѣвшись на славу свою! Донынѣ въ слезахъ и въ прахѣ просили вы Бога и не дали Онъ вамъ ничего. Теперь я самъ добуду отъ Бога ваше счастье...

Талмудистъ (закрываетъ глаза). Что онъ сказалъ? Что онъ говоритъ!

Неэмія (отступаетъ пораженный). Какъ это? Я не понимаю...

Мгновеніе молчанія.

Голоса (безпокойные, испуганные). Это грѣхъ! грѣхъ!

Саббатай (слегка поблѣднѣлъ, словно мгновенный испугъ охватилъ его на головокружительной высотѣ его моиць. Овладѣлъ собой, голосъ его крѣпнетъ и становится подобнымъ грому). Развѣ Іаковъ, мой предокъ, не вступилъ въ борьбу съ Богомъ Израиля и развѣ не одолѣлъ его, добывъ отъ него благодать?

Талмудистъ. Іаковъ былъ святы!

Саббатай (громкимъ голосомъ). Святы также и я!

Возгласъ. Слава Мессіи!

Натанъ. Слава Мессіи! Онъ святой! Онъ святой!

Голоса каббалистовъ. Онъ намѣстникъ Божій на землѣ!

Талмудистъ (подбѣгаешь къ Саббатай). Слышишь, что говорятъ? Запрети! Накажи ихъ. Не позволяй богохульствовать!

Саббатай (стоить неподвижный, серьезный, блѣдный; говорить какъ бы про себя). Пусть Предвѣчный самъ разрѣшишь, дана ли мнѣ власть отъ Него на землѣ... Пусть онъ разсудитъ! (Прижимаешь къ груди сложенные руки).

Каббалисты кричатъ. Онъ господинъ нашъ! онъ святы!

Талмудистъ (разрываетъ одежду и закрываетъ глаза). О!

идолопоклонники! О преступленіе! О грѣхъ! (Въ негодованіи быстро убѣгаеть вмѣстѣ со своими единомышленниками).

Голоса. Слава Мессіи! Слава Мессіи!

Молодая дѣвушка (вдругъ въ изступленіи бросается навзничь на землю и начинаетъ кричать). Вижу его! Вижу на колесницахъ славы съ колесами изъ четырехъ солнцъ. Надъ головой его шатеръ изъ звѣзднаго неба. И волнистое море набросилъ, какъ плащъ, на плечи свои!

Натанъ. Слушайте! Слушайте! Духъ говорить черезъ нее.

Голоса. Духъ говоритъ! (Обступаютъ ее кругомъ).

Испанскій еврей (схватываетъ ее за плечи). Что видишь? говори!

Дѣвушка. Огненные драконы влекутъ колесницу черезъ весь міръ отъ востока на западъ...

И каббалистъ. Драконы—это херувимы!

И каббалистъ. Неправда. Херувимы это совсѣмъ другое...

Голоса. Тише! не прерывайте. Говори, говори.

Дѣвушка. Молнии кружатся вокругъ его головы, вѣтры смиренно легли подъ колеса его колесницы и весь падаютъ иницъ!

Саббатай (который поднялъ глаза и слушалъ напряженно). Видѣтъ славу Израиля!

Евреи (схватываютъ другъ друга за руки и начинаютъ плясать съ криками). Слава Израилю! Слава Израилю!

Старый еврей громко плачетъ.

Испанскій еврей. Но слѣтѣнія, послѣ столькихъ бѣдъ наступаетъ день славы. Да будетъ благословенъ Богъ!

Голоса. Слава Мессіи!

Саббатай. Тебѣ эта слава, народъ мой, народъ!

Амстерд. еврей (дѣвушкѣ). Что видишь? Что видишь еще?

Дѣвушка. Какая-то золотая птица на плечѣ Мессіи, какая-то фазая птица...

Натанъ. То духъ, ниспосланный Богомъ.

Дѣвушка (издаетъ страшный крикъ ужаса). Ахъ!

Евреи (подбѣгаютъ къ ней). Что такое? Что видишь? Говори, говори!

Занятые дѣвушкой не замѣчаютъ, какъ въ глубинѣ медленно отворяются двери и появляется въ нихъ Сара, мистическая жена

Мессії. Въ драгоцѣнныхъ царственныхыхъ одеждахъ, подобная бѣлой лилії, покрытой росой, юная и прекрасная, какъ ранняя заря, стоять она на высокомъ порогѣ дверей, возвышаясь надъ мужемъ. Ее окружаютъ нѣсколько прислужницъ, покорно склонившихся подъ ея распостертыми руками.

Дѣвушка (бьется и вытягивается на землѣ). Ничего уже не вижу. Темно въ глазахъ у меня. Крылья черной птицы... Не вижу!.. не вижу!.. Проклятие! (Истерической смѣхъ овладѣваетъ ею).

Сabbатай (шепчетъ про себя). Неужели духъ Божій уже противъ меня? (Снова закрылъ глаза).

Натанъ. Дьяволъ сопель на нее, чтобы смутить ея видѣнія!

Крикъ ужаса.

Старыи еврей. О горе, горе!

Каббалистъ (поднимаетъ глаза на Саббатая). Господинъ, дьяволъ ее... (Обрываетъ. Увидѣлъ жену Мессії, говоритъ изумленно). Что это? Что это за видѣніе?

Евреи (поврачиваются, увидѣли Сару. Пораженные чудомъ ея красоты, затихаютъ, отступаютъ, склоняются. Какая-то женщина шепчетъ въ экстазѣ). Грядеть слава Израиля!

Другой голосъ (гдѣ-то со стороны, тихій, молитвенный). Заря утренняя, смотрите, смотрите!

Другой. Звѣзда морей!

Другой. Какъ прекрасна! какъ прекрасна!

Другой. Золотая птица!

Натанъ (откликается вдругъ громко). Народъ, воздай хвалу царицѣ!

Общій крикъ. Да здравствуетъ царица Сіона! Да здравствуетъ жена Мессії... Слава ей, слава!

Сара (сдѣлала шагъ и склоняется къ ногамъ мужа). Господину моему слава, а не мнѣ!

Сabbатай (вдругъ вздрогнулъ, какъ бы пробужденный отъ забытья. Замѣтилъ жену, смотрить мгновеніе въ молчаніи на нее, на народъ и вдругъ радостно восклицаетъ). Возлюбленная! Какъ добрый знакъ, привѣтствуя тебя въ эту минуту, когда душа моя бесѣдуетъ съ Богомъ. Твое появленіе разсѣяло недобрыя предсказанія.

Сара. Я твоя слуга...

Сabbатай (поднимаетъ ее). Встань, подруга. (Поворачивается къ народу). Нынѣ говорю вамъ, что Богъ не противъ меня. Подобно

тому, какъ она, свѣтъ очей моихъ, жена, въ день сотворенія избранная для меня Предвѣчнымъ, неожиданно сопла сюда въ эту минуту,— такъ и, вопреки усилиямъ дьявола, царство Божіе украсить землю въ день, когда позову васъ на пиръ. Будьте готовы, говорю вамъ, будьте готовы!

Возгласы. Слава Мессіи! Слава жеяъ его!

Нищій (бросается къ его ногамъ). Будь благословенъ, о, Мессія! Всю жизнь я умиралъ съ голоду, бродя вмѣстѣ съ собаками по улицамъ города и радуюсь теперь, что буду наконецъ ъсть досыта. Бознагради меня за нужду мою и дай мнѣ въ царствѣ Сиона должностъ хорошую и почетную.

И каббалистъ (отталкиваетъ его). Не надоѣдай Мессіи. Должности предназначены для ученыхъ! (Поворачивается къ Саббатай). Господинъ, вѣдь, правда, что я буду начальникомъ области? Я хотѣлъ бы очень получить Смирну.

И каббалистъ. Смирна моя! Я, вѣдь, оттуда родомъ!

Саббатай (улыбаясь). Не ссорьтесь, дѣти мои. Попстинѣ скажу вамъ, что у матери вашей, Сіона, достаточно будетъ добра для всѣхъ ея сыновъ. Никто не уйдетъ тамъ съ пустыми руками. Нѣтъ слезы, которая не была бы тамъ осушена, нѣтъ раны, которая не залечилась бы тамъ, и нѣтъ нужды, которая не получила бы тамъ даянія. (Ищетъ глазами евреевъ, прибывшихъ изъ Польши, и поворачивается къ нимъ). А теперь привѣтствую васъ, посланцы дѣтей моихъ изъ далекой страны. Съ жалобами пришли вы ко мнѣ, по я, еще и не выслушавъ ихъ, приношу вамъ добрую вѣсть. Выберите же среди себя пословъ: пусть вернутся къ моему народу и разскажутъ, что видѣли и слышали здѣсь. Пусть никто не отчаявается, пусть никто не вѣритъ, будто Мессія въ темницѣ, пусть никто не страшится, что не насталъ еще срокъ царству Израильскому на землѣ... Ибо раньше, чѣмъ склонится къ вечеру этаотъ день, можетъ взойти и засіять оно надъ вапими поникшими головами.

Неэмія (въ замѣшательствѣ). О, господинъ! Я не знаю, что думать, на что рѣшился... Мои глаза полны слезъ, а сердце полно сомнѣнія и страха...

Испанскій еврей (восклицаетъ). Благословенны очи наши, узрѣвшія Мессію. Благословенны день и часъ и чрево матери, которые произвели его на свѣтъ!

Мать (подводить двухъ подростковъ). Господинъ, благослови этихъ дѣтей. Это сынъ мой и дочь моего брата, которыхъ я хочу обручить предъ лицомъ твоимъ, дабы уже, какъ мужъ и жена, всплыли ино въ царство Сиона.

Сabbатай (кладеть руки на головы дѣтей). Вы поступаете разумно, ибо сказано: „Присутствует Богъ, когда соединяются въ союзъ мужчина и женщина, и только двоимъ, связаннымъ воедино, имя дается человѣка“.

Мать (добавляетъ невольно). Говорять тоже, что только жена-тымъ будутъ раздавать земли...

Сabbатай. Но больший даръ есть даръ духа, и этимъ даромъ воистину всѣхъ благословлю и надѣлю любовью своею. Пусть радостью будетъ каждая ванна мысль и каждое слово—пѣсней.

Амстерд. еврей (послѣ минутнаго колебанія бросаетъ кошелькъ съ золотомъ къ ногамъ Сabbатая). Господинъ, вотъ золото, которое мы получили отъ продажи нашего имущества. Возьми его и распорядись имъ по своему усмотрѣнію. Намъ не нужно оно, когда близится царство Израиля!

Сabbатай. Не будетъ забыта ваша жертва. (Поворачивается къ Самуилу). Иисеца, возьми этотъ кошелькъ и раздай золото нуждающимся. Я вижу здѣсь много нищихъ. Помни также о прибывшихъ изъ Польши, которые, видно, утомились въ пути и, можетъ быть, голодны...

Самуилъ (поднимая деньги). Господинъ, согласно приказанію твоему столы уже приготовлены.

Сabbатай. Идите же туда подкрѣпиться, возлюбленныя дѣти мои. Тѣмъ, кто нуждается въ одеждѣ, мой казначей Йосифъ Халеви раздастъ необходимое платье, дабы никто не былъ голоденъ или нагъ переступивъ порогъ дома Мессии, гдѣ бы онъ ни находился: во дворцѣ, въ пустынѣ или даже въ заключеніи.

Халеви (склоняется передъ Сabbатаемъ). Все будетъ согласно слову твоему, царь нашъ.

Евреи (тѣснятся у рукъ и ногъ Сabbатая). Слава и честь Мессии! Онъ воистину избранникъ Божій! Нашъ избавитель и царь!

Всѣ выходятъ въ другія двери въ глубинѣ; остаются только **Сabbатай** и его жена Сара. Пока не закрылись тяжелыя дубовыя, же лѣзомъ обитыя, двери, доносятся еще:

Голоса каббалистовъ. Здѣсь мнѣ принадлежитъ первое мѣсто!.. Иѣтъ мнѣ! Мнѣ! Мнѣ!

Сabbатай даетъ рукой знакъ янычаромъ, какъ если бы они не стражами, а слугами его были, и тѣ съ поклономъ скрываются въ коридорѣ, прикрывая за собою дверь.

Самуилъ (возвращается отъ двери и приближается къ Мес-
си). Господинъ!

Сabbатай, который сидѣлъ въ раздумьи, вздрогнулъ при неожидан-
номъ звукѣ голоса. Смотрить вопросительно въ глаза своему писцу.

Оперся рукой на плечо рядомъ стоящей Сары.

Самуилъ (послѣ минутнаго молчанія). Не смѣю, царь мой,
судить твоихъ поступковъ и приказовъ, но кажется мнѣ, что слиш-
комъ неосторожно раздаешь ты золото этой черни. Запасы Іосифа
уже исчерпаны. Султанъ каждый день можетъ потребовать отъ него
возврата податей, собранныхъ въ Египтѣ.

Сabbатай. Развѣ Іосифъ не мой казначей?

Самуилъ. Да, да, несомнѣнно... Но султану кажется, что онъ
его казнохранитель, а султанъ еще царствуетъ.

Сabbатай. Дни его сочтены.

Самуилъ. Я знаю объ этомъ, но пока можетъ быть плохо...
Дарь этого амстердамскаго купца достался намъ въ самую пору,
чтобы пополнить нашу истощенную казну, а ты, царь Израиля, при-
казалъ раздать деньги нищимъ.

Сabbатай. Такъ и будетъ.

Самуилъ. Такъ будетъ, ибо такъ сказалъ Мессія. Но я очень
тревожусь, хотя и не высказываю этого ни передъ кѣмъ. Изъ султан-
скаго дворца доходятъ несовсѣмъ благопріятныя вѣсти.

Сabbатай (встаетъ). Что мнѣ до султанскаго дворца, и вѣстей,
и всей вашей напрасной людской суety! Единымъ словомъ и силой
Божіей, которая бодрствуетъ во мнѣ, я повергну султана къ поганью
своимъ, и вы увѣруете тогда, что исполнилось мое слово.

Самуилъ (молча низко кланяется).

Сара (замѣтивъ утомленіе въ глазахъ мужа). Отойди, писецъ:
ты видишь, что царь хочетъ покоя.

Самуилъ (послушно отступаетъ къ дверямъ).

Сabbатай (ему вслѣдъ). И помни, чтобы никто не вышелъ
отсюда голоднымъ или безъ одежды. Вся казна для моего народа.

Самуилъ (клапается). Такъ тебѣ угодно и такъ ты приказалъ,
господинъ. (Медленно въ раздумыи идетъ къ двери, черезъ кото-
рую вышли всѣ евреи, и скрывается за нею).

Сabbатай сѣлъ снова вблизи окна и, опершись головой на руку,
смотрѣть куда-то вдаль. Другая рука, которой онъ сжималъ руку

Сары, теперь бессильно упала на колѣни.

Сара (смотреть на него въ молчаніи на него, потомъ слегка прикасается къ его волосамъ). Ты утомился, мужъ?

Саббатай. Грустно мнѣ.

Сара. Какой ты удивительный, какой чудесный, мой обожаемый возлюбленный! Щедрыми руками раздаешь ты радость вокругъ, и порою кажется—не останется ужъ радости для тебя самого!

Саббатай (говорить тихо). Развѣ я не вижу этой странной нужды вокругъ? развѣ я не вижу этого униженія, этихъ бѣдъ и гоненій, этой крови и слезъ, среди которыхъ живеть мой народъ?

Сара. Ты спасешь его!

Саббатай. Да, я его спасу. Но прежде, чѣмъ это наступить, я хочу хотя бы поддержать духъ его радостью, хочу снять тяжести, которая онъ носить на плечахъ. А между тѣмъ я самъ исполненъ скорби за него, такой смертельной скорби... (обрываешься). О, когда же я, наконецъ, предстану предъ султаномъ... я ждать не могу, не могу! Я хочу ужъ увидѣть день моего торжества. День, въ который я вознесу Израиля, дабы утвердить уже па вѣки царство Сиона!

Сара. Султанъ, кажется, очень страшный...

Саббатай. Но сильнѣе Богъ!

Сара. Султанъ, кажется, жестокій... Говорить, когда онъ улыбается, чудится кровь вокругъ. Онъ создаетъ себѣ забавы изъ людскихъ страданій, а когда имъ самимъ овладѣваетъ страхъ, то умираетъ тотъ, на кого упадетъ его взоръ.

Саббатай. Задрожитъ предо мною, и однимъ словомъ я его повергну въ прахъ. Вся мошь Израиля во мнѣ, вся судьба его, гоненія, темницы, пытки и страданія. Каждая слеза, пролитая моимъ народомъ, въ душѣ моей претворяется въ молнію, каждая капля крови—въ громъ!

Сара (смотреть на него въ упоеніи). О, ты побѣдишь! Ты посланецъ Божій! Ты!

Саббатай (почти со стономъ). Типе! (Зашатался. Рукой схватился за косякъ окна, другой рукой проводить по лбу).

Сара (подбѣгаешь). Что съ тобой?

Саббатай. Въ глазахъ у меня потемнѣло...

Сара (встревоженная). Ты ослабѣлъ... Ничего не ъѣль еще сегодня... Постился?..

Саббатай (дѣлаетъ отрицательный жестъ). Ты знаешь, что до захода солнца я никогда не принимаю пищи... Это не то...

Сара (ведеть его на середину и усаживаетъ въ кресло, затѣмъ

опускается у его ногъ). Слишкомъ суровъ ты къ себѣ. Я знаю, духъ въ тебѣ божественный и сильный, но тѣло не можетъ спасти уже лишеній и многихъ твоихъ испытаній. Пощади себя.

Сabbатай (говорить, не смотря на нее). Не искушай меня. Мной иногда овладѣваетъ страхъ, что слишкомъ мало я себя смиряю и терплю.

Сара (обняла его колѣна руками. Восхищенно смотритъ на него). О, какой ты свѣтлый и невыразимо-прекрасный! Такая святость въ тебѣ, что порою я не осмѣливаюсь коснуться устами твоихъ ногъ, и радостное безуміе овладѣваетъ мною отъ того, что я избранница твоя, что могу быть возлѣ тебя, служить тебѣ и обнимать руками твою голову.

Сabbатай (смотритъ съ улыбкой). Возлюбленная!

Сара (закрываетъ глаза). О говори мнѣ такъ, говори.

Сabbатай. Возлюбленная...

Сара (вдругъ открываетъ глаза, взглянула на него и закрыла свое лицо руками). Нѣть! нѣть! нѣть! Я не возлюбленная твоя... я не жена.

Сabbатай. Я обручился съ тобой предъ лицомъ Господа.

Сара шопотомъ. Я дѣвушка...

Сabbатай. Развѣ не довольно того, что я избралъ тебя и тебя люблю?

Сара. Гибну отъ муки!

Сabbатай (твѣрдо). Ты жена Мессіи. Въ день обрученія я сказа-
зть тебѣ, что беру тебя въ жены, ибо таковъ законъ... Какъ первый
человѣкъ въ раю получилъ подругу изъ рукъ Бога, такъ и человѣкъ
воздорившійся, Хадамъ Кадмонъ, не долженъ быть безъ жены, — но
тѣла твоего не коснусь и не познаю въ тебѣ женщины... И ты согла-
силась...

Сара (все время шопотомъ, закрывъ лицо руками). Я слишкомъ
довѣрилась своимъ силамъ. Не знала, что это значитъ — каждый день
смотретьъ въ твои глаза, видѣть твою красоту неземную, чувствовать
тебя такъ близко возлѣ себя... и тосковать напрасно... извиваться отъ
муки... (Припадаетъ къ ногамъ его, рыдаетъ).

Сabbатай. Богу отдай это пламя, что сжигаетъ твое юное тѣло.
и благоуханіе этого цвѣтка истинно будетъ слаще для Него, чѣмъ
благовоніе єниміама. (Наклоняется надъ нею). Ты думаешьъ, что не
страдаю и я? Среди всѣхъ испытаній, вѣдомыхъ только Всевышнему,
который я на себя принимаю, воистину самое тяжкое то, что каждую
ночь дѣлю съ тобой ложе, но остаюсь чистъ.

Сара (подняла на него глаза). Сабба, зачѣмъ же тогда? зачѣмъ? Вѣдь это дозволено. Я твоя жена!

Саббатай (всталъ, отошелъ къ окну). Для всякаго человѣка достаточно не дѣлать того, что запрещено, но избранный долженъ умѣть отказаться и отъ дозволенной улады.

Сара. Другимъ ты все разрѣшаешь.

Саббатай (поклонился къ ней съ поднятой головой). Потому что я святы среди нихъ!

Сара (тихится къ нему на колѣняхъ). О, Сабба! Я знаю, ты избранникъ Божій, ты самый святой, ты Мессія, ты выше всѣхъ херувимовъ и серафимовъ, по... развѣ ты не можешь для меня, на одинъ хотя бы день стать человѣкомъ! только человѣкомъ!

Саббатай (ласково кладетъ ей руки на голову). Не знаешь, что говоришь, женщина. Кто сдѣлаетъ хотя шагъ съ высоты, тотъ неминуемо упадетъ внизъ безъ возврата, какъ камень, брошенный съ вершинъ Ливана поглощенной быстрой серией.

Сара. Хочу имѣть дѣтей съ тобою, какъ велитъ законъ.

Саббатай (поднимаетъ ее). Дитя мое и твое — это счастье и торжество нашего народа. Развѣ не довольно этого для тебя? Развѣ не дрожишь при мысли о мгновеніи, когда я введу тебя, какъ царицу, въ ворота возрожденаго Іерусалима, среди радостныхъ криковъ и благословеній, вмѣстѣ съ цвѣтами бросаемыхъ къ твоимъ ногамъ.

Сара. О да! Но любовь побѣждаетъ меня, и я невольно гляжу на тебя, какъ на возлюбленнаго. Потому что я не божественнаго происхожденія, какъ ты, и падаютъ мои слабыя силы...

Саббатай. Обопрись на меня. (Заключаетъ ее въ объятія).

Сара (освобождается изъ его объятій, спустя мгновеніе). Нѣть! не могу! Еще ни одной женщинѣ на землѣ не дано было такое испытаніе, какъ мнѣ, бѣдной, которая смотритъ въ твои глаза, чувствуетъ запахъ твоихъ кудрей, прикасается къ сладчайшему тѣлу... Пожалѣй!

Саббатай (опечаленный, помолчалъ съ минуту). Можетъ быть, я не правъ, можетъ быть не долженъ требовать отъ тебя того, что я самъ съ трудомъ только могу преодолѣть. Отойди тогда съ миромъ. Я развязу узы, которыми связалъ тебя съ собою.

Сара (съ крикомъ). О нѣть! жалости! Не отталкивай меня, не прогоняй. Нѣть ужъ для меня жизни безъ тебя, нѣть свѣта для очей моихъ, кромѣ сиянія твоего лица. Если не вынесу моихъ мукъ, предпохитаю умереть у ногъ твоихъ, чѣмъ потерять тебя.

Саббатай. Не обо мнѣ рѣчь, не обо мнѣ, но о спасеніи народа моего, ради котораго я долженъ быть чистъ. Не камнемъ должна

ты быть для меня, но крыльями, не искусителемъ, но добрымъ ангеломъ моимъ!

Сара. Господинъ, мой, господинъ! Какой ты непостижимо свѣтлый! Душа моя замираетъ отъ любви, но знаю, что я только слуга твоя, и пусть все будетъ по слову твоему. Радостно исполню все, чего ты потребуешь отъ меня. Въ томъ приношу тебѣ клятву.

Саббатай (поднимаетъ склонившуюся). Вотъ ты—истинная жена Мессии, ты возлюбленная, въ первыхъ помыслахъ Бога предназначеннная мнѣ, ты, о которой царственный мой прадѣль, обнятый иороческимъ духомъ, пѣлъ ужъ много лѣтъ назадъ: „садъ запретный и источникъ, закрытый отъ всѣхъ“. Встань, дочь Израиля, которой дано спасти свой народъ. Встань, царица Сиона, величіемъ затмившая небо и солнце, восходящее надъ моремъ. Болѣе прекрасная, чѣмъ все, что есть прекраснаго въ этомъ мірѣ: чѣмъ розы и лилии долинъ, чѣмъ кедры и мицдалыня деревья. Ароматъ твоей чистоты— словно запахъ мирры, алоэ и цвѣтующихъ кустовъ граната. Среди всѣхъ милостей, какими одарилъ меня Господь, Отецъ нашъ, поистинѣ величайшая та, что ты, какъ голубь, сѣла на моемъ плечѣ. Пусть прославлено будетъ имя Господне нынѣ и во вѣки и благословенна воля его! (Держитъ жену въ объятіяхъ).

Сара (шопотомъ). Ты благословенъ, мой царь!

Входные двери отворяются и въ нихъ стоять Хаджи-бей, управлятель замка Дамиръ-Ташъ, въ которомъ заключенъ Саббатай Цви. За нимъ слѣдуетъ немногочисленная стража. Саббатай, стоящий спиной, не замѣтилъ входящихъ. Прижимая къ груди голову Сары, онъ поднялъ лицо къ окну, какъ бы въ тихой молитвѣ.

Хаджи-бей (помолчавъ съ минуту, подходитъ ближе и кланяется). Господинъ!

Саббатай (обернулся, смотритъ вопросительно). Что нужно вамъ?

Хаджи-бей (почтительно и даже съ боязнью въ голосѣ). Аллахъ, — единый Богъ, иного же нѣть Бога, — оказалъ мнѣ, псу своему, такую милость, что эти стѣны предназначены для твоего пребыванія, пророкъ. Я никогда не давалъ тебѣ почувствовать сурости заключенія и, наоборотъ, исполнялъ все, чего ты желалъ.. Не гнѣтайся же на меня теперь, если тебѣ не понравится вѣсть, которую я приношу.

Саббатай. Говори смѣло.

Хаджи-бей. Скажу, что мнѣ приказано. Султанъ Мохамедъ,

напъ господинъ и повелитель, пожелалъ, чтобы ты сегодня предсталъ передъ его лицо.

Саббатай (издаетъ невольно короткій радостный крикъ). А!

Сара (съ крикомъ ужаса бросается къ мужу). Султанъ! О, Сабба!

Саббатай. Это твоя жертва вызвала Божью милость. (Быстро направляется къ дверямъ въ глубинъ, открываетъ ихъ настежь и зоветъ). Идите сюда всѣ!

Хаджи-бей (смутившись). Господинъ, не смущай меня... Мнѣ приказано употребить силу въ случаѣ сопротивленія...

Волна евреевъ въ одно мгновеніе заливаетъ всю комнату. Движеніе шумъ. Нѣкоторые вошли еще съ кусками мяса въ рукѣ, повидимому прямо отъ стола, у другихъ въ рукахъ кубки. Среди говора выдѣляются тревожные голоса.

Голоса. Мессія зоветъ. Что это значитъ? Что случилось? Управитель замка!..

Хаджи-бей оглянулся на свою стражу и даетъ знакъ ставшимъ снова у дверей янычарамъ, чтобы они приблизились.

Саббатай (стоитъ на высокомъ порогѣ первыхъ дверей, блѣдный, съ необычайно свѣтлымъ лицомъ. Подождалъ минуту, пока шумъ утихъ; руки сложилъ на груди). Народъ! Я сегодня предстану предъ султаномъ. Вотъ его посолъ!

Крикъ ужаса вырывается со всѣхъ сторонъ. Люди тѣснятся вокругъ Мессіи, хватаютъ его руки и одежду, съ плачемъ падаютъ къ его ногамъ. Нѣкоторые раздираютъ на себѣ одежды и рвутъ волосы, громко ридая. Общее смятеніе, среди котораго отдельныхъ словъ разобрать нельзя.

Натаиль (кричить такъ, чтобы покрыть своимъ голосомъ шумъ). Эй, люди, слезы напрасны. Свою грудью мы защитимъ Мессію! (Выступаетъ впередъ съ горстью молодыхъ евреевъ).

Хаджи-бей даетъ знакъ. Янычары взяли въ зубы ятаганы и хватаются за пистолеты.

Саббатай (поднялъ руку надъ головами испуганной толпы, давая знакъ, чтобы умолкли. Начинаетъ говорить, сдерживая голосъ, который дрожитъ у него, однако, отъ какой-то внутренней радости и скрытой силы). Гдѣ же ваше довѣріе? гдѣ вѣра въ вѣковѣчную

Господню мощь? Зачемъ эти слезы? о чёмъ этотъ крикъ? Пойте вмѣстѣ со мной радостный гимнъ. Хвалу Богу! Во славу Бога и святого имени Его, свѣтлый благодарственный гимнъ.

Евреи (онѣмѣли, смотрятъ на Мессію остановившимся взглѣдомъ.

Саббатай (поворачивается къ управителю замка). Благословенны уста твои, добрый вѣстникъ! Приносишь мнѣ вѣсть о побѣдѣ. Не будетъ забыто о тебѣ, когда сяду на тронъ Сиона.

Хаджи-бей отступаетъ недоумѣвая, неувѣренно. Инычары смотрятъ другъ на друга. Евреи заслушались неподвижные, застывшіи на своихъ мѣстахъ.

Саббатай (собравъ всю свою силу). Народъ, давно ожидаемый день нынѣ наступилъ. Раньше, чѣмъ солнце зайдетъ, я повергну султана къ своимъ ногамъ, завершу побѣдой борьбу за тебя и воздигну тронъ Израиля—такъ хочетъ Богъ!

Общіе возгласы. Мессія такъ сказалъ! Это сказалъ Мессія!

Саббатай (какъ бы охваченный радостнымъ безуміемъ). Эй, слуги! Дайте мнѣ царскія одежды, золотой короной увѣнчайте мое чело, виссонъ и багряницу на мои плечи! Такъ я пойду...

Возгласъ. Дайте царскую одежду.

Саббатай (поднялъ обѣ руки, вознесъ кверху лицо и начинаетъ псаломъ Давидовъ). „Бейте въ ладоши, народы земли, прославляя Бога звуками веселья“...

Народъ (охваченный порывомъ радости, начинаетъ приплясывать, подпѣвая Мессіи). „Ибо высокъ и страшенъ Богъ, царь великий надъ всей землей. Аллилуя!“

Саббатай. „Отдать Онъ намъ народы міра и повергъ ихъ къ ногамъ напімъ. Аллилуя!“

Народъ. „Пойте же Богу нашему, пойте! Пойте царю нашему, пойте! Пойте славу. Аллилуя!“

Саббатай. „И воцарится Господь надъ народами“...

Предъ нимъ склоняются слуги съ багрянымъ плащемъ и золотой короной въ рукахъ. Саббатай протягиваетъ къ нимъ руки.

Хаджи-бей, кланяясь, отступаетъ къ дверямъ. Инычары наклонили головы.

Евреи—одни падаютъ ницъ, другіе пляшутъ, хлопая въ ладоши. Крики:

Аллилуя! Аллилуя!

АКТЪ II.

Султанскіе сады въ городѣ Эдредехъ, который невѣрные называютъ также по-гречески—Адріанополь. Среди всякаго рода деревьевъ—рѣдкостныя растенія, цвѣтущи міндалевые кусты, цѣлые кущи розъ и другихъ разнообразныхъ цвѣтовъ, яркихъ и благоухающихъ. На фонѣ зелени многочисленные фонтаны, вода которыхъ стекаетъ съ серебрянымъ звономъ въ маленькие, обложенные розовымъ греческимъ мраморомъ бассейны. Въ глубинѣ—за густыми аллеями деревьевъ—виднѣются мавританскія бесѣлки, а за ними поднимающіеся къ небу минареты.

Впереди съ лѣвой стороны, подъ растянутымъ на разукрашенныхъ деревахъ шелковымъ балдахиномъ—зеленымъ и золотымъ—сидятъ съ подогнутыми ногами на мягкому, убраниемъ подушками и узорчатыми коврами, тронѣ, могущественный повелитель, султанъ, надишахъ и калифъ Мухамедъ IV. Это—юноша двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, съ блѣднымъ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и тонкими синими губами. Рѣдкая черная растительность окаймляетъ его лицо; голова кажется безсильно склоненной подъ тяжестью огромнаго тюрбана, сколотаго на серединѣ бриллиантомъ. Лобъ его выдается впередъ двумя подвижными выпуклостями, изъ-подъ которыхъ сверкаютъ глаза—большіе, круглые, неподвижно устремленные впередъ, какъ бы съ искугомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мрачной какой-то жестокостью. Въ эту минуту, однако, вѣки его опущены; погруженный въ раздумье, онъ словно слушаетъ въ полуслыѣ звуки скрытой среди деревьевъ музыки, подъ которую пляшутъ передъ нимъ на травѣ греческія и африканскія танцовщицы...

Владыка міра не удостаиваетъ ихъ взглядомъ. Пальцы безсильной руки придерживаютъ длинный, осыпанный драгоценными камнями

янтарь, извилистой трубкой соединяющейся съ стоящимъ внизу кальяномъ. Сбоку колѣно преклоненный и невольникъ, слѣдя, чтобы табакъ не потухъ, поднялъ на сultана безнокойные глаза; въ одной рукѣ онъ держить серебряные щипцы, въ другой у него серебряный сосудъ, полный горячихъ углей.

Черные невольники стоять за трономъ со страусовыми вѣерами и полушками въ рукахъ. Сбоку Гассанъ-ага,—начальникъ стражи янычаръ, видѣющеющейся въ глубинѣ, — неподвижный, зоркій, съ длиннымъ обнаженнымъ ятагапомъ въ рукѣ.

Немного впереди Хакимъ-паша Дидо иль разговариваетъ шопотомъ съ евнухомъ Кизларъ-пашею, начальникомъ всей дворцовой службы. Возлѣ нихъ стоять въ молчаніи сѣдой и почтенный старикъ Муфтій Вани и, исполняющій кромѣ духовныхъ обязанностей также должность каймъ-макама въ Эдредехъ. Съ правой стороны подъ деревьями робко тѣснится еврейскіе талмудисты, которые прибѣжали изъ замка Дамиръ-Ташъ просить владыку о наказаніи ложнаго мессіи, и покорно ждутъ милостиваго сultанскаго взгляда. Танцовщицы въ роскошныхъ развѣвающихся одеждахъ пляшутъ на травѣ, извиваясь гибкими, молодыми тѣлами; и сверкаютъ ихъ горящіе глаза и сверкаютъ за полуоткрытыми устами ихъ бѣлые зубы. Нараспѣ бросаются онѣ на задумавшагося сultана манящіе, жадные взгляды...

Кизларъ-паша (вполголоса). Надишахъ успулъ.

Хакимъ-паша (кинувъ взглядомъ). Нѣтъ, не спить владыка міра. Сегодня снова былъ у него приступъ болѣзни, и теперь отдыхаетъ.

Кизларъ-паша. Да хранить нась великий духъ пророка. Не одна голова упадеть сегодня, быть можетъ...

Муфтій Вани (приблизился къ разговаривающимъ, услышавъ послѣднія слова). Вѣрно, сultанъ прикажетъ утопить сегодня Саббатая. Слишкомъ долго ждалъ его раскаянья...

Хакимъ-паша (пожалъ плечами). Не знаю. Говорятъ, будто онъ бессмертенъ.

Муфтій Вани. Грѣхъ такъ говорить. Даже пророкъ напѣ умеръ.

Кизларъ-паша (съ суевѣрнымъ страхомъ). Не знаю, правда ли, но говорятъ также, что этотъ Саббатай можетъ воскрешать мертвыхъ и убивать людей однимъ взглядомъ... Будто бы каждую ночь

онъ выходить, минуя стражу, изъ заключенія и облетаетъ всю землю на огнепной колесницѣ.

Хакимъ-паша (изображая испугъ). Единъ Аллахъ!

Продолжаютъ шептаться, поглядывая на султана. Слышны еще громкія слова.

Кизларъ-паша. Страшно подумать...

Въ глубинѣ на аллѣѣ показался великий визирь Ахмедъ Кеприли. Человѣкъ сорока съ лишнимъ лѣтъ, съ суровымъ, но умнымъ взглядомъ. Во всей фігурѣ чувствуется непреклонная воля. Одежда на немъ военная: низкая чалма съ птичьими перьями, кривая сабля у бедра. Въ руکѣ держитъ свертокъ пергамента. Идетъ быстрымъ шагомъ и останавливается предъ султаномъ. Въ это же время прекрасная музыка. Танцовщицы останавливаются.

Султанъ (открылъ глаза, словно очнулся. Спрашиваетъ торопливо). Что? Онъ уже здѣсь?

Кеприли (склоняется до земли). Владыка, вотъ я принесъ фирмансъ.

Султанъ (съ неохотой). А, это ты, великий визирь! (Снова закрываетъ глаза).

Кеприли (протягиваетъ руку съ пергаментомъ). Соблаговоли подписать, владыка, твое имя.

Султанъ (едва взглянувъ, дѣлаетъ оборонительный жестъ рукою). Позже! Какъ-нибудь... Можетъ быть завтра! Я теперь усталъ! (Опускаетъ вѣки).

Кеприли. Ты, вѣдь, сказалъ, повелитель... Это дѣло не терпитъ отлагательства.

Султанъ (открылъ глаза). И все же оно потерпить, потому что я такъ хочу. Клянусь пророкомъ, нѣть такого дѣла на свѣтѣ, которое не могло бы ждать, если мнѣ такъ угодно. (Поворачивается къ начальнику евнуховъ). Не правда ли, Кизларъ-паша? (Посмотрѣлъ встревоженнымъ взглядомъ на склонившагося до земли придворнаго. Нотираетъ рукою лобъ). Что я хотѣлъ сказать... Дайте мнѣ кальянъ. (Вдругъ заволновался, словно припомнилъ). Да, сегодня я долженъ видѣть этого... Саббатая...

Муфтій Вани (склоняетъ голову). Ты такъ приказалъ, повелитель вѣрныхъ, чтобы твой узникъ явился предъ тобою.

Султанъ (потянулъ дымъ изъ трубки; говорить какъ бы

про себя). Это странный человѣкъ, странный... Такой удивительно дерз-
кій!.. (Обрываеть. Легкая дрожь овладѣваеть имъ).

Кеприли (съ видимымъ нетерпѣніемъ). Владыка міра, ты гос-
подинъ и дѣлаешь, что тебѣ угодно. Но столько важнѣйшихъ дѣлъ
ждутъ рѣшенія... я бы на этого еврея не обратилъ теперь никакого
вниманія'.

Султанъ (задѣтый). Ты бы не обратилъ вниманія! Всѣ евреи
у меня взбунтовались, провозглашаютъ царя тамъ, гдѣ царствую я по
волѣ пророка, и я знаю отлично, что... Да, правители мои ходятъ къ
нему на поклонъ!.. Вы всѣ поглядываете въ его сторону!.. (Обрываеть).
Что я хотѣлъ сказать... Я окружены одними измѣнниками!

Кеприли. Служу тебѣ, повелитель, вѣрно, какъ мой отецъ...

Султанъ. Твой отецъ! отецъ! Старый Мехмедъ... Жалко, что
умеръ. Онъ мнѣ былъ дѣйствительно вѣренъ, хотя въ Египтѣ слиш-
комъ много крови пролилъ... Твой отецъ былъ все же великий воинъ.
Онъ бы никогда не далъ себя разбить этому псу Монтекукули...

Кеприли (задѣтый). Повелитель, я также бросилъ къ твоимъ
ногамъ покоренный Крѣт и добылъ тебѣ Каменецъ у Ляховъ.

Султанъ (пренебрежительно). Что мнѣ Каменецъ! Монтекукули
разбили тебя, и я долженъ былъ заключить миръ съ королемъ па
цѣлыхъ двадцать лѣтъ... Тяжело! Твой отецъ не выдержалъ бы.
Онъ бы сказалъ: султанъ заключилъ миръ, а я воюю и побѣждаю...

Кеприли (съ силой). Я не умѣю нарушать договоры...

Султанъ (смотретьъ на него съ злой усмѣшкой). Да... вѣрно.
Если бы ты проигралъ, я приказалъ бы удавить тебя шелковымъ
шнуромъ, какъ измѣнника... Но твой отецъ былъ великий воинъ...
(Умолкъ; снова потираетъ рукою лобъ). Однако... хуже всего то,
что я не знаю, какъ поступить съ этимъ еврейскимъ пророкомъ...

Кеприли. Я совѣтую...

Султанъ. Совѣтуешь, совѣтуешь... вы всѣ совѣтуете, а онъ
живетъ, между тѣмъ на мою бѣду!

Кеприли. Отдай только приказъ, повелитель.

Султанъ. Твой отецъ, старый Мехмедъ, не ждалъ бы приказа,
а прислалъ бы мнѣ въ шелковомъ платкѣ его отрубленную голову...
Хотя и зналъ бы, павѣрное, что ему достанется отъ меня, потому
что я не вынушу... но Мехмедъ былъ человѣкъ вѣрный и рѣши-
тельный!

Кеприли (поворачивается къ начальнику япичаръ). Эй! Гас-
санъ ага!

Султанъ (тревожпо). Что ты дѣлаешь?

Кеприли. Посылаю за головой Саббатая.

Султанъ (быстро). Нельзя! нельзя! Я не хочу! Я самъ послалъ за нимъ, чтобы онъ пришелъ сюда. Живымъ я долженъ его увидѣть и доказать вамъ, что я его ничуть не боюсь... Упадеть ницъ предо мною и признаеть, что я единственный владыка! (Задумался. Добавляеть съ оттѣнкомъ суевѣрнаго страха). Вирочемъ, это похоже на чародѣйство, а можетъ быть и... пророкъ... Что?

Муфтій Вани (съ силой). Нѣть пророка, кромѣ пророка, имя котораго Магометъ—свято для вѣрныхъ во всѣхъ вѣковъ!

Султанъ (посмотрѣлъ на него; начинаетъ говорить упрямо и озлобленно). Я знаю... Магометъ одипъ. Но въ Коранѣ написано, что сначала былъ пророкъ Моисей, которому поклонялись вѣрующіе, пока не пришелъ пророкъ Иисусъ, и исами стали тѣ, что вѣрили въ Моисея, Потомъ пришелъ пророкъ Магометъ, и исами сдѣлались франки. А если Саббатай также пророкъ и завтра будуть собаками тѣ, что останутся при Магометѣ? Ничего нельзя знать навѣрное...

Муфтій Вани (возбужденно). Милость пророка, повелитель сдѣлала тебя царемъ!

Султанъ (сдвинувъ брови). А моя милость можетъ сдѣлать пророкомъ, кого захочеть!

Муфтій Вани. Ты султанъ и падишахъ, калифъ всѣхъ вѣрныхъ, а я ничтожный прахъ передъ твоимъ лицомъ, ио Аллахъ надъ тобою и слышишь, какъ богохульствуютъ уста твои въ эту минуту. Помни, въ Стамбулѣ сидѣть смиренные служители Бога, и Шейкъ-уль-исламъ вмѣстѣ съ ними издаѣтъ фетвы, которыя не разъ уже разрушили троны...

Султанъ. Вы только грозите!.. Вы только грозить умѣете! Одни измѣнишки возвлѣ меня и враги... (Обрываетъ. Смотритъ на присутствующихъ, усмѣхаясь зловѣще-синими углами губъ). А забавяще всего то, что я могъ бы сейчасъ приказать моимъ вѣрнымъ янычарамъ защитить васъ въ мѣшки... Гассанъ-ага ожидаетъ только моего знака... Утоили бы васъ въ рѣкѣ, потому что тутъ въ Эдредехъ нѣть моря... А жаль: я больше люблю въ морѣ тонить, чѣмъ въ рѣкѣ... (Отираетъ потъ со лба). Что я хотѣлъ?.. Жарко здѣсь... Когда же этаѣтъ еврейскій мессія явится ко мнѣ? (Окинувъ взглядомъ садъ замѣчаетъ прижавшихся подъ деревьями талмудистовъ. Наморщилъ брови). Что нужно этимъ евреямъ? Кто позволилъ впустить ихъ сюда?

Хакимъ-паша (узналъ враговъ Саббатая. Говорить обезпокоеніемъ). Да, кто же ихъ сюда впустилъ?

Кизларъ-паша оглядывается, ища виновныхъ. Талмудисты надаютъ ницъ передъ султаномъ.

Гассанъ-ага (послѣ минутнаго молчанія). Ты самъ разрѣшилъ, владыка. Если желаешь, я ихъ сейчасъ же уберу.

Султанъ (къ евреямъ). Чего вы хотите?

Талмудистъ (не поднимая головы отъ земли). Могущественный повелитель, да охрани тебя рука Всевышняго! Это мы, псы твои, пришли въблагодарить тебя за то, что хочешь наказать богохульника, который выдаетъ себя за обѣщанаго намъ мессію.

Султанъ (обращается къ лекарю). Что это за люди?

Хакимъ-паша. Это еврейскіе талмудисты, сторонники книгъ вавилонскихъ, которые послѣдователей Пророка называютъ нечистыми животными... Твои враги!

Талмудистъ (поднимаетъ голову). Владыка, лжетъ эта собака, этотъ подлый отступникъ!

Хакимъ-паша. Ты самъ, повелитель, видишь. Меня, за то, что я надѣлъ тюрбанъ и служу тебѣ, они такъ проклинаютъ!

Талмудистъ (съ крикомъ). Неправда! Онъ съ Саббатаемъ...

Султанъ (кинувъ головой). Гассанъ-ага, слишкомъ громко лаетъ эта собака.

Гассанъ-ага, молча, дѣлаетъ шагъ впередъ и замахивается ятагономъ.

Талмудистъ (взвищиваетъ въ смертельномъ страхѣ, заслоняясь рукою). Смилийся!

Султанъ (смѣется). Чего же ты хотѣлъ? Говори теперь.

Талмудистъ (стучи зубами, смотритъ на все еще поднятое надъ его головой лезвіе). Не могу, владыка, не могу...

Хакимъ-паша. Повелитель, не обращай вниманія на этихъ псовъ. Они только утомляютъ тебя, а драгоцѣнное здоровье твое, отъ котораго зависитъ счастье всего міра, требуетъ покоя.

Гассанъ-ага опустилъ ятаганъ и вернулся на мѣсто. Талмудистъ продолжаетъ лежать, не смѣя поднять головы.

Кеприли (подносить пергаментъ). Соблаговоли только, владыка, подписать этотъ фирмапъ.

Султанъ (вдругъ встрепенувшись). Прочь! Не подпишу никакихъ фирмаповъ. Не хочу ничего знать...

Кеприли. Это важное и спѣшное дѣло. Если онъ теперь же, въ ближайшіе дни, не будетъ изданъ, ариануты снова грозятъ возстаніемъ, быть можетъ болѣе страшнымъ, чѣмъ то, которое усмирилъ мой отецъ.

Султанъ. Вырѣзать ихъ! Уничтожить! Пусть не останется ни одного человѣка! Никакой не дамъ свободы!

Кеприли. Повелитель, я съ моимъ отцомъ повергъ къ стопамъ твоимъ эту страну, но соизволъ вспомнить, что я самъ арнаутской крови...

Султанъ. Значить, и ты измѣнникъ! Значить, и ты бунтовщикъ! Прочь съ глазъ моихъ!

Кеприли рѣшительнымъ движеніемъ разрываетъ пергаментъ и быстро выходитъ. Муфтій Ванни наклоняется и подбираетъ куски пергамента, испуганно поглядывая на султана.

Султанъ (спустя минуту закрываетъ глаза). Пусть танцовщицы... (Даетъ знакъ рукой).

Танцовщицы снова начинаютъ плясать подъ тихіе плѣнительные звуки музыки.

Султанъ (курить кальянъ; раздумчиво). Затѣмъ онъ ушелъ? Я подписалъ бы. Я совсѣмъ не врагъ арнаутовъ. (Обращается къ Хакимъ-пашѣ). А можетъ быть, послать инуръ Кеприли? Зеленый шелковый шнуръ.. и избавиться отъ него ужъ навсегда. Ему кажется, что я безъ него не обойдусь, что онъ... руководитель!..

Хакимъ-паша (обезпокоившись). Ты самъ знаешь, повелитель...

Муфтій Ванни (вмѣшиваеться). Великій визирь всею душою преданъ тебѣ, владыка. Онъ человѣкъ мужественный и справедливый.

Султанъ. Но я—монархъ, могущественнѣйшій изъ царей, и не нуждаюсь ни въ комъ. Вы всѣ псы предо мною. Я убѣжденъ, что Саббатай, лишь только меня увидитъ, склонится ницъ и признаетъ мою власть... что? (Посмотрѣлъ на окружающихъ).

Кизларъ-паша (съ низкимъ поклономъ). Развѣ можетъ кто-нибудь не признать ея, могучай повелитель?

Муфтій Ванни. Ты—единственный!.. ты—намѣстникъ пророка Хакимъ-паша. Ты свѣтъ земли! ты сіянье небесъ!

Султанъ (съ улыбкой удовлетворенія). Да, онъ не сможетъ поднять глазъ на мое величіе... Пріпадетъ къ моимъ ногамъ... (Вдругъ встревожившись). Но отчего же онъ не приходитъ? Скоро зайдетъ солнце.

Кизларъ-паша. Сейчасъ приведутъ его, владыка. Отъ замка Дамиръ-Ташъ дорога не малая...

Султанъ. А, да, дорога не малая... Что я хотѣлъ сказать... Не думаете ли вы, что въ этомъ Саббатай дѣйствительно есть нечеловѣческія силы?

Мұфтай Ванни. Развѣ только... колдовство.

Кизларъ-паша (съ суевѣрнымъ страхомъ). Пусть хранить насть Пророкъ!

Султанъ (безпокойно). Я совсѣмъ не желаю зла Саббатаю... Наоборотъ, если онъ покорится, я готовъ оказать ему много милостей... (Вздрогнуль). Холодно! Покройте мнѣ колѣна... и эту подушку... такъ. Гдѣ кальянъ? Прекратите эту пляску.

Кизларъ-паша прислуживаетъ ему. Танцовщицы нерестають плясать.

Султапъ (втягивая и затѣмъ выпуская кольцами дымъ). А можетъ быть, на завтра отложить принятіе покорности и почета отъ Саббатая? (Посмотрѣлъ на евреевъ, лежащихъ все время передъ трономъ). Отчего эти евреи лежать еще здѣсь? Развѣ я не велѣлъ ихъ убрать?

Гассанъ-ага далъ знакъ двумъ янычарамъ, которые тотчасъ же приближаются.

Талмудистъ (поспѣшно). Владыка, благоволи еще выслушать насть. Мы—вѣрные сыны твои, вѣрные подданные... Окажи намъ милость и снизойди къ нашей просьбѣ, судья праведный!

Султанъ. Чего же вы хотите?

Талмудистъ. Убей Саббатая! Покарай его! утопи! посади на коль!

Султанъ (смотретьъ на него подозрительно). Вѣдь, онъ вашей крови... еврей, какъ и вы.

Талмудистъ (съ страшной ненавистью). Саббатай не сынъ Израиля! Братья наши отлучили его отъ синагоги въ Смирнѣ, гдѣ онъ родился, и въ Йерусалимѣ, куда онъ приходилъ... Вышвыриули какъ паршивую овцу изъ стада. Понестивъ лучше волкъ... (Спохватился, испугавшись, не сказалъ ли ужъ слишкомъ много).

Султапъ (съ презрительной усмѣшкой). Онъ вамъ, кажется, обѣщаетъ избавленіе?

Талмудистъ. Лучше неволя! Нѣть иного спасенія, какъ только въ Законѣ, нѣть правды, какъ только въ словахъ Писанія, которое онъ оскверняетъ. Онъ изрыгаетъ хулу на нашего Бога!

Султанъ (пожалъ плечами). Что мнѣ до вашего Бога! Не надоѣдайте мнѣ. (Отворачивается).

Талмудистъ (торопливо). Онъ твой врагъ, повелитель, онъ

борется противъ тебя. Онъ попосить также и твоё величіе. Мы не можемъ этого перенести.

Хакимъ-паша (вмѣшивается, встревоженный). Владыка...

Султанъ (дѣлаетъ рукою знакъ, чтобы онъ молчалъ. Смотрить на евреевъ). И что же онъ говоритъ?

Талмудистъ (собравъ всю смѣлость, поднялся на половину туловища). Говорить, что съ головы твоей сниметь корону!

Наступаетъ страшное молчаніе. Тѣ что стояли ближе къ трону, невольно пятятся назадъ.

Султанъ (поблѣднѣлъ, оглядѣлъ окружающихъ. Губы его начинаютъ кривиться въ страшную судорожную усмѣшку зловѣщей жестокости, бѣшенства и страха). Ха-ха! сниметь... съ моей головы... корону... Рабъ мой! Прахъ моихъ ногъ! (Говорить это вѣнчане спокойно. Но вдругъ лицо его все перекаивается, глаза останавливаются, пѣна выступаетъ на углахъ губъ... Хриплымъ голосомъ). Гассанъ-ага, бери ихъ! Камень на шею!

Янычары по знаку своего начальника мгновенно окружаютъ талмудистовъ.

Талмудистъ (воетъ отъ ужаса). За что? за что? Смируйся!

Султанъ. И еще содрать съ нихъ кожу за то, что кричать. Потомъ утопить, чтобы знали, что лгутъ! что вѣть никого въ цѣломъ мірѣ, кто осмѣлился бы посягнуть на мою корону!

Талмудисты, помертвѣвшіе отъ ужаса, молча даютъ себя связать.

Хакимъ-паша (смотря на нихъ, говорить вполноголоса, съ чувствомъ). Такъ воздасть Господь врагамъ помазанника Своего!

Муфтій Ванни. Великъ Аллахъ!

Янычары увѣли евреевъ.

Султанъ (дышилъ возбужденно). Подлые псы, которые смеютъ лаять...

Хакимъ-паша. Ихъ постигла заслуженная кара.

Кизларъ-паша. И остался невредимъ, какъ былъ, надъ челомъ твоимъ знакъ Пророка, о, владыка.

Султанъ (говорить хмуро, бросая вокругъ злобные взгляды). Да, я величайший властитель міра, и никто не осмѣлитъся... Если захочу, буду царствовать надъ всей землей. Не боюсь никого. Съ ко-

ролемъ заключенъ миръ, но это ничего... (Широко раскрылъ глаза. Пятна выступили у него на блѣдномъ лицѣ. Шипитъ). Московскаго царя сдѣлаю своимъ псаremъ... Гдѣ Кеприли! На ляховъ его пошли съ цѣлой ордой... пусть мнѣ сейчасъ притащить короля варшавскаго на веревкѣ! Однимъ пальцемъ ницъ повергну Египетъ, Азію и Крымъ. Поднимутся вѣрные отъ Урала до Гибралтара! Съ Волги, съ Дуная, съ Евфрата и Нила! (Возбуждается все сильнѣе). Разрушу Венецію. Разобью пушками Римъ! Въ стойла превращу вѣнскіе костелы! Самъ сяду на коня... и, какъ новый Османъ, подъ знаменемъ пророка... Самъ на короля, самъ поведу на папу! Все обращаю въ прахъ! А за Саббатаемъ—сейчасъ янычаръ пусть мнѣ голову его... охъ! (Его схватываютъ нервныя судороги).

Хакимъ-паша (подбѣгаешь, подаетъ напитокъ, чтобы привести въ чувство). Успокойся, повелитель.

Султанъ (отпиль, дрожащей рукой отстраняется кубокъ). Да! Уже лучше... Жарко здѣсь, очень жарко. Почему не вѣютъ на меня? (Задрожалъ). Нѣтъ не хочу вѣровъ. Покройте меня... Лучше... Колѣни... (Вдругъ обрывается, прислушивается).

Издалека доносятся крики, смѣшанные съ звуками трубъ, свирѣлей, варгановъ, бубенъ, арфъ и цимбаловъ. Среди присутствующихъ движеніе: всѣ вглядываются въ глубину. Янычары невольно наклоняются, прислушиваясь. Хакимъ-паша опустилъ руку, которой набрасывалъ пеструю шаль на колѣни султана.

Муфтій Ванни. Что это?

Султанъ (съ тревожнымъ недоумѣніемъ). Что это значить? Что это?

Хакимъ-паша. Еврейскій мессія!

Удивительное шествіе приближается. Впереди бѣгутъ евреи въ праздничныхъ одеждахъ, приплясывая, и поднятыми руками бьютъ въ бубны; другіе трубятъ въ изогнутые, похожіе на козлиные, рога или издаютъ иные звуки при помощи разныхъ музикальныхъ инструментовъ. Толпа женщинъ и дѣтей съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, съ вѣнками цвѣтовъ на головахъ, тѣснится густой массой по дорожкамъ и зеленому дерну сultанскаго сада, выкрикивая нестройно: „Слава Мессіи! Слава Мессіи!“ Видны нищіе и богачи, идущіе вмѣстѣ, почтенные представители оттоманскаго еврейства и уличная чернь, безшабашная, вѣрная себѣ, почти обезумѣвшая... А за толпой словно засияла луна среди позолоченныхъ вѣтвей. На высокомъ и пышномъ тронѣ несутъ еврейскаго мессію Саббата я Цви

въ царскомъ убранствѣ и великолѣпіи... На кудряхъ его золотая корона изъ пятиконечныхъ соломоновыхъ звѣздъ, а въ серединѣ каждой звѣзды сверкаетъ огромный драгоценный камень. Пурпуровый плащъ, съ вышитыми золотомъ птицами и сказочными грифами на плечахъ и по краямъ, спадая, прикрываетъ его колѣни и одѣтыя въ сандалы ноги. Въ руки, украшенной перстнями на всѣхъ пальцахъ, онъ держитъ скипетръ, искусно сдѣланный изъ драгоценного металла, вѣтвь Іакова, завѣщанную новому царству Сиона. По лѣвой руку Мессіи сидитъ жена его Сара, также въ царской одеждѣ изъ бѣлого шелка, расшитаго жемчугомъ вокругъ шеи, на груди, на широкихъ рукавахъ и внизу длиннаго платья. Въ ушахъ ея огромныя серьги. Голова ея, маленькая и стройная, какъ бы склоняется подъ тяжестью пышной повязки съ драгоценными камнями, поверхъ которыхъ выступаютъ золотые листья, словно зубцы короны. На лицѣ легкое покрывало, сквозь которое сверкаютъ ея блестящіе глаза. Тутъ же передъ трономъ, съ непокрытой головой и разметавшимися длинными кудрями, съ разорваннымъ воротомъ, въ развѣвающемся плащѣ, танцующимъ шагомъ выступаетъ объятый радостнымъ безуміемъ пророкъ Натанъ Леви. Возлѣ него и позади трона идутъ со знаками царской власти и достоинства придворные Мессіи. Писецъ Самуилъ Примо, держась поднятой рукой за перила трона, въ другой рукѣ сжимаетъ свитки пергамента. Казначей Іосифъ Халеви тоже идетъ за Мессіей, стараясь оставаться незамѣтнымъ для сultана. Присутствуютъ также всѣ евреи, которые были въ замкѣ Дамиръ-Ташъ: испанскіе, голландскіе, польскіе, итальянскіе, нѣмецкіе и азіатскіе. Кабалисты въ черныхъ шелковыхъ одеждахъ тѣснятся за трономъ, толкая другъ друга и испуская крики. Танцовщицы, выглядывающія изъ-за сultанскаго трона, исполнены изумленія. Муфтій Вани поднялъ руку.

Султанъ (шепчетъ опеломленный). Это такъ... рабъ мой... ко мнѣ!.. Мой рабъ...

Натанъ начинаетъ исаломъ Цавидовъ, который подхватываетъ весь народъ:

„Славьте имя царя, воспѣвава его всѣ разомъ... Бейте въ бубны во славу его и играйте на арфѣ. Аллилуя! Аллилуя!“

Султанъ. Велите имъ замолчать! Прекратить это пѣніе!

Толпа евреевъ поетъ:

„Ибо возлюбилъ себя Богъ въ народѣ своемъ и привелъ его нынѣ къ спасенію.

Аллилуя! аллилуя!

„Свершить Господь судъ надъ язычниками и карой воздастъ народамъ...“

Султанъ (закрываетъ глаза). Прочь отсюда!

Толпа евреевъ иоетъ:

„Царя враговъ свяжетъ путами, вождей ихъ закуетъ въ желѣзо, дабы исполнилось слово Господне.

Аллилуя! аллилуя!“

Пѣніе сразу смолкаетъ. Тронъ Мессіи опустили на землю передъ султаномъ. Саббатай поднялся съ трона: стоять — стройный, царственный, спокойный.

Молчаніе.

Среди султанскаго двора недоумѣніе и растерянность, похожіе на испугъ. Евреи, затаивъ дыханіе и дрожа отъ волненія, ожидаютъ слова Мессіи, которымъ онъ повергнетъ противника въ прахъ.

Султанъ (вытянулъ руку, точно заслоняясь отъ призрака). Кто ты такой? Кто ты, что осмѣливаешься...

Саббатай (говорить спокойно и гордо). Я тотъ, предъ которымъ задрожалъ теперь царь земли. Я избранникъ Бога.

Султанъ. Отойди! отойди отъ меня! Я подарю тебѣ жизнь... только уйди отсюда.

Саббатай. Вѣдь, ты самъ пожелалъ взглянуть въ мое лицо.

Султанъ. Чего ты хочешь?

Саббатай. Отдай мнѣ народъ мой. Отдай мою царскую, мою Давидову корону. Поклонись мнѣ и признай мою, Богомъ мнѣ данную, власть.

Султанъ (медленно поднимается. Синія губы его дрожать. Лицо его дѣлается страшнымъ, какъ у трупа. Вытянулъ руку. Голосъ точно застялъ у него въ горлѣ, и онъ шепчетъ сквозь стиснутые зубы). Ты смѣешь... ты! Я царь! На колѣни! Пади идиць! Ты — песь!

Саббатай стоитъ недвижимый, спокойный, свѣтлый. Наступило зловѣщее молчаніе. Евреи нервно поворачиваютъ головы то на Мессію, то въ сторону сultана. Женщины испуганно присѣли на землю. Гдѣ-то заплакалъ ребенокъ... Сара спустилась съ

трона, лицомъ и руками прижалась къ ногамъ мужа и завороженнымъ взоромъ смотрить въ лицо султану. Сам уиль стоять не-подвижно: блѣдный, глаза закрыты, губы что-то шепчутъ беззвучно.

Султанъ (обвелъ вокругъ себя рукою). Янычары!

Свистъ мгновенно выхваченныхъ ятагановъ, короткій обрывистый крикъ Гассана-аги. Янычары двинулись съ мѣста, Сара съ крикомъ ужаса обнимаетъ ноги мужа. Среди евреевъ переполохъ. Саббатай, спокойный, не двигаясь съ мѣста, поднялъ руку, посмотрѣлъ на янычаръ, на султана, на толпу своихъ... Янычары остановились. Они готовы, но заколебались на мгновеніе. Смотрятъ на владыку. Среди евреевъ радостный шепотъ; однако, они боятся громко воздать хвалу Мессії: еще не увѣрены. Слышны обрывистыя восклицанія: „Удержанъ ихъ!... Не осмѣливаются! Смотрите!... Онъ мессія! Онъ посланъ Богомъ!“

Саббатай (сдѣлалъ шагъ и говорить, словно ничего не произошло). Я ожидаю твоего отвѣта, султанъ.

Султанъ (смотретьъ съ недоумѣніемъ на Саббатая. На лицѣ его выраженіе высокомѣрія и гнѣва и вмѣстѣ съ тѣмъ признаки невольнаго какого-то любопытства, удивленія и страха). Развѣ ты не знаешьъ, безумецъ, что достаточно мнѣ поднять палецъ, достаточно подать малѣйший знакъ, и по ключамъ твоего тѣла никто не узнаетъ даже, что это было тѣ?...

Саббатай. Такъ почему же ты не даешь этого знака? Стою я, твой плѣнникъ, передъ тобою—безоружный, а у людей моихъ, кромѣ пальмовыхъ вѣтвей, въ рукахъ только ихъ музикальныя игрушки... Ты же, властелинъ міра, ограждаешься отъ меня цѣлой сѣтью обнаженныхъ ятагановъ и, несмотря на это, дрожишь!

Султанъ (съ дѣланной презрительной усмѣшкой) Я?... Я дрожу?

Саббатай. Да. Ибо воистину по одному знаку твоему, какъ говоришь, устремлятся эти острія въ грудь мою... Но ты чувствуешьъ, султанъ, что одно мое движеніе можетъ выбить ихъ изъ омертвѣлыхъ рукъ и разметать, какъ вихрь мететъ сухой тростникъ.

Легкое волненіе среди янычаръ.

Султанъ (скрывая овладѣвающій имъ суевѣрный ужасъ). Я знаю, что не сдѣлаешь этого, и совсѣмъ не сумѣлъ бы этого сдѣлать, а за одну похвальбу уже слѣдовало бы тебя казнить... Но я

сегодня добръ и отпущу тебя на волю, если покоришься и упадешь къ моимъ ногамъ.

Саббатай. Помазаль меня Господь, дабы я высоко носилъ голову надъ народами и царями, а не для того, чтобы я склонялся къ ногамъ человѣческимъ.

Султанъ. Ты, дѣйствительно, сумасшедшій... Однако, мнѣ жаль тебя и твоей юности. Я готовъ тебя простить. Поклянись мнѣ только, что никогда отнынѣ не пойдешь противъ меня и моей власти, и отпущу тебя съ миромъ.

Саббатай. Не для того ждалъ я этого мига изо дня въ день, цѣлые годы, чтобы теперь отойти съ пустыми обманутыми руками. Не для того собиралъ я въ себѣ столько лѣтъ великую божескую силу, чтобы она, какъ неразрѣшившійся громъ, томила и разрывала мнѣ грудь.

Султанъ. Но... чего же ты хочешь?

Саббатай. Я ужъ сказалъ. Я пришелъ за своимъ народомъ и готовъ бороться за него, какъ Моисей съ фараоновой властью.

Султанъ. Не вызывай гнѣва моего. Мнѣ отдалъ Аллахъ всѣ народы.

Саббатай. За грѣхи отдалъ Господь Израиля подъ иго османское, какъ нѣкогда подъ египетское, вавилонское и римское. Но Египетъ самъ теперь въ неволѣ, и прахъ башенъ вавилонскихъ вѣтеръ разносить по пустынѣ, а народъ мой живетъ! Воистину, воистину это послѣднія путы, которыя дано ему нести! Сбросить градъ Йерусалимъ траурныя одежды—печаль о царяхъ своихъ... И новый возвѣгнется храмъ на вершинѣ Моріахъ, и новый дворецъ на сіонскомъ холмѣ. Я вызвалъ народъ мой изъ жилищъ, оскверненныхъ врагами. Я поднялъ руки къ востоку, съверу и югу, и встрепенулись души сыновъ израильскихъ въ самыхъ дальнихъ концахъ земли; поднялись изъ праха головы въ странахъ, куда уже не достигаетъ власть твоя, султанъ; ожили сердца тѣхъ, что были уже подобны мертвымъ! На вѣчную жизнь зову я и отодвигаю могильные камни отъ гробового входа...

Султанъ. Мертвые не встаютъ, особенно тѣ, на чей гробъ я поставилъ ногу!

Саббатай. Кто же ты такой, чтобы я не одолѣлъ тебя духомъ Божіимъ и не повергъ во прахъ, если ты всталъ на моемъ пути? Ты увѣренъ, что мощь османская разрослась, какъ дерево въ слишкомъ тѣсномъ саду, когда вѣтвями оно ложится на стѣны сосѣдей? Да, быть можетъ, не хватить мечей польскихъ или венеціанскихъ, чтобы

рубить вѣтви, пускающія все новые ростки, но я — одинъ — сразу попаду въ корень и первымъ ударомъ сокрушу дубовый стволъ.

Султанъ (поднимается). Силой Пророка держится могущество мое и по волѣ Пророка я здѣсь — единный царь и повелитель.

Саббатай (громовымъ голосомъ). Я силенъ своей и Божіей волей и поставленъ надъ всѣми царями и пророками земли.

Муфтий Ванни. Владыка! не позволяй ему богохульствовать... Не только надъ твоимъ величиемъ глумится онъ, по и имя Пророка оскорбляется!

Саббатай. Ха-ха! Имя Пророка! И вы повторяете то же, что слышалъ я вчера изъ устья отверженцевъ моего народа. Они корчились отъ ужаса и негодованія, когда я, словно громъ, обрушилъ на нихъ имя Іеговы!

Ереи склоняютъ головы. Трепетъ среди султанскихъ придворныхъ.

Саббатай (продолжаетъ громовымъ голосомъ). Вотъ, и надъ вашими головами прогремѣлъ я именемъ Его. Ниспосланный Его волей, великую мощь принесъ я съ собой, ту мощь, которой поразилъ онъ передъ глазами материей первородныхъ сыновъ Египта, разверзъ бездны морскія, затмилъ солнце и скегъ Содомъ и Гоморру. Ту силу, которой потрясаетъ онъ пылающія пѣдра земли и обрушиваетъ города на головы спящихъ, которую онъ гонитъ морской приливъ на цвѣтущіе берега и веетъ пожарамъ уничтожить потомъ все, чего не поглотила волна.

Шопотъ волненія среди янычаръ и султанской свиты. „О, Алла! о, Алла акаръ!“.

Саббатай (поднялъ обѣ руки). И вотъ возношу я руки, исполненные этой моці, чтобы защитить мой народъ. За всѣ лишенія, и оковы, и слезы, и страданія я уготовилъ славу ему. Я всталъ, какъ львица, отдающая жизнь за своихъ дѣтенышей... Кто же нынѣ противъ меня?

Возгласы въ толпѣ евреевъ внезапно раздаются послѣ короткаго молчанія: „Слава Мессію! Слава Мессію!“

Саббатай, вдохновенный и грозный, оглянулся вокругъ. Придворные султана невольно попятались. Даже янычары опустили головы.

Султанъ (задумчиво). Выглядишь ты, поистинѣ, какъ ангелъ Азраилъ, о которомъ говорятъ, будто съ огненнымъ мечомъ стоять онъ передъ престоломъ Аллаха... Но гдѣ же доказательство, что ты, дѣйствительно, посланецъ Божій и что въ тебѣ нечеловѣческая сила?

Сabbatai. Не искушай во мнѣ этой силы, чтобы не пришлось тебѣ слишкомъ скоро убѣдиться въ ней.

Муфтій Вани. Владыка, не позволяй ему запугивать тебя такими словами. Онъ смертный человѣкъ, какъ и всѣ.

Хакимъ-паша (приблизившись съ другой стороны). Небезопасно было бы все же поднять на него руку...

Муфтій Вани. Прикажи только вырвать у него языкъ, которымъ онъ богохульствуетъ. Прикажи-ка разыскать сердце въ его груди...

Султанъ. Да, да. Я долженъ получить доказательство... Я хочу убѣдиться... (Умолкъ; смотритъ на Сabbataia). Ты красивъ. Красивѣе индійскихъ баядерокъ, которыхъ пляшутъ предо мною, красивѣе сирійскихъ невольницъ... Если бы ты покорился, я взялъ бы тебя къ своему двору и осыпалъ бы царскими милостями, какъ своего любимца... Но ты гордъ, ты безумецъ... Ты грозишь мнѣ и хочешь устрашить своимъ Богомъ меня—владыку земли и морей, намѣстника Пророка! (Приходитъ въ возбужденіе; губы его дрожать въ порывѣ сладострастной жестокости). Хорошо же! Если я раскаленное желѣзо приложу къ твоимъ сверкающимъ глазамъ, и они не потухнутъ; если я крѣпкой веревкой сожму твою бѣлую шею, и подъ ней не прервется дыханіе; если грудь твою пронжу ядовитыми стрѣлами, а ты будешь жить, — тогда ты поистинѣ мужъ божій, и я поклонюсь тебѣ, я—повелитель міра. Но если ты погибнешь, я трупъ твой прикажу бросить на същеніе псаамъ!..

Смятеніе среди евреевъ. Муфтій Вани поощрительно киваетъ головою.

Султанъ (взглянувъ, губы его искривляются усмѣшкой). А! Ты колеблешься! Колеблешься... что?

Сabbatai (отвѣчаетъ спокойно среди гробовой тишины). Принимаю вызовъ.

Халеви (который, стоя за Сabbataemъ, съ возрастающимъ волненіемъ наблюдалъ послѣднюю сцену, вздрогнулъ и поспѣшно трогаетъ Мессію за рукавъ). Господинъ! о, господинъ! Если ты не выдержишь, мы всѣ погибли...

Натанъ (вполголоса). Всемогущій Богъ! Всемогущій!..

Хакимъ-паша (взволнованно султану). Не играй, владыка, съ силами Предвѣчнаго, ибо Его миценіе... Это святой человѣкъ!

Саббатай (услышалъ; дѣлаетъ рукою знакъ; улыбка расцвѣла на его губахъ). О чёмъ ты тревожишься, старикъ? Поистинѣ, если бы захотѣлъ я, Богъ послалъ бы семь сонмовъ ангельскихъ на защиту избранника своего. И палъ бы трупомъ палачъ раньше, чѣмъ поднялъ бы на меня руку. Но я добровольно за народъ свой подставлю грудь! (Повернувшись къ сунтанской стражѣ). Не бойтесь, султановы стражи! Скорѣе! скорѣе! Принесите раскаленное желѣзо. Принесите веревки и стрѣлы: помѣряйтесь силой съ Богомъ Израиля.

Муфтій Ванинъ. Безумный человѣкъ, покорись, пока не поздно. Нади ницъ передъ трономъ и поклонись Пророку...

Саббатай. Скорѣй! скорѣй! Слишкомъ долго ждалъ я этого часа побѣды! Султанъ, почему же ты еще медлишь?

Султанъ (говоритъ медленно, не спуская съ него глазъ). Принесите три стрѣлы.

Сара (съ невольнымъ сдавленнымъ крикомъ обнимаетъ ноги мужа). Ахъ, господинъ, мой господинъ!..

Саббатай незамѣтнымъ движеніемъ кладетъ лѣвую руку на ея голову. Гассанъ-ага подаетъ султану на иодушкѣ три стрѣлы.

Султанъ (беретъ ихъ, поднимаетъ кверху). Вотъ три змѣи, которыхъ разыщутъ твоё сердце, чтобы убѣдиться, людское ли и смертно ли оно? А чтобы имъ не ошибиться, я жала ихъ напитаю ядомъ, и, право же, отличнымъ, вѣрнымъ ядомъ, который мнѣ изъ Индіи былъ присланъ вмѣстѣ съ данью... (Открываетъ перстень на пальцѣ, медленно и старательно пропитываетъ ядомъ острія, глядя исподлобья на Саббатая). Не дрожишь? Если только для славы ищешь смерти, то говорю тебѣ, что никакая слава не стоитъ того. Это ядъ чудесный, онъ не убиваетъ сразу, но огнемъ разливается по жиламъ, пожираетъ, сжигаетъ, скрючиваетъ члены чудовищной мукой... И въ то же время такъ сжимаетъ глотку, что даже крика не издашь, и эти безумцы, что пришли сюда съ тобой, только по корчамъ твоего лица и по твоимъ глазамъ, застилающимся мутью и кровью, узнаютъ, въ какихъ мученіяхъ ты погибаешь...

Саббатай. Не трать напрасныхъ словъ. Я жду.

Султанъ. Хорошо же. Пусть здѣсь станутъ три вѣрныхъ стрѣлка...

Волненіе среди евреевъ.

Неэмія (поднялъ руки и глаза къ небу). Неисповѣдимы штуки твои, Господь, испытывающій помазанника Своего предъ очами народа!

Испанскій еврей (стараясь громкимъ голосомъ заглушить страхъ). Онъ святой, ничего съ нимъ не будетъ... Навѣрное не будетъ ничего!

Султанъ (услышалъ и усмѣхнулся). Это мы сейчасъ увидимъ. (Смотритъ на острія, высохъ ли уже ядъ).

Хакимъ-паша (пониженнымъ и дрожащимъ голосомъ). Повелитель, а если онъ выйдетъ невредимымъ... развѣ не боишься?

Султанъ. Хочу только правды. Я не жестокъ и не кровожаденъ. Вы знаете меня. Правды хочу! Видеть Аллахъ! (Отдаетъ стрѣлы Гассану-агѣ, который распредѣляетъ ихъ между тремя стоящими передъ трономъ египетскими стрѣлками).

Одинъ изъ стрѣлковъ, принявъ стрѣлу, незамѣтно склоняется передъ Саббатаемъ и говоритъ быстро сдавленнымъ голосомъ: „Святой человѣкъ, прости насть... мы должны...“

Саббатай. Не бойтесь, друзья мои. Вы, вѣдь, вмѣстѣ съ султаномъ—только орудіе Бога, который хочетъ показать всѣмъ торжество избранника своего.

Султанъ. Раздѣть его.

Невольники выступаютъ впередъ.

Саббатай (удерживаетъ ихъ движеніемъ руки). Прочь! Никто не коснется меня. Но не хочу, чтобы эти стрѣлы, ударивъ въ грудь мою, словно въ алмазную твердь, разорвали священные царскія одежды Израиля. Я самъ сброшу этотъ плащъ и сниму соломонову корону, дабы слути мгновеніе еще съ большимъ торжествомъ и уже на вѣки возложить ее на себя. (Сбрасываетъ плащъ на руки Самуила, а корону отдаетъ Натапу, который беретъ ее въ руки, покрывъ ихъ предварительно сложенной вдвое шалью).

Султанъ смотритъ на стройную фигуру Саббатая, облаченную теперь въ простую черную шелковую одежду съ золотымъ ободкомъ, и на кудри, свободно разсыпавшіеся вокругъ его головы. Плачъ среди евреевъ.

Саббатай (поворнувъ къ плачущимъ голову). Маловѣрные!

Почему же вы плачете, словно и вы дерзаете сомневаться, что во мнѣ божественная монѣ, которая, какъ щитъ, встанетъ предъ отравленной стрѣлою.

Султанъ. А самъ ты такъ увѣренъ?

Саббатай (обернувшись съ поднятой головой). Кому изъ вѣдомъ мой грѣхъ? Если явится сюда хоть одинъ человѣкъ, другъ или врагъ, и скажетъ, что я чѣмъ-либо осквернилъ свою жизнь—я упаду во прахъ, и пусть топчутъ меня, пусть пллютъ на меня мои недруги. Но если нѣть на мнѣ пятна человѣческаго, то знаю, что я—посланецъ Божій и не могу погибнуть, пока не избавлю народа своего. И не для тебя говорю я объ этомъ, султанъ, а для дѣтей моихъ, дабы они не сомнѣвались больше.

Ната пѣ. Онъ избранникъ Божій! Онъ Мессія! Онъ царь палъ!

Сара (все время у ногъ мужа—заглядѣвшись въ лицо его, повторяетъ, чтобы заглушить свою тревогу). Онъ святой! Святой и безгрѣшны!

Голоса среди евреевъ. Онъ святой! онъ святой! онъ святой!

Султанъ. И святые также погибаютъ. Спроси у Гассана-аги. Не разъ подъ ятаганомъ его умирали, корчась передъ смертью точно такъ же, какъ и грѣшники. Откажись лучше отъ испытанія. Я дѣйствительно готовъ дать тебѣ мѣсто при дворѣ. Жалкимъ кажется твое призрачное царство предъ тѣми благами, какія можешь получить отъ меня...

Саббатай. Довольно. Кончай скорѣе!

Султанъ. Сдѣлаю тебя своимъ приближеннымъ, подарю тебѣ шелка и замокъ и наложницъ... (Рукою вызываетъ изъ-за трона танцовщицъ).

Саббатай. Что мнѣ твои шелка! что мнѣ твои гуріи!— мнѣ, который не позналъ еще женщины. Смотри, что мнѣ всѣ твои блага! (Быстрымъ движенiemъ руки раскрываетъ сверху до низу свою шелковую одежду и сбрасываетъ ее. Подъ нею жестокая власяница, облекающая его тѣло, опоясанное также желѣзною цѣпью. Кровавые слѣды бичеванья на обнаженныхъ плечахъ).

Волненіе среди евреевъ.

Халеви (отступилъ въ ужасѣ предъ неожиданнымъ зрѣлищемъ; шепчеть изумленно). Во власяницѣ!..

Амстердамскій еврей. Смотрите! Во власяницѣ! Мессія во власяницѣ!

Испанскій еврей. На груди его цѣпь! Знаки бича на его
тыль!

Нэемія. Онъ, который запрещалъ другимъ испытанія!

Каббалисты. Мессія! Во власяницѣ! Слышите!

Натанъ. (падаетъ къ его ногамъ). О, господинъ, а намъ ты
позволялъ все, всѣ радости намъ разрѣшалъ!

Саббатай. Развѣ не довольно того, что я самъ страдалъ за
васъ всѣхъ?

Евреи устремляются къ Мессіи.

Султанъ (изумленный). Непостижимый человѣкъ! Во влася
ницѣ—на такомъ прекрасномъ бѣломъ тѣлѣ!

Саббатай. Ты видѣлъ меня, султанъ, въ царскомъ убранствѣ: это сила, величіе и слава народа моего, ибо въ томъ—единая любовь
моя и единственная цѣль. Моя же острая волосяная рубашка соткана изъ
внужды и слезъ, страданій и униженья моихъ дѣтей: это—мой соб-
ственныи жребій. Не соблазняй меня богатства твои, а стрѣлы твои
не устрашать, ибо я добровольно принялъ на себя боль всего моего
народа. Смотри, вотъ, цѣпь, что заржавѣлыми отъ крови и пота
звенѣями врѣзилась въ мое тѣло подъ царскою одеждой. Та-
ковы и неволя народа моего, которой отнынѣ наступаетъ конецъ.
Разрываю ее и бросаю прочь, дабы очистить мѣсто твоимъ стрѣламъ.
(Сорванную цѣпь со звономъ бросаешь на землю и раздираешь на
груди власяницу). Я готовъ.

Султанъ. Самъ желаешь... Если самъ хочешь, то конечно...
(Даетъ знакъ).

Стрѣлки положили стрѣлы на тетивы, поднимаютъ луки на вы-
соту плеча.

Натанъ. Богъ Израилъ! покажи свою мощь!

Евреи—нѣкоторые закрываютъ глаза, другіе слѣдятъ, наоборотъ,
со спертымъ дыханіемъ.

Халеви (снова дотрагивается до плеча Мессіи, тревожно шепча).
Господинъ, развѣ не лучше было бы...

Шумъ среди солдатъ, слугъ и придворныхъ султанскихъ
возрастаетъ.

Голоса. Цѣлаль добро! Всѣмъ одинаково! Кормиль голодныхъ! одѣвалъ неимущихъ! Утѣшалъ скорбящихъ! Узниковъ выкупалъ! Помогалъ несчастнымъ! Исцѣлялъ больныхъ! Онъ чудотворецъ! Онъ. святой человѣкъ! Воистину святой! Смируйся! Милости! Милосердія!

Султанъ (повернулъ голову). Что такое? Вы осмѣливаетесь... вы исы! Когда я... (Безпокойство зарождается въ его взорѣ).

Муфтій Вани. Пора кончить, владыка, Не позволяй, чтобы этотъ чернокнижникъ своимъ взглядомъ смущалъ и бунтовалъ твоихъ вѣрныхъ слугъ... Стрѣлки ждутъ.

Султанъ (уловилъ взглядъ стрѣлковъ, которые глазами спрашиваютъ повелителя, должны ли они уже стрѣлять. Внезапная тревога овладѣваетъ имъ). Они на меня смотрѣли! Они цѣлится тутъ своими стрѣлами!.. Среди двора своего я не въ безопасности. Эй! Трехъ черныхъ евнуховъ съ саблями поставить возлѣ нихъ, и если кто изъ нихъ вздрогнетъ или отвернется свой лукъ, пусть отрубятъ руку!

Три черныхъ невольника выступаютъ по знаку Кизлара-паша.

Султанъ (взглянулъ на нихъ). Нѣть! Евнухамъ не довѣряю... Пучше янычаръ... Пусть янычары...

Черные невольники отступаютъ назадъ. Гассанъ-ага отдаетъ распоряженіе. Три янычара становятся возлѣ стрѣлковъ съ обнаженными ятаганами. Ожидаютъ.

Хакимъ-паша (уловивъ моментъ, наклоняется къ султану и говорить быстро, но убѣдительно). Не довѣряй, владыка, и янычарамъ. Вспомни обѣ отцѣ твоемъ, султанъ Ибрагимъ, котораго они пшевовыемъ ишнуромъ...

Султанъ (срывается съ мѣста). Одними измѣнниками я окружены! И эти янычары тоже смотрѣли... Гассанъ-ага! на смерть ихъ! всѣхъ шестерыхъ на смерть! Они замыпляютъ противъ меня!..

Муфтій Вани. Повелитель!

Султанъ. Молчи! молчи!

По знаку Гассана-аги янычары окружаютъ трехъ своихъ товарищѣй и стрѣлковъ, изъ которыхъ одинъ, упавши передъ трономъ, молить:

Смируйся! Мы невинны...

Султанъ. Уберите ихъ скорѣй! У меня жалостливое сердце, я не могу смотрѣть на людей, осужденныхъ на смерть... Даите мнѣ сюда стрѣлы и лукъ... Кизларъ-паша... да! Я самъ, я самъ... Никому нельзя вѣрить. (Взялъ лукъ и стрѣлы изъ рукъ испуганного Кизларъ-паши; кладетъ ихъ передъ собою).

Янычары уводятъ осужденныхъ.

Хакимъ-паша (шепчетъ взволнованно). Великъ Богъ, да святится имя Его...

Саббатай. Переполнилась мѣра злодѣйства. Кровь этихъ невинныхъ падетъ на тебя!

Султанъ. Молчи! Ты уже трупъ! (Кладетъ стрѣлу на тетиву: слабой рукой пробуетъ натянуть лукъ... Взглядитъ на небо). О, какъ здѣсь темно! Едва вижу посинѣвшее отъ яда острѣ... Развѣ солнце уже зашло? Всѣ меня оставляютъ... и солнце тоже...

Кизларъ-паша. Грозныя тучи, владыка, собираются надъ городомъ.

Султанъ (опустилъ стрѣлу: отираетъ рукою лобъ). Какъ здѣсь жарко и душно... Что я хотѣлъ сказать? Я—султанъ, калифъ и падишахъ, а нѣть у меня вѣрныхъ слугъ, и я долженъ самъ... (Снова натягиваетъ тетиву).

Далекій глухой раскатъ. Среди евреевъ волненіе.

Натаанъ (вздымааетъ руки). Глядите! Сонмы ангельскіе среди тучъ! Богъ шлетъ ихъ на защиту своего избранника!

Испанскій еврей (вполголоса). Богъ опрокинетъ громъ на голову сultана!

Какой-то голосъ вдругъ восклицаетъ въ глубинѣ: „Аллилуія! Аллилуія!“

Прервался... Минута молчанья.

Саббатай (въ нетерпѣніи). Скорѣй же! Выпускай стрѣлу.

Султанъ (съ внезапной рѣшимостью). Пусть же сбудется! (Поднялъ лукъ, натянулъ тетиву. Яркая молнія прорѣзываетъ небо).

Сара (срывается въ то же мгновеніе; съ открытымъ лицомъ и залитая свѣтомъ, стоять, заслоняя руками мужа, и кричить). Нѣть! Нѣть! (Исчезла въ темнотѣ, наступившей вдругъ вслѣдъ за молніей).

Султанъ (опустилъ руку, пораженный). Что это такое? Ангель какой-то прикрылъ его отъ меня...

Муфтій Ванни. Владыка, это женщина...

Дальнѣйшія его слова заглушаетъ раскатъ грома—длительный, близкій и мощній.

Самуилъ (впервые послѣ своего прихода возносить кверху руки и взываетъ громкимъ голосомъ). Великъ Іегова!

Отвѣтный возгласъ. Великъ Іегова!

Кизларъ-паша (замѣтилъ людей, бѣгущихъ по аллѣѣ сада). Какіе-то гонцы!

Хакимъ-паша (вскрикиваетъ невольно). Наконецъ-то!

Голоса. Что это? что это?

Первый гонецъ (бросается ницъ передъ султаномъ). Повелитель! Арнауты возстали и перерѣзали твою стражу!

Другой гонецъ. Венеціанская галера плывутъ на Критъ!

Третій. Владыка, взбунтовавшіяся арабы, не желая признавать твоего калифата, посягаютъ на Медину и на Мекку!

Четвертый—Дикими Полями завладѣли казаки...

Пятый—Въ Египтѣ пожаръ...

Натанъ. Вотъ исполнилось слово Господне!

Молнія и громъ. Переполохъ среди придворныхъ султана.

Евреи (взываютъ). Іегова, Іегова!

Кизларъ-паша. Великъ Аллахъ!

Султанъ (словно теряя сознаніе). Что это? Что это значитъ?

Первый гонецъ. Рушится твое царство!

Султанъ (срывается въ страшномъ испугѣ). Неправда! На смерть гонца! Я живъ! На коня! на коня! Снарядить корабли! Гдѣ Кеприли? На коня! Уничтожить! Вырѣзать! Разбить въ пухъ и прахъ!

Натанъ. Напрасно ты мечешься. Богъ Израиля противъ тебя! Богъ нашего Мессіи!

Султанъ (заколебался). Вашего Мессіи...

Молнія, громъ.

Евреи кричатъ. Іегова! Іегова!

Хакимъ-паша (указываетъ на Саббатая). Владыка, онъ можетъ тебя спасти!

Султанъ (смотритъ на Мессію). Ты... спасти? А?..

Муфтій Ванни. Не вѣрь, не вѣрь ему, владыка!

Султанъ (поднялъ руку на старого священнослужителя). Вы все измѣнники! Прочь! (Къ Саббатаю). Завтра на разсвѣтѣ испытаю тебя... Если Аллахъ воистину сдѣлалъ тебя пророкомъ...

Саббатай (открываетъ грудь). Не жди... Сего дня, сей часъ выпускай стрѣлу!

Молнія, громъ; начинаеть сыпать стремителъный градъ. Сильное
волненіе среди султанскаго двора.

Голоса. Бѣжать! Гроза! Бѣжать!

Муфтій Вапні. Аллахъ мстить за себя!

Евреи (восклицають). Хвала Іегозѣ! Хвала Іеговѣ! Слава Мессіи!
Слава громовержцу!

Сара (обнимаетъ мужа). Мужъ мой! Господиъ! Ты великий!
ты всемогущій!

Саббатаи (стоитъ одиноко и грустно—съ обнаженной головой,
въ волосами, развѣвающимися по вѣтру, съ раскрытой на груди
власяницей. Опустилъ руки и говорить про себя съ печалью). Еще
одинъ день...

А К Т Т. III.

Башенная комната в замке Дамирь-Ташь, та же, что вначалѣ. Ночь. Направо, вблизи окна, зажженный свѣтильникъ. На голомъ каменномъ полу—склоненная фигура мессии Саббата я съ подогнутыми и скрещенными по восточному обычью ногами. Одѣть онъ только во власяницу; ноги его босы; волосы непокрыты. Повернувшись лицомъ къ востоку, къ окну, онъ припалъ чelомъ къ каменнымъ плитамъ. Лунные лучи, проникніе черезъ круглый, свинцомъ опрѣвленный окна, падаютъ прямо на него... Спустя немногого съ лѣвой стороны отворяется входная дверь. Восла Сара въ царскихъ одѣждахъ, какъ вернулась изъ сultанскихъ садовъ, только безъ шита гемчугомъ головного убора и безъ покрыва на лицѣ. Идетъ подлѣ нея, разговаривая полу-шпонотомъ, Самуилъ, а за ними сарафънаша Халеви. Сзади тѣснятся, несмѣло переступая порогъ, пророкъ Натанъ, старый Нeэмія, испанскій еврей и амстердамскій еврей.

Сара (входя, говоритъ со смущеніемъ). Вотъ, посмотрите. Хакимъ-папа уже былъ здѣсь, но онъ не захотѣлъ съ нимъ говорить. Могится безпрерывно съ тѣхъ поръ, какъ вернулся сюда. Не принималъ даже обычной пищи послѣ захода солнца...

Самуилъ (шепчетъ съ удивленіемъ, качая головой). Не знаю... не понимаю... Никогда не могъ допустить... Госпожа ничего не говорила мнѣ обѣ этомъ.

Сара. Господинъ мой запретилъ говорить народу обѣ его испытаніяхъ.

Самуилъ. Народу -- да, по мнѣ!.. (Поворачивается къ евреямъ, тотчасимся позади). Чего вамъ здѣсь надо? Никто васъ не звалъ.

Нeэмія. Насъ послали сюда, чтобы мы своими глазами убѣждались во всемъ, что здѣсь совершается...

Евреи киваютъ въ знакъ согласія головами.

Самуилъ. Тогда ждите завтрашняго дня. Сегодня вы здѣсь не нужны.

Сара (съ невольной тревогой). А завтра... вы увѣрены, что ничего дурногого случиться не можетъ?

Самуилъ (угрюмо). Отъ этого зависитъ вся наша судьба.

Натаиль (придвинулся ближе). Кто же сомнѣвается? Развѣ не явился сегодня Іегова съ градомъ и громомъ, чтобы его защитить?

Испанскій еврей. Да, великий Богъ!

Халеви (роняетъ невольно). Но завтра можетъ быть хорошая погода...

Самуилъ (посмотрѣлъ на него сурово). Что-жъ изъ этого?

Халеви (быстро). Я понимаю. Я вѣрю въ моица начиго Бога, но... подумайте: развѣ не лучше, не безопаснѣе было бы, если бы Мессія — да будетъ благословленіо имя его! — принялъ предложенное ему мѣсто при султанѣ... Все бы уже было кончено, и онъ могъ бы тогда для насъ...

Самуилъ (твѣрдо). Нѣть, игра должна быть доиграна. Завтра мы можемъ овладѣть міромъ!

Натаиль (горячо). Завтра день славы для Израиля! Завтра семнадцатый день мѣсяца Элуль, о которомъ сказано: „узрять избавленіе сыны неволи“.

Испанскій еврей (взглядываетъ въ окно). Охъ, еще такъ далеко до свѣта!

Амстердамскій еврей. Ночь только начинается.

Саббатай (увѣченный молитвою, роняетъ громко). О, Богъ! Мой Богъ!

Испанскій еврей (показываетъ головой). Молится все время...

Неэмія (шопотомъ). Тише. Вѣрно, просить Предвѣчнаго о дарованіи силы...

Натаиль (тоже шопотомъ). Мессія ни о чёмъ не просить, потому что Богъ далъ ему все. Должно быть, благодарить Отца своего...

Неэмія (съ оттѣнкомъ огорченія въ голосѣ). Только... молится съ непокрытой головой...

Амстердамскій еврей (улыбается). Какъ пріятно подумать, что завтра мы уже будемъ свободны и ни о чёмъ уже не надо беспокоиться!

Испанскій еврей. Почти невозможно поверить, что все это правда. Столько лѣть ожидать народъ царства Божія, что теперь,

когда оно наступаетъ, изумленіе и страхъ даже овладѣваютъ: никто не думалъ, что это будетъ такъ просто!

Амстердамскій еврей. Это правда. У насъ въ Амстердамѣ говорили, что сонмы ангеловъ сойдутъ съ небесъ и потрясутъ землю. Если для Мессии, господина нашего, это безразлично, то надо было бы ему выбрать уже болѣе подходящій способъ освобожденія своего народа. Вѣдь Богъ бы ему не отказалъ и въ иѣсколькихъ сонмахъ небесныхъ, разъ уже Онъ послалъ бурю по его желанію. Было бы гораздо пріятнѣе, если бы падъ на нихъ огонь съ сѣрой, показались бы драконы, или, вообще, случилось бы что-нибудь такое, чего еще никогда не было... Было бы больше величія.

Неэмія (медленно киваетъ головой, широко раскрывая слезящіяся красноватыя вѣки. Говорить тихо). А я боюсь именно того, что слишкомъ много тутъ пышности, слишкомъ много шума.

Натаанъ. Какъ это такъ?

Неэмія. Написано въ третьей книжѣ Царства, что когда Илія ожидалъ на горѣ Хоревѣ въ пещерѣ пришествія Бога, поднялась буря, ломавшая скалы и деревья, но пророкъ не выпалъ, ибо въ бурѣ не было Бога. Потомъ затряслась вся земля, но и въ дрожаніи земли не было Бога. И упалъ огонь, по Илію и тогда не двинулся съ мѣста, зная, что не въ огнѣ грядетъ Богъ... Но повѣялъ тихій вѣтеръ, и тогда пророкъ, закрывши лицо полой своего илаща и выйдя наружу, сталъ у входа пещеры, ибо въ дыханіи тихаго вѣтра былъ Богъ.

Натаанъ (послѣ минутнаго молчанія). Богъ приходитъ, какъ угодно Его волѣ.

Неэмія. Знаю, знаю. Только бы Онъ пожелалъ придти, ибо Онъ одинъ великий и только въ Его рукѣ побѣда.

Саббатай повернулся, посмотрѣлъ.

Испанскій еврей. Мессія сюда смотритъ!

Амстердамскій еврей (употомъ). Онъ увидѣлъ насъ!

Стоять, затаивъ дыханіе, въ ожиданіи.

Самуилъ (который въ глубинѣ тихо разговаривалъ съ Сарой и Халеви, быстро подбѣгаешь къ Мессію). Ты хотѣлъ чего-нибудь, господинъ? Мы здѣсь.

Саббатай, молча, дѣлаетъ знакъ рукою и снова возвращается къ прежней неподвижности.

Самуилъ (къ евреямъ). Уходите, уходите! Вы разговариваете, а царь нашъ и господинъ хочетъ покоя. Идите отсюда, скорѣй! (Выпроваживаешьъ ихъ и закрываешьъ за ними дверь; потомъ возвращается на середину комнаты, гдѣ стоятъ Сара и Халеви).

Халеви (указывая головой на Мессию). Я хотѣлъ бы все-таки поговорить...

Сара (взглянула). Это будетъ трудно. (Идетъ къ мужу).

Самуилъ (говоритъ, понизивъ голосъ, какъ и всѣ). Лучше не мѣшать... Теперь уже, вѣдь, все равно... (Быстро оборачивается къ Халеви). Что сказалъ Хакимъ-паша?

Халеви Говоритъ, что все хорошо, но...

Самуилъ. Что?

Халеви (мѣшкая). Тѣ, которые изображали пословъ...

Самуилъ. Тише... чтобы не услышать... Что же?

Халеви. Требуютъ добавочной платы... грозятъ выдать...

Самуилъ. Заплатить, или, по крайней мѣрѣ, обѣщать... Развѣ не было ни одного среди нихъ настоящаго?

Халеви. Былъ. Отъ ариятуловъ изъ Ускюба. Подоспѣлъ случайно. Его-то и приказалъ султанъ казнить.

Самуилъ. Отлично. А тѣмъ будуть вѣрить... И раньше, чѣмъ откроется, все будетъ уже сдѣлано...

Сара (подошла къ нимъ, указываетъ на мужа). Сказалъ, что не можетъ теперь говорить съ вами и ни съ кѣмъ...

Самуилъ. Пойдемъ тогда и мы. Пусть отдохнетъ, дѣйственно. Благоволи, госпожа, уговорить Мессию, чтобы онъ прилегъ и отдохнулъ. Пусть оставитъ уже молитву; на завтра нужны ему силы. (Выходитъ вмѣстѣ съ Халеви).

Сара (подошла къ мужу, наклонилась надъ нимъ). Господинъ мой!

Сabbатай поднялъ голову, смотрить на нее.

Сара. Отдохни. Нѣсколько часовъ сна подкроѣніть тебя. Сяду у ложа твоего и буду охранять твой сонъ...

Сabbатай. Нѣтъ, нѣтъ. Весь народъ проводитъ эту ночь безъ сна, ожидая завтрашняго дня избавленія. Я не могу спать сегодня... (Вдругъ оборачивается, какъ бы вспомнивъ). Эти люди уже ушли?

Сара. Да. Ушли.

Сabbатай. Это хорошо. Они мѣшали мнѣ сосредоточиться. Иди и ты усни.

Сара. А ты, господинъ мой?

Саббатай. Я сказалъ. Буду молиться до утра. Оставь меня одного.

Сара (смотритъ на него съ тревогой). Никогда еще не казался ты такимъ изможденнымъ, какъ сегодня... Только глаза твои пылаютъ. Ты не ъѣлъ ничего со вчерашняго вечера. Губы твои запеклись... вѣрно, ты и не пилъ также?

Саббатай. Я не чувствую жажды.

Сара. Принесу тебѣ кувшинъ... позволь мнѣ.

Саббатай. Нѣть, нѣть. Оставь меня. Я долженъ молиться.

Сара. Ты не хочешь, чтобы я бодрствовала вмѣстѣ съ тобою?

Саббатай (твердо). Нѣть!

Сара закрываетъ руками глаза; повидимому, она плачетъ.

Саббатай (посмотрѣлъ на нее; ему стало жаль ея: положилъ руку на ея голову). Я долженъ быть одинъ. Понимаешь? Наединѣ съ Богомъ.

Сара. О, твой Богъ! Твой Богъ отнимаетъ тебя у меня...

Саббатай (съ силой). Напиь Богъ, Сара, великий Богъ Израиля, который...

Сара. Я ужъ ничего не знаю... Для меня ты сталъ богомъ, ты одинъ! А я такъ страшно боюсь за тебя... Ахъ!

Саббатай (нахмурился). Это нехорошо. Ты должна вѣрить, какъ я... Если бы ты явилась вчера увѣренной и спокойной и не отдалила бы исполненія чуда, въ ненужномъ страхѣ вставъ между мною и султанскими стрѣлами, царство Израиля утвердилось бы уже на землѣ.

Сара. Стрѣлы были отравлены!

Саббатай. Что же изъ того?

Сара. Развѣ ты знаешь навѣриое... Слушай, Сабба, мы здѣсь одни, и никто насъ не слышитъ, даже Богъ, который тамъ гдѣ-то, высоко... Скажи мнѣ, развѣ ты такъ непоколебимо увѣренъ, что вышелъ бы... невредимъ?

Саббатай (спокойно). А ты развѣ сомнѣвалась въ этомъ хотя бы мгновеніе? Развѣ твой порывъ въ султанскомъ саду не былъ просто невольнымъ тревожнымъ движеніемъ, не былъ только несчастнымъ случаемъ?

Сара (въ раздумыи). Несчастнымъ случаемъ... А Самуилъ, наоборотъ, говоритъ, что это было хорошо...

Саббатай (съ усмѣшкой). Кто же такой Самуилъ? Человѣкъ,

который о дѣлахъ надземныхъ судить по земному, ибо иначе не умѣеть. Я вижу всѣ его старанія и пріемы, искусно сплетенную сѣть, въ которую, ему кажется, можно царство Божіе уловить... Тягость судьбы я одинъ несу, я одинъ... Никогда еще я не чувствовалъ своей мъщи такъ ясно, такъ очевидно, никогда еще не былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ... Все должно было уже завершиться. Напрасно ты помѣшала, напрасно по роковому стечению обстоятельствъ прибѣжали эти гонцы... Теперь еще эта долгая, страшная ночь предо мною—до самой зари, до самой зари! (Закрыла лицо руками).

Сара (взволнованно). Господинъ мой, и все же ты словно не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ!.. Ты обманываешь себя...

Сabbатай (открылъ глаза; рѣшительно). Нѣть! Знаю, что за вѣра — моя побѣда, какъ была бы она и сегодня. Нѣть грѣха на мнѣ и, значитъ, должно быть исполнено Богомъ то, чего пожелаю. Но, видишь ли, сила моя, какъ патянутый лукъ, заряженный нетерпѣливой стрѣлой... Слабѣеть рука, слишкомъ долго сжимающая тетиву... (Прервалъ на мгновеніе; отстраняется рукою жену). Иди, иди уже... Я долженъ остаться одинъ. Быть можетъ. Богъ передъ моей побѣдою умышленно сберегъ еще эту ночь, дабы я могъ провести ее съ Нимъ въ бесѣдѣ... Быть можетъ, есть еще такія дѣла между мною и Небомъ, которыхъ надоѣно выяснить, разрѣшить... (Задумался).

Сара (не спуская съ него глазъ, спустя мгновеніе). Сабба!..

Сabbатай (какъ бы пробудившись). Что?

Сара (съ невольнымъ порывомъ радостной надежды въ голосѣ). Нѣть! Ты не увѣренъ. Признайся, ты не совсѣмъ увѣренъ? И въ тебѣ таится боязнь? Я вижу!

Сabbатай (взглянувъ на нее пытливо). Ты рада была бы этому?

Сара. Да, да. Потому что я не хочу, чтобы ты подвергалъ себя опасности. Я дѣлаю то, что ты приказываешь, повторяю то, чему ты научилъ меня... по довольно этого! Я не вѣрю въ это! не вѣрю!

Сabbатай (грознымъ голосомъ). Женщина! подумай! Вѣдь дѣло идеть не обо мнѣ и не о тебѣ.

Сара (испуганно замолкаетъ. Спустя минуту опускается къ его колѣнамъ). Прости меня! Я сама не знаю уже, что говорю... Мнѣ такъ страшно...

Сabbатай. Тогда не произноси ничего. Путей, которыми я иду, никто не можетъ уразумѣть: надо, чтобы я шелъ одинъ.

Сара. Сабба!

Сabbатай. Не мѣшай мнѣ болѣше. (Взглянувъ въ окно). Луна взошла высоко. Черезъ нѣсколько часовъ разсвѣтѣть. Время бѣжитъ.

Сара. О, Сабба!

Сabbатай. Уиди же и сии. (Взяль ее за руку и проводиль къ дверямъ, которая закрываетъ за нею).

Сара вышла съ опущенной головой, съ лицомъ, закрытымъ руками.

Сabbатай (приблизился къ окну, говорить медленно и тихо). Да, я долженъ идти одинъ... Противъ врага, противъ себя и толпы, для которой непостижимъ мой подвигъ. можетъ быть даже противъ... (Вздрогнулъ, поднялъ голову). Богъ! Богъ! зачѣмъ ты разиши мое сердце, зачѣмъ страхомъ пониши мою душу въ эту постыдную ночь? Ты знаешь: я не врага боюсь, ибо онъ бессиленъ предо мною, но Тебя... Ты страшный, непонятный, молчаний Богъ Израиля, быть можетъ только тучей отдалиенный въ это мгновеніе отъ меня, близкій и недостижимый. (Вытянулъ руку). Я одинъ и громко буду говорить съ Тобой. Богъ народовъ! Буду взывать къ Тебѣ изъ самой глубины сердца моего, которое вѣдомо Тебѣ. Ты знаешь, вѣдь, что не сразу и не скоро рѣшился я поднять то бремя посланничества Твоего, которое почти сломило нынѣ мои плечи.

Развѣ Ты не хотѣла этого? Скажи. Взываю къ Тебѣ, какъ столько разъ уже взывалъ въ одиночествѣ и въ тишинѣ ночей, но Ты не отвѣчаешь. Страшнѣе миѣ молчаніе Твое, нежели громы! Въ теченіе столькихъ лѣтъ Ты видѣла меня простертымъ ницъ передъ Собою и слышала мой голосъ, но Ты не желала мнѣ отвѣтить!

Ты, который говорилъ, вѣдь, прежде съ пророками своими и подавалъ знаки избранникамъ своимъ...

Что же долженъ быть я дѣлать?..

Я звалъ Тебя изъ пустыни своей, звалъ почюю съ береговъ шумящаго моря и съ древнихъ царскихъ гробницъ, гдѣ бродятъ одни только шакалы, и съ горныхъ кряжей надъ пропастями.

Но Ты молчала.

Я говорилъ Тебѣ о горѣ народа, который Ты самъ, вѣдь, назвалъ народомъ Своимъ; о тѣлахъ, избиваемыхъ колъями, о крови, свертывающейся на кострахъ въ живыхъ еще людяхъ; о цѣлыхъ семьяхъ, бросаемыхъ въ ямы или въ рѣчную глубину. О мечѣ врага говорилъ я Тебѣ и о ножѣ разбойника, обѣ униженіяхъ, обидахъ, и позорѣ: но Ты молчала.

И снова говорилъ я Тебѣ о кровавой тоскѣ, о слезахъ, что выѣдаются всегда отверстыя очи, о завѣтной надеждѣ, хранимой изъ поколѣнія въ поколѣніе, но такъ долго не сбывающейся, что уже невыносимой становится мука:

и Ты все еще молчалъ.

Что же я долженъ быть дѣлать? Скажи.

Опускается на колѣни; склоняется до земли.

Каюсь предъ Тобою...

Прости, что я самъ избралъ себя избавителемъ, ибо не могъ дождаться знака Твоего... Прости, что самъ я принялъ на себя высшую власть и силу...

Господь, Господь, я каюсь предъ Тобой...

Не могъ ужъ больше ждать народъ, который — словно въ насмѣшку — былъ названъ пародомъ, избраннымъ Тобою... Слишкомъ много было страданій, слишкомъ много слезъ и крови, слишкомъ много грѣха...

Господь, каюсь предъ Тобою...

Униженія и скверны исполнился народъ Твой въ неволѣ, и вотъ царскую показать я ему порфиру и всю роскошь Сиона и повѣдалъ ему, что онъ — солнце земли и надъ солнцами — солнце, дабы высоко кверху поднялъ онъ опущенную голову свою.

Каюсь...

Приимаю па себя боль всѣхъ страданій и вину всѣхъ грѣховъ и предстану за нихъ предъ Тобою. Еще немного и предамъ себя въ руки Твои, дабы покаралъ Ты меня по разумѣнію Твоему...

Но еще одинъ день, одинъ только день!

Я не о моци прошу Тебя, ибо столько взялъ ея на себя, что уже разрывается она грудь мнѣ смертельною раной. Не о сверженіи враговъ, ибо самъ повергну ихъ въ борьбѣ, но о томъ, чтобы не всталъ Ты нынѣ противъ дѣла моего, покуда оно не свершится.

Минута молчанія.

Ты страшный и мстительный, Богъ Израиля!

Съ кровавой бурей поднялся Ты вчера надо мной, и знаю, что не противъ враговъ были Твои громы, но противъ меня. Ливнемъ и градомъ, молненоснымъ огнемъ и ревомъ громовымъ вырвалъ Ты у меня побѣду и отдалилъ часъ избавленія.

Зачѣмъ же творишь такъ, о, Господь Адонай?

Быть можетъ, царское мое смутило Тебя убранство!

Но Ты, вѣдь, смотришь сквозь порфиру мою и видишь для глазъ людскихъ незримыя раны на тѣлѣ моемъ — отъ власяницы острой, отъ бича и отъ цѣпи...

Ты знаешь печаль моихъ несиящихъ глазъ, муки почей моихъ, когда я не касался избранницы и подруги моей, хотя она была возлъ меня... Знаешь дрожь тѣла моего въ зимней ледяной водѣ, и голодъ мой и жажду, сжигающую меня, какъ пламя...

Но для Тебя еще не довольно?

Я знаю, Ты Богъ—страшный и мстительный.

Ты убилъ Моисея на горѣ высокой за то, что осмѣялся силой своей возрасти до Тебя. Ты преломилъ бедро Іакова за то, что въ борьбѣ съ Тобою онъ побѣдилъ...

И я жребій свой принимаю... но завтра, завтра, только не сегодня!

Отстрани грозную руку Твою отъ меня, подари мнѣ еще одинъ день!

Принаадаетъ челомъ къ землѣ.

О, Адонаій, Адонаій! Сабаотъ!

Позволь же мнѣ сначала спасти мой народъ.

О, Богъ, о которомъ написано, что можетъ облекаться, какъ плащемъ, и указываетъ путь молниамъ, рукѣ Твоей послушнымъ!

О, Богъ, имя которому Элогимъ, ибо съединены въ Тебѣ всѣ боги, какіе были, будуть и есть, и все же Ты Богъ Еділый.

О, Богъ, имя котораго — тайное, святое, страшное и могуществоенное — далъ я народу, дабы, подобно щиту и мечу, несть онъ его предъ собою!.. Но самъ я смыкаю уста и, въ одиночествѣ взыавая къ Тебѣ, никогда его не произношу въ знакъ того, что ты — мой Господь.

Сдержи, какъ обѣщано въ имени Твоемъ, что отнынѣ не хозяиномъ строгимъ, не судьей, но отцомъ Ты будешь народу Своему. Прими его изъ рукъ моихъ, какъ хозяинъ принимаетъ овцу, которую приносить ему смѣлый пастухъ, вырвавъ ее изъ волчьей пасти. И если я, не дождавшись срока, неправедно поступить, то знаю, что обильно искуплю грѣхъ карой своею...

Но завтра, завтра — молю тебя — не сегодня!

Долгое молчаніе. Затѣмъ тихо, словно жалуясь, продолжаетъ:

Боже!

Вотъ уже исчерпана мѣра моя и истощено тѣло: господинъ для людей — черезъ мощь духа, похищенную у Тебя — предъ Тобою я прахъ: пощади! Не борись со мною нынѣ, дабы не утратилъ я и малаго остатка силъ.

Оставаясь все время коленоисклоненнымъ, вытягивается кверху всѣмъ тѣломъ и руками. Кричитъ:

Я не хочу! Я и помыслить не хочу о томъ, что могъ бы и я быть счастливъ. Не хочу помнить, что молодость свою провелъ среди борьбы и испытаний, а въ грядущемъ ждеть меня одно возмездіе отъ руки Твоей. Не хочу знать, что есть въ мірѣ отрада и любовь, и покой, и сладкие часы въ кругу родной семьи!

Я самъ избралъ свой жребій и понесу его до конца. Прочь! Прочь! И этимъ оружіемъ не сломить меня!

Богъ! Будь милосердъ! Развѣ столь виноватъ я предъ Тобою?

Быстрымъ движеніемъ раздираетъ на себѣ власяницу. Остается нагъ до поясницы. обвязанный кускомъ темной шерстяной матеріи, спадающей ниже колѣнь.

Ты страшный и мстительный Богъ!

Вотъ съ пезажившихъ ранъ срываю острую власяницу, чтобы видѣть крови моей умилостивилъ Тебя.

А если не довольно этого, вотъ твердымъ ремнемъ, раскрою новые рубцы, вотъ снова разобью чело свое о камни.

Беретъ связку узлами завязанныхъ ремней и бьется головой о каменный полъ.

О, Богъ! Смотри на мою кровь!

Свистяющимъ ремнемъ ударилъ себя по обнаженнымъ плечамъ.

Поистинѣ, никогда еще болѣе чистая кровь не струилась въ жилахъ человѣческихъ, чѣмъ та, которую приношу Тебѣ, вырывая ее ремнемъ изъ своего тѣла.

Снова ударяетъ себя.

За грѣхи народа моего, если были еще и не искупленные имъ, я заплатилъ мукой всей жизни: нынѣ чистою кровью моей плачу Тебѣ за свою непорочность.

Бичуетъ себя.

Одинъ день! Одинъ день! На одинъ только день!

Бичуетъ себя все упоеніе.

Пусть больше, больше будетъ расплата моя... Но зато подари мнѣ еще пѣсколько часовъ, раньше, чѣмъ рука Твоя опустится на меня.

Не мнѣ, пе мнѣ славу, но избавлениѣ народу моему!
Не мнѣ, не мнѣ счастье, но жизнь моему народу!

Бичуетъ себя непрерывно свистящими ремнями.

Для меня же эта боль. Для меня же эти терніи,
что рвутъ насквозь мое тѣло, для меня эта жажда,
что палачицмъ зноемъ обжигаетъ уста, для меня безсонныя
ночи, отъ которыхъ мутятся уже мои мысли...
О, Господь, Господь! Изнываю отъ муки предъ Тобою!

Продолжая покрывать себя кровавыми рубцами.

По зачѣмъ же Ты къ боли прибавляешь наслажденіе?
Зачѣмъ, подобно врагу, ищешь слабости моей?
Я хочу терпѣть! терпѣть! Я монцень. Сумѣю побѣдить.
Я вынесу!
Хочу страдать. Ещѣ!.. О, еще!..

Тяжко дышитъ, бичуя себя до самозабвенія... Не можетъ уже говорить, и только изъ-за полу-раскрытыхъ губъ блестятъ его бѣлые зубы...

Въ дверяхъ,—въ глубинѣ,—привлеченная свистомъ бича и гулкими ударами головы о каменный полъ — появляется Сара. Волосы ея распущены. Она въ легкой бѣлой почной одеждѣ. Широкіе рукава оставляютъ обнаженными руки. На ногахъ только маленькая серебряная туфли. Въ рукѣ—надъ головой—держитъ пылающій свѣтильникъ: другой рукой прикрываетъ отъ свѣта глаза. Увидѣвъ мужа, покрытаго кровавыми рубцами, издаетъ пронзительный крикъ. Свѣтильникъ выпалъ изъ ея рукъ, и она, однимъ движениемъ очутившись подлѣ мужа, вырываетъ ремни изъ его рукъ и отбрасываетъ далеко, въ уголъ...

Саббатай (посмотрѣлъ на нее безсознательно, покорно). Что это? Что это?

Сара (обнимаетъ его, повторяя). Ты мой! мой! Я не хочу!

Саббатай (все такъ же безсознательно). О, Боже... Ты... ангела мнѣ послалъ!

Сара. Это я, Сабба, это я!

Саббатай (смотреть на нее, не узнавая). Кто ты? (Внезапная дрожь овладѣваетъ имъ, настолько сильная, что Сара не удерживаетъ его въ рукахъ).

Сара. Ты изнемогъ. О, Боже! Уста твои запеклись... Весь въ крови...

Саббатай. Такъ надо... Богъ отмщаетъ...

Сара (увидѣла на ящикѣ въ углу кувшинъ. Схватываетъ его и наклоняется къ мужу). Выпей!

Саббатай (пьетъ безсознательно. Вдругъ отодвигаетъ кувшинъ... Потираетъ рукою лобъ, смотритъ на Сару широко раскрытыми глазами. Говорить слабымъ голосомъ). Что же это случилось? (Снова задрожать, такъ, что зубы его застучали).

Сара (сѣла на полу возлѣ него и положила его голову къ себѣ на колѣни). Тише, тише! отдохни! О, какъ ты весь израненъ... (Наклонилась, словно устами стираетъ кровь съ его груди. Ея распущеные волосы волною спадаютъ на измученную голову Мессіи. Саббатай закрылъ глаза; не въ силахъ приподняться, тяжело только дышитъ).

Сара (обнимаетъ его, горячо прижимая къ себѣ), Вотъ такъ! такъ! Теперь ты со мной... Не отдамъ тебя... Уже не позволю...

Саббатай (шепчетъ, какъ сквозь сонъ). Ахъ, хорошо... сладостно... Или Ты, Боже, смилиостивился надо мною... (Вдругъ опомнился, приподнялся на рукѣ, посмотрѣлъ Сарѣ въ глаза).

Сара (обезпокоенная). Сабба!

Саббатай (срывается). Прочь! прочь! (Оттолкнувшись жену, такъ что она упала). Я долженъ... до свѣта... пока разсвѣтеть... (Озирается: разыскалъ брошенный бичъ, поднялъ его).

Сара (подскочила къ нему, схватила бичъ, стараясь вырвать его изъ рукъ). Нельзя! не надо!

Саббатай. Пусти! Это мнѣ надо!

Сара (вырываетъ ремни). Неправда! Ты мой! Довольно этого безумія. Можешь себѣ быть святымъ, но... я не позволю, чтобы ты бичевалъ себя! Я не хочу... понимаешь?

Саббатай. Женщина! Царство Сіона...

Сара Что мнѣ всѣ царства! Пора уже кончить это представление! Довольно изстрадалась я, глядя на тебя.. Ты готовъ замучить себя и па вѣрную смерть отдать изъ-за призрачнаго сна, ради смѣшнаго обмана...

Сabbатай. Молчи!

Сара. Не замолчу! Султанъ можетъ покориться тебѣ, но я не султанъ... Я говорю...

Сabbатай. Уйди прочь отъ меня. Отдай бичъ!

Сара. Не отдамъ!

Сabbатай. Дай! Или я задушу тебя своими руками...

Сара (бросаетъ бичъ прямо въ грудь ему). Вотъ! Бери! Бичуй себя! Я буду смотрѣть...

Сabbатай (остановился въ изумленіи). Сара! Сара...

Сара. Ну! Чего же ты ждешь? Начинай. Ты—мужъ божій! мессія! избавитель! Рви тѣло въ клочья, а я буду смѣяться... Что мнѣ до твоего безумія! Вѣдь, я тебѣ даже не жена!

Сabbатай (смотрѣть на нее). О, какъ ты прекрасна!

Сара. Ты увидѣлъ, наконецъ! Я красива, правда? Я запретный садъ? Я лилія Сарона, которая должна увядать подъ ласковымъ сіяніемъ Мессіи? Отчего же ты смотришь на меня? Ты—чистый! ты--непорочный!

Сabbатай (сдавленнымъ голосомъ). Не насмѣхайся... не оскорбляй...

Сара (внезапнымъ движеніемъ бросается къ нему и прижимается лицомъ къ его груди). О, Сабба, если бы ты зналъ мою любовь! Не слушай, что я говорю... Ты прекрасный! ты мой! ты высокій!.. О, какой же ты ясный! Дай, я устами омою твои раны... Ты мой! ты мой!

Сabbатай (задрожалъ) Отойди... Слабо (отталкиваетъ ее).

Сара. Нѣть, нѣть! Ты весь дрожишь... Холодно? Я согрѣю тебя въ своихъ рукахъ, волосами прикрою тебя...

Сabbатай. Сара!

Сара. Ты возлюбленный. О, какъ горитъ твое тѣло!

Сabbатай (шепчетъ полу-сознательно). Ты сладкая, сладкая...

Сара (горячимъ шопотомъ). Да... да...

Сabbатай (взялъ ее за руки, отодвигаетъ немного отъ себя и смотрѣть ей въ лицо). Вѣдь ты — жена, которую мнѣ рокъ, духъ жизни, еще въ день рожденія предназначилъ...

Сара. Это я, это я, это я... Я твоя... Жена Мессіи... Невинная... жаждущая...

Сabbатай. О, Боже... Нѣть, нѣть...

Сара. Тише! Такъ хочеть Богъ.

Сabbатай. Хочеть... Богъ... Жена... ты...

Сара (протягивает къ нему уста). Дай губы... поцѣлуй... Ты...
Ты... свѣтлый мой. О, ты нѣжный, божественный!

Сabbатай. Моя! моя!

Принялъ ее въ объятія и, слабѣя, опускается съ ней вмѣстѣ на твер-
дый каменный полъ.

АКТЪ IV.

К а р т и н а I.

Спальная комната въ замкѣ Дамирь-Таипъ. Стѣны увѣшаны коврами. На серединѣ низкое, широкое восточное ложе, похожее на диванъ. Лежитъ на немъ уснувшій Саббатай Цви; колѣни его прикрыты шалью. Подлѣ ложа на подушкѣ сидитъ Сара, обнимая руками мужа.

Первый свѣтъ забрежилъ черезъ окно.

Саббатай (медленно приподнялъ вѣки. Сонно шепчетъ).
Свѣтъ...

Сара. Нѣть, пѣть! Спи еще. Это только волосы мои золотые такъ блестятъ... волосы, что упали на твои глаза...

Саббатай. Волосы... твои волосы... (Снова закрываетъ глаза).

Сара. Хорошо тебѣ?

Саббатай (шепчетъ). Хорошо... сладко... спокойно...

Сара. Такъ будетъ ужъ всегда. О, ты измученный, ты бѣдный мой мессія!

Саббатай (поднялся па ложѣ). Сонъ... былъ у меня... странный... какая-то тяжесть и боль... А потомъ тихо... Огонь... Странная, странная дрожь... Въ глазахъ у меня темно... Гдѣ ты?

Сара. Я съ тобою.

Саббатай (спова падаетъ на ложе). Ты со мной...

Сара. Посмотри, какъ горячи мои губы. (Цѣлуетъ его). О, ты сладчайший! Какъ бѣло твое тѣло! И эти рубцы, какъ уста кровавые, что хотятъ моихъ поцѣлуевъ... Скажи же: ты любишь меня?

Саббатай. Люблю тебя...

Сара. Хорошо, хорошо. Теперь ужъ всегда будемъ вмѣстѣ. Всѣ

ночи... воть такъ... въ моихъ обѣятіяхъ... Уста твои на моихъ устахъ... Ты чувствуешь, какъ дрожу еще отъ радости... я вся еще горю. Да! ты не уйдешь отъ меня. Скажи, уже не уйдешь?

Сabbатай. Уже не уйд... (Обрываеть на половинѣ слова. Смотрѣтъ на Сару изумленными, широко открытыми глазами).

Сара (встревожившись). Сабба!..

Сabbатай (взглянуль въ окно). Утро... Вѣдь, это?.. (Треть лобъ, собираетъ мысли). Подожди, подожди... Я долженъ... что-то.. (Прерваль себя, снова смотрѣтъ на жену: глаза его раскрываются, словно въ кошмарномъ видѣніи). Слушай! Это былъ сонъ! это былъ только сонъ?..

Сара. Не смотри такъ... Ты мой, ты мой!..

Сabbатай (срывается съ ложа и однимъ движеніемъ становится на ноги. Страшный крикъ ужаса, отчаянія и смятенія). Великій. Богъ!

Сара. Сабба!

Сabbатай. Что ты сдѣлала со мной? (Бросается съ рыданіемъ на землю).

Сара (испугалась; издаѣтъ невольный крикъ изумленія). Что? Что... я съ тобой?..

Сabbатай. О, пусть уйдетъ эта страшная ночь! Пусть кто-нибудь вырвѣтъ изъ меня воспоминаніе объ этомъ безумії! Пусть мнѣ отдать мою чистоту, непорочную душу мою. Пусть уничтожитъ мое тѣло! О! о! (Со стономъ бѣтъся по землѣ).

Сара (обнимаетъ его). Почему ты отчаяваешься? Что же случилось съ тобою? Развѣ тебѣ плохо со мной?

Сabbатай (вырываєтъ). Прочь! Прочь отъ меня! Дай мнѣ одежду. (Схватываетъ лежащее подлѣ черное домашнее свое одѣяніе и быстро надѣваетъ его).

Сара. Что ты хочешь дѣлать?

Сabbатай. Иду къ султану...

Сара. Для чего?

Сabbатай. Народъ ожидаетъ меня. Пусти. Я долженъ...

Сара. Ты обезумѣлъ! Что тебѣ теперь до шарода? Что тебѣ до султана? Сабба, вѣдь я съ тобою. Вѣдь въ твоихъ жилахъ течетъ еще кровь, зажженная моими поцѣлуями, а глаза твои затуманены еще счастьемъ... Развѣ ты оставилъ меня теперь? Оттолкнешь?

Сabbатай. О! (Бѣтъся головой о стѣну).

Сара. Успокойся. Намъ хорошо будетъ. Не жалѣй!

Сabbатай. Богъ! Богъ! зачѣмъ Ты оставилъ меня?

Сара (пытаясь прижаться къ нему). Не отшунту тебя. Я ласко-

въе для тебя, чѣмъ Богъ. Онъ тебѣ муку далъ, а я тебѣ дамъ счастье, радость... Ужъ навсегда...

Саббатай (отстраняетъ ее). Нѣть, нѣть! Я исполню... Я иду туда... О, что я сдѣлалъ!

Сара. Вѣдь ты человѣкъ и имѣешь право, какъ и другіе...

Саббатай. Нѣть! Я не имѣю права. Я могъ нѣкогда выбирать и избрать горную дорогу, но потомъ палъ... Проклятье мнѣ! Проклятье на голову мою во вѣки! Проклятье!

Сара. Сабба, Сабба! Опомнись!

Саббатай. Я былъ мессией! былъ святы и могучы!

Сара. Но теперь ты уже не мессія. Видишь самъ, что уже не мессія. Такъ лучше. Ты человѣкъ и будешь счастливъ... Ты погибъ бы изъ-за призрака... Богъ направилъ меня, чтобы я спасла тебя...

Саббатай (вдругъ). Тише! Слышишь? Уже идуть...

Сара. Что же теперь?

Саббатай. Идуть уже... за мной.

Сара (услышала шаги. Бросается къ дверямъ, замираетъ). Молчи! Скажу, что тебя пѣть... что ты еще спиши...

Саббатай. Меня пѣть... Да. Меня уже нѣть. (Съ внезапнымъ волненіемъ). О, шаги... Они все ближе... черезъ минуту... уже... сей-часъ... позвонить меня...

Сара. Скройся. Я имъ отвѣчу. (Слышенъ стукъ).

Голосъ Натана. Мессія! Мессія!

Сара (у дверей). Кто здѣсь?

Голосъ Неэміи. Это мы. Народъ еврейскій.

Сара. Тише! Спить еще Мессія.

Голосъ Натана. Разбуди его, госпожа.

Голосъ Неэміи. Уже разсвѣло!

Голосъ испанск. еврея. Блестить роса подъ первыми лу-чами.

Голосъ Натана. Встань, цары! Ждеть народъ, твой народъ!

Голосъ амстерд. еврея. Ждемъ освобожденія.

Саббатай (извиваясь отъ муки). О-о!

Сара. Не будите его. Онъ долженъ спать.

Голосъ Натана. А мы не спали...

Голосъ Неэміи. Мы всѣ Богу молились...

Голосъ амстерд. еврея. Мессія! Мессія!

Голосъ испанск. еврея. Встань. Сокруши сultана!

Голосъ Натана. Встань! Насталъ урочный день.

Голосъ Неэміи. Встань и съ помощью Божьей освободи народъ!

Сара (взволнованно). Сейчас... сейчас...

Сabbатай (съ внезапной рѣшимостью отталкиваетъ ее отъ дверей). Отойди! (Положилъ руку на затворъ... Отступаетъ). Нѣть! не умѣю, не могу, не долженъ!

Голоса смѣшанные. Мессія! Мессія!

Сabbатай (борясь съ собою). О, Боже! одна минута, одинъ часъ той моющіи, какая была вчера во мнѣ!

Сара. Ты погибъ бы!

Сabbатай. И такъ погибну.

Голоса (все болѣе настойчивые). Мессія! Мессія!

Сabbатай. Они еще вѣрятъ въ меня...

Сара. Что тебѣ до нихъ! Оставь ихъ!

Голоса (раздающіеся теперь вмѣстѣ со стукомъ). Мессія!

Сabbатай (увѣряя себя). Нѣть, еще не все погибло. Мощь народа моего, которая была во мнѣ... Мощь Израиля! Его страданія, его слезы и кровь... Пойду съ этой силой! Народъ зоветъ меня...

Сара. Не пойдешь! Силы ужъ нѣть. Не лги себѣ самому!

Сabbатай. Пойду. Пусти меня. Съ дороги! (Оттолкнулъ ее).

Однимъ движеніемъ распахнулъ двери... Зашатался. Стоитъ. Видѣть Натана, Неэмію, евреевъ испанскаго и амстердамскаго. Вшли всѣ четверо. За ними, въ первой комнатѣ, толпа.

Натанъ (склоняется къ ногамъ Сabbатая). Поздравляемъ тебя, царь нашъ!

Испанскій еврей. Твой народъ привѣтствуетъ тебя!

Сabbатай (стоитъ блѣдный. Дѣлаетъ знакъ рукою). Тише! Тише! Подождите... (Спустя мгновеніе). Я теперь...

Неэмія. Господинъ, судьбу всего народа отдаемъ въ твои руки!

Сabbатай (зашатался). Нѣть... нѣть...

Сара. Оставьте его. Видите, онъ боленъ.

Безпокойство среди евреевъ.

Амстерд. еврей. Можетъ быть... лекаря? Пошли за Хакимъ-пашей...

Сabbатай (махнулъ рукою). Нѣть. Я сейчасъ...

Испанск. еврей. Господинъ нашъ, ты самъ — здоровье, ты самъ — спасеніе народа...

Возгласы (нетерпѣливо раздаются въ коридорѣ и за окнами). Мессія! Мессія!

Ната нъ. Народъ зоветъ Мессію. Пойдемъ!

Саббатай (охваченный внутренней борьбой). Идите... идите...
одни... Я потомъ...

Неэмія. Что же мы скажемъ народу? Что скажемъ султану,
когда онъ спросить о нашемъ мессіи?

Вдругъ толпа разступается. Въ дверяхъ стоитъ Самуилъ, склонивъ голову и сложивъ на груди руки.

Самуилъ. Посланные султана уже здѣсь, внизу.

Саббатай задрожалъ. Поднялъ руку, словно бы хотѣлъ закрыть
ею глаза. Съ минуту стоитъ въ нерѣшительности.

Слуги по знаку Самуила подходятъ къ Мессіи, набрасываютъ
пурпуровый плащъ на его плечи и возлагаютъ на голову его золотую
корону.

Саббатай (отступаетъ въ ужасѣ). Нѣть! нѣть! нѣть!

Ереи (разражаются радостными криками). Мессія! Мессія! Да
здравствуетъ царь еврейскій! Осанна побѣдителю! Осанна избавителю!

Саббатай наклонилъ голову и позволяетъ себя увести, — уже не
сопротивляясь, — среди ликующихъ возгласовъ народа.

Сара (бросается за нимъ). Сабба! Сабба!

Картина II.

Утро въ султанскихъ садахъ, пасмурное, туманное. На деревьяхъ и
кустахъ стѣды вчерашней бури. На землѣ среди побитыхъ градомъ
цвѣтовъ изломанныя вѣтки, которыхъ не успѣли еще убрать садовники.

Султанъ сидить на тронѣ, какъ наканунѣ. Возлѣ него неизмѣнныя
Муфтій Ванни, завѣдующій дворомъ Кизларъ-паша, Хакимъ-паша и другіе изъ постоянной свиты. Во главѣ янычаръ —
Гассанъ-ага. Передъ владыкой на шелковой подушкѣ лежать три
стрѣлы и лукъ...

Напротивъ — подъ деревомъ — Саббатай. Поднялся съ тропа; царская
багрянница спустилась съ его плечъ; медленнымъ, усталымъ движе-

ніемъ снялъ съ головы соломонову корону; взглядъ его опущенъ книзу; стоитъ печальный, блѣдный.

Сара въ пышномъ плацѣ, наброшенномъ на бѣлую простую одежду, сѣла немного поодаль и слѣдитъ за мужемъ встревоженнымъ взоромъ.

Въ глубинѣ и съ правой стороны тѣснятся сторонники Мессіи. Среди толпы, еще увеличившейся со вчерашняго дня, видны Самуилъ, Натањъ, Неэмія и всѣ, что были въ замкѣ Дамиръ-Ташъ. Только сарафъ-папа Халеви приблизился теперь къ сultанскому двору и шепотомъ разговариваетъ съ лекаремъ.

Султанъ, молча, махнулъ рукой,

Муфтій Ванни (поворачивается къ Мессіи). Отъ имени власты объявляю тебѣ. Ты не хотѣлъ покориться вчера, когда онъ предлагалъ тебѣ милость; сегодня же ты долженъ подвергнуться испытанію. Зюю, что погибнешь, но все же повторяю тебѣ слова, которыя мнѣ повелѣлъ передать власты. Вѣсти, омрачившія вчера его сердце, не оправдались, кромѣ той, что подняли бунтъ арнауты... Для нихъ достаточно одного отряда вѣрныхъ нашихъ войскъ, и ты повелителю ни на что не нуженъ, если бы даже и обладалъ какой-нибудь чародѣйской силой. Однако же, султанъ — да продлить Богъ безконечно его дни! — рѣшилъ слово свое сдержать, и если выйдешь изъ испытанія невредимымъ, обѣщаешь признать тебя новымъ пророкомъ Аллаха и сдѣлать первымъ въ государствѣ... Богъ и Пророкъ нашъ единий простятъ мнѣ эти слова, ибо видятъ, что говорю ихъ тебѣ, который умретъ черезъ минуту, — и знаю, что иначе не будетъ!

Саббатай поднялъ на мгновеніе голову, взглянулъ на говорящаго старика и снова опустилъ глаза.

Амстерд. еврей (обезпокоившись). Отчего онъ не отвѣчаетъ? отчего не отвѣчаетъ?

Исаинск. еврей. Тише! Онъ собираетъ въ себѣ божественную силу. Можетъ быть даже сразу взглядомъ убьетъ султана.

Муфтій Ванни (къ Саббато). Готовъ ли ты подвергнуться испытанію? Говори.

Натањъ (вызывающе, указывая обѣими руками на Мессію). Вѣдь, онъ сказалъ вчера, — для чего вы еще спрашиваете? Если только вы

сами осмѣлитесь—на свое посрамленіе — пускать стрѣлы въ священную грудь мессіи...

Самуилъ (приближается къ молчащему Саббатаю и шепчетъ). Господинъ, рѣшительная минута наступила...

Муфтій Вани. Отвѣчай!

Саббатай поднялъ голову, посмотрѣлъ на Муфтія, на султана...

Каббалистъ. Вотъ! Сейчасъ, сейчасъ откроетъ уста, съ султаномъ случится что-то ужасное...

Голоса среди евреевъ. Слушайте! слушайте!

Саббатай встрѣтился взглядомъ съ глазами Сары; печально опускаетъ голову.

Неэмія. Да смируется Богъ надъ Израилемъ!

Амстердамъ. Еврей. Я хотѣлъ бы, чтобы было, какъ вчера...

Натанъ. Еще минута... подождите!

Султанъ (тревожно къ Хакиму-пашѣ). Отчего онъ молчитъ? Лицо у него еще страшнѣе, чѣмъ вчера... О чѣмъ онъ думаетъ?

Хакимъ - паша. Не знаю, повелитель. Вѣрно. бесѣдуетъ съ Богомъ.

Кизларъ-паша (вполноголоса, испуганно). Только бы не накликаль на насъ бѣды...

Султанъ. Вѣдь, не я хотѣлъ его крови. Самъ добивался...

Халеви (пользуется случаемъ вмѣшаться). Можетъ быть, лучше отказатьсь отъ испытанія...

Султанъ (съ отгѣнкомъ испуга). Я не настаиваю... Еще и теперь, если только онъ покорится и признаетъ мою власть, я готовъ его сдѣлать каймъ-макамомъ, или предоставить ему какой-нибудь дальний санджакъ...

Хакимъ-паша (надменно). Сомнѣваюсь, чтобы онъ согласился на это!

Халеви (торопливо). Онъ согласится, согласится... (Хочетъ идти къ Саббатаю).

Хакимъ-паша придержалъ его за плащъ. Самъ незамѣтно приближается къ Саббатаю.

Султанъ. Скажите ему...

Муфтій Вани. Дерзкій человѣкъ! Владыка и теперь мило-

стивъ. Если страшишься отравленныхъ стрѣль, достаточно тебѣ склониться предъ именемъ Пророка и падѣть тюрбанъ...

Крикъ возмущенія и насмѣшливые возгласы среди евреевъ.

Каббалистъ. Что онъ говорить! что онъ говорить! Онъ съ ума сошелъ!

Натаиль. Какъ смѣешь предлагать Мессіи...

Испанск. еврей (къ Саббатою). Господинъ, ударъ же въ нихъ громомъ!

Амстерд. еврей. Или спусти на нихъ огненныхъ драконовъ!

Самуилъ (вполноголоса). Царь! царь! соберись съ духомъ...

Неэмія. Богъ да поможетъ тебѣ, господинъ! Богъ, которому ты принесъ столько жертвъ...

Саббатай весь задрожалъ, поднялъ голову.

Голоса. Слушайте, слушайте! Будеть говорить...

Мгновеніе выжидательного молчанія.

Султанъ. Отчего ты смотришь такъ на меня? Если хочешь что-нибудь сказать...

Саббатай со стономъ закрываетъ глаза.

Волненіе среди евреевъ.

Голоса. Что это? Что это значитъ?

Султанъ (изумленный). Что съ нимъ случилось?

Ницій еврей (цѣпляясь за ноги Мессіи). Поспѣши, Мессія! Я хотѣлъ бы еще передъ смертью быть сытымъ, хотѣлъ бы еще собственными глазами увидѣть избавленіе народа...

Саббатай (вдругъ, громкимъ голосомъ). Избавленіе! избавленіе народа!.. Народа моего мощь!

Сара (вскрикиваетъ). Сабба!

Саббатай умолкъ, стоитъ блѣдный.

Султанъ, который при словахъ Саббатая испуганно откинулся, озирается теперь на своихъ придворныхъ.

Кизларъ-паша (въ суевѣрномъ страхѣ). Владыка! Онъ хо-

четь обрушить на насть всѣхъ проклятие или поразить насть своимъ взглядомъ.

Самуилъ (къ Саббатаю). Смѣлѣе, господинъ... смѣлѣе! Смотри, султанъ уже дрожитъ.

Сара не спускаетъ глазъ съ мужа.

Саббатай (разражается тихимъ смѣхомъ, похожимъ на рыданіе). Ха-ха-ха...

Голоса (среди евреевъ). Что это?

А мастер д. еврей. Султанъ такъ страшно смотрить на насть... Онъ готовъ сейчасъ выпустить янычаръ...

Голоса (среди евреевъ). Мессія! Мессія! Спаси насть! Будь намъ защитой! Ты могучай!

Другіе. Онъ молчитъ! Почему онъ молчитъ?

Натанъ. Не бойтесь! Нашъ Богъ надъ нами!

Другіе. Не бойтесь! Нашъ Богъ надъ нами! Мессія израильской не можетъ пасть!

Саббатай (повторяетъ). Мессія израильской не можетъ пасть... (Задрожалъ).

Муфтій Вани. Значитъ, согласенъ на испытаніе?

Саббатай (поднялъ голову — блѣдный, какъ трупъ; смотреть на султана мгновеніе, потомъ говоритъ глухо, превозмогая себя). Да.

Сара (срывается съ мѣста). Сабба! Что ты говоришь! Вспомни! Я буду кричать...

Саббатай (твѣрдо, повелительно). Молчи!

Султанъ медленно поднялъ лукъ, стрѣлой патягиваетъ тетиву.

Неэмія (среди общей тишины). Великъ Богъ!

Саббатай недвижимъ; смертельный потъ выступилъ у него на вискахъ.

Сара (кричитъ). Владыка! Не стрѣляй! Онъ уже не...

Самуилъ, схвативъ ее за руку, прервалъ ея крикъ.

Султанъ (положилъ руку на патянутую тетиву). Ты готовъ?

Саббатай (послѣ минутной внутренней борьбы, поднялъ руку). Ногоди... Еще мгновеніе... подожди. Сейчасъ я буду готовъ. Я долженъ... сказать...

Султанъ опустилъ руку; смотрить съ разочарованіемъ.

Хакимъ-паша (наклонился къ уху Мессіі). Не бойся, господинъ.... Это уже другія стрѣлы... Я подмѣнилъ. У этихъ концы пропитаны цѣлительной смолой... И рука у султана слабая, дрожащая... не сильно ударить...

Саббатай (отрицательно махнулъ рукою). Нѣтъ, нѣтъ! Дѣло не въ этомъ...

Сара (ухватясь за него). Пожалѣй!..

Саббатай (отстраняетъ ее). Отойди! Слушай меня ты, султанъ. Слушай, Израиль...

Натанъ. Тише! Мессія говоритъ...

Испанскій еврей. Сейчасъ поразить враговъ!

Саббатай. Всѣ слушайте меня! Черезъ минуту эти стрѣлы пронзять мою грудь, и, хотя бы изъ мягкой мочалы были сдѣланы ихъ концы, они пройдутъ сквозь мое сердце, и отъ нихъ я погибну.

Ужасъ среди евреевъ.

Голоса. Что? Что онъ сказалъ! Мессія погибнетъ...

Саббатай. Мессія не погибнетъ! Знайте, что несекрушима Божья мощь. Знайте, что никогда не упадетъ, тотъ, кого помазалъ Богъ. Что когда, вознесенный рукою Всемогущаго, явится мессія народа израильского,—въ прахъ повергнутся передъ нимъ народы и царства, и склонятся челомъ передъ нимъ гордые властители земли, и не будетъ оружія, которое поразить его могло бы, и не будетъ силы, которая одолѣла бы его. Царство Божье—не сонъ, и не призракъ—царство Израиля... (Прерываетъ, какъ бы теряя силы).

Голоса. Слушайте! слушайте!

Саббатай (поворачивается къ султану). И ты дрожи, султанъ! Ибо въ день, когда станетъ передъ тобою намѣстникъ Божій и потребуетъ отвѣта отъ тебя, не оградятъ тебя отъ суда его и гнѣва ни ядовитыя стрѣлы, ни отряды янычаръ, ни вся твоя власть, охватившая полъ-міра, и падешь—какъ молніей—однимъ его словомъ сраженный! (Загорѣлся прежнимъ огнемъ; поднялъ руку). Среди двора своего падешь и среди войскъ своихъ—въ знакъ того, что могучъ и непобѣдимъ Господь, отдавшій власть свою мессію для избавленія народа израильского, для утвержденія царства Сиона!

Султанъ (пятится назадъ). Чего ты хочешь отъ меня? Вѣдь я тебѣ зла не сдѣлалъ... Я готовъ съ почетомъ встрѣтить мессію...

Голоса (вдругъ нарастающіе среди евреевъ). Слава Мессіі! Слава Мессіі!

Са б б а т а й (закрылъ лицо). Слишкомъ рано! Слишкомъ рано!
Замолчите!

Нѣчто вродѣ короткаго рыданья вырывается изъ его груди. Волненіе среди евреевъ.

Голоса. Что это? Онъ плачетъ! Что это можетъ означать?

Са б б а т а й (опустилъ руки; говорить наружно спокойнымъ, но болѣзненно-чуждымъ голосомъ). Я—не мессія.

Послѣ минутной гробовой тишины среди евреевъ

Крикъ. Что онъ сказалъ? Что говоритъ!

Самуилъ. Господинъ!

Халеви (тревожно нагнулся). Что? что?

Натаанъ стонѣтъ въ оцѣненїи.

Неэмія. Какъ онъ сказалъ?

Сара (поднялась. Повторяетъ). Развѣ вы не слышали? Господинъ мой говоритъ, что онъ—не мессія.

Исианскій еврей (кричитъ). Она съ ума сошла!

Амстерд. еврей. Развѣ возможны такія шутки!

Натаанъ (схвативъ Саббатая за плечо). Запрети, запрети ей, пока не поздно...

Хакимъ-паша. Все поставлено на эту игру...

Самуилъ. Не время отступать... Кости уже брошены...

Саббатай (повторяетъ). Я не мессія.

Халеви (въ отчаяніи всплескиваетъ руками). Ну что? Я не говорилъ?...

Амстерд. еврей. Что-жъ это будетъ?

Ницій (бормочеть). Ну какъ же... какъ?

И каббалистъ. Не вѣрьте! Онъ только притаился... нарочно... Онъ сейчасъ...

Самуилъ. Проклятие! (Грубо схватываетъ Саббатая за руку). Тутъ дѣло идетъ о цѣломъ народѣ!

Саббатай. Именно потому... (Поднялъ голову). Слушай меня, народъ! Да не подумалъ бы ты, когда я погибну, что мессія твой палъ! Да не переставалъ бы вѣрить въ свою силу и въ избавленіе свое!.. (Голосъ прервался, словно сдавлено горло. Умолкъ на мгновеніе). Нѣть, я не Мессія!

Голоса. Онъ обезумѣлъ! Обезумѣлъ! Онъ боленъ!

И каббалистъ. Это отъ страха!
Старый еврей. О, горе! Горе!

Стонь, плачь, испуганность среди евреевъ.

Амстерд. еврей. Мы всъ погибли!

Халеви (къ султану). О, владыка, будь милостивъ ко мнѣ! Я всегда былъ твоимъ вѣрнымъ слугой...

Испанск. еврей. Значить, опять надо отдавать свою кровь.
Значить, опять неволя!

И каббалистъ. Всъ признаки были, очевидно, фальшивые!

И каббалистъ. Неправда! Это дѣло злого духа!

И каббалистъ. Шебирать ха-келимъ! Шебирать ха-келимъ!

Ницій (къ Саббатаю). О, избавитель! избавитель! вѣдь я уже радовался...

Старый еврей (рыдаетъ). Разобью васъ, говорить Богъ, какъ сосудъ изъ глины... Какъ игрушку гнѣва Моего, уничтожу васъ предъ свѣтомъ. О, горе!

Голоса. Несчастье! Что же намъ теперь дѣлать?

Другіе. Мессія! Мессія! Пожалѣй нась! Не оставляй! Мы безъ тебя погибнемъ!

Саббатай (широко раскрываетъ руки). Ничѣмъ я вамъ уже не помогу, о народъ мой, народъ! (Ударяетъ себя въ грудь). Покаралъ меня Богъ Израилля. Показалъ мнѣ, что я—ничто предъ лицомъ Его. Заставилъ узрѣть воочію всю слабость мою человѣческую. Поднялся на меня Богъ молній и громовъ, твой Богъ, о народъ! И повергъ меня въ прахъ. Заплатилъ меня грѣхомъ человѣческимъ, кровавыми огнями ослѣпилъ мои глаза, мои духа своего промѣнялъ я на подлую радость наслажденія!...

Голоса. Что съ пимъ? Что съ нимъ случилось?

Испанск. еврей. Погибъ мессія! Погибъ народъ еврейскій!

Саббатай (собравъ всъ силы). Нѣть, одинъ я погибъ! не народъ! не народъ! Никогда не былъ я мессіей, не слышалъ голоса Божія, не помазалъ меня Богъ. Вотъ весь открываюсь я теперь передъ вами... Я совершилъ все, что могъ совершить человѣкъ... Я поднялся за васъ... и до послѣдней минуты боролся за васъ... Богъ одинъ знаетъ, въ какой кровавой борьбѣ—вѣря, что жертвою жизни непорочной своей я достигну божественной силы... Что я Бога заставлю признать во мнѣ избранника своего для освобожденія народа... Не вынесли силы мои человѣческія... Вашъ мессія можетъ только по-

бѣдить, но я—не мессія! И вотъ теперь пришелъ я сюда, чтобы бремя судьбы вашей снять съ своихъ плечъ... и умереть.

Самуилъ. Что намъ въ твоей смерти, лжецъ!

Халеви (съ протянутыми кулаками). Ты обокралъ насъ! ты воръ!

Голоса (словно буря, налетающая сразу). Обманщикъ! Притворщикъ! Совратитель! Собака!

Натаанъ (кричать). Нѣть, вы не понимаете! Вѣдь написано...

Его заглушаютъ.

Крики. Побить камнями! Богохульникъ! Лжецъ и воръ!

Толпою тѣснятся вокругъ него съ угрожающе поднятыми руками.

Сара (заслоняя его отъ нихъ). Отойдите! Какъ смеете! Кто изъ васъ лучше его? Султанъ, защити...

Султанъ (усмѣхается). Что мнѣ за дѣло до этого?...

Саббатай. Нѣть! не хочу султанской защиты. Мнѣ моя жизнь не дорога...

Голоса (прерываютъ его). Погубилъ насъ! Искалѣчили! На смерть обрѣкъ! Похоронилъ!

Саббатай. Живите! Вѣрьте въ свою месть! Вѣрьте въ безсмертие Израиля!

Самуилъ. Молчи, песь! Какъ смеешь произносить имя народа!

Крики. Мы погибли! Мы гибнемъ!

Саббатай. Только душа моя гибнетъ. Черная смерть обвиняетъ мою голову, и для глазъ моихъ гаснетъ дневной свѣтъ... Богъ справедливъ!

Старый еврей. Богъ справедливъ и грозенъ! О, горе! о горе!

Сара. Мужъ! мужъ мой...

Саббатай. Молчи! Не знаю я тебя. За грѣхъ свой не увижу я спасенія, не услышу радостныхъ гимновъ... Какъ сѣвгъ, растаяла сила моя и, какъ пепель, истлѣла моя жизнь... Каюсь предъ тобою, Богъ, каюсь предъ тобою, народъ, который будетъ счастливъ нѣкогда—но безъ меня. (Короткое рыданіе вырывается изъ его груди. Овладѣль собою; поднялъ голову; говорить со страннымъ какимъ-то спокойствиемъ). Султанъ, я кончилъ все, что хотѣлъ сказать. Не думай и ты, что побѣдилъ еврейскаго мессію. Только человѣкъ ничтожный и слабый, палъ передъ тобою,—не твоей, но Божьей повержнутый десницей! Даже не сынъ Израиля, но грѣшникъ и вѣроотступникъ. Саббатай болѣше нѣть!.. (Сбрасываетъ съ себя шапку и, судорожно схвативъ

тюрбанъ съ головы Кизларъ-пashi, возлагаетъ его па себя). Великъ Аллахъ, и Магометь его пророкъ!

Крикъ ужаса среди евреевъ.

Султанъ (усмѣхается). Ха-ха...

Саббатай. Теперь выпускай свои стрѣлы, теперь убей меня... (Зашатался; упалъ ницъ).

Султанъ (пожалъ плечами. Говорить съ горделивой усмѣшкой). Зачѣмъ мнѣ теперь убивать тебя?... Напротивъ... Ты призналъ Пророка, а я обѣщалъ... Дайте ему соболій плащъ!... И замокъ назначьте ему для жительства...

Саббатай. Убей!

Султанъ. Будешь жить! Только... не хочу смотрѣть я на тебя больше! Ничтожный, какъ и всѣ... (Поворачивается къ придворнымъ). Это грязный, противный еврей. Тѣло его искалечено бичомъ и покрыто ранами и струпьями... Я видѣлъ вчера... Идемъ отсюда. Гассанъ потомъ все приведетъ въ порядокъ. (Уходитъ въ сопровожденіи всего двора. Извѣстивъ сопутствующихъ ему Хакимъ-паша и Халеви).

Толпа, сопровождавшая мессію, также растаяла уже, ибо большая часть разбрѣжалась въ ужасѣ отъ случившагося и въ страхѣ передъ побѣдителемъ-султаномъ. Въ опустѣломъ саду осталась только горсть людей яадъ лежащимъ на землѣ Саббатаемъ, котораго слуги сultанскіе прикрыли зеленымъ соболинымъ плащемъ.

Самуилъ. Ты трусь! Ты подлый трусь! И изъ-за глупости такой... Никто не требовалъ, вѣдь, твоей святости, если она тебѣ на доѣла! Надо было только выдержать до конца. Я бы уже сдѣлалъ все! А теперь, изъ-за тебя, все, что я строилъ... О, ты собака! собака! (Ударяетъ ногой лежащаго на землѣ).

Сара (съ крикомъ). Оставьте его!

Амстерд. еврей. Пусть отдастъ мои деньги! Пусть отдастъ все, что забралъ, этотъ злодѣй! (Шлюетъ на него).

Испанс. еврей (стонетъ, рвать на себѣ волосы). О-о! Что же я скажу въ краю слезъ и неволи? Что я имъ скажу, когда они спросятъ...

Амстерд. еврей. Наскучный вѣроотступникъ! измѣнникъ! предатель!

Крики. Продалъ насть за соболій плащъ! Предатели!

Натанъ (кричитъ). Нѣть! Слушайте: написано у пророка Исаі...

Голоса (заглушают его). Ты и самъ лжецъ! Ты пророчествовать, что онъ мессия!

Натанъ. Да! Онъ мессия! Вѣдь, написано у пророка Исаи: „сопричисленъ будеть къ преступившимъ законъ, и грѣхи многихъ падутъ на него, и будеть онъ среди злодѣевъ“... Погодите! погодите, онъ встанетъ...

Каббалистъ. Это вѣрно! Дѣйствительно, есть у Исаи...

Каббалистъ. Неправда, это относится не къ отступничеству! Онъ погубилъ Израиля...

Крики. Воръ! Воръ! Собака! Лжецъ! Богохульникъ! Висѣльникъ! (Топчутъ его и плюютъ на него, вопреки всѣмъ усилиямъ Сары защитить мужа).

Неэмія (горестно качаетъ головой). Бѣдняга! бѣдняга! Противъ Бога хотѣлъ ты пойти, но... побѣждаетъ только Богъ.

Старый еврей. Побѣждаетъ Богъ!

Неэмія. (Поднимаетъ руку, взволнованно). Слушайте меня, братья! Не глумитесь надъ бѣднымъ человѣкомъ, который паль. Его поразила уже рука Божья. Мы же пойдемъ, глядя только впередъ, пока кровавыми очами не увидимъ избавленія!

Голоса (стонущихъ и плачущихъ). Избавленія! спасенія!

Неэмія. Ибо говорю вамъ, что засіяетъ день, и явится намъ истинный мессия...

Возгласъ. Явится мессия!

Неэмія... и если не наши очи, то очи дѣтей нашихъ и внуковъ узрять его...

Стопъ. О, Боже! Боже!

Крикъ (въ глубинѣ). Янычары!

На средней аллѣ показывается Гассанъ-ага съ отрядомъ янычаръ.

Неэмія (увлеченный, не замѣчаетъ ничего). И побѣждено будеть зло! Ибо высшаго достигло оно предѣла. Значить, надо было и такое испытать паденіе, чтобы воистину увѣровалъ Богъ въ народъ свой...

Гассанъ-ага. Прочь отсюда, собачий сбродъ! Прочь отсюда! прочь!

Янычары разгоняютъ евреевъ; смеясь и забавляясь, преслѣдуютъ убѣгающихъ, ударяя ихъ рукоятками кинжаловъ.

Неэмія (остается впереди, повернувшись лицомъ къ Гассану-

агъ). Не страшень намъ бичъ и не страшень намъ мечъ! Ибо знаемъ мы: мы терпѣли донынѣ и терпѣть будемъ еще... Но придетъ день... но придетъ день...

Вышли всѣ.

Сара (наклонившись надъ мужемъ, шепчетъ). Сабба! Сабба! уже ушли...

Саббатай остается недвижимъ.

Сара (съ внезапнымъ порывомъ). Возлюбленный!

Саббатай поднялъ голову, смотрѣтъ блуждающимъ взоромъ, закрываетъ глаза.

Сара (вглядывается въ его лицо и, все сильнѣе охватываемая безумной, страстной радостью, кричитъ). Ты мой! Возлюбленный... Ты мой мессія! мой святой! мой избавитель! Мой! уже мой! и только мой! (Поднимаетъ его голову и къ устамъ его припадаетъ устами).